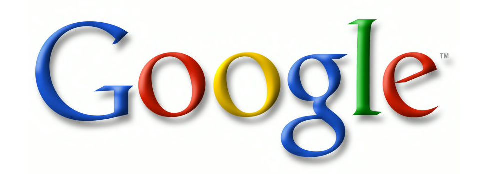

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Slav 4353.6.1

THE SLAVIC COLLECTION

Harvard College Library

BOUGHT WITH

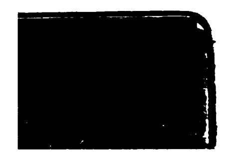
THE GIFT OF

WILLIAM AMORY GARDNER

OF BOSTON

(H. U. 1884)

Received

СОЧИНЕНІЯ

ГРАФА

В. А. СОЛЛОГУБА.

ТОМЪ I.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ ПРИДВОРНАГО КНИГОПРОДАВЦА
А. СМИРДИНА (сына).
1855.

Slav 4353.6.1

MAY 13 1...

Gardner fund.
(5 vols.)

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 17 іюня 1855 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

Въ типографіи Юліуса Штауфа.

ИСТОРІЯ

ДВУХЪ КАЛОШЪ.

(*Посвящено М. Ѳ. Козловой.*)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Pereant qui ante nos nostra dixerunt.
Goethe.

Я такъ много въ жизни своей ходилъ пѣшкомъ, я столько въ жизни своей переносилъ калошъ, что невольно вселилась въ душѣ моей какая-то особенная нѣжность ко всѣмъ калошамъ. Не говоря уже о неоспоримой ихъ пользѣ, какъ не быть тронутымъ ихъ скромностью, какъ не пожалѣть о горькой ихъ участи? Бѣдныя калоши! Люди, которые исключительно имъ обязаны тѣмъ, что они находятся *на приличной ногѣ* въ большомъ свѣтѣ, прячутъ ихъ со стыдомъ и неблагодарностью въ уголкахъ передней; а тамъ онѣ, бѣдныя, лежатъ забрызганныя, затоптанныя, въ обществѣ лакеевъ, безъ всякаго уваженія. И какъ, скажите, не позавидовать имъ блестящей участи своихъ однослуживокъ, счастіемъ избалованныхъ лайковыхъ пер-

чатокъ? Ихъ то-и-дѣло, что *на рукахъ носятъ;* имъ слава и почтеніе; онѣ жмутъ въ мазуркѣ чудную ручку, онѣ обхватываютъ въ вальсѣ стройный станъ, и не онѣ ли отличаютъ въ большомъ свѣтѣ истинное достоинство каждаго человѣка и степень его аристократизма? О перчаткахъ говорятъ въ лучшихъ обществахъ между погодою и театромъ, говорятъ дамы, говорятъ графини, говорятъ княгини, молодыя и старыя, а болѣе молодыя. О бѣдныхъ калошахъ никто не говоритъ, или изрѣдка замолвитъ о нихъ стыдливое словечко бѣдный чиновникъ на ухо товарищу, поднявъ шинель и шагая по грязи...

Ей-Богу, меня всякой разъ досада разбираетъ, когда я подумаю, какъ странно все раздѣлено на свѣтѣ! Сколько людей... сколько калошъ, хотѣлъ я сказать, затоптанныхъ и забытыхъ, тогда-какъ лайковыя перчатки съ своею блестящею наружностью, съ своею ничтожною пользою блаженствуютъ вполнѣ!

Многіе прежде меня писали мелкія біографіи разныхъ вещицъ: булавочекъ, лорнетовъ, шалей и тому подобнаго. Но они или приписывали имъ нѣжныя чувства, весьма неумѣстныя въ булавкахъ и лорнетахъ, или вооружали ихъ испытующимъ окомъ, сердито слѣдящимъ за грѣшными мірскими слабостями. Цѣль моя другая. Я не представлю вамъ разрозненныхъ листковъ журнала какой-нибудь калоши сантиментальной, непонятной какимъ-нибудь жестокосердымъ сапогомъ. Я не стану описывать вамъ похожденія калоши сардонической, наблюдаю-

щей всѣ нравы безъ исключенія, даже нравы тѣхъ гостиныхъ, куда ея не пускаютъ. Будьте спокойны! Это все слишкомъ старо, и было бы въ подражательномъ вкусѣ; а вѣкъ нашъ, въ особенности вѣкъ молодыхъ литераторовъ, самостоятеленъ и новъ. Я разскажу вамъ просто исторію двухъ калошъ *кожаныхъ*.

ПРИГЛАШЕНІЕ НА БАЛЪ.

Іоганъ-Петеръ-Аугустъ-Марія-Мюллеръ «сапожныхъ дѣлъ мастеръ», по вывѣскѣ «пріѣхавшій изъ Парижа», а дѣйствительно изъ окрестностей Риги, проснулся однажды очень рано, протянулъ руки, поправилъ бумажный колпакъ, упавшій ему на носъ, и толкнулъ жену подъ бокъ. «Вставай, Марья Карловна! Дай мнѣ бритвы, да черныя брюки, да бѣлую манишку. Надо отнести надворному совѣтнику Ѳедоренкѣ пару калошъ, которыя обѣщалъ я ему къ пятницѣ (а эта пятница была тому двѣ недѣли). Я побрѣюсь, а ты вели подмастерьѣ Ванькѣ вычистить калоши почище, какъ зеркало. Слышишь ли?» прибавилъ съ гордостью сапожникъ. «Пусть полюбуется, да посмотритъ: работа не русская какая-нибудь, работа чисто-нѣмецкая, безъ ошибки и фальши; не будь я Іоганъ-Петеръ-Аугустъ...»

Онъ не успѣлъ окончить, какъ Марья Карловна уже возвратилась съ ужасомъ на лицѣ, съ калошами въ рукахъ. «Ванька былъ пьянъ вчера» кричала она, «калоши испорчены!»

Бритва упала изъ рукъ Мюллера. «Gott schwer

Noth! калоши надворнаго совѣтника! Solche allerliebste Kaloschen!...» Онъ ихъ выхватилъ изъ рукъ жены. Дѣйствительно дѣлать было нечего. Калоши были испорчены. Правая подрѣзана съ боку и проколота шиломъ, а лѣвая облита чѣмъ-то нехорошимъ.

Мюллеръ былъ въ бѣшенствѣ. «Ванька!» закричалъ онъ громовымъ голосомъ. «Что это такое?..»

Полу-глупая, полу-лукавая фигура Ваньки съ заспанными глазами, въ затрапезномъ халатѣ, показалась въ дверяхъ, почесывая затылокъ.

— Что это такое? продолжалъ грозный сапожникъ, указывая на калоши.

— Не могу знать.

— Какъ не могу знать? Я говорю, что такое?

— А почему же я знаю?

Мюллеръ, внѣ себя отъ гнѣва, ударилъ трижды калошами по щекамъ Ваньки. Ванька завылъ, какъ теленокъ; Мюллеръ успокоился.

«Ну, что же мнѣ дѣлать?» подумалъ онъ, «не бросить же калоши! Надворному совѣтнику Ѳедоренкѣ отнести ихъ невозможно: онъ знатокъ. Даромъ пропадутъ... Хоть бы сбыть кому-нибудь... Да бишь! онамедни приходилъ музыкантъ заказывать калоши. Развѣ ему отнести? Да! да вѣдь эти музыканты.... съ нихъ денежекъ не жди: народъ извѣстный. А!...» заключилъ сапожникъ, хлопнувъ себя по лбу, «въ воскресенье рожденье Марьи Карловны.»

Онъ завернулъ калоши въ бумажный платокъ, бросилъ ихъ подъ мышку, и надѣвъ шляпу на бокъ,

потому-что онъ между всѣми сапожниками слылъ щеголемъ, вышелъ на улицу.

Съ Малой Морской, гдѣ жилъ Мюллеръ, онъ поворотилъ къ Синему Мосту и пошелъ въ Коломну. Въ Коломнѣ остановился онъ у высокаго дома съ нечистыми воротами, передъ которыми дворникъ игралъ на балалайкѣ.

—Здѣсь живетъ г-нъ Шульцъ? спросилъ Мюллеръ. Дворникъ посмотрѣлъ на нѣмца, и отворотившись, отвѣчалъ: «такихъ нѣтъ».

—Г-нъ Шульцъ, музыкантъ.

— Есть какой-то нѣмецъ, музыкантъ что ли, кто ихъ тамъ разберетъ этихъ всѣхъ музыкантовъ! Ступайте въ самый верхъ. Онъ—такъ онъ, а не то ищите въ другомъ мѣстѣ.

Вскарабкавшись по узкой лѣстницѣ, подъ самую крышу дома, Мюллеръ остановился у дверей, на которыхъ была прибита бумажка съ надписью: «Karl Schultz, musicus». Мюллеръ отворилъ двери.

Молодой человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ и впалыми глазами сидѣлъ, оперлись обоими локтями на столикъ простаго дерева, и руками держался за голову. На столикѣ лежало нѣсколько книгъ и писанныя ноты. Въ комнатѣ все было пусто, лишь въ углу нѣсколько соломенныхъ стульевъ изображали кровать. Стѣны, когда-то выбѣленныя, наклонялись подъ скатъ крыши. Впрочемъ, въ комнатѣ было пусто и мрачно: тутъ была нищета, нищета ужасная, во всей своей наготѣ. Неожиданная картина поразила Мюллера. Онъ остановился у дверей и не понималъ, какое имъ овладѣло чув-

ство. Добрый нѣмецъ, пораженный такою бѣдностью, оробѣлъ и съ усиліемъ прошепталъ въ полголоса:

«Калоши ваши готовы...»

Молодой человѣкъ обернулся и печально посмотрѣлъ на сапожника.

— Я вамъ говорилъ, отвѣчалъ онъ:—что я самъ за ними зайду. Теперь у меня нѣтъ денегъ.

— Помилуйте, господинъ Шульцъ. Зачѣмъ вамъ себя безпокоить? Сочтемся послѣ. А теперь погода сырая, калоши нужны...» Бѣдный музыкантъ всталъ съ своего мѣста и взялъ Мюллера за руку.

— Вы добрый человѣкъ! сказалъ онъ.

Мюллеръ смѣшался. Совѣсть его мучила. Онъ хотѣлъ бѣжать отъ искушенья. Однако, какъ быть? въ воскресенье рожденье Марьи Карловны. Будутъ гости.

— Господинъ Шульцъ, прошепталъ онъ опять, повертывая шляпу въ рукахъ:—у меня... до васъ... просьба. Въ воскресенье рожденье жены моей, Марьи Карловны. У насъ будутъ гости. Я желалъ бы доставить имъ пріятное занятіе. Марья Карловна очень любитъ танцовать, а играть у насъ некому. А такъ, безъ танцевъ, время проходитъ скучно. Да вотъ и сапожника Премфеფера жена безъ танцевъ жить не можетъ.

— Въ которомъ часу? спросилъ Шульцъ.

— Да часовъ въ шесть» продолжалъ, кланяясь, Мюллеръ: «часовъ въ шесть. Мы постараемся, чтобы вамъ не было скучно. А объ калошахъ, пожалуйста, не думайте. Это бездѣлица!.. Ну ужь

будетъ сюрпризъ Марьѣ Карловнѣ!» Обрадованный Мюллеръ побѣжалъ въ восторгѣ домой и во всю дорогу напѣвалъ разные вальсы и перигурдины.

А бѣдный музыкантъ упалъ на соломенный свой стулъ, закрылъ лицо руками и горько заплакалъ. «Вотъ до чего я дожилъ!» подумалъ онъ. «Изъ пары калошъ долженъ я цѣлый вечеръ играть на именинахъ у сапожника!...»

ДѢТСТВО.

Карлъ Шульцъ родился въ Германіи. Отецъ его, зажиточный дворянинъ съ нѣмецкою спѣсью, жилъ недалеко отъ Дюссельдорфа въ своемъ имѣніи, гдѣ на старости лѣтъ онъ, отъ нечего дѣлать, сдѣлался хозяиномъ. Жена его давно уже скончалась, а домомъ управляла ключница, сердитая и злая, подъ названіемъ Маргариты. Вообще, какъ нѣтъ ничего глупѣе глупаго француза, такъ нѣтъ ничего злѣе и хуже сердитой нѣмки. Маргарита была женщина лѣтъ сорока, высокая, худая, съ багровыми щеками, гроза цѣлаго дома. Главное очарованье ея для стараго Шульца составляло особое искусство стряпать разныя кушанья съ изюмомъ и черносливомъ, до которыхъ старикъ былъ большой охотникъ. Мало-по-малу прибрала она все хозяйство въ руки, сдѣлалась госпожей въ домѣ и выслала всѣхъ своихъ противниковъ. Но въ особенности не любила Маргарита маленькаго Карла, какъ живое препятствіе, которое всѣхъ труднѣе было отстранить. Карлъ учился въ Дюссельдорфѣ въ городскомъ училищѣ, и

учился, сказать правду, довольно дурно, какъ всѣ дѣти съ пылкимъ воображеніемъ. Признаться, скучно затверживать глаголы, склонять имена существительныя и марать грифельныя доски, когда въ головѣ вертятся волшебные за́мки, рыцари въ золотыхъ латахъ и всѣ чудныя видѣнія ребяческой мечты. Карлъ учился дурно: учители жаловались; Маргарита увѣряла стараго Шульца, что сынъ его негодяй, повѣса, годный только для висѣлицы. Возвращаясь изъ школы своей, Карлъ только и слышалъ, что толки о картофелѣ, да крупную брань. Это ему надоѣдало: онъ былъ одаренъ душой любящей и нѣжной; но въ то же время гордость его доходила до упрямства. Онъ былъ изъ числа тѣхъ характеровъ, надъ которыми всесильно слово любви, а угроза немощна.

Чѣмъ болѣе его бранили, тѣмъ болѣе онъ отвращался отъ наукъ, и слова Маргариты дѣйствительно бы оправдались, еслибъ странный случай не открылъ ему новаго направленія.

Однажды онъ шелъ по дюссельдорфскимъ улицамъ съ заплаканными глазами: отецъ ударилъ его поутру палкой, а Маргарита вытолкала его изъ дома! Бѣдный мальчикъ, съ грамматикой подъ мышкой, остановился передъ церковью и призадумался. Участь его была горька: онъ былъ одинъ въ началѣ жизни, а душа его просила подпоры. Что дѣлать бѣдному мальчику? Кто сжалится надъ нимъ? Невольно вошелъ онъ въ церковь, чтобъ разсѣять свое горе, сѣлъ на лавку и началъ слушать проповѣдь. Проповѣдь кончилась. Органъ величествен-

но зазвучалъ. Мальчикъ поднялъ голову и началъ слушать. Новое чувство обдало его невыразимой теплотой. Мало-по-малу передъ нимъ началъ развертываться новый, необъятный міръ. Голова его терялась. Ему показалось, что въ душѣ его стало широко, что будто умъ его ребяческій мужалъ съ каждымъ звукомъ. Онъ задрожалъ и заплакалъ. Назначеніе его ему было открыто, утѣшеніе найдено, цѣль достигнута: онъ былъ музыкантомъ.

Обѣдня кончилась. Карлъ дожидался на паперти, пока маленькій органистъ въ напудренномъ парикѣ, съ очками и безконечнымъ носомъ, выкарабкался съ верха по крутой лѣстницѣ. Карлъ его остановилъ.

— Вы играли?

— Я.

— Вы славно играли!

Старичокъ засмѣялся. Носъ его показался еще длиннѣе, а очки на носу запрыгали.

— Я хочу учиться музыкѣ! подхватилъ Карлъ.

— Учись.

— Гдѣ вы живете?

— Рядомъ.

— Я пойду съ вами, пойду къ вамъ, буду учиться у васъ. Вы меня сдѣлаете музыкантомъ?

Большой носъ опять засмѣялся. Карлъ пошелъ за нимъ. Органистъ, смѣясь, посадилъ его за маленькія клавикорды — единственное украшеніе безроскошной комнатки — и началъ объяснять ему музыкальные интервалы и все сухое предисловіе поэзіи звуковъ. Мальчикъ едва переводилъ дыханье; слова органиста врѣзывались въ его памяти; онъ

слушалъ съ почтеніемъ, и вдругъ вскочилъ съ своего стула и обнялъ старика съ большимъ носомъ, какъ онъ никогда еще никого не обнималъ. Старикъ былъ тронутъ. Онъ былъ тоже одинокъ: ему тоже было не съ кѣмъ душу отвести. Странное сходство сблизило старика съ ребенкомъ. Оба были отчуждены отъ свѣта — одинъ въ началѣ своей жизни, другой уже при концѣ; въ ихъ положеніи было что-то взаимное и родственное. Старичокъ прижалъ мальчика къ сердцу своему какъ отецъ, долго невидавшій своего сына. Съ тѣхъ поръ они были неразлучны; съ тѣхъ поръ маленькой Карлъ каждый день находилъ средства убѣгать изъ школы, чтобы посѣтить своего учителя, чтобы наслушаться чтобы надышаться его восторженною рѣчью. Старичокъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которые, пристрастясь къ одной мысли, породнившись съ однимъ чувствомъ, ими только дышатъ и живутъ: музыка была его міръ, его собственность — то, что воздухъ для птицы. О ней говорилъ онъ съ почтеніемъ, какъ о таинствѣ, съ любовью, какъ о вѣрномъ другѣ. Но никогда старичокъ такъ не воспламенялся, никогда очки такъ высоко не прыгали на безконечномъ носу его, какъ когда онъ заговаривалъ объ ученомъ своемъ другѣ, о великомъ Бетховенѣ. Они учились вмѣстѣ у Фан-Эндена, жили вмѣстѣ, были вмѣстѣ молоды, а потомъ разстались для того, чтобы бѣдному органисту умереть въ безвѣстности, въ уголкѣ своей церкви, для того, чтобы Бетховену умереть въ горѣ и нищетѣ, увѣнчанному двойнымъ вѣнкомъ несчастія и славы. Это благоговѣніе къ имени ве-

ликаго музыканта, эту чистую страсть къ возвышенной музыкѣ старичокъ вполнѣ передалъ Карлу. Посвященный въ новое таинство, Карлъ выучился читать на невидимыхъ скрижаляхъ, говорить языкомъ доступнымъ не для многихъ, и возвышать душу до сверхъ земныхъ созерцаній. Съ тѣхъ поръ жизнь его приняла новое направленіе, съ тѣхъ поръ школьная жизнь показалась ему еще болѣе несносною и отвратительною.

Бѣдный мальчикъ былъ жертвою избытка силъ своей души. Онъ подумалъ, что одной поэзіи для жизни достаточно; онъ подавилъ умъ чувствомъ, существенность воображеніемъ. Онъ ошибочно понялъ свое значеніе — и погубилъ себя въ будущемъ. Учители его съ новымъ негодованіемъ объявили старику Шульцу, что сынъ его по цѣлымъ днямъ пропадаетъ безъвѣсти, и что тетради его, вмѣсто латинскихъ переводовъ и разсужденій о римской исторіи, всѣ исписаны діэзами и бемолями. Маргарита торжествовала. Старикъ Шульцъ запретилъ Карлу показываться ему на глаза. Съ тѣхъ поръ возвратъ на должную стезю былъ для мальчика невозможенъ. Я говорилъ выше: слово любви могло бы остановить его; переломить его упрямство, угроза только болѣе и болѣе его раздражала: онъ не просилъ прощенія, онъ не обѣщалъ исправиться, — бросилъ книги въ окно и сдѣлался музыкантомъ.

МОЛОДОСТЬ.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ.

Мальчикъ сдѣлался юношей, органистъ сдѣлался дряхлымъ старикомъ. Жизненныя силы его постепенно стали ослабѣвать; кончина его приближалась. Наконецъ, послѣ одного большаго праздника, гдѣ онъ непремѣнно хотѣлъ самъ играть на органѣ и гдѣ игралъ онъ съ глубокимъ вдохновеніемъ, принесли его безъ чувствъ домой, и чрезъ нѣсколько часовъ Карлъ стоялъ уже, задумчивый и блѣдный, надъ его охладѣвшимъ трупомъ. Смерть органиста была вторая торжественная минута въ жизни Карла. Послѣ перваго восторга наступила первая задумчивость. Задумался Карлъ о бренности земной, объ этомъ странномъ составѣ огня и грязи, который называютъ человѣкомъ. Въ первый разъ онъ съ удивленіемъ и ужасомъ замѣтилъ, что въ жизни нѣтъ ничего существеннаго, что жизнь сама по себѣ ничто, что она только тѣнь, тѣнь неосязаемая чего-то невидимаго и непонятнаго. Ему стало холодно и страшно...

О, какъ дорого далъ бы онъ тогда, чтобы поплакать на груди существа любимаго, чтобъ утопить въ слезахъ любви новое, ядовитое чувство, которое начало вкрадываться въ его душу! Онъ былъ снова одинъ, совершенно одинъ. Мысль эта его душила. Онъ понималъ, что въ минуту скорби одно только и есть утѣшеніе—это созвучіе другой души, которая страдаетъ одинакимъ горемъ. Онъ вспомнилъ тогда объ отцѣ своемъ; онъ побѣжалъ къ отцу, чтобъ броситься къ его ногамъ, чтобы просить его пощады и благословенія, чтобъ вымолить его отеческую любовь, чтобы выплакать его отеческую ласку. Въ

домѣ у отца нашелъ онъ торжественную суматоху: по лѣстницѣ бѣгали слуги, въ гостиной играла музыка; старикъ праздновалъ свадьбу свою съ Маргаритой. Онъ выслалъ сыну небольшой мѣшокъ съ деньгами и запрещеніе къ нему показываться.

Что дѣлать Карлу? Съ сердцемъ, глубоко-уязвленнымъ, онъ убѣжалъ отъ родительскаго дома, и убѣжалъ далеко отъ Дюссельдорфа, безъ цѣли и желаній.

Въ жизни бываютъ бѣдствія двоякаго рода: бѣдствія положительныя и бѣдствія отрицательныя. Первыя доступны всѣмъ, понятны всякому: потеря имѣнія, смерть ближняго, сердитая жена, мучительная болѣзнь. Но есть другія бѣдствія, бѣдствія никѣмъ невидимыя и непонятныя, которыя сжимаютъ душу, которыя уязвляютъ сердце, давятъ какъ камень и душатъ какъ домовой. Это бѣдствія отрицательныя, въ которыхъ нельзя отдать отчета, которыя скрываешь отъ всѣхъ. Мы стараемся и сами укрыться отъ нихъ, какъ отъ хищнаго звѣря; мы призываемъ въ помощь все, что́ прежде намъ ярко сіяло, все, что̀ мы горячо и свято любили; мы обращаемся ко всѣмъ вѣрованіямъ нашей души, ко всѣмъ свѣтлымъ нашимъ воспоминаніямъ...

Шульцъ вспомнилъ о Бетховенѣ. Благодаря покойному органисту, Бетховенъ былъ для него вѣнцомъ созданія, высшимъ выраженіемъ всего, что̀ только можетъ быть музыкальнаго и поэтическаго на землѣ. Онъ мысленно окружалъ его лазурнымъ сіяніемъ; онъ вѣровалъ въ его славу, какъ въ

молитву. Онъ хотѣлъ повергнуться въ прахъ предъ чудной его силой и ожидать отъ нея назначенія своему бытію.

Шульцъ отправился въ Вѣну.

Шумъ городской, бытъ столичный, всѣ позолоченныя погремушки имѣли мало для него прелести. Онъ вездѣ спрашивалъ о Бетховенѣ; но его и не знали, или знали только по наслышкѣ, какъ человѣка, имѣющаго порядочный басъ. «Что жь это?» думалъ Шульцъ, «гдѣ храмы, воздвигнутые генію? гдѣ же скрывается самъ геній?..»

Наконецъ, проходя однажды по узкому переулку, увидѣлъ онъ вдали старичка, писавшаго что-то углемъ на стѣнѣ. Кругомъ мальчики указывали на старика пальцомъ, дергали его за кафтанъ и хохотали между собою. Старичокъ не замѣчалъ ничего и продолжалъ писать. Наружность его была самая странная: сѣдые волосы падали въ безпорядкѣ до плечъ; кафтанъ коричневаго цвѣта былъ изношенъ до невѣроятности; красный платокъ, обвитый около его шеи, придавалъ какой-то фантастическій оттѣнокъ глубокимъ его морщинамъ и сѣдымъ волосамъ. Дрожащей рукой набрасывалъ онъ знаки на ветхой стѣнѣ, и вдругъ останавливался и наклонялъ ухо, какъ-будто прислушивался къ чему-то. Шульцъ принялъ его за сумасшедшаго. Наконецъ старичокъ задумчиво улыбнулся и продолжалъ путь свой вдоль по переулку, опустивъ голову и въ сопровожденіи веселой толпы, которая прыгала и кувыркалась вокругъ него.

Карлъ взглянулъ на стѣну и чувство музыкаль-

ное закипѣло въ груди. Въ этихъ безобразныхъ знакахъ увидѣлъ онъ новую оригинальную мелодію, что-то небывалое и геніальное.

— Кто этотъ старичокъ? закричалъ онъ проходящему.

— Музыкантъ Бетховенъ.

«Бетховенъ!».. Шульцъ бросился за старикомъ. Старичокъ былъ уже на концѣ переулка и медленно, медленно скрывался за стѣною. Въ эту минуту Шульцу показалось, что вся слава земная промелькнула предъ нимъ тихо и таинственно, какъ какая-то страшная тѣнь въ рубищѣ. Бетховенъ скрылся — и болѣе Шульцу не привелось его видѣть. Бетховену недолго оставалось жить, и мысль его, теряясь въ необъятномъ, уже стряхнула съ себя все земное. Какіе звуки непостигаемые и невыражаемые должны были раздаваться тогда въ душѣ его! Казалось, онъ былъ лишенъ слуха для того, чтобъ лучше и полнѣе прислушиваться къ внутреннему голосу генія своего, чтобы съ восторгѣ внутренняго пѣснопѣнія окончить жизнь свою, какъ послѣдній возгласъ гимна чуднаго, никѣмъ неслыханнаго...

И тогда одинъ только Шульцъ въ этой роскошной Вѣнѣ, столь славной своей любовью къ искусству, одинъ Шульцъ понялъ, что̀ было великаго въ кончинѣ великаго мужа.

КНЯГИНЯ.

Извините меня, строгая моя читательница, ес-

ли я такъ скоро перебѣгаю отъ одного впечатлѣнія къ другому, переношу васъ такъ быстро отъ одного портрета къ другому портрету. Мысль моя скачетъ на почтовыхъ, а перо тащится на долгихъ; не знаю, право, какъ ихъ согласить. Впрочемъ, вы, добрая читательница, вы привыкли видѣть, какъ все въ жизни перемѣнчиво и сбивчиво. Зачѣмъ же ожидать вамъ отъ повѣсти моей болѣе толка? Не правда ли?...

Въ одномъ домѣ съ Карломъ жила въ бельэтажѣ русская княгиня, пріѣхавшая изъ Петербурга. Княгиня Г (назовемъ ее хоть этой буквой) имѣла большое состояніе и была извѣстна своей любовью къ искусствамъ. О живописи говорила она съ восхищеніемъ, о музыкѣ едва не съ нервными припадками. Въ цѣлой Европѣ слыла она женщиной поэтической. Ей было сорокъ лѣтъ.

Въ сорокъ лѣтъ, что̀ ни говори Бальзакъ, женщина въ непріятномъ положеніи. До сорока лѣтъ ей достаточно ея лица; въ сорокъ лѣтъ ей нужно особое значеніе, особенный характеръ: ей нужно прославиться какой-нибудь индивидуальностью, чтобъ избѣгнуть общей, пошлой участи всѣхъ великочепечныхъ бостонныхъ игрицъ. Въ нынѣшнее время выборъ этой индивидуальности весьма затруднителенъ. Ханжество утомительно; остроуміе опасно; политика не нужна; литература mauvais genre: остается любовь къ изящному. Княгиня ею вооружилась, и по ней составила себѣ особый родъ жизни. Гостиная ея сдѣлалась сборищемъ всѣхъ талантовъ и всѣхъ знаній. Въ ней живописецъ да-

валъ руку герцогу, віолончелистъ дружился съ флейтою, актёръ спорилъ съ поэтомъ. Знатность и достоинство, дипломація и музыка сталкивались каждый вечеръ на художественномъ базарѣ русской путешественницы. Сказать правду, княгиня была нрава положительнаго, сухаго, совершенно въ противоположность роли, которую она играла; у нея все было обдумано и начертано напередъ, и энтузіазмъ ея былъ заготовленъ, и каждый ея поступокъ былъ разсчитанъ заранѣе. Такимъ образомъ она рѣшила, что для аспазійскаго ея салона необходима вывѣска. Вывѣской, какъ извѣстно вамъ, моя читательница, называется хорошенькое личико съ пышными локонами, которое разливаетъ чай и улыбается. Выборъ княгини палъ на Генріетту***. Бѣдная Генріетта вступила въ это несчастное званіе, среднее между дочерью и горничной, которое называютъ demoiselle de compagnie.

У нея не было родныхъ, не было состоянія. Тетка, у которой она жила въ Петербургѣ, съ радостью приняла блестящее предложніе и отпустила племянницу свою въ дальнее путешествіе съ русской княгиней. Бѣдная Генріетта долго плакала: ей жалко было оставить маленькій домикъ, гдѣ были всѣ ея воспоминанія, гдѣ мать ея, добрая нѣмка, благословила ее на смертномъ одрѣ, гдѣ отецъ ея, бѣдный чиновникъ, трудился и долго ждалъ лучшей участи. Она очутилась въ новомъ мірѣ, гдѣ все ей было дико. Въ гостиной, гдѣ посадили ее за серебрянымъ самоваромъ, услышала

она новый языкъ, увидѣла новые лица и наряды, познакомилась съ новыми понятіями и страстями, дотолѣ ей вовсе невѣдомыми. Разсчетъ княгини былъ вѣренъ: молодые люди начали вертѣться около Генріетты и любезничать слегка, какъ любезничаютъ молодые люди большаго свѣта, посвятившіе себя удовольствію. Генріетта слушала ихъ съ досадой: она понимала, что она для нихъ была игрушкой, забавнымъ препровожденіемъ времени, но что ни одно теплое чувство сожалѣнія или преданности къ ней не заронилось въ эти груди, затянутыя модными жилетами. Въ этомъ общемъ равнодушіи, господствующемъ въ большомъ свѣтѣ, музыка была ея единственною отрадою. Княгиня умѣла и тѣмъ воспользоваться. Каждый вечеръ, когда гостиная ея наполнялась гостями, она обращалась къ Генріеттѣ и ласково просила ее сыграть варіяціи Герца или концертъ Калкбреннера. Бѣдная дѣвушка, которая отдала бы все на свѣтѣ, чтобъ скрыться отъ этого шумнаго сборища, садилась за рояль и терпѣливо слушала всѣ выученные комплименты, которые сыпались около нея.

Однажды вечеромъ, когда, окончивъ блистательное capriccio, испещренное всѣми трудностями и скачками новѣйшихъ фортепьянистовъ, сидѣла она, потупивъ голову и опустивъ руки на колѣни, услыхала она подлѣ себя слѣдующій вопросъ:

— Что́ думаете вы объ этой музыкѣ, господинъ Шульцъ?

— Я думаю, что это не музыка, отвѣчалъ онъ хладнокровно.

Генріетта невольно подняла голову: высокій ростъ, блѣдное лицо и неумѣстность отзыва показались ей такъ странными, такъ неприличными, что женское ея любопытство невольно разыгралось.

«Когда актёръ», продолжалъ Шульцъ, «выступаетъ на сцену и краснорѣчивымъ искусствомъ выражаетъ вамъ всѣ человѣческія страсти, неужели не отдадите вы ему преимущества надъ безсмысленнымъ прыгуномъ, который кувыркается передъ толпой? Когда живописецъ, свыше вдохновенный, изобразилъ вамъ святой ликъ Мадонны, неужели вы станете восхищаться каррикатурами? Отчего же вы думаете, что въ музыкѣ нѣтъ подобныхъ степеней, что въ музыкѣ нѣтъ прыгуновъ, нѣтъ жалкихъ каррикатуръ? Повѣрьте мнѣ: всѣ эти концертные фокусы не что иное, какъ каррикатуры».

Генріетта была вся вниманіе. Въ первый разъ слышала она рѣчь смѣлую, слова убѣжденія, а не щегольскаго пустословія.

— Вы любите музыку? сказала она, поворотившись къ Шульцу. Шульцъ смутился. Я говорилъ: Генріетта была собою прекрасна. Большіе голубые глаза отражали чистое небо ея души; волосы свѣтло-бѣлокурые вились пышными кольцами до плечъ. Шульцъ заглядѣлся. Она повторила свой вопросъ.

— Я чувствую музыку отвѣчалъ, запинаясь, Шульцъ:—и учусь ее понимать.

Въ эту минуту княгиня къ нимъ подошла. «Господинъ Шульцъ!» сказала она своимъ ласковымъ

тономъ, «по праву сосѣдства, которымъ вынудила я ваше знакомство, буду я просить васъ сыграть намъ что-нибудь. Пріятель мой, который васъ слышалъ и васъ ко мнѣ притащилъ насильно, только и бредитъ вашею игрою».

Карлъ хотѣлъ извиняться. Генріетта взглянула на него умоляющими глазами. Новое, незнакомое ощущеніе овладѣло Карломъ. Онъ сѣлъ за рояль и не понималъ, чтó съ нимъ дѣлалось. Подлѣ него стояло существо чудное, обвитое бѣлою пелёною, осѣняя свои прозрачныя кудри прозрачнымъ облакомъ голубаго покрывала. Оно парúло надъ нимъ геніемъ благодатнымъ, нашептывающимъ ему небесныя обѣщанія. Вдругъ жизнь показалась ему прекрасною; вдругъ надежда загорѣлась яркой звѣздой въ душѣ его. Онъ ударилъ по костямъ рояля и началъ играть...

Когда на васъ слетаетъ вдохновенье, не выражайте его словами: для живой мысли мало мертваго слова. Одна, быть можетъ, музыка, какъ нѣчто среднее между душой и словомъ, между небомъ и землей, можéтъ выразить въ слабомъ оттѣнкѣ часть невыражаемаго восторга, который хоть разъ въ жизни осѣняетъ свыше каждаго человѣка.

Но все то, что можно было выразить и пересказать, пересказалъ краснорѣчиво Шульцъ въ своей пламенной игрѣ. Весь пышный раутъ княгини вскочилъ съ своего мѣста. Похвалы посыпались градомъ. Генріетта молчала: для нея Шульцъ казался выше человѣка.

Княгиня была въ восхищеніи. «Господинъ

Шульцъ!» говорила она: «вечеръ этотъ не изгладится изъ моей памяти. Я счастлива, что могу первая принести скромный листокъ въ вѣнецъ лавровый, который долженъ вѣнчать вашу голову. Я горжусь вашимъ знакомствомъ. Располагайте мною всегда и вездѣ, какъ вашей искренней пріятельницей.»

Въ гостиной была торжественная суматоха. Пятьдесятъ рукъ протянулись къ рукѣ Шульца; пятьдесятъ приглашеній, пятьдесятъ увѣреній раздавались за нимъ въ слѣдъ. Карлъ благодарилъ холодно и скрылся. Слава земная казалась ему ничтожной съ тѣхъ поръ, какъ предчувствовалъ онъ цѣлое небо. Несмотря на то, на другой день весь городъ только и говорилъ, что о новомъ артистѣ; на третій день говорили о немъ меньше; на четвертый онъ былъ совершенно забытъ.

Такова судьба молвы въ большихъ городахъ.

Еслибъ Шульцъ на другой день обѣгалъ всѣхъ своихъ новыхъ знакомыхъ, и кланялся бы, и выпрашивалъ покровительства, то онъ могъ бы выхлопотать себѣ прочнѣйшую извѣстность; но онъ остался спокоенъ въ своемъ уголкѣ — и былъ забытъ. Да что было ему до этого! Благодаря княгинѣ, онъ сдѣлался учителемъ Генріетты.

* *
*

Молодость! молодость! неумолимая, неуловимая! Ка̀къ быстро несешься ты! ка̀къ скоро ты летишь! Ты летишь окрыленная, а на крыльяхъ твоихъ

радужныхъ сидитъ, согнувшись, насмѣшливый опытъ и немилосердною рукою свѣваетъ съ дороги толпящіяся мечты. Кидай ему, молодость, цвѣты твои на голову—не перехитритъ тебя сердитый старикъ! Ты бросишь ему цвѣты многихъ очарованій: и ландышъ смиренный и лавръ боевой; но розу любви ты крѣпко, крѣпко прижми къ своему сердцу, не отдавай ее лукавымъ сѣдинамъ; сохрани ее для себя, и когда роза изсохнетъ отъ пламени сердца—и тутъ не кидай ее въ укоръ старику, а возьми ее съ собою въ могилу и схорони ее съ собой!

Для Шульца наступили торжественныя минуты. Каждый день онъ спускался изъ своей комнатки въ щегольскіе покои княгини и, благодаря праву всѣхъ учителей вообще, оставался наединѣ съ Генріеттой.

Для Шульца Генріетта была не женщина, а существо высшее, неземное, геній его фантазіи, идеалъ его вдохновенія. Шульцъ полюбилъ какъ юноша, какъ артистъ пылкій и молодой.

И Генріетта предалась Шульцу сердцемъ и жизнію, и для нея Шульцъ не былъ существо обыкновенное, и она тоже смотрѣла на него съ чувствомъ какого-то благоговѣнія. Она полюбила, какъ дитя забытое и брошенное любитъ человѣка, который его призрѣлъ и взлелѣялъ.

Хороша была Генріетта, очаровательна всей красотой женщины, которая любитъ. Она обратила въ любовь всѣ силы своей души; она создала себѣ новый міръ, міръ глубокаго чувства, преддверіе небеснаго рая. Благодаря бѣдственной молодости,

всѣ ощущенія ея были сильны. Любовь для нея не была занятіемъ мазурки, или моднаго бездѣлья: она загорѣлась въ душѣ звѣздой неугасаемой.

Каждый день, говорилъ я, они были вмѣстѣ, и музыку освящали они любовью, и любовь освящали они музыкой.

Шульцъ училъ восторженно и краснорѣчиво. Генріетта слушала съ любовью. Какъ радовался онъ ея вопросамъ! какъ любила она его отвѣты!

Къ несчастью, любовь ихъ была изъ тѣхъ, которымъ не суждено земное счастье. Она касалась облаковъ, а для счастія земнаго нужно оставаться на землѣ. Быть можетъ, еслибъ, не забывшись во взаимномъ созерцаніи другъ друга, они огляделись вокругъ себя, оцѣнили бы и жизнь и свѣтъ,— то они могли бы упрочить себѣ жизнь безмятежную и тихую, покоренную вполнѣ законамъ существенности. Но ни Шульцъ, ни Генріетта того не знали: ему не было еще двадцати, ей едва минуло семнадцать лѣтъ.

Они любили молодо и горячо. Они давно уже поняли, что розно для нихъ нѣтъ счастья; но ни одно слово любви не выронилось между ними. Въ невинности своей Шульцъ не думалъ, чтобы можно было выговаривать ихъ иначе, какъ передъ брачнымъ алтаремъ. Да къ чему слова?...

Три мѣсяца пролетѣли стрѣлой. Все шло своимъ порядкомъ. Княгиня приглашала Шульца на свои вечера, куда онъ рѣдко показывался, и гдѣ болѣе не игралъ. Аспазійскія сборища шли своимъ чередомъ.

Однажды Шульцъ пришелъ, по обыкновенію, въ

часъ урока и остановился съ изумленіемъ у дверей. Генріетта сидѣла у рояля и плакала.

— Что съ вами? закричалъ онъ.

— Мы завтра ѣдемъ въ Италію, отвѣчала Генріетта.

Карлъ опустилъ голову. Онъ былъ подобенъ человѣку, который, упавъ съ высокой башни, не можетъ собрать еще ни чувствъ своихъ, ни мыслей.

—Не забывайте меня, не забывайте меня! Я вамъ многимъ обязана. Я вѣкъ васъ буду помнить.

—Генріетта! сказалъ онъ:—я бѣдный музыкантъ, вы это знаете; отецъ меня прогналъ: хотите ли раздѣлить мою участь? хотите ли быть моей женой?»

Генріетта молча протянула ему руку.

— Нѣтъ, не теперь, отвѣчалъ съ чувствомъ Шульцъ:—не теперь! Дайте мнѣ прославить себя, дайте мнѣ моей славой выпросить отцовское благословеніе и милость, и тогда я предстану предъ вами, и тогда я скажу вамъ: невѣста бѣднаго Шульца! я пришелъ за вашимъ словомъ.

— Я буду ждать васъ въ Италіи, тихо отвѣчала Генріетта, снимая съ руки своей кольцо.—Я ваша невѣста . . . . .

Въ эту минуту вошла княгиня и вручила Шульцу запечатанный пакетъ. «Мы ѣдемъ завтра,» сказала она ласково. «Пріѣзжайте ко мнѣ въ Петербургъ: я всегда рада буду васъ видѣть».

Шульцъ поклонился и въ невыражаемомъ волненіи побѣжалъ въ свою комнату.

Тамъ онъ распечаталъ пакетъ.

Въ пакетѣ лежали деньги и записка слѣдующаго

содержанія: «Считая по талеру за урокъ, за три мѣсяца—90 талеровъ».

БОРЬБА.

Шульцъ былъ снова безъ душевнаго пріюта, но цѣль жизни ему была открыта. Онъ заперся въ своей комнатѣ и началъ сочинять. Извѣстность моднаго концертиста ему была непріятна и противна. Происки, поклоненія, музыкальныя спекуляціи были ему незнакомы. Онъ хотѣлъ вступить на поприще какъ жрецъ искусства, а не какъ бѣдный проситель; онъ хотѣлъ бросить на сужденіе толпы свое твореніе и ждать ея приговора. Онъ началъ писать большую симфонію на цѣлый оркестръ. Шесть мѣсяцевъ пробѣжали. Онъ жилъ уединенно и забытый, съ одною мыслію въ головѣ, съ однимъ воспоминаніемъ въ сердцѣ. Трудъ его былъ конченъ...

Вдругъ получилъ онъ записку отъ одного дюссельдорфскаго пріятеля:

«Отецъ вашъ умираетъ. Передъ смертью онъ хочетъ васъ видѣть и васъ простить. Духовное завѣщаніе уже сдѣлано въ вашу пользу. Поспѣшайте!»

Шульцъ бросилъ все и поспѣшилъ къ отцу. Было поздно, когда онъ пріѣхалъ: отецъ уже умеръ. Духовное завѣщаніе въ пользу сына не было нигдѣ отыскано. Вмѣсто того, Маргарита представила завѣщаніе, въ силу котораго она сдѣлана наслѣдницей всего имущества покойника. Шульцу сказала она, что онъ, какъ виновникъ смерти своего родителя, никакого пособія отъ нея ожидать не долженъ.

Дѣлать было нечего. Шульцъ горько поплакалъ на свѣжей могилѣ и, взявъ опять свой страннический посохъ, отправился снова въ Вѣну. Въ Вѣнѣ два извѣстія поразили его: Бетховенъ умеръ; княгиня воротилась изъ Италіи и уѣхала въ Россію.

Артистъ оставался одинъ. Надежда на будущее становилась ему каждый день туманнѣе и темнѣе. Онъ показалъ свое твореніе вѣнскимъ артистамъ. Артисты его хвалили и совѣтовали Шульцу не оставаться въ Вѣнѣ, ѣхать въ Петербургъ. Нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ петербугскимъ артистамъ были ему вручены. Привлеченный тайной мыслію, Шульцъ послушался коварныхъ совѣтовъ; онъ покинулъ свою Вѣну, гдѣ ярко блеснули для него два чудные метеора: геній въ чертахъ Бетховена, любовь—въ очаровательномъ образѣ Генріетты. Онъ собралъ въ одну сумму все свое скудное состояніе и отправился на холодный сѣверъ, въ сырой Петербургъ — попытать, не блеснутъ ли ему тамъ опять, хоть въ сѣверномъ сіяніи, два метеора имъ боготворимые — геній и любовь. Но пора его прошла. Небосклонъ остался сыроватъ и туманенъ. Генріетты и княгини въ Петербургѣ не было: онѣ, какъ узналъ Шульцъ, уѣхали въ Одессу. Шульцъ вручилъ петербугскимъ артистамъ свои рекомендательныя письма. Первая скрипка приняла его величаво и рѣшительно отказала въ пособіи. Прочія ей послѣдовали. У иного былъ братъ фортепьянистъ, у другаго дядя, третій самъ игралъ на фортепьяно. «Концерты давать трудно» говорили они: «для нихъ много нужно издержекъ, а покрыть ихъ нечѣмъ. Фортепьяно ин-

струментъ такой обыкновенный». Еслибъ Шульцъ игралъ на трубѣ или на 15 барабанахъ, или на какомъ-нибудь неслыханномъ инструментѣ, или еслибъ онъ былъ слѣпымъ или уродомъ, то успѣха ожидать бы можно, а фортепьяно можно найти въ каждой кандитерской. Всего лучше, совѣтовали ему самые благонамѣренные, учить маленькихъ дѣтей или играть для танцевъ. Шульцъ заговорилъ о своихъ сочиненіяхъ. Тогда его почли за сумасшедшаго и перестали о немъ заботиться. Принужденный необходимостью, Карлъ искалъ уроковъ, но, кромѣ одной толстой купеческой дочери и маленькаго сына квартальнаго надзирателя, онъ не могъ найти учениковъ. Эти два урока составляли весь его доходъ, и болѣе трехъ лѣтъ уже жилъ онъ безропотно на своемъ чердакѣ, куда въ извѣстное намъ утро Мюллеръ принесъ ему пару испорченныхъ калошъ и приглашеніе на именины къ Марьѣ Карловнѣ. Вы помните, что этимъ начинается мой разсказъ.

ТОВАРИЩЪ.

Когда сапожникъ ушелъ, Шульцъ долго сидѣлъ еще на своемъ стулѣ передъ столикомъ, подперши голову руками, и думалъ.... о чемъ?... Богъ его знаетъ. Только ему было тяжко и душно.

Дверь вдругъ опять растворилась. Вошелъ молодой, черноволосый человѣкъ, въ старомъ изношенномъ сюртукѣ. Тихонько приблизился онъ къ Шульцу, наклонился надъ его головою и шепнулъ ему на ухо:

«Терпѣнье!»

Шульцъ поднялъ голову.

«А тамъ слава!»

Шульцъ засмѣялся.

«Слава, товарищъ, слава! Видишь отсюда? Толпа, покорная предъ именемъ твоимъ, волнуется передъ тобой, всюду гремитъ молва о твоей славѣ. Слава, слава тебѣ! Женщины кидаютъ тебѣ вѣнки; мужчины съ завистью рукоплещутъ тебѣ; бѣдный артистъ сдѣлается владыкой толпы; генiй возьметъ свое мѣсто; музыка восторжествуетъ!»

«Молодость!» подумалъ Шульцъ.

«А я», продолжалъ молодой человѣкъ «а я смиренно пойду за тобой и буду кидать цвѣты на славный путь твой. Бѣдный студентъ сочетаетъ имя свое съ именемъ великаго музыканта, такъ какъ души ихъ уже сочетали вдохновенiе словъ съ вдохновенiемъ звуковъ. Да̀, товарищъ, генiй твой сдѣлалъ меня поэтомъ! Мысли твои заставили меня думать, чувства твои заставили меня чувствовать — чувствовать горячо. Слава тебѣ, мой другъ, слава и мнѣ, твоему другу въ нищетѣ, который первый тебя понялъ! слава намъ обоимъ!»

— Ты, кажется, пьянъ — сказалъ съ удивленiемъ Шульца.

Студентъ покраснѣлъ и потупилъ голову. Мгновенный огонь его погасъ. Онъ сурово оглядѣлся.

— И такъ неудача? продолжалъ Шульцъ.

—Стыдъ и поношенье, сказалъ бывшiй студентъ дрожащимъ голосомъ:—стыдъ!... Ты видѣлъ, сколько безсонныхъ ночей проводилъ я за своимъ творе-

ніемъ. Вотъ годъ, какъ мы живемъ дверь объ дверь: ты съ своей музыкой, я съ своей поэзій — оба бѣдные, оба съ одной цѣлью. Когда я былъ въ Казанскомъ Университетѣ, мнѣ душно было оковывать свой умъ въ правила сухой науки: назначеніе мое было быть поэтомъ.»

«Молодость!» подумалъ Шульцъ.—Я вѣрю поэзіи, а не поэтамъ.

— Я бросилъ свой университетъ... Обманъ и стыдъ! Глупая существенность начала меня давить!

Шульцъ протянулъ молча руку молодому человѣку и крѣпко пожалъ ее.

—Да что тебѣ разсказывать! Я объяснялъ тебѣ всѣ листки моего романа, я читалъ тебѣ и толковалъ тебѣ мои стихи—и одобреніе твое мнѣ было лестнѣе всѣхъ безсмысленныхъ похвалъ ничтожной толпы, которая апплодируетъ прыжкамъ Турньера громче, чѣмъ твореніямъ великаго Шекспира. И со всѣмъ тѣмъ, знаешь, въ мысли о славѣ есть какая-то чудная отрава, какая-то невыразимая сила! Она похожа на вѣроломную женщину, которую можно любить страстно и вовсе не уважать.

—Ты былъ у книгопродавца? спросилъ Шульцъ.

—Бѣдность моя была не въ тягость, потому-что впереди я видѣлъ надежду. Рукописи мои вчера окончены. Я былъ у книгопродавца.

— И онъ отказалъ?

—Я вошелъ въ славную лавку, уставленную шкапами краснаго дерева. Все это устроено съ большою роскошью. Въ углу за красивымъ бюро стоялъ какой-то господинъ въ очкахъ и писалъ въ тол-

стой книгѣ. Я съ трепетомъ къ нему подошелъ. «У меня есть рукопись, которую я желалъ бы напечатать» сказалъ я вполголоса. — Мы рукописей отъ неизвѣстныхъ сочинителей не принимаемъ — отвѣчалъ мнѣ, не поднимая глазъ съ книги и продолжая писать, господинъ, зарѣзавшій меня своимъ равнодушнымъ отвѣтомъ. «Такъ вы и прочесть не хотите?» Господинъ усмѣхнулся. — Много у насъ есть времени читать! Впрочемъ, мы теперь больше ничего не печатаемъ. — «Да печатаютъ же другихъ?» — Рѣдко; да это дѣло другое. Большею частію печатаютъ на свой счетъ, или, если сочинители уже извѣстны, какъ покойникъ Пушкинъ, напримѣръ, то мы даемъ хорошія деньги. —«А если сочиненіе мое точно хорошо?» — Быть можетъ. Вотъ если, напримѣръ, господинъ А. Б. или господинъ В. Г. поручается, что ваше сочиненіе понравится публикѣ, то современемъ, можетъ быть... Впрочемъ, мы теперь вовсе не печатаемъ.— Съ этими словами онъ повернулся ко мнѣ спиною и ушелъ въ другую комнату.»

— Послушай, братъ, сказалъ Шульцъ: — повѣрь моему совѣту: у тебя есть въ твоихъ степяхъ старушка мать, ты мнѣ о ней часто говорилъ. Поѣзжай къ ней. Вступай въ службу тамъ, гдѣ она живетъ. У васъ это легко. Будь честнымъ человѣкомъ, исполни свой долгъ. Это лучше всякой славы: къ презрительной женщинѣ привязываться стыдно. Не обманывай себя ложнымъ назначеніемъ. Ты поэтъ, потому-что бѣденъ. Былъ бы ты богатъ, ты не былъ бы поэтомъ. Я тебѣ говорилъ ужъ это

прежде: поэзія — какъ любовь, любовь какъ поэзія; чувства спокойныя торжественны, а не болѣзненны: они свѣтъ, а не пламень, согрѣваютъ, а не жгутъ. Повѣрь мнѣ, поѣзжай въ степи. Это добрый совѣтъ.

Шульцъ говорилъ напрасно. Молодой человѣкъ все болѣе и болѣе волновался; черные глаза его сверкали, губы дрожали, волоса разсыпались въ безпорядкѣ.

Въ изступленіи выбѣжалъ онъ изъ комнаты и побѣжалъ на улицу.

Къ ночи онъ не возвращался. Полицейскіе служители, увидѣвъ на улицѣ повидимому пьянаго человѣка, отвели его на съѣзжій дворъ, откуда онъ и былъ выпущенъ только на другое утро...

Въ жизни бываютъ иногда странныя сближенія. Въ одномъ домѣ, на одномъ чердакѣ встрѣтились двѣ родственныя природы, два брата по бѣдности и по душѣ. Оба обманутые однѣми надеждами, оба послѣдовавшіе первому порыву обманчивой молодости, оба удрученные однимъ горемъ. Но Шульцъ былъ старѣе: борьба съ жизнью его болѣе утомила, чѣмъ пылкаго его товарища, и притомъ онъ такъ долго боролся, что силы его уже ослабѣвали. Постоянное горе, какъ безпрерывное счастье, приводитъ къ равнодушію; отчаяніе дѣлается привычкой жизни и налагаетъ какую-то страшную преждевременную смерть на душу. Шульцъ доживалъ до этой эпохи. Сострадалецъ его былъ еще въ цвѣтѣ молодости: ощущенія его были живы, рѣзки; онъ переходилъ поминутно изъ одной крайности въ другую, то плакалъ, то смѣялся, то строилъ воздушные зам-

ки, то предавался совершенному отчаянію. Щульцъ былъ спокоенъ.

БАЛЪ.

Воскресенье наступило. Вѣрный своему слову, спустя три дня послѣ визита Мюллера, Шульцъ отправился въ Малую Морскую, на именины Марьи Карловны. Праздникъ былъ хоть куда. Сапожная лавка превратилась въ танцовальную залу. Въ углу стоялъ принесенный отъ пріятеля-настройщика большой рояль. Изъ спальни вынесли кровать и поставили тамъ два ломберные стола и столъ круглый съ самоваромъ и чашками. Ванька, во фракѣ по колѣно, былъ приставленъ къ блюдичкамъ съ пастилою и конфектами. Когда Шульцъ вошелъ, хозяевъ въ комнатѣ не было. Гостей была пропасть: настройщикъ, владѣтель рояля, съ женою и маленькимъ сыномъ, портной Брейтфусъ съ двумя дочерьми, вдова Шмиденкопфъ съ зятемъ, сапожникъ Премфеферъ и жена его, охотница до танцевъ, три или четыре родственницы, четыре сапожника, трое портныхъ, аптекарь и почетный гость — купецъ, пріѣзжій изъ Риги. Шульцъ остановился у дверей и ждалъ хозяевъ. Черезъ нѣсколько минутъ вошла Марья Карловна съ разгорѣвшимся лицемъ, въ новомъ чепчикѣ съ большими голубыми бантами. За нею пришелъ Мюллеръ съ трубками и сигарками. «Willkommen! willkommen!» закричалъ онъ, увидѣвъ Шульца. Чтò дѣло, то дѣло. Господа и дамы! мнѣ хотѣлось для именинъ Марьи Карловны сдѣлать

маленькій сюрпризъ: я и пригласилъ музыканта, чтобъ намъ играть разные танцы».

— Я ужъ это предвидѣла, сказала, улыбаясь, Марья Карловна. — Да какъ же намъ танцовать? у меня не все еще въ кухнѣ готово.

— Мы вамъ пособимъ! закричали въ одинъ голосъ всѣ дамы. Марья Карловна съ благодарностью приняла ихъ помощь и, въ сопровожденіи двухъ пріятельницъ, возвратилась въ свою кухню. Въ это время самоваръ закипѣлъ, трубки задымились, Ванька началъ носить пуншъ для кавалеровъ и шоколадъ для дамъ. Рижскій купецъ съ почетными ремесленниками сѣлъ играть въ вистъ.

— Кончено! закричала Марья Карловна. — Теперь экоссезъ; я танцую съ мужемъ.

Всѣ кавалеры наскоро допили свой пуншъ и бросились ангажировать дамъ.

Шульцъ молча придвинулъ стулъ къ роялю. Пары образовались.

«Los!» закричалъ Мюллеръ.

Шульцъ вспомнилъ какой-то экоссезъ, игранный имъ въ дѣтствѣ, и терпѣливо принялся его наигрывать. Сапожники начали прыгать и дѣлать ногами разныя бряканья ко всеобщему удовольствію и хохоту. Марья Карловна носилась съ своимъ Мюллеромъ между двойнымъ строемъ танцующихъ. Мадамъ Премфеферъ была внѣ себя отъ восхищенія. Экоссезъ кончился. Кавалеры стали отирать лицо платками, а дамы скрылись въ другую комнату. «Пуншу, Ванька!» кричалъ Мюллеръ: «пуншу и конфектъ для дамъ!» — Надобно замѣтить, что когда

Мюллеръ что дѣлалъ, то онъ любилъ дѣлать уже хорошо, и не жалѣлъ лишней копейки для полнаго угощенія своихъ гостей.

—Ну, теперь англезъ! сказала Марья Карловна, отдохнувъ отъ недавнихъ трудовъ своихъ.

— Англезъ, англезъ! закричали всѣ кавалеры. Пары вновь устроились. Шульцъ сѣлъ опять за рояль, но не игралъ ничего: онъ ни одного англеза не помнилъ, и не зналъ какъ его играть.

— Не можетъ ли кто-нибудь изъ дамъ, спросилъ онъ:—указать мнѣ какъ играть англезъ и какимъ тактомъ. Я такъ давно не танцовалъ, прибавилъ онъ: — что и забылъ, какъ играются танцы.

Дамы взглянули другъ на друга. Госпожа Премфеферъ бросилась къ роялю, и двумя пальцами пробренчала какой-то старинный мотивъ. Шульцъ сыгралъ его за нею; пары стали вновь по мѣстамъ; танецъ начался.

Сыгравъ нѣсколько тактовъ, Шульцъ соскучился однозвучностью стараго мотива, и непримѣтно, мало-по-малу, удалился отъ своей тэмы и началъ импровизировать. Никогда не былъ онъ еще униженъ въ своей артистической душѣ!.. Ему дѣлалось душно. Досада его мучила, давила, и наконецъ вылилась въ его игрѣ. Негодованіе, негодованіе обиженнаго художника загремѣло въ дикихъ, раздирающихъ звукахъ. Вдохновеніе поблекшей молодости вдругъ разгорѣлось опять на щекахъ его; глаза его опять заблистали, сердце забилось; казалось, онъ собралъ опять всѣ силы своей молодости, чтобы по-

бороть свою судьбу, чтобъ прославить и оправдать величіе артиста. Пальцы его бѣгали, какъ-будто повинуясь сверхъестественной силѣ. Онъ игралъ не пальцами, а душой поэта, душой глубокообиженной. Кругомъ его все исчезло: онъ не зналъ гдѣ онъ, кто онъ, съ кѣмъ онъ; онъ весь перешелъ въ чувство; даже мысли его смѣшались, память исчезла, времени для него не было...

Когда онъ поднялъ голову, всѣ Нѣмцы стояли съ благоговѣніемъ около рояля и молчаливо, съ какимъ-то инстинктнымъ сочувствіемъ внимали красноречивой повѣсти непонятыхъ страданій. Въ ихъ вниманіи было что-то почтительное: они всѣ поняли, какъ далекъ былъ отъ нихъ бѣдный музыкантъ, нанятый для ихъ забавы; они боялись оскорбить его похвалой и слушали его не переводя дыханія. Даже Марья Карловна забыла свой ужинъ. У рояля стоялъ Мюллеръ и о чемъ-то горестно думалъ, а настройщикъ сидѣлъ въ уголку, потупивъ голову и закрывъ глаза.

Шульцъ ударилъ пронзительный аккордъ и, увидѣвъ, что танецъ отъ его разсѣянности былъ прерванъ, поклонился и заигралъ опять англезъ г-жи Премфеферъ. Общее восклицаніе его остановило. Настройщикъ вскочилъ съ своего мѣста и схватилъ его за руку; Мюллеръ, въ замѣшательствѣ, началъ передъ нимъ извиняться: «Г-нъ Шульцъ!» говорилъ онъ: «я простой мастеровой, я небогатый человѣкъ, г. Шульцъ... Я честный человѣкъ, г. Шульцъ... Мнѣ стыдно, г. Шульцъ, что я смѣлъ просить васъ

играть у меня... Извините меня, г. Шульцъ... Располагайте мною, г. Шульцъ... Требуйте отъ меня чего хотите, г. Шульцъ...»

— Г-нъ Мюллеръ, я прошу у васъ позволенія удалиться. Я не очень здоровъ, отвѣчалъ Шульцъ.

«Какъ вамъ угодно, г. Шульцъ, какъ вамъ угодно! Мы не смѣемъ васъ удерживать...

Они вышли въ переднюю. Шульцъ отыскалъ свою шинель и калоши. Добрый Мюллеръ, при видѣ калошъ, сгорѣлъ со стыда. Онъ началъ шарить въ своихъ карманахъ, и отыскалъ небольшую черепаховую табакерку съ золотымъ ободочкомъ. Эту табакерку подарила ему Марья Карловна, когда онъ еще былъ женихомъ; онъ почиталъ ее большою драгоцѣнностью и, несмотря на то, хотѣлъ отдать ее музыканту, чтобъ загладить свою вину. «Я небогатый человѣкъ» сказалъ онъ, подавая Шульцу свою табакерку: «но я честный человѣкъ. Если вы не хотите меня обидѣть смертельно, вы не откажетесь принять, въ знакъ памяти удовольствія, которое вы намъ доставили, эту бездѣлицу. Она будетъ для васъ залогомъ уваженія бѣдныхъ ремесленниковъ къ вашему великому таланту.»

Шульцъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ... Наконецъ онъ былъ понятъ. Но гдѣ? и кѣмъ?... Онъ взялъ табакерку Мюллера и крѣпко пожалъ ему руку. «Я принимаю вашъ подарокъ» сказалъ онъ «какъ залогъ того, что искусство находитъ еще отголосокъ въ душахъ неиспорченныхъ. Эта мысль для меня утѣшительна, а я начиналъ и въ ней сомнѣваться. Табакерка ваша мнѣ будетъ напоминать, ко-

гда я захочу презирать всѣхъ людей, что есть люди добрые, какъ вы, г. Мюллеръ. Спасибо вамъ!»

НАСТРОЙЩИКЪ.

Никто на балѣ у сапожника не былъ такъ глубоко тронутъ игрою Шульца, какъ старый настройщикъ, о которомъ мы упоминали выше. Онъ былъ, благодаря долговременному опыту, человѣкъ жизни практической, который, разорившись играя на рояляхъ, принялся ихъ дѣлать и настроивать, и тѣмъ составилъ себѣ небольшое состояніе. Онъ жилъ давно уже въ Петербургѣ и лучше всѣхъ зналъ, какъ добывается на свѣтѣ музыкальная слава; наглядѣвшись на все глазами горькаго опыта, онъ мигомъ разгадалъ Шульца и рѣшился ему помочь.

Чѣмъ-свѣтъ, сидѣлъ настройщикъ на чердакѣ, нашъ знакомомъ, держалъ Шульца за руки и съ жаромъ ему говорилъ: «Удовольствіе, которое вы мнѣ доставили, невыразимо. Оно врѣзалось въ душѣ моей, какъ одна изъ лучшихъ минутъ моей жизни. Я бѣдный настройщикъ, но я также понимаю искусство. Оно одно даетъ только цвѣтъ моей жизни».

Шульцъ глубоко вздохнулъ.

—Знаете, что? продолжалъ настройщикъ: съ вами надо познакомить нашу публику. Дайте концертъ!

Шульцъ покачалъ головою.

—Знаю, знаю... не вы первый, не вы послѣдній. Затрудненія, издержки, зависть, зависть самая постыдная, самая низкая—зависть артистовъ между собой. Сколько истинныхъ талантовъ задушила эта

змѣя! сколько видѣлъ я такихъ случаевъ на своемъ вѣку!... Скажите мнѣ, къ кому обращались вы, желая познакомить публику съ вашимъ талантомъ?

— Я имѣлъ, отвѣчалъ Шульцъ: — нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ здѣшнимъ первымъ музыкантамъ.

Настройщикъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, а потомъ засмѣялся.

—И вы у нихъ просили помощи, извѣстности?

— Да отъ кого же было мнѣ ожидать ее?

—Помилуйте! не то, совсѣмъ не то! Вы поступили какъ неопытный ребенокъ. Вамъ прежде всего надобно было поддѣлаться подъ общее направленіе нашего времени. Вамъ надобно было отпустить волосы до плечъ, да усы, да бороду, чтобъ немного по наружности походить на разсѣяннаго, на восторженнаго или на сумасшедшаго. Вамъ надобно было познакомиться съ какими-нибудь важными барынями и поиграть у нихъ раза по три на вечеринкахъ, даромъ. Вамъ надобно было говорить громко, бранить до-нéльзя всѣхъ здѣшнихъ музыкантовъ, чтобъ внушить имъ къ себѣ почтеніе и страхъ, а наконецъ изъ милости согласиться дать одинъ только концертъ, который вы могли бы впослѣдствіи повторять нѣсколько разъ въ годъ, наваливая вашимъ госпожамъ по сотни билетовъ, которые онѣ, съ своей стороны, стали бы навязывать тѣмъ несчастнымъ, которые въ нихъ нуждаются. Такимъ образомъ вы вошли бы въ моду.

— Я думалъ, подхватилъ Шульцъ: — что для искусства не нужно моды.

— Помилуйте! бросьте ваши предразсудки! Мы живемъ въ вѣкѣ поддѣльномъ. Нынѣ подъ все можно поддѣлаться, даже подъ искусство.

— Какъ это? спросилъ Шульцъ.

—А вотъ какъ: искра, падшая съ неба, мала; не въ каждомъ сердцѣ она загорится, не каждую душу она освятитъ; а механизмъ дается всякому, у кого только рука да воля. Мы доживаемъ до того, что искусство сдѣлается ремесломъ; скоро оно станетъ ниже ремесла. Немногіе умѣютъ ихъ отличать другъ отъ друга».

Оба замолчали.

— Чтó жъ мнѣ дѣлать? спросилъ Шульцъ.

—Послѣдуйте моему совѣту. Я готовъ вамъ помогать, хоть и долженъ вамъ сознаться, что вы свое дѣло уже испортили. Вамъ остается дать музыкальное утро въ залѣ какой-нибудь дамы, у графини Б***, у графини З***, у княгини Г***.

—Княгиня Г*** въ Петербургѣ? вскричалъ Карлъ.

—Да уже съ годъ какъ пріѣхала изъ Одессы. Вы ее знаете?

— Я бывалъ у нея каждый день въ Вѣнѣ. Она страстно любитъ музыку и живопись. Вотъ женщина! продолжалъ съ жаромъ Шульцъ: — вотъ женщина, которая въ преклонныхъ лѣтахъ, въ чаду свѣтской жизни умѣла сохранить чистую любовь къ высокому!

Настройщикъ усмѣхнулся.

— Васъ ни чѣмъ не исправишь» сказалъ онъ:— однако и то хорошо: княгиня васъ знаетъ. Я ея настройщикъ. Пойдемте къ ней. По праву стараго зна-

кокства, попросите у нея большой залы для вашего музыкальнаго утра.

— Вы видѣли воспитанницу княгини? — спросилъ, запинаясь, Шульцъ.

Настройщикъ пристально на него посмотрѣлъ.

— У княгини нѣтъ воспитанницы, сказалъ онъ протяжно:—впрочемъ, у нея вы, можетъ-быть, узнаете то, что́ хотите. Пойдемте».

Они отправились.

ВИЗИТЫ.

Въ богатыхъ сѣняхъ толпилось нѣсколько старухъ, извѣстныхъ въ Петербургѣ подъ названіемъ салопницъ. У каждой было по огромной бумагѣ въ рукахъ и на искаженныхъ устахъ вертѣлась довольно-неприличная брань, сдерживаемая присутствіемъ швейцарской булавы. Настройщикъ порхнулъ мимо ливрейнаго привратника вверхъ по узорчатому ковру лѣстницы: швейцаръ пропустилъ его, какъ собачку, не обращая никакого вниманія на столь ничтожное лицо. Шульца онъ остановилъ.

—Отъ кого вы? Есть ли у васъ письмо? Княгиня безъ рекомендаціи нищихъ не принимаетъ!

Глаза Шульца засверкали.

— Я хочу видѣть княгиню какъ старый знакомый, а не какъ нищій. Доложите ей, что пріѣхалъ Карлъ Шульцъ, фортепьянистъ изъ Вѣны.

Швейцаръ взглянулъ на него съ недовѣрчивостью и потащился по лѣстницѣ. Черезъ полчаса Шульца просили войдти.

Княгиня сидѣла въ голубой, штофной комнатѣ, передъ каминомъ. Направо отъ нея стоялъ столъ, заваленный бумагами и разными филантропическими планами.

— Г-нъ Шульцъ! сказала она, не измѣняя леднаго выраженія своего лица:—очень рада васъ видѣть. Садитесь. Что доставляетъ мнѣ удовольствіе вашего посѣщенія?

— Я принялъ смѣлость, княгиня, безпокоить васъ, зная всегдашнюю любовь вашу къ музыкѣ...

—Къ музыкѣ? Да, я люблю музыку. Да теперь времени у меня нѣтъ думать о ней: вечеромъ я должна быть въ свѣтѣ, а утромъ у меня дѣла. Больные, сироты надоѣли мнѣ до крайности: отнимаютъ все время, а дѣлать нечего!

— Странная благотворительность!» подумалъ Шульцъ.

— Чѣмъ могу я быть вамъ полезна? продолжала княгиня.

—Мнѣ совѣтуютъ дать музыкальное утро. Я надѣялся, что вы, княгиня, по прежней благосклонности ко мнѣ, не откажете мнѣ въ вашей залѣ.

Княгиня немного нахмурилась, но отвѣчала съ своею холодною учтивостью:

— Я вамъ должна признаться, что всегда отказывала подобнымъ просьбамъ. Но вамъ, по старому знакомству, я отказать не могу. Зала на будущей недѣлѣ къ вашимъ услугамъ.

— Княгиня позвонила. Вошелъ слуга.

—Прикажите этому несносному настройщику перестать, и приходить, когда меня нѣтъ дома. Теперь

я занята. Кромѣ княгини Варвары Васильевны, не принимать никого.

Шульцъ всталъ. Онъ хотѣлъ спросить о Генріеттѣ, и не могъ собраться съ духомъ. Княгиня молчаніемъ своимъ указывала ему дверь. Онъ это почувствовалъ, извинился, поблагодарилъ и вышелъ.

Въ сѣняхъ онъ нашелъ настройщика, который его дожидался.

—Дана вамъ зала? спросилъ онъ.

—Дана, отвѣчалъ мрачно Шульцъ.

—Ну, теперь пойдемте къ артистамъ, которые вамъ должны помогать. Концерта одному дать нельзя.

—Да они меня всѣ знаютъ, и всѣ отказали въ помощи.

— Не бойтесь, не бойтесь. Ступайте со мной.

Они пришли къ первой скрипкѣ, той самой, которая болѣе всѣхъ напугала Шульца въ его первомъ предпріятіи. Первая скрипка сидѣла въ халатѣ, въ покойныхъ креслахъ, и едва привстала при видѣ посѣтителей. Ротъ ея сжался отрицательнымъ знакомъ, а на губахъ зашевелилось: «что вамъ угодно?»

—Мы сейчасъ отъ княгини Г***, сказалъ развязно настройщикъ.

Первая скрипка сдѣлалась милостивѣе и просила ихъ садиться.

— Княгиня Г***, продолжалъ настройщикъ:— непремѣнно хочетъ, чтобъ пріятель мой, Карлъ Шульцъ, далъ музыкальное утро въ ея залѣ.

Скрипка улыбнулась Шульцу.

—Княгиня Г*** знала пріятеля моего, Карла Шульца, еще въ Вѣнѣ, гдѣ онъ былъ въ большой модѣ.

—Право? сказала скрипка.

—Княгинѣ Г*** будетъ очень пріятно, если вы согласитесь участвовать въ концертѣ, который будетъ данъ въ ея залѣ. Зала прекрасная для концертовъ.

— Я очень радъ, г-нъ Шульцъ, быть вамъ полезнымъ.

Шульцъ не говорилъ ничего. Онъ былъ похожъ на мученика.

—Я сáмъ скоро намѣренъ дать концертъ, подхватила первая скрипка:—и надѣюсь, что г-нъ Шульцъ не откажетъ сдѣлать мнѣ честь... будетъ въ немъ участвовать.

— Очень радъ, отвѣчалъ Шульцъ.

Они встали; скрипка провожала ихъ до передней и низко кланялась.

Покровительство княгини Г*** была цѣль всѣхъ ея желаній; но съ-тѣхъ-поръ, какъ княгиня отъ музыки перешла къ благотворительности, она потеряла уже надежду на эту полновѣсную подпору. Теперь путь былъ открытъ: скрипка торжествовала.

На улицѣ Шульцъ началъ упрекать своего товарища.

— Бѣдный человѣкъ! отвѣчалъ онъ: — ты овца между волками: хочешь успѣха? брось совѣсть.

—Не-уже-ли, сказалъ музыкантъ:—мы живемъ въ вѣкѣ до того развращенномъ, что, кромѣ эгоизма, нѣтъ болѣе никакого чувства, нѣтъ никакого, хоть невольнаго, добраго движенія? Не-уже-ли всѣ люди презрительны и низки? Машинально схватился онъ за карманъ: въ карманѣ лежала табакерка—

подарокъ Мюллера. Онъ вынулъ ее, посмотрѣлъ на нее—и душѣ его стало легче.

Въ эту минуту два пальца протянулись къ его табакеркѣ.

—Позвольте-съ! надворный совѣтникъ...

Шульцъ поднялъ голову. Передъ нимъ стоялъ маленькій, чопорный господчикъ въ голубыхъ очкахъ, съ носомъ вверхъ, съ видомъ весьма самодовольнымъ. Господчикъ протягивалъ руку къ табакеркѣ, приговаривая: «позвольте-съ,» а потомъ, указывая на себя, повторялъ съ гордостью: «надворный совѣтникъ...»

Шульцъ никакъ не понималъ, отчего надворный совѣтникъ имѣетъ болѣе другаго права нюхать табакъ.

—Что вамъ угодно? сказалъ онъ наконецъ.

— Табачку-съ... надворный совѣтникъ...

—Я не нюхаю, отвѣчалъ хладнокровно Шульцъ и положилъ табакерку въ карманъ.

Лицо господчика перемѣнилось. «Странно!» забормоталъ онъ: «странно! неучтиво! очень неучтиво! Князь Борисъ Петровичъ, графъ Андрей Ильичъ, князь Василій Андреевичъ мнѣ сами всегда говорятъ: «Любезный! не хочешь ли моего?...»

Шульцъ былъ уже далеко.

Господчикъ пошелъ сердито по улицѣ и ворчалъ себѣ подъ-носъ: «Неучтиво, очень неучтиво!.. Князь Борисъ Петровичъ, князь Василій Андреевичъ... Очень неучтиво!» Вдругъ онъ весь измѣнился: по улицѣ шелъ какой то вельможа и кивнулъ ему головою. Господчикъ согнулся крючкомъ, опустилъ шля-

ну до земли; лицо его просіяло отблескомъ какого-то невыразимаго чувства.

КОНЦЕРТЪ.

Черезъ нѣсколько дней петербургскіе охотники до афишъ читали слѣдующее объявленіе:

«Съ дозволенія Правительства, въ среду, 16-го апрѣля, въ залѣ ея сіятельства, княгини А. И. Г***, Карлъ Шульцъ, фортепьянистъ изъ Вѣны, будетъ имѣть честь дать большое инструментальное и вокальное музыкальное утро.

часть 1.

1. Увертюра Моцарта.
2. Концертъ Бетховена *(Г-нъ Шульцъ)*.
3. Арія изъ Фрейшюца *(Г-нъ Н***)*.
4. Концертъ Вебера *(Г-нъ Шульцъ)*.

часть. 2.

5. Соло съ колокольчиками для скрипки *(Г-нъ Х***)*.
6. Дуэтъ изъ Нормы *(Г-да Г*** и Г***)*.
7. Концертъ Мендельсона-Бартольди *(Г. Шульцъ)*.

Цѣна билетамъ 10 рублей.

«Билеты получаются въ музыкальномъ магазинѣ г. Пеца и у настройщика, живущаго въ Малой Морской, въ домѣ подъ № 42, а въ день музыкальнаго утра, при входѣ въ залу.»

Цѣну назначилъ настройщикъ вопреки мнѣнію Шульца, который находилъ ее весьма высокою. Настройщикъ утверждалъ, что о достоинствѣ артистовъ заключаютъ по цѣнѣ ихъ билетовъ, и потому спустить цѣну, значитъ поставить ниже другихъ.

Настала середа. Зала была вычищена. Ряды

стульевъ поставлены обыкновеннымъ порядкомъ. Два часа пробило. Начали съѣзжаться. Шульцъ былъ въ сосѣдней комнатѣ и ожидалъ очереди своей явиться передъ почтеннѣйшей публикой. Почтеннѣйшей публики было немного: нѣсколько записныхъ посѣтителей концертовъ, нѣсколько барышень, умѣющихъ брянчать на фортепьянахъ, нѣсколько франтовъ, незнающихъ куда дѣваться въ длинное утро; во второмъ ряду дама въ розовой шляпкѣ подлѣ чопорнаго господчика въ голубыхъ очкахъ; въ пятомъ ряду Марья Карловна въ новомъ своемъ чепчикѣ съ голубыми бантами, рядомъ съ своимъ Мюллеромъ; въ послѣднемъ ряду студентъ, знакомецъ нашъ, товарищъ Шульца. Прибавьте къ этому человѣкъ двадцать, которые находятся вездѣ — изъ удовольствія или обязанности, но съ которыми вы незнакомы — и опись будетъ кончена. Всего можно было насчитать человѣкъ до шестидесяти. Княгини въ залѣ не было. Она взяла пять билетовъ и приказала извиниться, по случаю какихъ-то дѣлъ.

Увертюра кончилась. Настройщикъ придвинулъ немного рояль, поднялъ крышку, подставилъ подъ нее подставку и отошелъ въ сторону. Шульцъ показался. Почтеннѣйшая публика, по обыкновенію, захлопала. Шульцъ приблизился, хотѣлъ поклониться — и вдругъ остановился на своемъ мѣстѣ. Взглядъ его встрѣтился со взглядомъ дамы въ розовой шляпкѣ. Морозъ пробѣжалъ по его жиламъ, огонь бросился ему въ голову. Онъ узналъ Генріетту, а подлѣ Генріетты сидѣлъ человѣкъ въ голубыхъ очкахъ и злобно улыбался. Шульцу показалось, что онъ

эту фигуру гдѣ-то видѣлъ. Генріетта была спокойна; черты лица ея не измѣнялись, только нижняя губа ея какъ-будто судорожно дрожала. Публика ожидала. Настройщикъ кашлялъ. Марья Карловна привстала съ своего стула. Студентъ перекрестился.

Шульцъ поклонился наконецъ и машинально сѣлъ передъ роялемъ. Руки его дрожали, мысли его были взволнованы. Онъ сбивался безпрестанно и игралъ безъ выраженія; въ одномъ пассажѣ даже совершенно ошибся. Первая скрипка улыбнулась; контрбасъ покачалъ головой; критикъ, бывшій въ числѣ зрителей и заплатившій, противъ обыкновенія, на этотъ разъ за свой билетъ, громко изъявилъ свое неудовольствіе; два франта вышли изъ залы.

Музыкальное имя Шульца было потеряно на-вѣкъ.

Концертъ продолжался. Соло съ колокольчиками первой скрипки имѣло успѣхъ неимовѣрный. Пѣвецъ и пѣвица пѣли по обыкновенію фальшиво, но, по старому знакомству, публика къ нимъ привыкла и провожала ихъ съ рукоплесканіями. Шульцъ началъ концертъ Мендельсона. Страстная музыка еврея согласовалась вполнѣ съ бурнымъ состояніемъ его души. Какое-то дикое, отчаянное вдохновеніе вдругъ овладѣло имъ: онъ былъ краснорѣчивъ и прекрасенъ въ своей игрѣ. Къ несчастію, почтеннѣйшей публикѣ некогда было слушать: стулья зашевелились; господчикъ въ голубыхъ очкахъ надѣлъ шаль на Генріетту; всѣ начали разъѣзжаться.

Когда Шульцъ окончилъ послѣдній аккордъ, въ залѣ было пусто; только три человѣка начали аппл одировать: настройщикъ, Мюллеръ и студентъ.

Они окружили бѣднаго музыканта и старались утѣшить его.

Шульцъ благодарилъ ихъ молча, молча пошелъ онъ по улицѣ съ студентомъ, втащился на свой чердакъ и бросился на свою убогую постель. Члены его тряслись отъ лихорадки; душа его была убита.

Ночь провелъ онъ ужасную, въ бреду и въ безпамятствѣ.

На другой день, когда онъ вошелъ въ себя, студентъ сидѣлъ у его изголовья и держалъ въ рукахъ письмо. Письмо отъ Генріетты.

ПИСЬМО.

«Простите меня, Карлъ, не презирайте меня, «не проклинайте меня! Я замужемъ — и не забыла «моей клятвы принадлежать вамъ. Я замужемъ—и «не должна бы къ вамъ писать, а я пишу къ вамъ.

«Я надѣялась васъ встрѣтить еще разъ на зем«лѣ — встрѣтить васъ счастливаго, прославлен«наго. О, тогда бы вы не услыхали моего голоса! «Величіе ваше отбросило бы довольно счастья, до«вольно утѣшенія на всю бѣдную жизнь мою.

«Но я встрѣтила васъ одинокаго, жалкаго, не«понятнаго. Черты лица вашего измѣнились отъ «страданій. Бѣдное мое женское сердце разорвалось «на части. Я видѣла, я поняла, что вы не забыли «меня, что вѣроломство мое поразило васъ ударомъ «ужаснымъ. Я рѣшилась оправдаться передъ вами. «Богъ меня проститъ!

«Вы знаете, Карлъ, я была бѣдная дѣвушка. «Отецъ и мать оставили меня въ мірѣ сиротою. Я

«жила у тетки, у которой были свои дѣти, свои до-
«чери. Я въ домѣ у ней была лишняя. Тетка моя
«была небогатая женщина. Для нея составляла я что-
«то непріятное, что-то сливавшее съ мыслью о лиш-
«немъ платьѣ, о лишнемъ блюдѣ, горестное воспоми-
«наніе о потерѣ брата. Она была со мною непріяз-
«ненно-добра, никогда не говорила мнѣ, что я была
«ей въ тягость, но всячески давала это чувствовать.
«Положеніе мое было тѣмъ горестнѣе, что я не была
«въ правѣ называть себя несчастливою.

«Въ то время княгиня Г*** искала себѣ собесѣд-
«ницы. Тетка съ радостью сбыла меня съ рукъ.
«Я перешла въ пышные покои своей покровительни-
«цы, которая приняла меня прекрасно, сдѣлала мнѣ
«много обѣщаній и взяла съ собою путешествовать.

«Въ Вѣнѣ мы съ вами встрѣтились. Мы поняли
«другъ друга... Это время для меня незабвенно и
«свято! Когда мы съ вами разстались, я все раз-
«сказала княгинѣ: и обѣщанія наши, и надежды.
«Княгиня улыбнулась. Два года прошло. Мы пріѣ-
«хали уже въ Россію. Княгиня каждый день была
«въ свѣтѣ, но я замѣчала въ ней странныя измѣне-
«нія. Она охладѣвала къ музыкѣ, дѣлалась равно-
«душною къ живописи. Она перемѣняла кругъ зна-
«комства. Наконецъ, любовь ея къ искусствамъ со-
«вершенно исчезла. Тогда только догадалась я, что
«она играла роль; что у этой женщины ни одного
«прямаго чувства не было; что все основано было у
«нея на свѣтскихъ разсчетахъ. Тогда была мода на
«благотвореніе. Княгиня сейчасъ разсудила, что «сла-
«ва благотворительницы гораздо пристойнѣе женщи-

«нѣ въ ея лѣтахъ, чѣмъ слава Аспазіи, съ которой «всегда сопряжено что-то изысканное и театраль-«ное». Это ея слова: я ихъ помню.

«Тогда всѣ артисты, которые привыкли на нее «надѣяться, получили отъ швейцара сухіе отказы; «тогда передняя ея наполнилась нищими, присланными ей отъ князей и графовъ, какъ трофеи ея бла-«готворительности. Но и благотворительность ея бы-«ла притворство, какъ и любовь къ изящному была «притворство.

«Я ей не была болѣе нужна. Однажды призвала «она меня къ себѣ и объявила, что господинъ Ѳедо-«ренко проситъ моей руки. Я рѣшительно отказала. «Княгиня была очень недовольна, говорила о васъ «съ презрѣніемъ и выхваляла богатство господина «Ѳедоренки. Я поняла тогда, сколько было глубо-«каго эгоизма въ этой душѣ.

«Я не говорила вамъ, Карлъ, еще о сынѣ княги-«ни, который жилъ въ одномъ домѣ съ нами. Онъ «былъ свѣтскій человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова, «съ послѣдней вѣстью, съ большимъ искусствомъ «танцовать мазурку и притворяться влюбленнымъ— «одинъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, которыми напол-«нены большіе города. Теперь онъ въ отставкѣ и за «границей.

«Однажды, Карлъ, однажды... не могу безъ сты-«да вспомнить этой минуты... онъ открылся мнѣ въ «какой-то притворной любви. Онъ предложилъ мнѣ «сердце свое, но не предлагалъ руки.

«Я плакала долго надъ собой, надъ своимъ несчаст-«нымъ званіемъ, которое подвергало меня такимъ ос-

«корбленіямъ. И точно, чтò же я была?—немного бо-
«лѣе горничной, кукла, которую можно было заста-
«вить играть, молчать по желанію; за это меня кор-
«мили и давали мнѣ платья, иногда уже изношенныя.

«Княгиня прислала за мною и осыпала меня уп-
«реками.

«Я знаю все», говорила она, «отчего вы отка-
«зываетесь отъ блестящей партіи: вы хотите зама-
«нить сына моего въ свои сѣти; вы хотите; чтобъ онъ
«женился на васъ. Онъ самъ мнѣ въ этомъ сознал-
«ся. Не стыдно ли вамъ, нищей, которую я подняла
«на улицѣ, платить такой неблагодарностью?...»

«О! тогда — простите меня, Карлъ, я на все
«рѣшилась... Ѳедоренко явился по зову княгини.

«Я осталась съ нимъ одна.

«Если вы хотите» сказала я ему, «я буду вашей
«женою; но я не люблю васъ: я люблю другаго, я лю-
«блю Карла Шульца».

«Этого не говорятъ мужьямъ» отвѣчалъ онъ, смѣясь.

«Я не хотѣла васъ обманывать... Я буду вѣрна
«вамъ... но любви моей не требуйте».

«Онъ смотрѣлъ на меня, Карлъ, и не понялъ меня.
«О, это было для меня утѣшенье. Я убѣдилась, что
«души наши никогда не будутъ имѣть ничего общаго.

«Ему нужно было покровительство княгини; кня-
«гинѣ нужно было отдѣлаться отъ ненужной собе-
«сѣдницы.

«Вотъ отчего я жена Ѳедоренки!

«Карлъ! простите меня, не проклинайте меня. Вы
«видите сами: меня бросили беззащитную въ пропасть

«большаго свѣта, гдѣ владычествуютъ притворство «и эгоизмъ. Притворство и эгоизмъ погубили меня: «Виновата ли я? Не проклинайте Генріетту, Карлъ, «простите ее!»

Für Wenige.

На другой день Генріетта получила слѣдующую записку въ отвѣтъ на свое письмо:

«Генріетта! я былъ на краю гроба: зачѣмъ удер«жали вы меня? Къ чему воспоминанія? Они—на«смѣшка надъ настоящимъ. Забудьте меня! Я не тотъ, «что былъ: вы не узнаете меня. Теперь я нищій, со«вершенно нищій: нищій достояніемъ, нищій твер«достью, нищій мыслію и чувствомъ. Одно сокрови«ще храню я еще въ душѣ моей: это — любовь къ «вамъ, моя Генріетта, это любовь къ тебѣ, моя невѣ«ста. Я унесу ее съ собой... Настанетъ жизнь, гдѣ «наши жизни сольются въ одномъ солнечномъ лучѣ, «тогда мы будемъ счастливы... Прощайте!»

Генріетта была женщина. Чѣмъ болѣе Карлъ казался ей жалкимъ и безнадежнымъ, тѣмъ болѣе любовь ея усиливалась, тѣмъ ничтожнѣе казались ей условія приличія, тѣмъ сильнѣе вкоренялось въ ней желаніе утѣшить страдальца. Она бросилась къ письменному столику и дрожащею рукой набросила нѣсколько словъ:

«Завтра вечеромъ, въ восемь часовъ, я жду васъ.»

Давно ли они были оба такъ молоды, такъ полны надеждъ! Давно ли они сидѣли другъ подлѣ друга,

давно ли... они вѣровали въ будущее!.. а теперь все для нихъ измѣнилось: Генріетта была замужемъ; Шульцъ прошелъ по всѣмъ ступенямъ разочарованій художника: Кумиры его расшиблись въ прахъ. Онъ ждалъ свиданія съ радостью и страхомъ.

Въ этотъ день шелъ проливной дождь. Въ восемь часовъ Шульцъ, окутанный плащемъ, звонилъ у дверей Ѳедоренки. Ключъ повернулся въ замкѣ; дверь отворилась; Генріетта стояла передъ Карломъ. Сердца ихъ сильно бились; они не смѣли глядѣть другъ на друга.

Молча вошли они въ гостиную.

— Простите меня! сказала наконецъ Генріетта.

— Вамъ простить! тихо отвѣчалъ бѣдный музыкантъ: — а какое право имѣю я укорять васъ? Сдержалъ ли я свое обѣщаніе? Такъ ли я долженъ былъ прійдти за вашимъ словомъ? Я нищій, нищій, повторяю вамъ, что я нищій! Дайте мнѣ милостыню и прогоните меня...

Глаза Генріетты наполнились слезами.

—Вы несправедливы, говорила она:—вы жестоки ко мнѣ!

— Я вамъ говорю, что я нищій, продолжалъ Шульцъ: — я вамъ говорю, что я нищій. Я учу грамотѣ дѣтей, я забавляю мастеровыхъ, я лгу и кланяюсь: я кланяюсь, когда меня толкаютъ и бьютъ... Я вамъ говорю, что я нищій...

— Прежде вы были тверды противъ бѣдствія.

— Да́, таковъ былъ я прежде, когда все прекрасное находило въ сердцѣ моемъ отголосокъ. Тогда я леталъ на крыльяхъ поэзіи въ мірѣ чудномъ, гдѣ все

было чисто и свѣтло. Теперь я усталъ: крылья подогнулись, я упалъ на землю.

— Оставайтесь на землѣ, Карлъ! На землѣ вы найдете бѣдную женщину, которая неменѣе васъ страдала, женщину, которая предлагаетъ вамъ, въ замѣнъ прошедшихъ обольщеній, небесное возмездіе возвышеннаго чувства. Вы не свѣтскій человѣкъ, Карлъ, вы поймете, что можно найдти удовлетвореніе своимъ желаніямъ въ чувствѣ возвышенномъ, а не въ преступной связи. Я не могу, я не хочу забывать своего супружескаго долга — не оттого, чтобъ я дорожила мнѣніемъ толпы, не оттого, чтобъ я боялась гнѣва этого ничтожнаго человѣка, которому меня бросили; но оттого, что я не хочу опорочить нашего страданія, которое должно остаться между нами чисто и свято; но для того, что я хочу остаться для васъ вашимъ свѣтлымъ вдохновеніемъ и сохранить васъ для себя, какъ небесную отраду.

Шульцъ молча сталъ передъ ней на колѣни.

—Не-уже-ли,продолжала Генріетта:—не-уже-ли мы до того малы и ничтожны, что равнодушный разсчетъ существа бездушнаго можетъ отнять у насъ все счастье наше, всѣ наши горячія вѣрованія? Не правда, не вѣрьте этому! Пускай свѣтъ насъ оковываетъ въ свои внѣшнія формы, пускай онъ налагаетъ на насъ, бѣдныхъ женщинъ, пятно чужаго, ненавистнаго имени: у насъ остается въ глубинѣ души святилище сокровенное, куда, безъ нашего согласія, никто проникнуть не можетъ. Оно наше, наша собственность, нашъ міръ, наше уединеніе отъ шума и волненія мірскаго. Никто не можетъ располагать имъ

безъ насъ; никто не можетъ отнять его у насъ. Вы это поняли, Карлъ, потому-что въ запискѣ вашей ко мнѣ вы назвали меня своей невѣстой.

— Да будетъ ваша воля! сказалъ тихо Карлъ.— Вами моя жизнь, можетъ-быть, еще поддержится. Я былъ очень боленъ, Генріетта. Вчера мнѣ казалось, что голова моя разстроивалась; мнѣ вдругъ становилось душно и странныя видѣнія шалили въ моей головѣ. Но это разсѣялось теперь отъ вашего присутствія, какъ разсѣваются тучи отъ солнечныхъ лучей. Не отнимайте у меня моего солнца, дайте погрѣть мнѣ имъ душу! Безъ васъ, я чувствую, жизни для меня нѣтъ.

—Приходите ко мнѣ вечеромъ, отвѣчала Генріетта:—завтра, а тамъ послѣзавтра, и каждый день. Свиданія наши должны быть тайною; мы скроемъ ихъ отъ всѣхъ, какъ преступленіе. Чувство наше должно быть полнѣе дружбы, выше любви. Оно немногимъ, весьма немногимъ было бы понятно. Мы его скроемъ какъ святыню—хотите ли?

Шульцъ сдѣлался совершеннымъ ребенкомъ: то плакалъ, то смѣялся. Радость и горе смѣшивались въ головѣ его. Онъ глядѣлъ на Генріетту—и душа его таяла отъ какого-то горестнаго счастья.

Такъ прошелъ цѣлый вечеръ.

Г. ѲЕДОРЕНКО.

Есть на свѣтѣ особый классъ людей: маленькіе, пронырливые, они служили когда-то въ отдаленныхъ губерніяхъ. Кàкъ они служили и чтò они дѣлали въ

отдаленныхъ губерніяхъ — неизвѣстно; извѣстно только, что они начали службу съ десятью рублями и кончили съ полумильономъ. Окончивъ такимъ образомъ осторожно свое наживаніе, выходятъ они въ предостерегательную отставку и ищутъ покровительства, чтобъ не подвергнуться какимъ-нибудь непріятнымъ напоминаніямъ; большею частью женятся они на воспитанницахъ знатныхъ барынь и заживаютъ припѣваючи.

Мужъ Генріетты исключительно принадлежалъ этому сословію.

Онъ родился въ Л.... отъ кореннаго приказнаго, и тринадцати лѣтъ былъ записанъ писцомъ въ Уѣздномъ Судѣ. Послѣ способности его развились на обширнѣйшемъ поприщѣ. Онъ уѣхалъ въ Сибирь; тамъ былъ и стряпчимъ, и совѣтникомъ, и въ командировкахъ, и мѣнялъ мѣста, и наконецъ, запутавшись въ одномъ дѣлѣ, угрожавшемъ ему неизбѣжнымъ уголовнымъ судомъ, свалилъ всю бѣду на своего сослуживца, а самъ, за болѣзнію, вышелъ въ отставку. Состояніе было нажито. Онъ искалъ связей. Случай сблизилъ его съ княгиней. Мы видѣли, какъ онъ женился.

Человѣкъ болѣе деликатный не довольствовался бы холоднымъ обращеніемъ жены своей; но Ѳедоренко былъ такъ доволенъ собой, что не обращалъ вниманія на такія мелочи. Знать вскружила ему голову; восхищеніе его было невыразимо, когда ему случалось сидѣть въ театрѣ подлѣ генерала, или играть въ вистъ съ вельможею. Онъ нарочно поселился подлѣ княгини, и каждый вечеръ, когда не до-

ставало четвертаго, имѣлъ честь играть съ ея сіятельствомъ и всячески старался проигрывать, для поддержанія ея благосклонности. Генріетта оставалась одна.

Съ нѣкотораго времени онъ въ особенности сдѣлался чрезвычайно доволенъ и важенъ. Онъ сторговалъ—разумѣется, какъ водится, на имя жены своей—прекрасное имѣніе въ Малороссіи, то самое, гдѣ отецъ его, до вступленія въ приказные, былъ дворовымъ человѣкомъ. Это имѣніе было всегда цѣлью его желаній, и по торгамъ оно оставалось уже за нимъ. День переторжки былъ назначенъ. Ѳедоренко наскоро одѣлся, вышелъ въ переднюю, надѣлъ байковый сюртукъ и началъ надѣвать калоши.

«Тьфу ты пропасть! закричалъ онъ вдругъ, «что за дрянь! калоши проколотыя, испорченныя... Чьи это калоши?—Былъ здѣсь кто нибудь?...»

— Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ человѣкъ.

Ѳедоренко смутился. «Калоши мои, кажется: на ногѣ сидятъ хорошо. Да кто же ихъ испортилъ? Непріятно! Я гадости этакой не надѣну. Пойду безъ калошъ—ноги замочу; можно простудиться, схватить насморкъ, кашель, пожалуй... Очень непріятно!»

Ѳедоренко нанялъ извощика и былъ очень недоволенъ цѣлый день, тѣмъ болѣе, что переторжку отсрочили.

ОДНО ЗА ОДНИМЪ.

А Шульцъ?.. А Генріетта?.. Что было съ ними? Они какъ-будто ожили новою жизнью и души ихъ съ новой силой вооружились противъ враждеб-

ной судьбы. Каждый вечеръ, когда Өедоренко отправлялся къ княгинѣ поиграть или повертѣться около ея виста, Генріетта отсылала свою горничную, дрожащею рукою отпирала дверь задняго крыльца—и Шульцъ съ трепетомъ прокрадывался въ ея уединенную комнатку, и дверь за ними затворялась, и они оставались одни.

Но бесѣда ихъ была чиста и безгрѣшна. Модный человѣкъ насмѣялся бы вдоволь, глядя на нихъ. Иногда они молчали оба; иногда Шульцъ разсказывалъ про свое дѣтство, про старичка-органиста своего незабвеннаго; иногда Генріетта припоминала и прежнюю жизнь свою, и первое знакомство съ Шульцемъ, и посвященіе свое въ таинство музыки. Тогда Шульцъ садился у ногъ ея на скамейкѣ и, глядя на нее съ благоговѣніемъ сливалъ свой огненный взоръ съ ея небеснымъ взоромъ. И въ этомъ длинномъ, упоительномъ взглядѣ выражались и скорбь прошедшаго, и счастье настоящаго, и какое-то неясное упованье на лучшую, неизвѣстную участь.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ они сблизились, они ничего не желали: жизнь для нихъ остановилась; все было забыто, кромѣ счастья видѣть другъ друга.

А между-тѣмъ въ Петербургѣ пронесся слухъ, что княгиня Г*** занемогла весьма опасно и что на консиліумѣ уже приговорили ее къ смерти.

А между-тѣмъ, Өедоренко съ нѣкотораго времени былъ очень встревоженъ и потиралъ себѣ голову. Имѣніе на имя жены было куплено; казалось, все ему удавалось; одно его безпокоило: безпрерывное превращеніе его калошъ: онѣ то-и-дѣло, что мѣ-

нялись въ темномъ корридорѣ, гдѣ было его платье. И точно, это было очень странно: захочетъ ли онъ поутру, въ сырую погоду, напримѣръ, идти погулять—вмѣсто новыхъ, прекрасныхъ калошъ, человѣкъ подаетъ ему калоши испорченныя и проколотыя, а калоши повидимому сдѣланы для него; разбранитъ ли онъ человѣка и прикажетъ выбросить дрянь эту изъ окна, а на другое утро человѣкъ приноситъ ему калоши блестящія, свѣтлыя, чистыя, во всей первобытной красотѣ... Это его мучило; онъ сдѣлался подозрителенъ.

Однажды Шульцъ сидѣлъ у ногъ Генріетты и держалъ ея руку. Лицо его было свѣтло.

—Генріетта! говорилъ онъ:—никакое земное чувство не должно помрачить нашу любовь. Ее начала поэзія и перенесла въ небо. Но мнѣ какъ-то стало страшно: быть можетъ, намъ недолго оставаться вмѣстѣ; а я не слыхалъ еще изъ устъ вашихъ словъ любви; я боюсь умереть, не имѣвъ этого утѣшенія. Вы помните, когда мы были въ Вѣнѣ, вы мнѣ обѣщали и сердце, и руку вашу. Вотъ и кольцо, которымъ мы обручились. Но ни раза не выговорили вы священныхъ словъ, которыхъ жаждетъ душа, ни раза вы не сказали еще мнѣ: «Карлъ, я люблю тебя...»

Генріетта задумалась.

— Еслибъ что-нибудь земное, сказала она:— вкралось между нами, вы никогда бы не узнали порога моей комнаты. Я достойна была понять васъ, потому-что я поняла васъ. Но съ нашей любовью... слова любви несовмѣстны.

Они замолчали и взглянули другъ на друга.

Въ эту минуту дверь настежь отворилась и двѣ калоши, влетѣвъ въ комнату, съ шумомъ ударились объ полъ. Въ дверяхъ стоялъ Ѳедоренко, багровый отъ гнѣва. Шульцъ вскочилъ съ своего мѣста. Генріетта закрыла лицо руками.

Ѳедоренко злобно улыбнулся и подошелъ къ музыканту.

—У каждаго своя фантазія, сказалъ онъ:—вы не любите, чтобъ нюхали изъ вашей табакерки табакъ, я не люблю, чтобъ носили мои калоши—слышите?... Вы любите давать какіе-то скверные концерты и ходить къ чужимъ женамъ, а я люблю выпроваживать нахаловъ въ окно—слышите ли?

— Стойте! закричалъ Шульцъ:—если дорожите жизнью!.....

Генріетта бросилась между ними.

—Бррръ...Дуэли, пистолеты—слуга покорный! Я съ такими вертопрахами развѣдываюсь иначе. Дворника, да кучера—вотъ вамъ и дуэль. Вонъ отсюда!

— Послушайте! сказалъ задыхающимся голосомъ Шульцъ: — выслушайте меня. Клянусь вамъ памятью моей матери, клянусь всѣмъ, чтó есть святаго въ мірѣ, что жена ваша непорочна.

«Бррръ.... Знаемъ мы эти штуки, господинъ музыкантъ! Мнѣ сорокъ осьмой годъ. Стараго воробья не надуешь!»

Генріетта съ гордостью взглянула на мужа и обратилась къ Шульцу.

— Карлъ! сказала она тихо и торжественно;—я люблю тебя!

Слезы брызнули изъ глазъ Шульца.

—Я люблю тебя, потому-что ты не измѣнилъ себѣ, потому-что ты душою былъ такимъ, какимъ быть должно: и простъ, и великъ. Теперь мы больше не увидимся; но съ чистою совѣстью я могу сказать тебѣ торжественно и свято, передъ этимъ человѣкомъ, которому меня продали: «я люблю тебя! Теперь, Карлъ, будь твердъ: мы должны разстаться!»

Она медленно приблизилась къ Шульцу и коснулась чела его прощальнымъ поцалуемъ. Въ голосѣ, въ поступи Генріетты было что-то столь величественное, что Өедоренко былъ какъ бы пригвожденъ къ своему мѣсту и, молча, пыхтѣлъ отъ злобы и досады.

Лицо Шульца покрылось смертною блѣдностью. Онъ дико осмотрѣлся и выбѣжалъ изъ комнаты.

—Убирайся къ черту, музыкантъ проклятый! промычалъ Өедоренко.—А вы, сударыня, не стыдно ли вамъ?.... и выбрать кого же, нищаго музыканта, бродягу какого-то безъименнаго? Вотъ если бы князя N.... не хорошо бы, а все-таки лучше.

— Я любила Шульца еще въ Вѣнѣ. Я говорила вамъ это передъ нашей свадьбой.

—А-а-а! такъ вотъ онъ, голубчикъ! Стыдно вамъ, сударыня! Полно вамъ съ музыкантами тарабарить. Въ деревню, въ деревню!»

Дверь опять растворилась. Вбѣжалъ слуга въ смущеніи, съ важнымъ извѣстіемъ:

— Княгиня изволила скончаться!

—Вотъ-те на! подумалъ Өедоренко:—часъ-отъ-часу не легче? Одно за однимъ! Кто бы могъ ожи-

дать—а?.. Княгиня приказала долго жить. Теперь что́ въ ней? теперь, пожалуй, порастревожатъ кое-какія старыя дѣлишки — походатайствовать некому! Теперь того-и-гляди, чтобъ навострить лыжи, да убраться поскорѣе восвояси.... Сударыня! — сказалъ онъ громко:—послѣ того, что́ я видѣлъ, мнѣ бы должно было прогнать васъ безъ обиняковъ, тѣмъ болѣе, что теперь ваша княгиня.... что въ ней? Да дѣло въ томъ, что бѣсъ меня подстрекнулъ купить на ваше имя имѣніе. Теперь я съ вами связанъ, а вы со мною. Хотите, не хотите, а вы со мною будете жить. Я заставлю васъ жить со мною—слышете? Извольте укладываться: вы со мною ѣдете въ новую деревню, въ Малороссію. Впрочемъ, не бойтесь: тамъ народъ музыкальный, можно набрать тамъ хоть цѣлый оркестръ.

Генріетта не отвѣчала ни слова: она лежала въ обморокѣ.

СУДЬБА.

Дня три спустя, ночью, вѣтеръ уныло вылъ по опустѣвшимъ петербургскимъ улицамъ. Кое-гдѣ мелькали фонари въ сырой пеленѣ осенняго дождя. Въ окнахъ огни уже погасли. Изъ однихъ воротъ выѣзжала дорожная карета.

У воротъ стоялъ, сложивъ руки на груди, молодой человѣкъ въ порывѣ сильной лихорадки. Дождь лился градомъ по его шляпѣ и платью, но онъ стоялъ неподвиженъ.

Когда карета съ нимъ поравнялась, лучъ карет-

наго фонаря упалъ на его обезображенное лицо; въ каретѣ послышался слабый женскій крикъ; молодой человѣкъ хотѣлъ откликнуться—голосъ остановился въ его груди. Карета медленно удалилась, ударяя мѣрно по мостовой. Стукъ колесъ становился все менѣе и менѣе слышенъ; наконецъ онъ исчезъ. Всѣ силы молодаго человѣка, казалось, съ нимъ вмѣстѣ исчезли: онъ опустилъ голову и пошелъ.

Проходя мимо дома княгини, онъ невольно остановился. Подъѣздъ былъ освѣщенъ; дверь открыта настежь. Онъ взошелъ. По черному сукну тускло освѣщенной лѣстницы добрался онъ до верха. Первая комната была вся обтянута чернымъ сукномъ съ княжескими гербами. Въ углу какой-то родственникъ крѣпко спалъ на стулѣ, а дьячокъ, молча, тушилъ лишнія свѣчи. Посреди комнаты стоялъ, подъ бархатнымъ катафалкомъ, малиновый гробъ. Въ гробѣ лежала княгиня съ открытымъ лицомъ.

Молодой человѣкъ былъ какъ-будто подъ вліяніемъ ужаснаго, продолжительнаго сна. Онъ подошелъ къ гробу, сѣлъ на ступеньки пышнаго катафалка, у самыхъ ногъ покойницы, опустилъ голову на руку и призадумался. По какому-то странному смѣшенію мыслей, онъ перешелъ воспоминаніемъ въ ту комнату, гдѣ такъ быстро мелькнули лучшія мгновенія его жизни, гдѣ онъ сидѣлъ, вдохновенный и страстный, подлѣ своей избранной. Онъ какъ-будто забылъ все, что̀ случилось съ-тѣхъ-поръ. Сердце его вновь наполнилось любовью. Генріетта предстала предъ нимъ во всемъ чудномъ очарованіи первой молодости, первой пылкой страсти: она глядѣла на него умилитель-

но своими голубыми небесными глазами, воздушная, прекрасная. Онъ мысленно заглядѣлся и залюбовался ею.

Дьячокъ, увидѣвъ посторонняго человѣка, опрометью бросился читать вполголоса свой Псалтирь. Печальный, погребальный говоръ дико согласовался съ страстными мечтами Шульца. Свѣчи тускло теплились вокругъ катафалка. Картина была самая странная...

Родственникъ проснулся и подошелъ къ Шульцу съ безпокойнымъ видомъ отчаяннаго наслѣдника.

— Вы очень любили покойницу?» спросилъ онъ боязливо.

— Да́, я любилъ *покойницу*, я люблю покойницу, отвѣчалъ Шульцъ очнувшись. — Я люблю покойницу, только не эту покойницу... Да проститъ Богъ вашу покойницу!

Родственникъ глядѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Знаете что? она... вотъ эта княгиня... княгиня она, что ли?.... знаете, что́ она хотѣла со мной сдѣлать?.. Она изъ груди моей хотѣла вынуть мое же сердце... какова—а?... О, да она презхитрая! Хотѣла опять притвориться и украсть его потихоньку. Да нѣтъ, я это притворство знаю; я знаю этихъ свѣтскихъ людей. Вы думаете, что она васъ любитъ? Неправда, притворяется, все притворяется. Скажите мнѣ правду: вы думаете, что она умерла? Неправда! притворяется, притворяется! Все это притворство! и гербъ, и гробъ, и катафалкъ, и вы сами... все это притворство, все притворство!..Прочь отсюда! Шульцъ засмѣялся и убѣжалъ.

Какъ испугался студентъ, когда увидѣлъ на разсвѣтѣ товарища своего, изнуреннаго страданіемъ и сильнымъ бредомъ. Шульцъ ощупью дотащился до своей кровати и упалъ. Члены его тряслись отъ лихорадки; несвязныя видѣнія душили его. То вдругъ казалось ему, что злая Маргарита наклонялась надъ нимъ и грозила ему сжатымъ кулакомъ; то видѣлъ онъ вдали тѣнь сѣдаго старика, съ краснымъ платкомъ около шеи, который мигалъ ему и, какъ фантасмагорическое явленіе, то отдалялся, то подходилъ близко и таинственно къ себѣ манилъ. Вдругъ показалось ему, что онъ передъ какимъ-то огромнымъ амфитеатромъ, на который собралась вся вселенная. И вотъ, отъ имени всѣхъ, Генріетта, съ улыбкой любви на устахъ, съ потупленнымъ взоромъ, подаетъ ему вѣнокъ лавровый—и въ эту минуту амфитеатръ рушится, а вмѣсто зрителей толпятся черепа въ калошахъ, которые мигаютъ и шепчатся между собой... И вдругъ все превращается въ странный, неясный хаосъ, среди котораго Мюллеръ съ своими сапожниками, княгиня съ своимъ раутомъ и весь Петербургъ кружатся въ какомъ-то адскомъ, неистовомъ танцѣ...

Такъ прошелъ цѣлый день. Мученіе часъ-отъ-часу становилось сильнѣе. Студента въ комнатѣ давно уже не было: онъ убѣжалъ за докторомъ. Къ вечеру явился докторъ съ студентомъ, бѣгавшимъ за нимъ цѣлый день.

Докторъ былъ человѣкъ веселый. Онъ взялъ Шульца за руку:

«Что, братъ пріятель? Видно плоха шутка, прій-

дется прогуляться въ Елисейскія! Жаль, что вы прежде не пришли», сказалъ онъ, обратившись къ студенту.

—Да я былъ у васъ съ самаго утра, отвѣчалъ студентъ.

—Да что же, братъ, дѣлать? на вашу братью не напасешься. У меня и поважнѣе васъ, да ждутъ. Впрочемъ, тутъ дѣлать нечего» продолжалъ онъ протяжно, понюхивая табакъ «Inflammatio cerebralis въ высшей степени. Еслибъ часа за два кровь открыть, то молодца можно было бы поставить на ноги. А теперь—шабашъ! Къ утру онъ умретъ.

И точно, къ утру конвульсіи Шульца стали мало-по-малу утихать, дыханіе его сдѣлалось рѣже. Студентъ держалъ его на своихъ рукахъ. Наконецъ онъ сдѣлался спокоенъ, голова его покатилась на грудь... Все было кончено; студентъ перекрестился и закрылъ страдальцу глаза.

Въ эту минуту кто-то постучался въ дверяхъ.

— Кто тамъ? закричалъ студентъ.

Въ дверяхъ просунулась фигура Мюллера, съ узелкомъ въ рукахъ: онъ принесъ новыя, блестящія калоши, взамѣнъ первыхъ, о которыхъ онъ подумать не смѣлъ. Узелъ выпалъ у него изъ рукъ.

— Боже мой! что это такое? закричалъ онъ.

— Судьба! глухо промолвилъ студентъ.

Мюллеръ подошелъ къ постели, упалъ на колѣни и поцаловалъ руку усопшаго.

Въ комнатѣ было долгое, глубокое, таинственное молчаніе.

Наконецъ Мюллеръ всталъ, отошелъ съ студен-

томъ въ сторону и спросилъ у него съ участіемъ:

—Что, вы тоже музыкантъ?»

—Нѣтъ! я хотѣлъ посвятить себя литературѣ, да....

—Да что же?..

Молодой человѣкъ печально покачалъ головой и показалъ на покойника.

—Что жъ вы хотите дѣлать?...

—Я схороню его...

—А потомъ?—

—А потомъ... уѣду къ матушкѣ въ Оренбургъ.

БОЛЬШОЙ СВѢТЪ.

ПОВѢСТЬ ВЪ ДВУХЪ ТАНЦАХЪ.

ПОСВЯЩЕНІЕ

(* * *).

Три звѣзды на небѣ,
Три звѣзды въ душѣ
Сверкаютъ и блещутъ
Отрадою намъ.
То края роднаго
Россіи звѣзда.
Звѣзда то поэзьи,
Звѣзда красоты.
Пусть вѣдаетъ каждый,
Что ихъ я лучемъ,
Гордясь, осѣняю
Смиренный свой трудъ,
И каждый узнаетъ
Отъ сердца какъ разъ,
Кому я съ смущеньемъ
Свой трудъ посвятилъ.

Гр. В. Соллогубъ.

I.

ПО-ПУРИ.

Je te connais, beau masque
(Bal masqué.)

I.

Въ Большомъ Театрѣ былъ маскарадъ. Бенуары красовались нарядными дамами въ беретахъ и бархатныхъ шляпкахъ съ перьями. Облокотившись къ бенуарамъ, нѣсколько генераловъ, поддерживая рукой венеціянки, шутили и любезничали съ молодыми красавицами. Въ углубленіи гремѣла музыка при шумномъ говорѣ фонтана. Въ залѣ и по лѣстницамъ толпились фраки въ круглыхъ шляпахъ, мундиры съ пестрыми султанами, а вокругъ нихъ вертѣлись и пищали маски всѣхъ цвѣтовъ и видовъ.

Было шумно и весело.

Среди общаго говора и смѣха, среди буйныхъ ликованій веселой святочной ночи, два человѣка казались довольно равнодушными къ общему удовольствію. Одинъ—высокаго роста, уже не первой молодости, съ пальцемъ, заложеннымъ за жилетъ, въ лондонскомъ черномъ фракѣ; другой—въ гусарскомъ армейскомъ мундирѣ, съ одной звѣздочкой на эполетахъ.

Первый, казалось, пренебрегалъ маскарадомъ оттого, что онъ всего насмотрѣлся до-сыта. Въ глазахъ его видно было, что онъ точно такъ же гля-

дѣлъ на карнавалъ Венеціи, на балы Большой Оперы въ Парижѣ, и что всякій напрасный шумъ казался ему привычнымъ и скучнымъ. На устахъ его выражалась колкая улыбка, отъ приближенія его становилось холодно.

Товарищъ его, въ цвѣтѣ молодости, скучалъ по другой причинѣ. Онъ недавно только-что былъ прикомандированъ изъ арміи къ одному изъ гвардейскихъ полковъ, и, послѣ шести-мѣсячнаго пребыванія въ Петербургѣ, въ первый разъ былъ въ маскарадѣ. Все, что̀ онъ видѣлъ, было ему незнакомо и дико.

Черное домино, уединенно гулявшее по залѣ, подошло къ нимъ и, поклонившись, обратилось къ старшему:

— Зравствуйте.

— Зравствуйте.

— Я васъ знаю.

— Мудренаго нѣтъ.

— Вы г-нъ Сафьевъ.

— Отгадали.

Черный домино обратился къ младшему.

— Зравствуйте.

— Здравствуйте.

— Я васъ знаю.

— Быть можетъ.

— Вы г-нъ Леонинъ.

— Такъ точно.

— А вы меня не узнали?

— Нѣтъ.

— Какъ? право, не узнали?

— Нѣтъ.

Ну, право, такъ и не узнали?

—Да нѣтъ.

Сафьевъ расхохотался во все горло.

— Удивительно, какъ у насъ, на сѣверѣ, скоро постигаютъ духъ маскированія! Я воображаю, какъ всѣмъ этимъ господамъ и барынямъ должно быть весело: ходятъ, несчастные, будто по Невскому, да кланяются знакомымъ, называя каждаго по имени..

— Что же веселаго въ маскарадахъ? спросилъ простодушно Леонинъ.

— О юноша, юноша! отвѣчалъ насмѣшливо Сафьевъ:—какъ много еще для тебя сокрытаго и непроницаемаго на свѣтѣ! Тайна маскарадовъ — тайна женская. Для женщинъ маскарадъ великое дѣло. Что жь ты на меня такъ смотришь? Слушай. Много здѣсь женщинъ и перваго сословія, и второстепенныхъ сословій, и такихъ, которыя ни къ какому сословію не принадлежатъ. Иныя здѣсь вовсе безъ цѣли—это самыя несносныя; ты сейчасъ видѣлъ образчикъ подобныхъ, большею частью добродѣтельныхъ матерей семействъ. Другія здѣсь съ какимъ-нибудь любовнымъ замысломъ: та — чтобъ побѣсить мужа, та—чтобъ изобличить предательнаго капуцина или отмстить вѣроломной летучей мыши. Большею частью у нихъ у всѣхъ есть какая-нибудь зазноба. Онѣ ищутъ здѣсь только тѣхъ, кого имъ надобно, а о насъ, душа моя, онѣ мало заботятся. Наконецъ, есть малое число такихъ, которыя вертятся здѣсь изъ однихъ только честолюбивыхъ видовъ.

—Какъ это? спросилъ Леонинъ.

—Это самыя знатныя. У нихъ, видишь, братецъ, у всѣхъ есть мужья. Онѣ хоть мужей-то и не очень любятъ, да дѣло въ томъ, что по мужьямъ и имъ почесть. Подъ маской можно сказать многое, чего съ открытымъ лицомъ сказать нельзя. Въ маскарадѣ острыми шутками, нѣжными намеками можно достигнуть покровительства какого-нибудь важнаго человѣка. Взгляни на этихъ черныхъ атласныхъ барынь, которыя вцѣпились подъ-руки этихъ вельможъ и увѣряютъ ихъ въ своей любви: повѣрь, что вся ихъ любезность не что иное, какъ послѣдствіе ихъ дальновидности. Ты еще не знаешь, о юноша мой скромный! о идиллическій мой пастушокъ! сколько вѣса имѣютъ женщины въ образованномъ обществѣ и сколько разсчета въ ихъ улыбкахъ.

— Это грустно, замѣтилъ Леонинъ.

— Чтожь дѣлать, вездѣ такъ!

Въ эту минуту къ нимъ подошла маска въ прекрасномъ домино, обшитомъ чернымъ кружевомъ, съ букетомъ настоящихъ цвѣтовъ въ рукѣ. Она погрозила Сафьеву.

— Здравствуй, Мефистофель, переложенный на русскіе нравы! Кого бранилъ ты теперь?

— Тебя, прекрасная маска.

— Ты не исправишься, Мефистофель, ты вѣчно останешься неумолимымъ, насмѣшливымъ, холоднымъ. Всегда ли ты былъ таковъ, Мефистофель? не обманула ли тебя какая-нибудь женщина?

Сафьевъ закусилъ губу.

— Меня женщина обмануть не можетъ, сказалъ онъ.

—Не вѣрьте ему, продолжала маска, обращаясь къ Леонину:—онъ сердитый человѣкъ, онъ обманетъ васъ; онъ не позволитъ вамъ вѣровать во все хорошее. Побудьте съ нимъ еще—и бѣлокурые волосы, и голубые глаза потеряютъ для васъ всю свою прелесть.

—Голубые глаза? сказалъ съ удивленіемъ Леонинъ.

—Ну да, вы знаете, тѣ, что̀ вчера были въ театрѣ, во второмъ ярусѣ съ правой стороны, тѣ, что̀ свѣтятъ въ Коломнѣ и такъ нѣжно глядятъ на васъ каждое воскресенье во время мазурки...

«Удивительно!» подумалъ Леонинъ.

—Вы въ прошломъ мѣсяцѣ хотѣли на ней жениться, да бабушка ваша писала вамъ изъ Орла, что вы слишкомъ молоды и что она несогласна. Прекрасно сдѣлала ваша бабушка! Жениться такому молодому человѣку — большая неосторожность...

—Да какъ это вы все знаете? спросилъ Леонинъ.

Домино засмѣялось подъ маской.

—О, это мое дѣло! Впрочемъ, если хотите, я вамъ скажу, что я пріѣхала изъ Орла, гдѣ мнѣ разсказали вашу исторію. Я сама живу въ деревнѣ около Курска.

Домино продолжало смѣяться и, схвативъ подъруку толстаго господина съ звѣздой, скрылось съ нимъ въ волнующейся толпѣ.

—Кто эта маска? спросилъ съ замѣшательствомъ Леонинъ.

Сафьевъ посмотрѣлъ на него съ усмѣшкой и отвѣчалъ протяжно:

—Графиня Во...ро...тын...ская. —

—Не можетъ быть: она меня не знаетъ.

—И, братъ, кого эти барыни не знаютъ? Имъ только и дѣла, что затверживать чужія имена да узнавать, кто въ кого влюбленъ и кто кого не любитъ. Это, можетъ-быть, самая занимательная сторона ихъ жизни.

«Странное дѣло» подумалъ Леонидъ: «графиня одна изъ первыхъ петербургскихъ дамъ, извѣстная красотой своей и любезностью, и огромнымъ богатствомъ, и высокимъ значеніемъ въ свѣтѣ, бросила взглядъ на меня, бѣднаго офицера. Она меня замѣтила, она знаетъ, что я хочу жениться! Странно! очень странно! Какое ей до того дѣло? Я въ знатный кругъ не ѣзжу, сижу себѣ дома въ свободное отъ ученья время, да по воскресеньямъ вечеромъ бываю въ Коломнѣ у Армидиной. Да графиня-то къ нимъ не ѣздитъ. Какое же ей до меня дѣло?»

Леонидъ невольно пріободрился и, положивъ венеціянку на руку, съ необычайной рѣшимостью началъ ходить по театру, взглядывая храбро на сидящихъ въ бенуарахъ красавицъ, которыя, по обозрѣніи его армейскаго мундира, равнодушно отводили глаза.

Сафьевъ стоялъ сложивъ руки, спиною къ пустой ложѣ, и о чемъ-то грустно размышлялъ.

Толпы все мѣрно волновались вокругъ залы. Большая часть масокъ важно расхаживала одноцвѣтными фалангами и крѣпкимъ молчаніемъ доказывала свое неоспоримое ничтожество. Другія пищали и бѣгали, въ сопровожденіи веселой молодежи. Въ побочныхъ

залахъ множество мужчинъ и нѣсколько женщинъ расположились за плохимъ ужиномъ и пробки шампанскаго хлопали объ потолокъ.

Было три часа ночи. Толпы начали примѣтно рѣдѣть. Кое-гдѣ на эстрадахъ виднѣлись еще кавалеры и маски попарно, да молодые безбрадые юноши горделиво влачили подъ-руку утомленныхъ собесѣдницъ. Маскарадъ клонился къ концу. Леонидъ въ двадцатый разъ обмѣрялъ шагами всѣ залы—и все напрасно: никто съ нимъ не останавливался, никто не обращалъ на него вниманія. Ноги его подкашивались отъ усталости. Ему было душно и становилось досадно. Онъ собирался уже ѣхать домой, вспомнивъ, что рано утромъ у него ученье, что вставать ему надо съ свѣтомъ, что спать ему придется мало. Лобъ его сморщился, брови нахмурились. Вдругъ въ длинномъ ряду креселъ мелькнуло предъ нимъ черное домино съ кружевомъ.

Отчего, скажите, въ воздухѣ, окружающемъ прекрасную женщину, есть какая-то магнитическая сила, обнаруживающая присутствіе красоты? Сердце Леонида разомъ отгадало подъ маской графиню. Въ каждой складкѣ ея наряда была какая-то щегольская прелесть; маленькой ручкой упирала она голову, съ видомъ очаровательно утомленнымъ, и въ наклоненіи ея на спинку креселъ, во всей прелестной лѣни ея существа была невыразимая гармонія...

Леонинъ трепетно къ ней приблизился.

—Вы однѣ? спросилъ онъ съ робостью.

—Да. Я устала, ужасно устала.

Оба замолчали.

—Вы на меня сердитесь? прибавила графиня.

—О, нѣтъ, напротивъ!

Леонинъ смутился и проклиналъ свою робость· Мысли какъ-будто нарочно съёжились въ его головѣ. Въ такихъ случаяхъ первое слово всегда бываетъ глупость. Такъ и было.

—Здѣсь ужасно жарко! сказалъ онъ.

—Да, продолжала графиня:—здѣсь жарко, здѣсь душно. Меня воздухъ этотъ давитъ, меня люди эти давятъ... Жизнь моя нестерпима. Мнѣ душно. Все тѣ же лица, все тѣ же разговоры. Вчера какъ ныньче, ныньче какъ вчера. Вы говорите по-французски?

«Говорю» отвѣчалъ Леонинъ въ смущеніи.

Графиня продолжала по-французски:

—Мы, бѣдныя женщины, самыя жалкія существа въ мірѣ: мы должны скрывать лучшія чувства души; мы не смѣемъ обнаружить лучшихъ нашихъ движеній; мы все отдаемъ свѣту, все значенію, которое намъ дано въ свѣтѣ. И жить мы должны съ людьми ненавистными, и слушать должны мы слова безъ чувства и безъ мысли, Ахъ! еслибъ вы знали, еслибъ вы знали, какъ надоѣли мнѣ всѣ эти женщины, всѣ эти мужчины—мужчины такіе низкіе, женщины такія нарумяненныя, и весь этотъ хаосъ блестящій меня тяготитъ и душитъ. И о насъ же говорятъ, что мы ни чувствовать, ни любить не можемъ. Но тамъ, гдѣ каждый думаетъ о себѣ, можно ли чувствовать что-нибудь? можно ли любить кого-нибудь?

—Да, съ смущеніемъ сказалъ Леонинъ:—тамъ, гдѣ думаетъ каждый о себѣ, нельзя любить. Однакожь, мнѣ кажется... я думаю, я увѣренъ... Зачѣмъ

думать только о себѣ? Не всѣ люди такіе испорченные? Надо избирать людей... Есть души пламенныя, которыя выше другихъ. Любовь истинную найдти можно; иначе жизнь была бы противорѣчіе Божьему велѣнію. Если вы думаете, граф..., если вы думаете, сударыня, что нѣтъ, что не можетъ быть истиннаго чувства, вы себя обманываете.

Маска, казалось, слушала молодаго человѣка съ съ удивленіемъ. Или слова его казались ей странными и необыкновенными, или новая мысль занимала ее, только она казалась въ порывѣ сильнаго внутренняго волненія.

—Вы себя обманываете, продолжалъ офицеръ:— въ жизни много хорошаго, много отрадъ... Живопись и музыка—творенія геніевъ, примѣры вѣковъ... Въ жизни много хорошаго... Правда, я молодъ еще, но на землѣ я видѣлъ уже много утѣшительнаго. Во-первыхъ, женщины... что лучше женщины?

— Женщина, прервала маска: — хороша только тогда, когда она молода и нравится мужчинамъ. Женщина—кумиръ, когда красота наружная придаетъ ей цѣнность въ глазахъ свѣта. Красота исчезаетъ— и кумиръ падаетъ, осмѣянный своими же поклонниками, и что жь остается тогда?—ничего, ничего, и насъ же бранятъ, о насъ же говорятъ, что мы ни чувствовать, ни любить не можемъ.

— Но васъ же любитъ кто-нибудь? сказалъ робко Леонинъ.

— Я не думаю, хотя многіе стараются меня любить. Вы меня не знаете, и я могу говорить откровенно; этого давно со мной не случалось... Да, ме-

ня многіе хотятъ любить, да я-то имъ не вѣрю. У всѣхъ есть свои причины, свои разсчеты... Во-первыхъ, я замужемъ. Мужъ меня любитъ, потому-что я ему нужна для общества и свѣта. Потомъ, одинъ адъютантъ меня любитъ, потому-что онъ чрезъ меня надѣется выйдти въ люди. Потомъ, любитъ меня одинъ дипломатъ, потому-что это ему даетъ особое значеніе въ обществѣ. Потомъ, нѣсколько человѣкъ меня любятъ потому, что имъ дѣлать нечего, потому-что они несносны. Вы понимаете, что съ такими чувствами мало остается въ мірѣ наслажденій. Мнѣ свѣтъ гадокъ, неимовѣрно гадокъ; мнѣ душно и тяжело... а ныньче въ особенности. Я и сама не знаю, что́ со мной. Эта музыка, этотъ шумъ—все это расположило меня къ безотчетной грусти... Вы меня никогда не узнаете; но я рада, что могла хоть разъ высказать свою душу, а вы еще такъ молоды, что меня поймете... Мое положеніе ужасно! Быть молодой, имѣть сердце теплое, готовое на всѣ нѣжныя ощущенія, и предугадывать небо—и быть прикованной вѣчно на землѣ съ людьми хладнокровными и бездушными, и не имѣть гдѣ пріютить своего сердца! И ныньче какъ вчера, и вчера какъ ныньче—и не имѣть права жаловаться... Я вамъ кажусь странною, не правда ли? Что жь дѣлать? Мнѣ только подъ этой маской и можно говорить откровенно. Завтра на мнѣ будетъ другая маска, и той маски мнѣ не велѣно снимать никогда, никогда...

— И не-уже-ли, спросилъ съ участіемъ Леонинъ: — не-уже-ли никогда въ мечтахъ своихъ вы не подумали о возможности встрѣтить на землѣ ду-

шу созвучную, сердце братское, человѣка, который бы съ восторгомъ посвятилъ вамъ, вамъ одной всю жизнь свою и былъ бы вашимъ сокрытымъ провидѣніемъ, и любилъ бы васъ, какъ любятъ маленькаго ребенка, и обожалъ бы васъ съ благоговѣніемъ, какъ обожаютъ существо неземное?

Маска взяла Леонина за руку и крѣпко ее пожала.

— То, что́ вы говорите, сказала она:—прекрасно... Кто изъ насъ не мечталъ о подобномъ счастьи? Но гдѣ найдти его? гдѣ встрѣтить его? гдѣ найдти человѣка, который былъ бы выше всѣхъ мелочныхъ разсчетовъ, наполняющихъ жизнь, и сохранилъ бы въ общемъ холодѣ пламень своей души, и могъ бы утѣшить сердце бѣдной женщины, и могъ бы посвятить ей всю жизнь свою неизмѣнно, безропотно?.. Для такого человѣка можно всѣмъ пожертвовать въ жизни и въ любви его найдти отраду отъ тяжкихъ горестей. Но есть ли такіе люди?.. Я перестала вѣрить, чтобъ это было возможно.

— Напрасно! съ жаромъ подхватилъ Леонинъ:— я сужу по себѣ. Я не вображаю счастья выше того, какъ выбрать себѣ на туманномъ небѣ бытія одно отрадное свѣтило. А это свѣтило должно быть и пламень и свѣтъ: оно должно согрѣвать душу и освѣщать трудный путь жизни; къ нему прильнешь всѣми лучшими помышленіями, ему отдашь всѣ свои силы. Звѣзда путеводительная, маякъ цѣлаго существованія, оно высоко и небесно; къ нему нельзя прикоснуться земною мыслью, но отъ него ниспадаютъ лучи утѣшительные, и эти лучи озаряютъ и живятъ до гробоваго мрака.

— А хороша Армидина? спросила маска голосомъ, исполненнымъ женскаго кокетства.

Ведро холодной воды плеснуло на воспламененнаго корнета.

— Армидина... Почему Армидина?.. отчего Армидина? отчего вы это у меня спрашиваете?

— Да вы влюблены въ нее.

— Я влюбленъ... нѣтъ... да... впрочемъ... я не знаю...

— Я ее, кажется, видѣла вчера въ театрѣ—тамъ, наверху. Бѣлокурая, кажется...

— Бѣлокурая, отвѣчалъ Леонинъ.

— Какъ гадокъ свѣтъ! какъ жалки люди!

Леонинъ былъ, безъ сомнѣнія, прекрасный молодой человѣкъ. Сердце его иногда доходило до поэзіи, а умъ до завлекательности и до остроумія, и что же? отъ одного прикосновенія свѣтской женщины чувство свѣтской суеты начало мутить его воображеніе! Онъ вспомнилъ, бѣдный, объ Армидиныхъ съ какимъ-то пренебреженіемъ. Состояніе недостаточное, квартира въ Коломнѣ, претензіи на пріемъ гостей; мать толстая, по названію Нимфодора Терентьевна; для прислуги казачокъ и старый буфетчикъ изъ дворовыхъ, который вѣчно кроилъ въ передней разныя платья для домашняго потребленія—все это мелькнуло вдругъ передъ нимъ каррикатурнымъ явленіемъ волшебнаго фонаря. Съ другой стороны блеснулъ передъ нимъ богатый дворецъ графини, наполненный всѣми причудами роскоши, и въ этомъ дворцѣ, среди роскошныхъ причудъ, онъ увидѣлъ графиню прекрасную, нѣжную, избалованную...

— И я васъ болѣе никогда не увижу? спросилъ онъ съ грустью.

— Никогда.

— И надѣяться нельзя?

— Нельзя.

— Дайте мнѣ хоть что-нибудь на память вашего знакомства.

Маска протянула букетъ и встала съ своего мѣста.

— Прощайте, сказала она:—будьте всегда такъ молоды, какъ теперь. И если вы когда-нибудь будете въ большомъ свѣтѣ, не забывайте, что свѣтскія женщины много имѣютъ на сердцѣ горя, и что ихъ бранить ненадо, потому-что онѣ жалки. О, еслибъ вы знали, чѣмъ бы онѣ не пожертвовали, чтобъ отъ тревожнаго шума перейдти къ жизни сердца! повторяю вамъ, чѣмъ бы онѣ не пожертвовали...

— Ничѣмъ! громко сказалъ подлѣ нихъ голосъ.

Маска обернулась. Сафьевъ стоялъ подлѣ нея съ своей вѣчной улыбкой.

— Четвертый часъ, сударыня, сказалъ онъ:— дожидаться вамъ, кажется, нечего. Прекраснаго вашего князя болѣе не будетъ. Что̀ жь дѣлать! не всѣ ожиданія сбываются.

Маска судорожно приложила пальцы къ губамъ и, кликнувъ безсловесную наперсницу, уединенно дремавшую на стулѣ, поспѣшно скрылась въ боковую дверь.

Леонинъ остался противъ Сафьева.

— Что? спросилъ послѣдній: — не говорила ли она, что ея не понимаютъ, что она ищетъ высокихъ

наслажденій, что свѣтская женщина жалка, потому-что она должна скрывать свои лучшія чувства?

— Ну, такъ что жь?

Сафьевъ посмотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ, а потомъ засмѣялся.

Леонинъ разсердился и, нанявъ извощика, уѣхалъ домой.

II.

Еслибъ я писалъ повѣсть по своему выбору, я избиралъ бы себѣ въ герои человѣка съ рыцарскими качествами, съ волей сильной и твердой, какъ камень, но съ ужасной, таинственной страстью, которая сдѣлала бы его крайне интереснымъ въ глазахъ всѣхъ чувствительныхъ губернскихъ барышень. Онъ любилъ бы долго и долго. Красавица любила бы его долго и долго. Все шло бы своимъ чередомъ. Вотъ и ручеёкъ, вотъ и отвѣсистое дерево, вотъ и нѣжныя свиданія! Тутъ кстати все, что́ говорится о любви да о природѣ. И вдругъ вдали нависла бы туча, загремѣла бы буря: явился бы отецъ-злодѣй, или мать-злодѣйка, или свирѣпый опекунъ, или, просто, какой-нибудь злодѣй. Пошли бы препятствія одно за другимъ, своимъ классическимъ порядкомъ, и вотъ къ самому концу, передъ послѣдней страницей, небо прояснилось бы, потому-что трогательныя окончанія чрезвычайно пріѣлись публикѣ и не возбуждаютъ болѣе должнаго сожалѣнія. Злодѣй вдругъ бы усмирился, чета моя обвѣнчалась. Начался бы свадебный балъ—и всѣ были бы счастливы, и я бы очень былъ доволенъ собой.

Но, увы! я долженъ выбирать лица своего разсказа не изъ вымышленнаго міра, не изъ небывалыхъ людей, а среди васъ, друзья мои, съ которыми я вижусь и встрѣчаюсь каждый день, нынче въ Михайловскомъ Театрѣ, завтра на желѣзной дорогѣ, а на Невскомъ Проспектѣ всегда.

Вы, добрые молодые люди, друзья мои, вы хорошіе товарищи, но вы не рыцари древней чувствительности, вы не герои нынѣшнихъ романовъ. Вы обѣдаете у Дюмè, вы вызываете Тальони, вы танцуете съ приданымъ молодыхъ дѣвушекъ, или съ значеніемъ молодыхъ кокетокъ. Вы похожи на всѣхъ людей и, сказать правду, таинственности, романтизма я не вижу въ васъ! Вы—добрые молодые люди, друзья мои, больше ничего! Истина, грозная истина, которой я не смѣю ослушаться, приказываетъ мнѣ безъ ложныхъ прикрасъ изобразить васъ въ моемъ правдивомъ разсказѣ.

Было поздно, когда Леонинъ возвратился изъ маскарада. Сальная свѣчка догорала въ узенькой передней. Тимоѳей, слуга его, дремалъ на стулѣ.

—Есть что для меня? спросилъ Леонинъ.

— Приказъ вашему благородію: ученье въ семь часовъ.

Леонинъ нахмурился.

—Еще что?..

— Письмо по почтѣ, кажись, отъ Настасьи Александровны.

— А пріѣзжалъ кто безъ меня?

— Пріѣзжалъ князь Щетининъ.

— Хорошо.

Комнатки гусарскаго офицера, прикомандированнаго изъ арміи къ гвардейскому полку, описывать недолго. Сѣдла, мундштуки, нѣсколько литографій Греведона, бронзовая чернильница, маленькій коврикъ, статуэтка Тальони, кровать—да и все тутъ.

Леонинъ закурилъ трубку и распечаталъ письмо.

«Отъ бабушки» сказалъ онъ.

Онъ началъ читать:

«Милый Миша! вотъ четыре недѣли, какъ отъ тебя ни строчки, ни вѣсточки. Ужь не боленъ ли ты, другъ мой? Ужь не подъ арестомъ ли? Смотри, Миша, не ходи противъ формы. Оно, вѣдь, одно и то же, кажется, что по формѣ, что не по формѣ, такъ зачѣмъ же понапрасну казаться виноватымъ передъ старшими? да и славу нехорошую заслужишь. Слушайся начальниковъ, Миша, берегись дурныхъ совѣтовъ и дурной компаніи: дурные люди хорошему не научатъ...»

Леонинъ остановился и задумался. «Какое до меня дѣло графинѣ? Къ чему это она мнѣ все говорила? Можетъ-быть, она замѣтила, что въ театрѣ вчера я глядѣлъ на ея ложу, гдѣ сидѣлъ Щетининъ. Вѣрно, я ей понравился, что она говорила со мною какъ-будто съ стариннымъ другомъ, и подарила свой букетъ. Такихъ вещей не дарятъ людямъ, къ которымъ совершенно равнодушны. Непостижимо!..»

Леонинъ продолжалъ читать:

«Не думай, Миша, что мы, старые люди, такисовсѣмъ изъ ума выжили и говоримъ одинъ только вздоръ. Совѣтъ нашъ всегда хорошъ, даже когда онъ вамъ, молодымъ людямъ, и не нравится. Вотъ, на-

примѣръ, тому назадъ два мѣсяца, ты сердился на меня, что я не позволила тебѣ жениться. Ты пишешь мнѣ, что дѣвушка прелестная, и лицо ангельское, и доброта душевная, и тонкая талія, и волосы прекрасные—все такъ, да ты-то, Миша, что? Когда бѣдная моя Олинька, твоя мать, скончалась, а отецъ твой, не въ укоръ будь ему сказано, промоталъ женнино имѣніе, умеръ вскорѣ послѣ нея, вы остались на рукахъ моихъ: братъ твой старшій, да ты, мальчикъ пятилѣтній, да двухнедѣльная сестра. Вотъ и принялась я за хозяйство на старости лѣтъ, чтобъ устроить вамъ состояньице, чтобъ былъ у васъ свой кусокъ хлѣба впереди. Да память-то у меня слаба; дѣло мое женское и старое: какъ ни старалась я, а все-таки, и съ моимъ имѣніемъ, всего у насъ душъ четыреста съ небольшимъ. Много ли прійдется тебѣ, на твою долю? Откуда же прикажешь мнѣ брать доходы, чтобъ ты могъ жить прилично съ женою, какъ слѣдуетъ дворянину? Да ей всего бы нашего дохода на одни наряды не стало. Вѣдь я даромъ что стара, а знаю, что̀ такое жить въ столицѣ: и того хочется, и дугаго хочется. Отчего у того карета, а у меня нѣтъ кареты? отчего у той роброндъ атласный, а у меня нѣтъ атласнаго робронда? Я вѣрю, что дѣвушка прекрасная...»

«Прекрасная», подумалъ вздохнувъ Леонинъ: «что за волосы! Я никогда такихъ волосъ не видалъ. А ка̀къ говоритъ, ка̀къ улыбается! Глаза только, кажется, у нея маленькіе .. да́, точно маленькіе. Вотъ у графини, такъ удивительные глаза, черные какъ

смоль, блестящіе какъ звѣзды... Что́ пишетъ еще бабушка?»

«... Дѣвушка... прекрасна... А знаешь ли ты, любитъ ли она тебя точно? Не мундиръ ли твой, не наружность ли твоя ей понравились? Вѣдь ты, Миша, красавецъ... «И точно, кажется, я очень не дуренъ» радостно вспомнилъ Леонинъ. «Я и не одной Армидиной могу понравиться. Что еще?»

«Выйдетъ она за тебя замужъ; ты ей приглядишься... будетъ вамъ скучно, а потомъ, чего Боже сохрани!.. Нѣтъ, Миша, не проси позволенія жениться... Не то я позволю, и на старости лѣтъ буду плакать надъ вами...»

«Добрая бабушка!» подумалъ Леонинъ: «вижу ее отсюда, въ ея низенькомъ домикѣ, въ ея большихъ креслахъ, исхудалую, съ очками на чепчикѣ; вижу отсюда, ка́къ она медленно перелистываетъ Библію или тихо ведетъ бесѣду съ сельскимъ нашимъ священникомъ, отцомъ Іоанномъ... Добрая бабушка!.. Да какое графинѣ-то до меня дѣло? Она знаетъ, что бабушка не позволила мнѣ жениться и знаетъ, что я влюбленъ въ Армидину... Впрочемъ, влюбленъ ли я? Быть можетъ, любовь моя не что иное, какъ обманъ воображенія. А что? Вѣдь точно можетъ быть...»

Онъ читалъ далѣе:

«Я иногда думаю, Миша, что меня Богъ накажетъ за то, что я тебя любила и баловала больше твоего брата и сестры. Братъ твой былъ уже взрослый мальчикъ, а сестра еще въ колыбели, когда я васъ взяла къ себѣ въ домъ. А ты бѣгалъ уже въ

красной рубашечкѣ, кудри твои вились отъ природы по плечикамъ, и ты обнималъ меня, и сидѣлъ у меня на колѣняхъ, и цаловалъ меня, и говорилъ мнѣ: «я вамъ, бабушка, помощникъ!» Въ то время у сосѣдки моей и доброй пріятельницы Гориной, родилась вторая дочь, Наденька, и мы шутя просватали васъ другъ за друга. Послѣ стали говорить объ этомъ чаще и обмѣнялись словами. Года два назадъ, бѣдная Горина скончалась — дай Богъ ей царствіе небесное! Передъ смертью я навѣстила ее, и мы разговорились о васъ. «Поручаю тебѣ мою Наденьку» сказала она: «пускай выбираетъ она себѣ мужа по-сердцу—это мое послѣднее приказаніе. Если Миша твой ей слюбится, пусть будутъ они счастливы. Богатства для нея ненадо. Все мое имѣніе ей. Сестра ея богата, и дорого купила свое богатство; но была ея воля: я дочерей своихъ ни къ чему не принуждала.

«Ты былъ тогда въ губернской гимназіи, Миша; послѣ ты вступилъ въ полкъ и давно не видалъ моей Наденьки. А Наденьку съ нянькой Савишной взяла теперь въ Петербургъ сестра ея, которая тамъ за какимъ-то знатнымъ. Вотъ тебѣ невѣста, Миша, такъ невѣста! Ей было тринадцать лѣтъ, когда она отъ насъ уѣхала; собой красавица; дочь моего друга; имѣніе небольшое, но прекрасное, незаложенное, и нравъ прекрасный, и неизбалованная, и непричудливая. Вотъ невѣста тебѣ, Миша! Ты видишь, что все счастіе мое состоитъ въ твоемъ счастіи. Не пѣняй на меня, если порой прійдется выговорить тебѣ непріятное слово. Повѣрь, мой другъ, все это къ

твоему же добру. Теперь послужи, а женитьба не уйдетъ. Берегись дурныхъ людей, а пуще всего карточной игры. Ходи по праздникамъ и по воскресеньямъ къ обѣднѣ. Не ходить къ обѣднѣ—грѣхъ: не бери его на душу. Хотѣлось бы и мнѣ съѣздить помолиться за васъ въ Кіевъ Печерской Богоматери, да въ Воронежъ, святому угоднику... Не знаю, какъ соберусь силами, да деньжонками. Годы, самъ ты знаешь, какіе: рига сгорѣла, яровыхъ какъ не бывало. Ты служишь въ Петербургѣ, тебѣ нужна лошадка верховая, и санки, и все, какъ прилично офицеру; сестра твоя не нынче, завтра невѣста: не съ пустыми же руками отпустить ее въ чужой домъ. Брату твоему старшему въ отставкѣ скучно; пришло ему на мысль завестись въ деревнѣ охотою: на все деньги, а дѣлать нечего, надо же молодому человѣку чѣмъ-нибудь потѣшиться. Я было уговаривала его еще послужить, да онъ отвѣчаетъ, что служба ему не годится.

«Впрочемъ, все у насъ благополучно, все идетъ по старому. Въ воскресенье былъ у насъ храмовой праздникъ. Ожидали преосвященнаго, только онъ не пожаловалъ. За обѣдней отецъ Іоаннъ, который тебѣ кланяется, говорилъ намъ трогательную проповѣдь своего сочиненія. Послѣ молебна обѣдали у меня сосѣди Лидарины, Митровихины, да старушка Бобылева; былъ также судья, отставной капитанъ-лейтенантъ, прекрасный человѣкъ, былъ въ Америкѣ и все разсказываетъ о морской жизни.

«Вотъ тебѣ всѣ мои новости, Миша; у насъ, деревенскихъ, много не наслышишься. Цалую тебя за-

очію. Посылаю тебѣ родительское благословеніе. Дай Богъ тебѣ быть веселымъ и здоровымъ. Берегись простуды, молись Богу и не забывай старушку бабушку твою «Настасью Свербину.»

«Почему уговаривала меня графиня» думалъ Леонинъ «пожалѣть о свѣтскихъ женщинахъ, если я буду въ большомъ свѣтѣ? Слѣдовательно я могу быть въ большомъ свѣтѣ? Да для чего же нѣтъ?... Собою я, говорятъ, хорошъ, танцую весьма порядочно, да и въ обществѣ я довольно ловокъ: въ мазуркѣ у Армидиныхъ меня то-и-дѣло что выбираютъ... Что, еслибъ я точно графинѣ понравился — вотъ было бы счастье! на меня смотрѣли бы съ завистью всѣ гвардейскіе франты, всѣ парижскіе фраки, которые такъ сильно около нея увиваются... И я, бѣдный, забытый офицеръ, съ одного бы шага сталъ выше всѣхъ ихъ... Стоитъ попросить только Щетинина: онъ представитъ меня во всѣ лучшіе домы.. И тамъ я буду видѣть графиню...»

Съ сладкою мечтою легъ онъ спать, но долго глаза его не смыкались.

Онъ не былъ еще до того развращенъ или опытенъ, чтобъ желать сдѣлать себѣ изъ женщины пьедесталъ для своего возвышенія. Въ графинѣ прежде всего видѣлъ онъ ея красоту, ни съ какимъ изъ сновидѣній его несравнимую. Глаза ея жгли сердце его. Звучный, тихій голосъ ея волновалъ воображеніе его. Онъ былъ молодъ, онъ былъ влюбчивъ...

Уже звѣзда Армидиной тихо закатывалась на

небосклонѣ его помышленій и величественно подымалось на немъ яркое свѣтило очарованій графини, озаряя его новымъ, незнакомымъ свѣтомъ. И вдругъ, отъ новаго свѣтила пала на его сердце одна искра и глубоко заронилась въ него. Увы! то была искра честолюбія. Какъ ни совѣстно мнѣ сознаваться въ слабостяхъ моего героя, а истины не смѣю утаить. Не знаю, почему съ образомъ графини свилась въ головѣ пылкаго корнета завлекательная мысль о возвышеніяхъ и отличіяхъ. Быть-можетъ, это оттого, что онъ засыпàлъ, но ему казалось, что графиня ему улыбалась, что онъ съ любовью устремилъ на нее свои взоры и тихо на нее упирался, и что все она была хороша, и пышна, и очаровательна, и все ему тихо улыбалась, и что ужь онъ былъ адъютантомъ у бригаднаго, а тамъ флигель-адъютантомъ и полковникомъ съ крестами на шеѣ... и вотъ, произведенъ онъ въ генералы, въ генерал-лейтенанты, въ генерал-адъютанты, въ генерал-губернаторы, въ министры...

Андреевская лента величаво покоилась на его плечѣ, когда онъ заснулъ...

Тщетно Тимоѳей тащилъ его за ноги и кричалъ ему на ухо, что семь часовъ, что пора одѣваться и ѣхать на ученье. Полусонный, онъ вытолкалъ Тимоѳея въ двери и заснулъ крѣпко-на-крѣпко, съ чувствомъ какого-то новаго достоинства.

Пробужденіе было довольно-непріятное...

Вѣстовой изъ полка принесъ приказаніе: «Корнету Леонину немедленно явиться въ полковую канцелярію для объясненія по дѣламъ службы». Объя-

сненіе было самое краткое: полковой командиръ, не допустивъ виновнаго до себя, отправилъ его на три дня подъ арестъ.

Скучно подъ арестомъ! Голыя стѣны, истертыя кожаныя кресла, по угламъ шаркаютъ крысы; въ другой комнатѣ крупно-насоленыя шутки солдатъ; жизнь вседневная останавливается, а шумъ людской дразнитъ за окошкомъ. Леонину стало грустно. Къ вечеру онъ тихо дремалъ, оперщись на раскрытую книгу... Вдругъ громкій хохотъ разбудилъ его: Щетининъ, въ лядункѣ черезъ плечо и въ шарфѣ, какъ дежурный, велъ за собой Сафьева; оба смѣялись. Сафьева вы ужь знаете; съ Щетининымъ позвольте васъ познакомить.

III.

Въ Петербургѣ почти всѣ молодые люди похожи другъ на друга: у всѣхъ одинакія привычки, одинакія ухватки, одинъ и тотъ же портной, одна и та же прическа, тѣ же разговоры, то же образованіе, почти тотъ же умъ.

Замѣтьте въ мазуркѣ, при нѣкоемъ поворотѣ: всѣ одинаково какъ-то прихлопываютъ каблуками, и во французской кадрили всѣ какъ-то одинаково непринужденно машутъ правой рукой.

Въ большомъ свѣтѣ всѣ они чрезвычайно приличны. Съ математической точностью знаютъ они гдѣ стать, гдѣ сѣсть, гдѣ поклониться, гдѣ говорить и гдѣ молчать. Тактикой гостиныхъ обладаютъ они вполнѣ. Между товарищами—дѣло другое: фраки до-

лой, мундиры на-распашку. Тутъ стараются они высказываться добрыми малыми. Карты на столъ—подавай лишь шампанскаго. Тутъ всѣ добрые малые, съ перваго до послѣдняго.

И что́ всего страннѣе: тотъ же самый франтъ, который, за полчаса предъ тѣмъ, въ перетянутомъ мундирѣ или въ перекрахмаленномъ галстухѣ казался робокъ и неприступенъ, какъ красная дѣвица, вдругъ дѣлается отчаяннымъ крикуномъ, бранитъ принужденность гостиныхъ и шумитъ одинъ за трехъ армейскихъ майоровъ.

Всѣ они раздѣляются на два класса: военныхъ и статскихъ. Въ Москвѣ есть еще одинъ классъ, который и не военный, и не статскій, который ходитъ въ усахъ, въ шпорахъ, въ военной фуражкѣ и въ венгеркѣ; но это до насъ не касается: мы говоримъ единственно о молодыхъ людяхъ петербургскихъ. Степень взаимнаго уваженія, разумѣется, свѣтскаго, опредѣляется, какъ и слѣдуетъ, между ними бо́льшимъ или меньшимъ богатствомъ. Если одинъ изъ нихъ имѣетъ свою карету, собственнаго повара, щегольски отдѣланную квартиру и абонированное кресло, то онъ можетъ быть увѣренъ, при порядочномъ имени, что займетъ почетное мѣсто среди петербургской молодежи.

Таковыми преимуществами Щетининъ обладалъ вполнѣ. Къ тому же отецъ, бывшій нѣкогда посланникомъ, оставилъ ему большое достояніе, никѣмъ неоспориваемое, а природа одарила его прекрасной наружностью и пылкимъ, прямымъ умомъ. Съ дѣтства попалъ онъ въ стихію большаго свѣта, воспитывался

за границей, пріѣхалъ потомъ въ Петербургъ и съ перваго шага занялъ между великосвѣтскими юношами одно изъ первыхъ мѣстъ. Свѣтъ былъ для него дѣло обыкновенное, къ которому онъ привыкъ; свѣтъ былъ ему и непротивенъ, и неувлекателенъ, и не удивлялъ его, только часто не находилъ онъ въ немъ многаго, а чего именно — долго не постигалъ.

За-то никто не умѣлъ такъ почтительно кланяться старымъ дамамъ, такъ откровенно шутить и смѣяться съ молодыми. Каламбуры его повторялись во всѣхъ гостиныхъ. Приглашенія на пышно-дружескіе обѣды сыпались на него дождемъ. Всѣ невѣсты улыбались ему привѣтливо, иныя даже — спаси меня Господи отъ прегрѣшенія и клеветы! — вертясь съ нимъ, въ минуту разсѣянности, тихо пожимали ему руку. Замужнія дамы имѣли всегда для него на балѣ мѣстечко подлѣ себя за ужиномъ; однимъ словомъ: онъ былъ предводителемъ всѣхъ кавалеристовъ сѣверной столицы.

Между товарищами, кромѣ должнаго богатству его уваженія, онъ былъ искренно любимъ и былъ дѣйствительно добрый малый, иногда даже слишкомъ добрый малый, потому-что пылкая природа заносила его слишкомъ далеко. Ни въ какой шалости не отставалъ онъ отъ своихъ однослуживцевъ. Въ карты могъ онъ играть по цѣлымъ ночамъ сряду, бутылку шампанскаго — извините за историческую точность —могъ выпивать, хотя-нѐ-хотя, но съ одного раза; а какъ пойдутъ удалые анекдоты и беранжеровскія пѣсни, то громкій хохотъ товарищей возглашалъ ему всегда торжественное одобреніе.

Но былъ ли онъ доволенъ собой въ чаду своихъ успѣховъ — не знаю. По-крайней-мѣрѣ, нерѣдко находила на него хандра неописанная. Тогда догадывался онъ, что въ дружбѣ друзей его промелькивала зависть; что въ привѣтствіяхъ молодыхъ дѣвушекъ скрывалась тайная мысль о выгодномъ женихѣ; что свѣтскія дамы заманивали его въ свои сѣти, потому-что онъ въ модѣ; что онъ родня цѣлому свѣту, и что подобная побѣда заставила бы всѣхъ соперницъ по чепчикамъ и по красотѣ умереть съ досады. Тогда голова его склонялась отъ пустоты и усталости; тогда хватался онъ за грудь и чувствовалъ, что въ ней билось сердце, созданное не для шума и блеска, а для жизни иной, для высшаго таинства — и тяжело было ему тогда, и хандра налагала на него свои острые когти. Но онъ, стыдясь ея, съ сердцемъ, ноющимъ отъ скуки и горя неразгаданнаго, продолжалъ вести съ товарищами жизнь разгульную и молодецкую, а въ свѣтѣ любезничать съ дамами и щеголять напропалую.

Такъ прошло много лѣтъ. Щетининъ дожилъ до той непріятной эпохи, гдѣ человѣкъ замѣчаетъ, что онъ начинаетъ старѣть. Онъ влюблялся какъ могъ и гдѣ могъ, но онъ столько зналъ свѣтъ и жизнь, что не могъ влюбиться не на шутку, и по истертой колеѣ продолжалъ путь своей жизни, иногда забывая о немъ, иногда проклиная его отъ души.

Однажды (это было лѣтомъ) на маленькой дачѣ, примыкающей къ пышной дачѣ графини Воротынской, былъ шумный холостой обѣдъ; смѣхъ и вино оживляли собесѣдниковъ. Послѣ обѣда сѣли иг-

рать въ карты, заварили жженку. Нагрянула новая молодежь—и пошла потѣха. Щетининъ сидѣлъ на первомъ мѣстѣ, пилъ, что́ наливали, и проигрывалъ болѣе всѣхъ. Долго тянулась игра. Всю ночь на-пролетъ тряслись окошки отъ шумной бесѣды; всю ночь были слышны пѣсни и восклицанія пирующихъ. Когда всѣ разстались, на дворѣ было совершенно свѣтло. Щетининъ, желая освѣжиться прохладою утренняго воздуха, отправился на свою дачу пѣшкомъ.

Утро было чудное. Солнце, тихо подымаясь, весело играло утренними лучами по пестрымъ крышамъ приневскихъ дачъ. Деревья едва колыхали вершинами. Птички перелетали съ вѣтки на вѣтку. Цвѣты, распускаясь, улыбались сквозь слезъ росы. Воздухъ былъ свѣжъ и чистъ и благоуханенъ. Вправо, на зеленой лужайкѣ, паслось пестрое стадо. Вдали шли крестьяне на дневную работу да священникъ шелъ къ ранней обѣднѣ.

Щетинину стало совѣстно. Съ досадой вспомнилъ онъ глупую свою ночь, вспомнилъ раскраснѣвшіяся лица своихъ пріятелей и жадность, съ которою они кидались на мѣлки, чтобъ записывать его проигрышъ. Цѣлый вечеръ, проведенный въ разгульномъ забытьи, показался ему такъ гадокъ, такъ унизителенъ передъ величественной, божественной картиной, которая развивалась въ глазахъ его.

Въ эту минуту порхнула передъ нимъ дѣвочка лѣтъ тринадцати, которая весело неслась за бабочкой. Прелестное ея личико разгорѣлось отъ бѣга, волосы развѣвались по вѣтру; она смѣялась и прыгала, и кружилась легче мотылька, своего воздушнаго сопер-

ника. Никогда Щетинин не видалъ ничего лучше, свѣжѣе этого полуземнаго существа. Оно какъ будто слетѣло съ полотна Рафаэля, изъ толпы его ангеловъ, и смѣшалось съ цвѣтами весны, съ лучами утренняго солнца, для общаго празднованія природы. Душа Щетинина стала свѣтлѣе и какъ-будто расширилась. Слеза повисла на его рѣсницѣ; долго онъ стоялъ очарованный и съ жадностью слѣдилъ, какъ милое дитя прыгало и неслось все далѣе и далѣе, и мелькало вдали среди душистыхъ кустовъ.

Есть минуты въ жизни, которыя не знаменуются ни сильными переворотами и никакими внѣшними особенностями, со всѣмъ тѣмъ онѣ дѣлаются для насъ точками свѣтлыми, незабвенными, неизгладимыми.

Отрадныя впечатлѣнія чуднаго утра врѣзались въ душѣ Шетинина; онъ сохранилъ ихъ, какъ святыню, которую прячешь отъ невѣрующихъ. Правда, онъ никому въ томъ не сознался и ни за какія сокровища въ мірѣ не открылся бы онъ лучшему другу. Какъ человѣкъ свѣтскій, всего болѣе страшился онъ насмѣшекъ, а ничто ихъ такъ не навлекаетъ, какъ простосердечное сознаніе въ истинномъ, сердечномъ впечатлѣніи, и съ той поры Щетининъ сблизился съ графиней Воротынской, и скоро молва назначила его въ числѣ ея поклонниковъ. Графиня сперва съ нимъ пококетничала, а потомъ, увѣрившись въ его постоянствѣ и не теряя его изъ виду, обратилась къ другимъ съ своими невинными нападеніями.

Но модный князь искалъ другаго, искалъ лучшаго и не могъ отдать себѣ отчета въ странномъ чувствѣ, которое имъ овладѣвало. Онъ—владыка моды, предъ

которымъ трепетали люди женатые отъ страха, люди холостые — отъ зависти; онъ, ничему и никому невѣрившій, онъ, ничего и никого нелюбившій, онъ, князь Щетининъ, выжидалъ, съ невыразимымъ волненіемъ и трепетомъ минутныхъ, рѣдкихъ появленій маленькой дѣвочки въ бѣломъ платьицѣ, въ черномъ передничкѣ, съ необходимымъ присѣданіемъ, съ неизбѣжной гувернанткой, и чувствовалъ самъ, не понимая почему, какъ, при видѣ ея, душа отдыхала отъ тяжкой усталости. Дѣвочка, явившаяся ему въ свѣтлое утро, была сестра графини!!

Въ минуты шумныхъ наслажденій свѣта онъ самъ иногда смѣялся надъ собою; но когда ему было грустно, когда онъ уединялся въ своихъ мысляхъ, онъ всегда призывалъ милое видѣніе, и тогда тихо надъ нимъ вѣялъ дѣтскій образъ, который нечаянно дополнилъ ему въ незабвенное утро всѣ красоты природы и всѣ отрады Провидѣнія.

Такъ между двойственной жизнью провелъ онъ быстро два года. Никто не подозрѣвалъ и никому на мысль не приходило подозрѣвать его тайну. Впрочемъ, онъ продолжалъ свой прежній родъ жизни: ѣздилъ въ общества и не отставалъ отъ товарищей. Мы остановились на томъ, какъ пришелъ онъ съ Сафьевымъ навѣстить Леонина подъ арестомъ.

IV.

All wissend bin ich nicht, doch viel ist mir bewusst, (*Mephistophelles. Faust*. 1 *Aufz.*)

— Что, братъ, попался?

— Видишь, братецъ, сижу... Дѣлать нечего. Былъ вчера въ маскарадѣ, а ныньче проспалъ ученье.

—Вольно же тебѣ ѣздить въ маскарады! По-моему, нѣтъ ничего скучнѣе: ходишь-себѣ на разсвѣтѣ съ какой-нибудь старушонкой да удивляешься своему счастью...

—За-то прибавилъ насмѣшливо Сафьевъ: — вы, можетъ-быть, душа моя, сдѣлались повѣреннымъ важныхъ дамскихъ секретовъ.

— Послушай, Щетининъ, спросилъ Леонинъ: — ты членъ англійскихъ горъ?

— Дà. Хочешь, я тебя запишу?

— Сдѣлай одолженіе.

—Хорошо. Да къ чему оно тебѣ? Холодъ престрашный; того-и-гляди, что заморозишь пальцы, или какой-нибудь ловкій баринъ сломаетъ тебѣ шею.

— Все-равно. Скажи пожалуйста, какія теперь визитныя карточки въ модѣ: съ гербами или безъ гербовъ?

— И, братецъ! будто не одно и то же?

— Кажется, что съ гербомъ и золотыми буквами: оно красивѣе. Ихъ, кажется, у Беггрова заказываютъ?

— У Беггрова.

. . . .

— Послушай, не хочешь ли, какъ меня выпустятъ, поѣхать со мной по Невскому верхомъ?

—Нѣтъ, братъ, слуга покорный: боюсь простуды.

. . . .

— Ты бываешь у графини Б. на ея раутахъ?..—

— Бываю.

. . . .

— А у англійскаго посланника ты бываешь?

— Бываю.

. . . .

— Ка̀къ бы перейдти мнѣ въ гвардію?

— А что?

— Да такъ... Меня, можетъ-быть, пригласятъ на балъ во дворецъ.

—Можетъ-быть.

— Скажи пожалуйста, ты видѣлъ, какъ я танцую мазурку?

—Не помню, право.

. . . .

— А что ты думаешь, можно мнѣ будетъ пуститься въ мазурку?

Щетининъ посмотрѣлъ на Леонина съ удивленіемъ.

— Что́ это съ тобой? Откуда эта свѣтскость? Ужь не вздумалъ ли ты пуститься въ свѣтъ?

— А что?... А что?... развѣ это невозможно? Развѣ ты находишь, что я недостоинъ? А я думалъ, что ты еще поможешь мнѣ: у тебя такъ много родни и знакомыхъ. Тебѣ бы легко было меня представить въ лучшіе домы.

Щетининъ покачалъ немного головой.

— Не совѣтовалъ бы я тебѣ...

— Ты отказываешься? прервалъ Леонинъ полуобиженнымъ тономъ.

—О, нѣтъ! представить могу я тебя кому хочешь; во-первыхъ, всѣмъ моимъ кузинамъ. Надобно тебѣ сказать, что въ Петербургѣ у меня кузинъ цѣлая

пропасть: княгиня Галинская, княгиня Красносельская, графиня Воротынская...

— Графиня!... закричалъ Леонинъ, и весь жаръ молодости отразился на его щекахъ.

— Ты повезешь меня къ ней—она пріиметъ меня? Я буду ее видѣть? Я буду говорить съ ней?

Щетининъ улыбнулся. Оба начали курить и оба задумались..

О чемъ могли они думать, молодые люди — нетрудно отгадать. Когда молодой человѣкъ куритъ и думаетъ, то вѣрно положить можно, что въ туманѣ бѣглыхъ помышленій его мелькаютъ и блещутъ кудри шелковыя, глаза томные, ножки сильфидины — всѣ прелести, всѣ очарованія.

Графиня во всемъ блескѣ своей красоты являлась Леонину, прекрасная и лучезарная, и какъ-будто манила его за собой въ раззолоченные чертоги петербурскихъ вельможъ. Леонинъ мысленно, горделиво любовался ею...

О чемъ же думалъ Щетининъ? Намъ, которые нескромно подняли кончикъ завѣсы тайны его, догадаться нетрудно.

Онъ видѣлъ предъ собой бѣлое платьице, волосы, приглаженные за ушами, черный передникъ, пальчикъ немного въ чернилахъ, взоръ потупленный и стыдливый, дѣвочку въ пятнадцать лѣтъ, въ той порѣ, когда она уже не дитя и еще не женщина, въ той порѣ, когда ей надобно еще учиться, а уже хочется на балъ.

Сафьевъ нетерпѣливо барабанилъ пальцами по окошку; наконецъ, съ взглядомъ истиннаго сожалѣнія, обратился онъ къ Леонину:

— И такъ, душа моя, вы пускаетесь рѣшительно въ свѣтъ? Скоро вы рѣшились... Берегитесь, молодой человѣкъ: плохо вамъ будетъ; у васъ нѣтъ ни знатнаго батюшки, ни знатной матушки, которые могли бы васъ выдвинуть впередъ...

— Я не прошу увѣщанія, сказалъ Леонинъ.

— Богъ тебѣ судья! сказалъ Сафьевъ. — Но я такъ давно шатаюсь по свѣту и по свѣтамъ разныхъ столицъ, что по этой части мои совѣты могутъ только принести большую пользу всякому дебютанту. Вотъ тебѣ мое родительское наставленіе и необходимыя правила до вступленія твоего въ санктпетербургскій Faubourg St. Germain. Во-первыхъ, вальсируй мастерски: въ свѣтѣ для бѣднаго человѣка это единственное средство выйдти въ люди; волочись всегда за самыми первыми и важными красавицами — слышишь ли? Богъ тебя сохрани изъ неумѣстной скромности стать въ мазуркѣ съ какимъ-нибудь уродомъ въ газовомъ платьѣ; это могутъ себѣ позволить лишь устарѣлые мазуристы. Для начинающаго подобная неосторожность можетъ быть пагубна... Не говори почти ничего, или говори вещи самыя обыкновенныя. Пускай думаютъ, что ты немного глупъ: это тебѣ не повредитъ, напротивъ... Будь всегда одѣтъ по строгой формѣ; не позволяй себѣ ни цѣпочекъ, ни лорнетовъ, ни какихъ вычуръ армейскихъ франтовъ, ничего, однимъ словомъ, что бъ заставило тебя замѣтить. Свѣтской моды ты никогда не достигнешь, но ты можешь достигнуть привычки, то есть, къ тебѣ привыкнутъ, и мѣсто твое навсегда будетъ тебѣ назначено въ четвертой или пятой парѣ всѣхъ мазу-

рокъ, а имя твое смѣшано съ тѣми, о которыхъ вспоминаютъ наканунѣ бала и которыя забываются на другой день...

— Главное дѣло: не кажись искательнымъ, не торопись знакомиться со всѣми; не кланяйся никому низко; танцуй-себѣ, да молчи. Знакомства и приглашенія придутъ сами по себѣ постепенно, тѣмъ болѣе, что какая-нибудь дама возьметъ тебя подъ свое покровительство, а прочія пожелаютъ отнять тебя у нея. Но помни одно: цѣль твоя не можетъ быть та, чтобъ о тебѣ говорили: c'est un jeune homme distingué. Оставь это людямъ богатымъ и людямъ съ истиннымъ геніемъ. Вся цѣль твоя заключается въ томъ, чтобъ молодыя дамы говорили о тебѣ: il est vraiment gentil, а чтобъ мужья отвѣчали имъ, безпечно зѣвая: ou... i, c'est un joli danseur pour un bal. Когда же ты укоренишься на своемъ мѣстѣ: всѣ вообще прозовутъ тебя le petit Леонинъ, и ты, мой бѣдный petit Леонинъ, будешь petit Леонинъ до восьмидесяти лѣтъ. Вотъ тебѣ вся карьера твоя. Засимъ даю тебѣ мое родительское благословеніе! Дѣлай какъ знаешь. Пора мнѣ ѣхать домой пообѣдать. У меня вино чудесное, а ростбифъ такой, что въ Лондонѣ бы на-диво. Поѣдемъ Щетининъ, обѣдать.

— Нѣтъ, братъ, я отозванъ.

— Ка́къ досадно, душа моя! я не могу обѣдать одинъ. Это единственная минута, въ которую я имѣю надобность въ людяхъ.

Онъ взялъ шляпу и ушелъ.

— Эгоистъ! сказалъ Леонинъ.

—Чудакъ! сказалъ Щетининъ:—а говоритъ прав-

ду. Впрочемъ, я отъ своего слова не отступаюсь... На будущей недѣлѣ у тетки моей большой балъ. Если хочешь, я могу достать тебѣ приглашеніе.

— Ты меня много обяжешь, сказалъ Леонинъ, пожавъ ему руку, а потомъ прибавилъ мысленно: «я ее увижу... а тамъ... что будетъ, то будетъ...»

V.

Представьте себѣ теперь комнатку Наденьки, комнатку маленькую, о двухъ окошкахъ съ бѣлыми занавѣсками. Въ углу нѣсколько куколъ подлѣ толстыхъ лексиконовъ; у стѣнки столикъ съ тетрадями и маленькимъ альбомомъ. Рядомъ ширмы и зеркало, а за ширмами кровать.

Неправда ли, въ этой комнаткѣ вѣетъ какой-то душевной прохладой? Въ ней, кажется, воздухъ чище, свѣтъ свѣтлѣе. Все носитъ въ ней отпечатокъ такихъ свѣжихъ, непорочныхъ впечатлѣній...

На креслахъ сидѣла Наденька и задумчиво перебирала изсохшіе цвѣты, высушенные ею въ «Русской Грамматикѣ» Греча.

У дверей стояла старушка Савишна, съ повязанымъ на головѣ платкомъ, и молча глядѣла на задумчивое личико своей барышни.

Дѣвочка къ ней обернулась.

— Что, нянюшка?

— Ничего, сударыня... такъ... поглядѣть пришла на васъ. Мадамъ-то, видно, въ гости уѣхала. Да какое имъ другое дѣло, нанятымъ, прости ихъ Господи, какъ только-что по гостямъ рыскать; а о томъ

не подумаетъ, что васъ однѣхъ оставляетъ. Хороши онѣ всѣ!.. Пришла понавѣдать васъ, сударыня, не нужно ли чего...

—Мнѣ скучно!.. сказала дѣвочка и грустно взглянула на старуху.

— То-то, родная моя!.. А мнѣ-то каково?.. Жила-себѣ вѣкъ въ деревнѣ, съ своими, по-своему, и вотъ на старости лѣтъ перетащили меня, старуху, неразумную въ Питеръ, въ знатный домъ, гдѣ все на иностранный ладъ, и люди-то все иностранцы. Да еще по-нѣмецки хотѣли меня нарядить. Видно, и къ лѣтамъ-то почтенія нѣтъ никакого. Статочное-ли это дѣло?.. Намедни еще графинины горничныя такъ и пристаютъ, чтобъ я чепчикъ надѣла. Нѣтъ, ужь какъ имъ угодно, а этакого стыда я на себѣ не допущу.

— Въ деревнѣ было лучше? сказала дѣвочка.

— Какъ не лучше, сударыня! То-ли дѣло: тамъ все свое. Была бы охота, а работы вдоволь; скуки не узнаешь. И въ амбаръ-то, и на птичникъ, и на кухню, и рыжики-то солить, и варенье-то варить, и наливки-то настаивать... Что и говорить! Въ деревнѣ—тамъ житье; а здѣсь сидишь-себѣ, сложивъ руки, какъ негодная какая, да хлѣбъ только даромъ ѣшь.

«Въ деревнѣ было лучше» думала Наденька: «въ деревнѣ можно было бѣгать безъ позволенія гувернантки. Въ деревнѣ весной распускались деревья. Въ деревнѣ было весело и свободно. Въ деревнѣ былъ свой маленькій садикъ, свои цвѣты; была своя лошадь, была своя коричневая корова...»

— Няня, ты помнишь мою коричневую корову?..

— Какъ, сударыня, не помнить! съ бѣлыми пятнами... Чай присмотра за нею теперь нѣтъ никакого. И въ домѣ-то; я думаю, все повытаскали да поломали. Да что и говорить! Все пошло вверхъ дномъ съ-тѣхъ-поръ, какъ скончалась матушка-барыня—дай Богъ ей царствіе небесное и жизнь вѣчную!

Нянюшка вздохнула и перекрестилась. Дѣвочка не отвѣчала ничего: на глазахъ ея навернулись слезы.

— Ну, и было всегда съ кѣмъ слово молвить, продолжала нянька:—не такъ, какъ здѣсь, съ этими лакеями, что въ позументахъ ходятъ да о театрахъ толкуютъ... Пойдешь, бывало, къ пономарихѣ или къ дьячихѣ побесѣдовать: дьячиха-то такая веселая, не видишь какъ время проходитъ; а потомъ, въ праздникъ, поѣдешь въ гости къ сосѣдямъ, вотъ хоть къ Ѳоминишнѣ, что у Свербиной въ ключницахъ. Сидишь-себѣ да разговариваешь; иной разъ и сама старая барыня выйдетъ, «А! Савишна! здорово, мать моя...» —«Здравствуйте, матушка Настасья Александровна».—«А, что, Савишна, всѣ ли у васъ здоровы?»—«Слава Богу, матушка Настасья Александровна».—«Ну, смотрите жь: напойте Савишну чаемъ. Она у меня гостья».—«Много довольна, матушка Настасья Александровна, благодаримъ покорно за ласковое слово...» Вотъ барыня, такъ барыня, не такъ, какъ здѣшнія, прости Господи! русская барыня, набожная, нами бѣдными людьми не брезгаетъ. Дай Богъ ей много лѣтъ здравствовать!..

Наденька задумчиво перебирала изсохшіе цвѣты. Передъ ней тоже развивалась картина прошедшей деревенской жизни.

Тамъ, на берегу рѣки, передъ густой рощей, сѣренькій домикъ съ зелеными ставнями... Въ томъ домикѣ началась ея жизнь. Маленькая, помнила она, что у нея была старшая сестра, и что всѣ говорили, что сестра ея красавица, и что точно она была красавица. Потомъ помнила она, что много къ нимъ ѣздило военныхъ офицеровъ, но одинъ чаще всѣхъ. Вдругъ пріѣхалъ какой-то господинъ въ каретѣ. Сестра ея три дни плакала. Офицеръ сердился и кричалъ, а потомъ уѣхалъ и не возвращался болѣе. Послѣ церковь была освѣщена. Господинъ сталъ съ сестрой передъ налоемъ. Ей сказали, что это свадьба. Потомъ сестра сѣла съ господиномъ въ карету и уѣхали, и съ-тѣхъ-поръ осталась она одна съ матерью своей, и жизнь ихъ была тихая. Ѣзжали онѣ иногда къ Свербиной по сосѣдству, а больше оставались дома; и были у нея свои овечки, своя лошадка, своя коричневая коровка съ бѣлыми пятнами, и былъ у нея свѣжій воздухъ, и сельская свобода, и жила она жизнью полей.

И минуло ей двѣнадцать лѣтъ. О, это она живо помнила! На дворѣ была осень. Снѣгъ билъ хлопьями объ тусклыя окна. Было грустно вездѣ. Мать ея сдѣлалась больна... Погода сдѣлалась хуже... Мать ея слегла въ постель. Долго ходила она за ней, долго подавала она ей лекарства, и не спала ночей у ея изголовья... Зима наступила; такой ужасной зимы она не видывала... Мать подозвала ее къ себѣ, положила ей на голову исхудалую руку, благословила и начала дышать тяжело. Потомъ занавѣсили въ комнатѣ зеркало, поставили среди комнаты столъ, на

столъ положили ея заснувшую мать бездвижную и холодную. Пришелъ священникъ въ черной расѣ. Положили мертвую въ гробъ, унесли ее и положили въ землю, и въ сѣренькомъ домикѣ осталась дѣвочка одна одинёхонька съ нянькой Савишной, которая повязала голову чернымъ платкомъ и каждый день ходила съ дѣвочкой въ церковь молиться и плакать надъ свѣжей могилой.

При этой мысли Наденька взглянула съ невыразимымъ чувствомъ дѣтской любви на старую няньку.

—Ты меня не оставила, няня! сказала она:—ты пріѣхала со мною въ Петербугъ, когда сестра меня къ себѣ вытребовала. Ты не хотѣла со мной разстаться!

— Что ты, что ты, сударыня?.. грѣхъ какой! Покойница меня даромъ что ли жаловала? Чтó я, неблагодарная развѣ какая? Нѣтъ, какъ мнѣ подъчасъ и не приходится скорбно, а все-таки отъ тебя, мое красное солнышко, ни на шагъ не отстану.

«И на чтó промѣняла я свою прежнюю жизнь!» думала Наденька: «на душную комнату, гдѣ окошки занавѣшены, гдѣ нѣтъ мнѣ простора. Едва лѣтомъ, на дачѣ, могу подышать свободно и весело, да и тутъ мѣшаетъ мнѣ теперь madame Pointue: все ходитъ за мной да говоритъ: «Держитесь прямо. Не смѣйтесь. Не говорите громко. Не ходите скоро. Не ходите тихо. Опускайте глаза...» Да къ чему это?.. Хотъ-бы поскорѣе быть совсѣмъ большой! Когда я буду большая — сестра мнѣ говорила — я съ ней буду ѣздить въ большой свѣтъ. Тамъ должно-быть очень весело: ужь вѣрно весело, потому-что сестра каждый день туда ѣздитъ. Буду я въ театрѣ, буду на

балахъ, буду танцовать съ военными кавалерами. А хотѣла бы я знать, о чемъ говорятъ они, когда танцуютъ?.. Вѣрно все о любопытномъ...»

— Няня, дома сестра?

—Кажись дома, сударыня. Въ колокольчикъ ударяли: ни что, видно гость какой наверху.

Наденькѣ запрещено было ходить къ сестрѣ, когда были гости; но ей такъ на одномъ мѣстѣ соскучилось!.. Madame Pointue не было дома. Лицо ея развеселилось и, легкая, какъ птичка, она выпорхнула изъ комнаты.

Графиня сидѣла на диванѣ у мраморнаго камина, уставленнаго бронзами. Кругомъ ея, на столикахъ, на этажеркахъ разбросаны всѣ роскошныя бездѣлки моды: старый саксонскій фарфоръ, малахиты, вѣера, дантановскіе бюсты, кипсеки и цѣлая куча воспоминаній о Карлсбадѣ, о Вѣнѣ, о Парижѣ, въ видѣ альбомовъ, граненыхъ стакановъ, китайцевъ и чернильницъ безъ чернилъ.

Комната вообще отдѣлана съ великолѣпіемъ. Въ окна вставлены настоящія стекла среднихъ вѣковъ, съ изображеніями изъ католическихъ легендъ и рыцарской жизни; роскошные обои покрыты картинами знаменитыхъ художниковъ; на мягкомъ коврѣ разбросаны въ разныхъ направленіяхъ геніальныя творенія Гамбса; наконецъ, на письменномъ столикѣ, украшенномъ письменными излишествами вѣнскаго мастера, разбросано нѣсколько французскихъ романовъ и, прошу замѣтить, единая русская книга, весьма удивленная тѣмъ, что находится впервые въ столь блестящихъ чертогахъ.

Противъ дивана, на которомъ небрежно наклонялась графиня, на маленькой кушеткѣ, въ видѣ буквы S, полусидѣлъ, полулежалъ Щетининъ, въ сюртукѣ, и занимался съ графиней свѣтской болтовней...

—Что новаго?

—Да говорятъ, С. къ празднику будетъ камергеромъ. До-сихъ-поръ многія двери были для него заперты: авось ключь ихъ откроетъ.

—Еще что?

—Свадьба въ городѣ. Княжна Б** рѣшается выйдти за своего постояннаго обожателя.

— Да она терпѣть его не можетъ, и два года смѣется надъ нимъ!

—Это ничего не значитъ. Онъ получилъ наслѣдство, а княжна обогатилась годами. Вчера была помолвка, а нынче она такъ страстно влюблена, что не надивятся.

— Бѣдная княжна! Впрочемъ, свадьба во всѣхъ отношеніяхъ приличная.

—Поговариваютъ еще о другой свадьбѣ, продолжалъ Щетининъ: — говорятъ, что два милліона приданаго выходятъ за пріятеля моего, князя Чудина.

Графиня злобно взглянула на Щетинина, а потомъ улыбнулась.

— Неправда. Это пустые толки. Онъ и не думаетъ о томъ.

— Кстати, сказалъ Щетининъ: — поздравляю васъ съ новой побѣдой.

—Кто такой?

—Пріятель мой, Левинъ, который, кажется, съ ума сходитъ... вы помните, тотъ самый армейскій, къ

намъ прикомандированный, о которомъ вы намедни спрашивали съ такимъ любопытствомъ. Онъ не даетъ мнѣ покоя, все упрашиваетъ, чтобъ я его втолкнулъ въ свѣтъ и въ знать. Коломенская страсть забыта, а при вашемъ имени онъ смущается и краснѣетъ какъ школьникъ.

«Леонинъ...» говорила про-себя графиня. «Леонинъ. Та́къ, это точно онъ... внукъ Свербиной...»

Она вынула изъ чернаго ларчика нѣсколько писемъ стариннаго и вовсе нещегольскаго почерка, и, разбирая ихъ, вздохнула глубоко.

—Что это за нѣжная переписка? спросилъ Щетининъ:—неосторожно такія вещи читать при свидѣтеляхъ.

— Это письма покойной матушки, отвѣчала печально графиня:—это послѣдняя ея воля.

Щетининъ опустилъ голову и замолчалъ, но свѣтская его веселость вскорѣ опять взяла верхъ.

—Что́ же прикажете мнѣ дѣлать съ Леонинымъ? спросилъ онъ.

—Привезите его непремѣнно на балъ въ пятницу и представьте мнѣ. Мнѣ нужно узнать его покороче...

—О-о-о! сказалъ Щетининъ.—Куда дѣвать вамъ ихъ всѣхъ? И безъ того у васъ цѣлое стадо безнадежныхъ вздыхателей.

—Полноте шутить! Я прошу васъ о томъ не въ шутку.

— Слушаю, очаровательная кузина! Вы знаете, что для васъ я готовъ все сдѣлать. Хотите, я поѣду обѣдать къ Ф. и буду разбирать съ нимъ каждое

блюдо поодиначкѣ? Хотите, я цѣлый день проведу съ устарѣвшими поклонниками вашими, изъ которыхъ одинъ открылъ Англію, а другой Италію? Хотите, я поѣду въ русскій театръ? Хотите, я буду играть въ вистъ съ вашей глухой тётушкой, а потомъ поѣду слушать стихи Л... и повѣсти С—ба?.. Всѣ жертвы готовъ я вамъ принесть. Прикажите только—и я буду танцовать... что́ я говорю танцовать! я буду влюбляться во всѣхъ уродовъ, которыми такъ расточительно изобилуетъ нашъ прекрасный Петербургъ...

Щетининъ вдругъ остановился въ порывѣ своего свѣтскаго злорѣчія...

Малиновая занавѣсь двери тихонько приподнялась, а за нею показалась прелестная головка Наденьки, которая боязливо озиралась вокругъ. Щетининъ вскочилъ съ своего мѣста. Все мишурное его краснорѣчіе исчезло; онъ смутился и молчалъ.

Графиня съ неудовольствіемъ взглянула на сестру. Появленіе Наденьки рушило одно изъ ея заблужденій.

Чтобъ это вполнѣ истолковать, надо сперва вникнуть въ сущность жизни свѣтской красавицы. Тѣсный кругъ, въ которомъ она сіяетъ — ея царство, красота ея—вѣнецъ, толпа обожателей—ея подданные. Потому всѣ другія женщины ей—соперницы, а другія красавицы—природные враги, которые силою прелестей грозятъ отнять у нея и царство и подданныхъ.

Графиня не любила Щетинина и, какъ всѣмъ и всякому было извѣстно, явно кокетничала съ княземъ Чудинымъ; но не менѣе того князь Щети-

нинъ, какъ мы видѣли выше, былъ лестнымъ достояніемъ для модной женщины. Графиня видѣла его у ногъ своихъ съ чувствомъ особаго удовлетвореннаго самолюбія — и вдругъ истина обнаружилась; при первомъ движеніи Щетинина, съ этимъ инстинктомъ, которымъ одарены однѣ женщины, она разомъ отгадала его тайну, а притомъ замѣтила въ первый разъ, что сестра ея уже не ребенокъ и что скоро, очень скоро Наденька затмитъ ее своей красотой.

—Нидина, madame Pointue уѣхала?

—Уѣхала, маменька.

Наденька называла сестру свою маменькой.

— Поди-ка сюда, да сядь съ нами. Вы, князь, сестры моей не знаете? Позвольте мнѣ вамъ ее представить.

Щетининъ неловко поклонился.

—Я имѣлъ уже честь...

—И, полноте!.. Она еще ребенокъ... Я думала, что вы еще ея не видали?

Графиня пристально взглянула на Щетинина. Щетининъ покраснѣлъ.

«Чортъ побери эту женщину!» подумалъ онъ: «отъ нея ничего не скроешь!»

Наденька простодушно глядѣла на офицера и припоминала, ка́къ она встрѣтила его однажды, въ одно прекрасное утро, на дачѣ, гдѣ ей привелось побѣгать еще попрежнему.

Графинѣ было чрезвычайно досадно.

—Вы удивительно расположены нынче, сказала она:—всѣмъ досаждать. Ваша шутка уничтожаетъ какъ ножикъ; противъ нея нѣтъ защиты. Не даромъ

прослыли вы такимъ злымъ человѣкомъ! Осмѣять друзей своихъ, родныхъ — для васъ ничего не значитъ! Да и то правда, вы никого не любите?..

— Я люблю друзей своихъ, отвѣчалъ вспыльчиво Щетининъ: — вотъ хоть князя Чудина, напримѣръ. Повѣрьте, что всѣ совѣты мои могутъ только клониться къ его пользѣ.

— Надина, прикажи, чтобъ закладывали карету да ступай одѣваться: я возьму тебя нынче съ собой.

Наденька вышла.

— Не правда ли, что она очень хороша? спросила съ улыбкой графиня.

Щетининъ, въ знакъ согласія, кивнулъ головой.

— Еще дитя, кажется, а вообразите, ужь помолвлена...

— Помолвлена! воскликнулъ Щетининъ.

— Да. Это тайна, разумѣется; но вамъ, какъ родному, ее можно повѣрить. Не говорите только о томъ никому... А что, Тальони танцуетъ сегодня?..

— Танцуетъ... кажется...

— Приходите ко мнѣ въ ложу...

Оба встали.

Въ это время Наденька тихо возвращалась въ свою комнату.

— Няня! спросила она: — ты знаешь князя Щетинина, который бываетъ у сестры?

— Видала; кажется, чернобровый такой.

— Няня, говорятъ, что онъ злой человѣкъ.

— Быть можетъ; да какое намъ, матушка, до нихъ дѣло?

— Жалко, няня!..
— И, матушка, Христосъ съ ними!

VI.

Ахъ, ma chère, какая она жантильная!
(Институтскій Словарь.)

M-lle Armidine, первая красавица цѣлой Коломенской Части, была точно очень недурна собой. Влюбчивые флотскіе капитан-лейтенанты разсказывали о ней въ Кронштадтѣ товарищамъ съ удивительнымъ жаромъ; многіе столоначальники, даже нѣсколько начальниковъ отдѣленія нерѣдко задумывались о ней, согнувшись надъ дѣломъ и забывая нужную для доклада справку. О ней и въ Измайловскомъ Полку поговаривали съ удивленіемъ; о ней и на Васильевскомъ Острову упоминали съ завистью. Она точно была очень недурна собою; но, сказать по секрету, красотѣ ея вредила какая-то странная жеманность и принужденность въ обращеніи. Она говорила съ ужимками, дѣлала маленькій ротикъ, щурила глаза, притворялась слабонервною и чувствительною, однимъ словомъ, всячески старалась подражать обветшалымъ манерамъ, которыя она предполагала въ дамахъ высшаго круга.

Мать ея, Нимфодора Терентьевна, вдова проматавшагося откупщика, была добрая, толстая женщина, созданная гораздо болѣе для Москвы, чѣмъ для Петербурга. Вѣрная старинѣ своей, она не измѣнила костромскаго образа жизни и не заразилась заморскими причудами: ѣла за обѣдомъ огромныя кулебяки,

пила послѣ обѣда квасъ, бранилась за картами и, по преданію всѣхъ матерей, имѣющихъ товаръ, готовый для сбыта, давала каждое воскресенье вечеринки для сбора жениховъ—хитрость старинная, невсегда удачная, но въ большомъ употребленіи въ Коломнѣ и въ Москвѣ.

Въ Петербургѣ, какъ, можетъ-быть, извѣстно вамъ, образованный классъ (я разумѣю людей чиновныхъ, дворянъ, служащихъ и отставныхъ, однимъ словомъ, сословіе болѣе или менѣе классное) раздѣляется на различные слои. Высшій присвоилъ себѣ названіе хорошаго общества, а прочіе гнѣздятся около него и всячески, какъ m-lle Armidine, стараются ему подражать. Эти второстепенныя общества, какъ-будто карикатуры перваго: они тоже имѣютъ своихъ красавицъ, своихъ франтовъ — все то же, только въ другомъ размѣрѣ. Малодушное тщеславіе, которое въ высшемъ обществѣ прячется подъ золото одежды и мишуру разговора, тутъ явственнѣе и досаднѣй: тутъ только и рѣчи, что о знати да о чинахъ, да о знатномъ родствѣ, да о будущихъ милостяхъ; о томъ, кто получитъ ленту, о той, кто будетъ къ празднику фрейлиной, да о платьѣ такой-то графини, о парикѣ такого-то князя; однимъ словомъ: все хочетъ казаться значительнѣе того, чѣмъ Богъ создалъ. Со-всѣмъ-тѣмъ вы тутъ найдете ту же зависть, тѣ же разсчеты, которые господствуютъ въ первомъ обществѣ, но не найдете того лоска образованности, той непринужденности de bon ton — извините за слово — которыя исключительно отличаютъ избранныхъ высшаго круга.

Леонинъ, проведшій дѣтство свое подъ крылышкомъ бабушки, а потомъ въ губернской гимназіи, не имѣлъ понятія о подобныхъ подраздѣленіяхъ. Бывъ, при самомъ пріѣздѣ въ Петербургъ, представленъ въ домъ Нимфодоры Терентьевны однимъ изъ своихъ товарищей, онъ былъ чрезвычайно счастливъ, что могъ влюбиться въ существо столь отличительное, столь идеальное, какъ m-lle Armidine. Она была такая очаровательная, она такъ мило выговаривала monsieur... Leonine, она такъ мило рисовалась поэтической, воздушной, неземной... Корнетское воображеніе разгорѣлось и Леонинъ каждое воскресенье выпрашивалъ себѣ мазурку и, облокачиваясь на стулъ коломенской Сильфиды, тихо шепталъ ей о счастьи супружества, о раѣ взаимной любви. Тогда рѣчь его была восторженна, мечты пылкаго сердца изливались звучными словами, и онъ яркими красками изображалъ, ка́къ сладко любить въ жизни и ка́къ сладко жить вдвоемъ.

Но былъ ли онъ влюбленъ точно?

Я, по извѣстнымъ причинамъ, обязанный знать всѣ его тайны, долженъ откровенно сознаться, что нѣтъ. Чувство его было какое-то тревожное, полуребяческое девятнадцати-лѣтнее, которое въ каждой хорошенькой женщинѣ ищетъ осуществленія своей мечты; къ тому же вкрадывалось и лестное очарованіе удовлетвореннаго самолюбія.

Хотя m-lle Armidine была до крайности воздушна, но не менѣе того мысль о замужствѣ имѣла для нея, какъ и для всѣхъ барышень, особую завлекательность. Она глядѣла иногда на Леонина такъ том-

но, такъ томно, а потомъ вздыхала... И лучшая ея улыбка была для него, и самое задумчивое слово было для него... «Бѣдная дѣвушка, какъ она влюблена!» думалъ Леонинъ. «Она мнѣ неограниченно отдала свое сердце; она любитъ меня до безумія... и не-ужели я буду неблагодаренъ? Нѣтъ, вопреки бабушкѣ, вопреки цѣлому свѣту я долженъ оправдать ея довѣріе... Я женюсь на ней, я хочу на ней жениться, я долженъ на ней жениться!..»

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. А пока... молодой корнетъ огляделся, получилъ понятіе о другой сферѣ, сдѣлалъ нѣкоторыя знакомства, между-прочимъ, съ Сафьевымъ, который, по необыкновенной въ такомъ человѣкѣ странности, чрезвычайно полюбилъ его и началъ объяснять ему жизнь по-своему.

И вдругъ на вечеринкахъ въ Коломнѣ не стало моего Леонина... Прошло нѣсколько воскресеній сряду—и стулъ подлѣ m-lle Armidine не былъ ужь занятъ пламеннымъ корнетомъ. M-lle Armidine была разстроена и смѣялась еще принужденнѣе, чѣмъ прежде.

А Леонинъ, неблагодарный Леонинъ переставалъ постепенно о ней думать. Развлеченія Петербурга все болѣе-и-болѣе его завлекали, заглушая внутренній голосъ совѣсти, укоряющей его грозно въ предосудительномъ поступкѣ съ семействомъ, гдѣ онъ былъ обласканъ и принятъ какъ родной. Знакомство съ графиней довершило неблагодарность. Онъ представилъ себѣ какъ сладостно, какъ неизмѣримо-упоительно быть втайнѣ любимымъ подобной женщиной и быть ей свѣтлою отрадой между блестящихъ мученій и улыбающагося горя великосвѣтскаго быта!

Приглашеніе на балъ княгини было доставлено Щетинииымъ. Наступилъ день бала.

VII.

Галантерейное обхожденіе...
(Ревизоръ, д. II. явл. 1.)

Выразить ли вамъ, съ какимъ трепетомъ онъ подъѣзжалъ, въ своей наемной каретѣ, къ иллюминованному крыльцу? Для него начиналась новая жизнь и онъ чувствовалъ, что новая жизнь его будетъ не безъ трудовъ, не безъ огорченія; но въ дали, между яркими приманками, сіялъ чудный ликъ графини, и онъ съ гордостью чувствовалъ въ себѣ столько страсти, столько любви, чтобъ всѣмъ пренебречь и утѣшить ее въ свѣтскомъ одиночествѣ. Онъ живо припомнилъ всю страстную исповѣдь ея безстрастной жизни. Онъ мысленно повторялъ слово-въ-слово все, что́ онъ слышалъ отъ нея во время маскарада, когда душа ея, вся непонятная ея душа выражалась тихими жалобами и просила высшихъ наслажденій, и просилась къ чудному небу любви непонятной и безконечной.

Карета подъѣхала.

У подъѣзда стоялъ квартальный и толпился народъ. Лѣстница, устланная пестрымъ ковромъ, была съ низа до верха покрыта душистымъ лѣсомъ растеній и цвѣтовъ—цѣлое лѣто среди трескучихъ морозовъ. На ступеняхъ чинно стояли по два въ рядъ разряженные лакеи въ бархатныхъ ливреяхъ, съ княжескими гербами. Леонинъ прошелъ далѣе.

Залы штофныя, марморныя, сіяли одна за другой тысячами огней. Вельможи, въ звѣздахъ, толпились около карточныхъ столовъ. Вдали раздавались увлекательные порывы бальной музыки. Женщины, покрытыя брильянтами, увѣнчанныя цвѣтами, въ тканяхъ прозрачныхъ и воздушныхъ, порхали по зеркальному паркету подъ шумный говоръ пестрой толпы, среди цѣлаго хаоса перьевъ, аксельбантовъ, орденовъ, лорнетовъ и довольныхъ лицъ.

Сѣверныя красавицы! петербургскія красавицы! свѣтлыя воспоминанія! зачѣмъ останавливаются имена ваши на устахъ моихъ и я не смѣю изобразить вашу стройную толпу въ моемъ разсказѣ? Сколько васъ на балѣ! одна подлѣ другой, одна лучше, другая прекраснѣе! Глаза разбѣгаются, сердце рвется на части, а душа всѣхъ васъ обнимаетъ... Тутъ и вы, черноокая краса сѣвера: на васъ забываешь смотрѣть, чтобъ васъ слушать, забываешь васъ слушать, чтобъ на васъ посмотрѣть! Тутъ и вы, Эсмеральда, воздушная какъ мысль, беззаботная какъ счастье! тутъ и вы, краса Германіи,—и вы, царица пѣнія, отголосокъ юга на сѣверѣ,—и вы, волшебница красоты, чарующая въ волшебномъ своемъ зàмкѣ,—и вы, съ которою я вальсировалъ такъ много прежде,—и вы, которую я любить не смѣлъ,—и вы, которую я звалъ настоящей, потому-что соперницъ не могло вамъ быть!—всѣ вы тутъ, всѣ прекрасныя, незабвенныя—и бѣдный мечтатель стоитъ пораженный передъ вами, съ любовью и благоговѣніемъ.

Каково же было Леонину?..

Изъ маленькой комнаты Армидиныхъ, гдѣ шесть

паръ пріѣзжихъ изъ губерній барышень прихрамывали кое-какъ въ контрдансѣ, подъ звукъ уныло разстроенныхъ фортепьянъ, вдругъ перейдти въ идеальный міръ волшебства, гдѣ все—цвѣты и золото, и красота, гдѣ все для глазъ, все для чувствъ, все для наслажденія.

Онъ не помнилъ, какъ Щетининъ подвелъ его къ хозяйкѣ, не помнилъ, что онъ ей поклонился, что она ему сухо кивнула головой и что онъ отошелъ въ сторону; онъ помнилъ одно...

Глаза его, среди пестрой толпы остановились на графинѣ. Подлѣ графини стоялъ Щетининъ.

Щетининъ казался чрезвычайно весёлъ и, схвативъ Леонина подъ-руку, подошелъ съ нимъ къ красавицѣ.

— Очаровательная кузина! вотъ вамъ рекрутъ, пріятель мой Леонинъ.

Ка́къ хороша была графиня! Ка́къ прозраченъ газовый тюникъ, удержанный на пышномъ бѣломъ платьѣ цвѣтами и изумрудами! На груди брильянты вокругъ огромныхъ изумрудовъ; надъ полуспущенными перчатками блестящіе браслеты; на головѣ изумруды и цвѣты.

Леонинъ оробѣлъ и снова, какъ и въ первый разъ, чувствовалъ себя смѣшнымъ и неловкимъ.

Графиня прелестно улыбнулась... Какая женщина не чувствуетъ своего могущества? Она сказала нѣсколько словъ про жаръ, про давку, про усталость и число ожидаемыхъ баловъ, и сказала такъ весело, такъ мило, что бѣдный корнетъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. Передъ нимъ стояла та самая женщина, которой сердечный вопль такъ сильно потрясъ его ду-

шу. Судя по недавнимъ впечатлѣніямъ, онъ воображалъ ее неловко-грустною и разсѣянною въ общемъ шумѣ, съ тяжкимъ горемъ въ душѣ — а въ ней ничто не обнаруживало ни малѣйшаго волненія; она вся была олицетворенный балъ, безъ скрытой мысли, довольная настоящимъ, не видя ничего далѣе перваго вальса, ничего выше стѣнъ бальной залы. Онъ уже думалъ, какъ говорить ей о возмездіяхъ любви небесной, а она беззаботно играла вѣеромъ и говорила ему шутливо:

—Хотите танцовать со мной третью?..

Леонинъ вспомнилъ тогда объ окружающей толпѣ. Онъ взялъ графиню за руку и съ трудомъ упрочилъ себѣ мѣстечко, гдѣ едва, слѣдуя правиламъ кадрили, могъ онъ повернуться съ своей дамой. При появленіи его, легкій шопотъ пробѣжалъ по строю танцующихъ:

—Кто этотъ офицеръ?

—Съ кѣмъ танцуетъ графиня?

—Откуда онъ?

—Чтó онъ?

—Кто его представилъ?

—Представилъ его князь Щетининъ. Зовутъ его mr Leonine.

—А чтó такое mr Leonine?

—Mr Leonine—больше ничего.

—А!!...

Кадриль началась. Леонинъ пріободрился и началъ говорить съ графиней о зимнихъ удовольствіяхъ, о балахъ, о маскарадахъ...

—Вы любите маскарады?.. спросилъ онъ тихо.

—Я? сказала графиня, взглянувъ на него съ простодушіемъ ребенка.—Вообразите, что я не знаю, что́ такое маскарадъ. Я боюсь масокъ и сама, какъ меня ни уговаривали, никогда не могла рѣшиться надѣть маску... Это настоящее ребячество.

Леонинъ изумился. Голосъ, который съ нимъ говорилъ, былъ, безъ сомнѣнія, голосъ незабвеннаго домино. «Не-уже-ли» подумалъ онъ, «владѣетъ графиня до такой степени способностью откровенно говорить неправду?»

За нимъ раздался голосъ.

—Здравствуйте, графиня!..

Генералъ, обвѣшанный орденами, со шляпой, закинутой подъ-мышку, подошелъ къ красавицѣ, закручивая усы. Леонинъ обмеръ: это былъ начальникъ его, который, говоря военнымъ слогомъ, распекалъ его на всякомъ ученьи. Онъ ужь хотѣлъ было отступить, но генералъ дружески потрепалъ его по рукѣ, скромно спросивъ:

—Я не мѣшаю?

—О, напротивъ!

—Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство!

—Знаю, прекрасная дама: вы хотѣли бы видѣть здѣсь не меня, сѣдаго старика, продолжалъ генералъ, пріосанившись молодцомъ.

Графиня вспыхнула.

—Не бойтесь... Скромность—достоинство стариковъ... Вашъ нарядъ нынче удивителенъ, какъ всегда. Моды и сердца признаютъ васъ своей повелительницей. Кромѣ одного человѣка, здѣсь, кажется, всѣ одного мнѣнія.

—Право?

—Всѣ, кромѣ одного...

—Кромѣ кого же?

—Разумѣется, кромѣ вашего мужа, отвѣчалъ, разсмѣявшись, генералъ.

—У меня до васъ просьба, генералъ, сказала графиня.

—Прикажите только. Вы знаете, что я покорный рабъ вашихъ повелѣній.

—Пріѣзжайте ко мнѣ завтра. Если васъ не пугаетъ быть со мной наединѣ, то я жду васъ передъ обѣдомъ.

—Ради стараться!

Генералъ съ видомъ весьма довольнымъ закрутилъ усы и скрылся въ толпѣ.

— Вамъ надо перейти въ гвардію, сказала графиня.

—Да́, мнѣ обѣщано... Только, говорятъ, очень трудно.

—Я попрошу его завтра объ этомъ. Хотите мнѣ повѣрить ваши дѣла?

—Какъ, вы хотите быть столько добры?...

Леонинъ взглянулъ на графиню съ упоеніемъ. «Ка́къ хороша!» подумалъ онъ сперва, а потомъ прибавилъ: «а я буду въ гвардіи».

Въ эту минуту кто-то взялъ его за руку.

—Здравствуйте, душа моя!..

—Сафьевъ...

Графиня поспѣшно отвернулась. Сафьевъ стоялъ передъ ней съ своей вѣчной улыбкой, съ пальцемъ задѣтымъ за жилетъ. Кадриль кончилась. Сафьевъ

взялъ корнета за руку и оба вышли въ боковую гостиную, гдѣ они уединенно расположились на штофной кушеткѣ.

—Мнѣ, кажется, душа моя, сказалъ Сафьевъ:— что ты дѣйствительно глупъ. Какъ можно бѣгать за свѣтской женщиной, да еще избалованной и прекрасной! Чего ты хочешь? чего ты ищешь?... Да знаешь ли ты, что̀ такое свѣтская женщина?—существо равнодушное, полуплатье и получепчикъ. Оно живетъ только поддѣльнымъ свѣтомъ, украшается поддѣльными цвѣтами, говоритъ поддѣльнымъ языкомъ и любитъ поддѣльною любовью. Повѣрь мнѣ, братецъ, все это вздоръ! Влюбиться въ Петербургѣ, въ обществѣ безстрастномъ—непростительно...

— Что жь дѣлать! отвѣчалъ Леонинъ. Я чувствую себя подъ вліяніемъ какой-то сверхъестественной силы. Я вижу, что графиня не то́, что́ я воображалъ прежде, и не менѣе того, она мнѣ еще больше нравится, чѣмъ когда-нибудь. Судьба моя— любить графиню... Не смѣйся надо мною. Мнѣ и сладостно и горько; но я чувствую, что я не могу ея не любить.

—Но взгляни вокругъ себя. Какъ, не-уже-ли не приходило тебѣ на умъ, что любовь въ гостиной имѣетъ что-то карикатурное? Вообрази себѣ пышную комнату съ ковромъ, съ обоями и картинами; на штофныхъ креслахъ сидитъ дама—хорошенькая, правда, немного подрумяненая, съ узкими рукавами, въ перьяхъ, въ брильянтахъ... противъ нея, на другихъ штофныхъ креслахъ, сидитъ франтъ, сорвавшись съ послѣдней модной картинки, въ высокомъ галстухѣ, въ желтыхъ

перчаткахъ, съ лорнетомъ, съ головой завитой, какъ пудель... и вотъ они говорятъ о бенефисѣ, говорятъ о свадьбахъ, о новостяхъ, а потомъ слегка коснутся до непонятныхъ чувствъ сердца—и это любовь? и это не опротивѣло тебѣ, душа моя? и ты храбро принялъ на себя плаксивую роль вздыхателя? И чего ты надѣешься?... Думаешь ли ты постоянствомъ дойдти до того, что любовь твоя проникнетъ сквозь блонды и бархатъ въ сердце той, которую ты любишь? Вздоръ опять. Здѣшнія женщины взволнованы всѣ какой-то безпокойной заботливостью. Подойди къ любой, скажи ей нѣсколько словъ и наблюдай за ней—она отвѣчаетъ тебѣ и улыбается тебѣ, а глаза ея разбѣгаются по пестрой толпѣ и ищутъ новыхъ взоровъ, новыхъ впечатлѣній. Всѣ онѣ похожи другъ на друга. Улыбка тебѣ, и то мгновенно, а желаніе или болѣзнь нравиться не для тебя, бѣднаго франта, съ твоею любовью, съ твоимъ постоянствомъ, а для всѣхъ — слышишь ли? для всѣхъ желтыхъ перчатокъ, для всѣхъ аксельбантовъ; для всѣхъ эполетъ...

Тутъ Сафьевъ замѣтилъ, что Леонинъ не слушалъ его болѣе.

Балъ горѣлъ ослѣпительнымъ свѣтомъ, пáры кружились въ шумной мазуркѣ. Наступала пора, когда всѣ лица оживляются, когда взоры становятся нѣжнѣе, разговоры выразительнѣе. Лядовъ заливался чудными звуками на своей скрипкѣ. Въ воздухѣ было что-то теплое и бальзамическое. Казалось, жизнь развертывалась во всей красотѣ.

—Любили ли вы когда? говорилъ на ухо графинѣ

высокій адъютантъ, играя кончикомъ своего аксельбанта:—Любили ли вы когда? повторилъ онъ, поглаживая усы... Любили ли...

Молодая женщина прижала вѣеръ къ губамъ, разсѣянно бросила взглядъ на свой нарядъ и отвѣчала вполголоса:

—Не знаю.

Адъютантъ провелъ рукой по воротнику.

—Какъ, сказалъ онъ:—это не отвѣтъ!

— Вотъ что́, прервала графиня: —вы несносны съ вашими вопросами. Я съ вами никогда танцовать не буду. Какое вамъ дѣло, любила я или нѣтъ? Скажите мнѣ лучше что-нибудь новенькое. Гдѣ вы были сегодня? кого видѣли?

—Я дежурный ныньче. Кромѣ просителей, не видалъ никого.

—А нынѣшній годъ нѣтъ англійскихъ горъ?

—Нѣтъ. А вы любите англійскія горы?

— Безъ памяти. Отчего ихъ нѣтъ нынѣшній годъ?

—Не знаю. А жаль!

—Очень жаль... Какъ... жарко!

—Очень жарко.

—Кто начнетъ мазурку?

—Саша Г.

—Намъ дѣлать фигуру.

Графиня выбрала Леонина, который, стоя въ уголку, пожиралъ ее взорами.

Балъ все болѣе оживлялся. Сѣверныя красавицы порхали по паркету; гвардейскіе мундиры и черные фраки скользили подлѣ нихъ, нашептывая имъ баль-

ныя рѣчи; нѣсколько генераловъ толпились у дверей, держась за рукоятку сабли и приложивъ лорнеты къ правому глазу.

Опершись у колонны, высокій молодой человѣкъ, разряженный со всею изъисканностью англійскаго денди, смотрѣлъ довольно-презрительно на окружающую толпу; сардоническая улыбка сжимала его уста. Онъ въ мазуркѣ не участвовалъ.

—Сомнѣніе или надежда? сказалъ вдругъ флигель-адъютантъ, подводя ему двухъ дамъ.

—Сомнѣніе, отвѣчалъ онъ небрежно.

Выбранная дама улыбнулась.

—Вы, кажется, сантиментальничаете съ вашимъ адъютантомъ, сказалъ насмѣшливо князь Чудинъ, едва шагая по паркету.—Берегитесь: онъ человѣкъ ужасный.

—Онъ надоѣлъ мнѣ, отвѣчала графиня: — онъ такой скучный.

— А скажите, пожалуйста: кто этотъ робкій юноша, въ первый разъ показавшійся нынче въ свѣтъ подъ вашимъ крыломъ?

—Прекрасный молодой человѣкъ, семейный нашъ пріятель. Онъ чрезвычайно милъ и уменъ. Mr Leonine.

—Право?.. радуюсь вашей находкѣ.

«Хитрость моя удалась» думала графиня: «ему досадно... ему очень досадно!»

Леонинъ стоялъ у ея стула.

—Графиня, сказалъ онъ:—вы со мною танцовать больше не будете?

—По-пури хотите?.. сказала она.

«Я счастливъ, неимовѣрно счастливъ!» думалъ, отходя, Леонинъ: «я ей понравился».

Мазурка превратилась ужь въ вальсъ. Локоны развились по плечамъ. Многіе разъѣхались. Двери ужинной залы распахнулись.

Лядовъ опять заигралъ... Начался по-пури.

Въ залѣ было тогда свѣжо. Немного паръ кружилось въ упоительномъ вальсѣ. Леонинъ несся какъ-будто не касаясь земли. Графиня легко упиралась на его руку, и оба, трепещущіе отъ удовольствія, оживленные своею молодостью, неслись весело на паркетѣ. И Леонину было такъ хорошо, такъ сладостно, что голова его терялась и ему чудилось, что онъ перенесся въ другой міръ, гдѣ упоительные звуки подымали душу его выше облаковъ.

II.

МАЗУРКА.

VIII.

Vanitas!..

Промчалось два года. Петербургъ все веселъ и танцуетъ попрежнему. Нѣсколько новыхъ морщинъ появилось на лицахъ нашихъ друзей и знакомыхъ. Красавицы наши немного подурнѣли, франты наши поистощили немного своей любезности. Нѣсколько особъ, къ которымъ мы привыкли по мѣсту ихъ въ первомъ ряду креселъ во французскомъ театрѣ, нѣ-

сколько женщинъ, съ которыми мы недавно еще шутили и любезничали на балѣ, вдругъ выбыли изъ семьи большаго свѣта и улеглись въ душныхъ могилахъ въ Невской Лаврѣ, оставивъ по себѣ лишь нѣсколько условныхъ восклицаній сожалѣнія въ устахъ мгновенно-опечаленныхъ друзей. Петербургъ все веселъ и танцуетъ попрежнему. Новыя лица, новыя женщины заняли опустѣвшія мѣста въ театрѣ и на балѣ; новые толки, новыя сплетни занимаютъ петербургское общество, которое, какъ парадная свадьба, переносятъ каждый вечеръ изъ дома въ домъ, постарому выказываетъ свои чепцы и фраки, постарому оживляется при звукахъ скрипки, или засыпаетъ надъ безцвѣтностью свѣтской болтовни.

Случалось ли вамъ когда-нибудь прислониться къ стѣнкѣ и всматриваться во всѣ эти странныя лица, которыя, какъ-будто въ угоду вамъ, вертятся передъ вами съ такими милыми улыбками, съ такими чистыми перчатками? случалось ли вамъ стараться разгадать всѣ пружины, которыя заставляютъ ихъ двигаться? О! еслибъ вникнуть въ судьбу каждаго: сколько непонятныхъ тайнъ вдругъ бы обнаружилось! сколько развернулось бы разительныхъ драмъ! Что, еслибъ, подобно тому, какъ мы видѣли въ «Хромомъ Колдунѣ», театръ нашъ вдругъ обернулся къ вамъ задомъ и, вмѣсто пышныхъ декорацій, вдругъ увидѣли бы мы однѣ веревки да грубый холстъ? Я думаю, что смѣшно и страшно видѣть большой свѣтъ наизнанку! Сколько происковъ! сколько невѣдомыхъ подарковъ! сколько родныхъ и

племянниковъ! сколько нищеты щегольской! сколько веселой зависти... И все идетъ, все стремится, все бѣжитъ впередъ...

Впередъ, впередъ... выше, выше... А куда впередъ, куда выше?—неизвѣстно. Одно слово все живетъ и двигаетъ. И какое слово!.. самое безсмысленное—тщеславіе!

Итакъ тщеславіе—вотъ божество, которому покланяется столичная толпа! Житель степной деревни не можетъ постигнуть, сколько занятыхъ рублей, сколько грядущихъ урожаевъ уничтожается въ одинъ вечеръ для пустой чести занять почетное мѣсто между людьми, которыхъ вовсе не любишь, а иногда и не уважаешь. А, что еще хуже, сколько людей, которые во всей своей жизни, безъ своебытности, безъ достоинства, стремятся къ внѣшнимъ лишь отличіямъ, занемогаютъ отъ зависти при повышеніи въ чинъ своихъ сверстниковъ, и умираютъ несчастливые, сердитые, недовольные, не достигнувъ своей недостигаемой цѣли, которой они пожертвовали всей жизнью, ненасытивъ вполнѣ своего ненасытимаго тщеславія!..

Такое общее стремленіе великосвѣтскаго сословія легко можетъ объяснить характеръ новаго лица, котораго мы не видали еще въ моемъ разсказѣ. До сего времени я говорилъ лишь о графинѣ, а о графѣ ни полслова. Дѣло обыкновенное: когда глядишь на жену, не хочется думать о мужѣ!

Но теперь, хотя-нехотя, а пора намъ вызвать графа и посмотрѣть на графа въ частной его жизни.

Вы его, вѣроятно, знаете, или знали въ минуту,

когда онъ былъ передъ вами. Послѣ вы его забыли, потому-что рѣзкаго въ немъ ничего нѣтъ. Лицо его обыкновенное, разговоръ обыкновенный; онъ самый обыкновенный человѣкъ между самыми обыкновенными людьми; но онъ всегда подлѣ какого-нибудь значительнаго, какъ необходимый отблескъ свѣтскаго величія. Онъ смѣется лишь шуткамъ первыхъ трехъ классовъ; онъ играетъ въ вистъ только съ министрами; онъ приглашаетъ къ обѣду однѣ лишь звѣзды да толстые эполеты; о немъ говорятъ, какъ о дополненіи къ прочимъ лицамъ, но никто о его единственности никогда не думалъ.

Графъ Воротынскій провелъ первую молодость свою въ Петербургѣ гвардейскимъ офицеромъ старинныхъ временъ; потомъ, когда отецъ его умеръ и наслѣдство досталось ему въ руки, онъ изъ казарменныхъ повѣсъ вдругъ переродился во фракъ, заграничнымъ Ловеласомъ, и пустился бѣгать за удовольствіями и хвастать своими побѣдами.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ между чувствительными баронессами карльсбадскихъ водъ и закулисными богинями маленькихъ театровъ. Усталый отъ жизни счастливаго волокиты, графъ возвратился разочарованнымъ щеголемъ въ Петербургъ.

Тогда замѣтилъ онъ съ огорченіемъ, что всѣ сверстники его первой молодости давно уже обогнали его на стезѣ почестей и отличій, и что иные даже говорили ему тономъ покровительства.

Графъ не былъ дурной человѣкъ, не былъ человѣкъ глупый, но былъ человѣкъ тщеславный. Ему было нестерпимо-досадно ничего не значить тамъ, гдѣ

всѣ значатъ что-нибудь. Онъ рѣшился, если не догнать своихъ соперниковъ, то по-крайней-мѣрѣ присвоить себѣ то́, для чего еще по-русски нѣтъ, слава Богу, названья, а что́ по-французски называется une position dans le monde. Случай прекрасно послужилъ его намѣренію. Для нѣкоторыхъ хозяйственныхъ распоряженій отправился онъ въ свои деревни и тамъ, въ сосѣдствѣ, увидѣлъ красавицу, передъ которой онъ остановился съ изумленіемъ и радостью. То́ не былъ трепетъ любви, но опытный разсчетъ прозорливаго тщеславія. Какъ человѣкъ многовидѣвшій, онъ высоко цѣнилъ могущество прекрасной женщины въ свѣтѣ. Владѣтель большаго родоваго имѣнія, невполнѣ еще задавленнаго долгами, супругъ жены красавицы, съ щегольскимъ домомъ и съ хорошимъ поваромъ — для него открывалось самое блистательное значеніе въ петербургскомъ обществѣ. Правда, что аристократическое чувство его немного страдало. Но кому прійдетъ въ голову въ Петербургѣ разспрашивать: кто былъ дѣдъ его жены, если жена его красавица? А когда она будетъ носить его имя, развѣ нельзя будетъ облечь прошедшее тайной непроницаемой?..

Предложеніе было сдѣлано. Графъ слышалъ также, правда, стороной, что дѣвушка отдала сердце свое какому-то офицеру; но графъ его не боялся. Не-уже-ли звучное имя, большіе доходы и всѣ приманки свѣта не превозмогутъ очарованій провинціяльной любви? Къ несчастью, онъ не ошибся. Нѣсколько дней прошло въ мучительной борбѣ, и наконецъ бѣдная дѣвушка отказала своему жениху и согласи-

лась на предложеніе графа. Скоро ихъ обвѣнчали, утромъ, осенью.

Въ церкви было пусто. Въ уголку лишь стояла маленькая дѣвочка съ нянькой Савишной и обѣ плакали — старушка потому, что ей жаль было своей барышни; дитя—потому, что ей жаль было глядя на старушку. И въ то же утро графъ сѣлъ съ молодой супругой въ дорожную карету и навсегда умчалъ ее изъ деревни, гдѣ она жила такъ долго, безъ суетныхъ прихотей и мелкихъ требованій свѣта.

Прочь отъ меня мысль опорочить мою графиню! прочь отъ меня злое намѣреніе оклеймить ее презрѣніемъ и бросить на судъ чувствительныхъ барышень. Увы! все въ мірѣ шатко, все въ мірѣ непродолжительно! Не браните молодую дѣвушку, которая предпочла блескъ и шумъ тихой семейной жизни. Увы! мы до того жалки, что еще заранѣе разгадываемъ будущія судьбы своего сердца... Графиня моя, бѣдная, не нашла въ себѣ довольно твердости, чтобъ счастливо и безропотно провесть жизнь свою съ армейскимъ майоромъ, въ душныхъ избахъ, на военныхъ квартирахъ, въ кампаментахъ, среди безпрерывныхъ безпокойствъ бѣдной и бивачной жизни.

Любовь ея была лѣнива. Она испугалась усталости и глупой существенности. Жизнь по бархату, по золоту лукаво ей улыбнулась. Бѣдная женщина заплакала и протянула ей руки... Бѣдная графиня!.. Но я опять забылъ о графѣ, а графъ необходимъ для моего разсказа; дѣлать нечего, войдемъ въ его покои.

Все въ нихъ пышно и великолѣпно, вездѣ бронзы,

картины, вездѣ чудеса моды и искусства; но, разсматривая внимательно всѣ драгоцѣнности графскаго дома, наблюдатель съ перваго взгляда замѣтитъ, что все это собрано въ блестящую кучу не для собственнаго наслажденія хозяевъ, не для домашняго уюта, а для пустой выставки, для ослѣпленія посѣтителей, однимъ словомъ, для роскоши парадной, самой глупой изъ всѣхъ роскошей.

Въ прекрасномъ кабинетѣ, уставленномъ шкапами съ неприкосновенными книгами, на восточномъ диванѣ лежалъ графъ въ бархатномъ халатѣ и казался очень разстроенъ. Онъ перебиралъ въ рукахъ листокъ парижскаго журнала, но мысль его была далека отъ преній французской политики. Казалось, онъ ожидалъ кого-то и въ безпокойномъ ожиданіи невольно бормоталъ несвязныя слова.

—Отказать или не отказать? Человѣкъ, какъ я, не долженъ компрометироваться. Я откажу, рѣшительно откажу... Просто таки-откажу. Ну, а если хуже будетъ? Скажутъ, что я отказалъ? Ну, каково же будетъ, если узнаютъ, что я отказалъ?—Да и жена моя... Что̀ скажутъ? Не отказать —нельзя, рѣшительно нельзя. Человѣкъ какъ я... Люди какъ мы... Нельзя...

Вдругъ въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги. Графъ вскочилъ съ дивана. Дверь отворилась, и Сафьевъ вошелъ въ комнату.

Оба поклонились другъ другу учтиво, сухо и не говоря ни слова. Графу было какъ-будто неловко, а Сафьевъ казался важнѣе обыкновеннаго.

Наконецъ онъ началъ:

—Г-нъ Леонинъ, сказалъ онъ:—сдѣлалъ мнѣ честь выбрать меня въ свои секунданты.

Графъ поклонился и отвѣчалъ немного смутившись:

—Вамъ извѣстно, что я... что мы... что Щетининъ просилъ меня...

—Я для этого и имѣю честь быть у васъ. Наше дѣло условиться о времени и мѣстѣ поединка, выбрать пистолеты и поставить молодыхъ людей другъ предъ другомъ.

Графъ поблѣднѣлъ. Чтó скажетъ графъ Б? Чтó скажетъ графъ Ж? Человѣкъ, какъ онъ, замѣшанный въ подобную исторію!.. Если о ней узнаютъ, ему на-вѣкъ должно бѣжать изъ Петербурга.

—Вы полагаете, прошепталъ онъ съ усиліемъ:—что нѣтъ возможности помирить молодыхъ людей?

—По-моему, небрежно отвѣчалъ Сафьевъ:—всякая дуэль—ужасная глупость, во-первыхъ, потому, что нѣтъ ни одного человѣка, который бы стрѣлялся съ отмѣннымъ удовольствіемъ: обыкновенно оба противника ожидаютъ съ нетерпѣніемъ, чтобъ одинъ изъ нихъ первый струсилъ; а потомъ, къ чему это ведетъ? Убью я своего противника—не стоилъ онъ такихъ хлопотъ. Меня убьютъ—я же въ дуракахъ. И къ тому же, извольте видѣть, я слишкомъ презираю людей, чтобъ съ ними стрѣляться.

Сафьевъ пристально взглянулъ на графа. Графъ еще болѣе смутился.

—Есть такія обиды, продолжалъ Сафьевъ:—которыя превышаютъ всѣ возможныя удовлетворенія—не правда ли?..

—Можетъ-быть.

—Напримѣръ, отнять невѣсту. Иной за это полѣзетъ стрѣляться, будетъ выть какъ теленокъ и сохнуть какъ листъ—не правда ли... я у васъ спрашиваю: не правда ли?.. Такъ... Ну, а по-моему, первая невѣста въ мірѣ не стóитъ рюмки вина, разумѣется, хорошаго: женщинъ обижать не надо... Впрочемъ, не о томъ дѣло. Я вамъ долженъ сказать, что юноша мой очень сердитъ, не принимаетъ объясненій и хочетъ стрѣляться не на животъ, а на смерть. Завтра утромъ.

—Завтра утромъ? повторилъ графъ.

—За Волковымъ Кладбищемъ, въ седьмомъ часу.

—Но... прервалъ графъ.

—Барьеръ въ десяти шагахъ.

—Позвольте... замѣтилъ графъ.

—Отъ барьера каждый отходитъ на пять шаговъ.

—Однако... замѣтилъ графъ.

—Стрѣлять обоимъ вмѣстѣ. Кто дастъ промахъ, долженъ подойти къ барьеру. Разумѣется, мы будемъ стараться не давать промаховъ.

—Но нельзя ли... завопилъ графъ.

—На счетъ пистолетовъ будьте спокойны: у меня пистолеты удивительные, даромъ-что безъ шнеллеровъ по закону, а чудные пистолеты.

Графъ былъ въ отчаяніи.

Отказаться вовсе отъ участія въ поединкѣ было ему невозможно; съ другой стороны, будущность его развертывалась передъ нимъ въ самомъ грустномъ видѣ. Вся свѣтская важность его исчезла и, по мнѣнію свѣта, изъ людей значащихъ и горделивыхъ,

онъ вдругъ дѣлался мальчикомъ, шалуномъ, секундантомъ на дуэляхъ молодыхъ людей. Во всякомъ случаѣ, надо было бѣжать изъ Петербурга, тогда-какъ обѣщанъ ему былъ золотой мундиръ и министръ два раза приглашалъ его обѣдать.

Вдругъ дверь распахнулась и графиня въ утреннемъ нарядѣ, съ длинными висячими рукавами, въ кружевномъ маленькомъ чепчикѣ, всегда прекрасная, всегда пышная, вошла въ комнату.

— Къ вамъ отъ министра пріѣхалъ нарочный, сказала она, обратясь къ мужу. Графъ бросился къ передней.

Графиня подошла къ Сафьеву.

— Завтра, проговорила она поспѣшно: — завтра они должны стрѣляться? Ради Бога, помѣшайте имъ!

—Славный у васъ домъ! отвѣчалъ безпечно Сафьевъ. — Я въ первый разъ имѣю счастье быть у васъ. А все какъ слѣдуетъ: лакированный подъѣздъ, толстый швейцаръ съ перевязью и дубиной. Славный швейцаръ!

Графиня продолжала:

—Ради Бога, не допустите ихъ стрѣляться! Это отъ васъ зависитъ.

—И къ тому жь, замѣтилъ Сафьевъ:—на лѣстницѣ статуи; и коверъ очень хорошаго выбора. У васъ, графиня, много вкуса, я никогда въ томъ не сомнѣвался.

— О, еслибъ вы знали, кáкъ я мучусь! Я всю ночь не спала.

— Несмотря на то, у васъ цвѣтъ лица прекрасный и платье у васъ удивительное, и чепчикъ тоже

чудо. Надо вамъ отдать справедливость, графиня: вы славно одѣваетесь.

Графиня закрыла лицо руками и заплакала. Сафьевъ, задѣвъ палецъ за жилетъ, стоялъ въ молчаніи подлѣ нея и насмѣшливо улыбался...

— Что́ угодно вамъ отъ меня? спросилъ онъ наконецъ, смягчивъ немного свой голосъ.

—Помѣшайте имъ стрѣляться! помирите ихъ!

—И, графиня! у насъ въ Петербургѣ стрѣляются много на словахъ, а на пистолетахъ немного охотниковъ. Мы люди степенные, знаемъ, что это глупость. И къ чему заниматься вашему сіятельству такими страшными предметами? У васъ, можетъ-быть, платье неготово къ завтрашнему балу, или, чего Боже сохрани, вы, можетъ-быть, еще не знаете какіе цвѣты надѣть на голову?

Прекрасные глаза графини засверкали подъ влагою слезъ взглядомъ ненависти и гнѣва.

— О! сказала она:—вы каменный человѣкъ! Вы вѣчно будете неумолимы и безжалостны ко мнѣ!

— Да къ чему мнѣ разнѣживаться? отвѣчалъ Сафьевъ.—Я очень радъ, что есть модный графъ и модная графиня, которые боятся и ненавидятъ Сафьева. Было время, когда Сафьевъ былъ гусарскимъ офицеромъ и вюблялся какъ ребенокъ, и любилъ какъ ребенокъ, и вѣрилъ во всѣ шутовства жизни. Теперь Сафьевъ не тотъ: Сафьевъ не понялъ, что прежде всего на свѣтѣ нужны деньги, и не для другихъ, а для себя; и Сафьевъ нажилъ теперь себѣ деньги, и живетъ не для другихъ, а для себя. А главное удовольствіе его—ѣздить въ боль-

шой свѣтъ. Зачѣмъ же не ѣздить ему въ большой свѣтъ? Теперь кто захочетъ, можетъ ѣздить въ большой свѣтъ. Только Сафьевъ не танцуетъ, потому-что не умѣетъ, да и неловокъ, да старъ уже немного. Только Сафьевъ ничего не доискивается, ни чина, ни невѣсты. Ему ничего не надо: у него одна только цѣль, одно удовольствіе... Зачѣмъ не имѣть ему своего удовольствія? Онъ одного только хочетъ: видѣть первую красавицу Петербурга встрѣчать женщину, которая встарину, во время взаимной простоты, клялась ему прекрасными словами и продала его при первомъ случаѣ первому попавшемуся человѣку. Для этой женщины Сафьевъ спутникъ неотвязчивый: она въ Петербургѣ — онъ въ Петербургѣ, она за границей—онъ ѣдетъ за границу, она говоритъ—онъ подслушиваетъ ея слова, она улыбается — онъ переводитъ ея улыбку, она плачетъ—онъ переводитъ ея слезы, она подъ маской—онъ называетъ ее подъ маской; онъ для нея вѣчный упрекъ, вѣчный судья, вѣчная, неотвязчивая тѣнь и вѣчной будетъ тѣнью... Чтожь дѣлать! Это его удовольствіе; у каждаго должно быть свое удовольствіе — а Сафьевъ не умѣетъ танцовать! А графиня боится Сафьева, потому-что у ея сіятельства совѣсть нечиста, и графъ боится Сафьева, потому-что и у его сіятельства совѣсть нечиста, а Сафьевъ ничего не боится и не стрѣляется, и не будетъ стрѣляться, потому-что это глупость.

Пока Сафьевъ по-своему высказывалъ неумолимое злопамятство своего уязвленнаго сердца, графиня принимала болѣе-и-болѣе ласкательный видъ. Въ

глазахъ ея, еще влажныхъ, выражалась обворожительная нѣга — и вдругъ, почти дѣтскимъ движеніемъ, она приподнялась къ плечу Сафьева, наклонилась къ нему на ухо и шепнула давно неслышаннымъ, но вѣчно-незабвеннымъ голосомъ:

—Я прошу тебя, если ты меня любилъ, помири ихъ.

Сафьевъ дрожалъ, какъ-будто подъ вліяніемъ внезапной электрической силы. Твердость его исчезла. Онъ хотѣлъ говорить, хотѣлъ отвѣчать... Въ эту минуту графъ возвратился въ комнату. Сафьевъ улыбнулся.

—Я говорилъ графинѣ, сказалъ онъ: — что у васъ удивительный домъ.

—Право? отвѣчалъ графъ, обрадованный въ своемъ самолюбіи.—Да́, недуренъ. Министръ еще намедни хвалилъ мою малиновую гостиную. Да вы ее, кажется, не знаете? Хотите взглянуть?

— Благодарю покорно; теперь мнѣ некогда; завтра, прибавилъ Сафьевъ шопотомъ: — за Волковымъ Кладбищемъ, въ седьмомъ часу утра... не опоздайте. Онъ почтительно поклонился графинѣ и вышелъ. Графъ провожалъ его съ поклонами до передней.

«Нечего дѣлать» подумала графиня, оставшись одна въ комнатѣ, «нечего дѣлать, надо будетъ обратиться къ моему генералу».

IX.

Вы, вѣроятно, строгій мой критикъ, читая, по

обязанности служенія вашего, беззащитную мою повѣсть, не разъ упрекали уже ее въ томъ, что она незанимательна, не являетъ никакихъ разительныхъ неожиданностей, не изобилуетъ событіями и не трепещетъ отъ впечатлѣній.

Но скажите, критикъ мой сердитый, много ли въ жизни вашей и въ глазахъ вашихъ разъигралось романическихъ драмъ? Не прошла ли жизнь ваша, какъ и наша проходитъ, въ самыхъ обыкновенныхъ дѣйствіяхъ жизни?.. Поутру погулять въ бекешѣ, потомъ пообѣдать гдѣ-нибудь получше, потомъ побесѣдовать съ какими-нибудь барынями покрасивѣе, да отъ времени до времени пописать что́ Богъ дастъ. Къ чему же искать намъ явленій изъ жизни небывалой и карабкаться на ходули?

По-моему, отсутствіе всякихъ событій во внѣшнемъ быту не только признакъ, но даже цѣль жителей большаго свѣта, и мнѣ даже хочется замѣтить, если вы, мой критикъ, не слишкомъ за то разсердитесь, что въ петербургскихъ обществахъ царствуетъ какая-то вялость, которая отдаляетъ на почтительную дистанцію всякій поэтическій вымыселъ.

Проведите въ молодости вашей веселую зиму въ Петербургѣ, храните воспоминанія о ней, какъ о свѣтлой точкѣ вашей жизни; припоминайте съ улыбкой всѣ ваши рѣзвыя шалости, всѣ сердечныя отношенія, которыя вы подмѣтили между товарищами вашими и робкими красавицами, взволновавшими впервые ваши юношескіе сны — и вотъ, лѣтъ черезъ десять, усталый отъ жизненныхъ заботъ, вы вновь

возвращаетесь въ Петербургъ. И что же? Вы опять находите вашу прежнюю жизнь, для васъ уже отлинявшую, но для другихъ неизмѣняемую, и такую, какъ вы ее прежде оставили. Вы видите, какъ ваши прежніе товарищи все еще ухаживаютъ постарому за вашими прежними красавицами, и все на прежнемъ основаніи, не подвигаясь ни на шагъ ни передъ, ни назадъ. Вы слышите тѣ же самыя шутки, которымъ вы такъ весело смѣялись; вы слышите тѣ же самыя сердечныя признанія, которымъ вы вѣрили такъ неограниченно и о которыхъ вы такъ искренно, такъ простосердечно вздыхали.

«Все то же!» скажете вы. И вамъ станетъ досадно, потому-что старина ваша вдругъ разоблачится передъ вами. Десять лѣтъ, пробѣжавшія надъ вами съ трудомъ и горемъ, промчались надъ Петербургомъ, какъ десять бальныхъ ночей, между пустословія и комплиментовъ, между шарканья и мазурокъ.

Итакъ, простите меня великодушно, о критикъ, грозный мой судья! если въ разсказѣ моемъ, который уже по заглавію своему не долженъ быть не что иное, какъ бѣдный снимокъ съ бѣдной картины большаго свѣта, вы не найдете ничего, кромѣ самаго обыкновеннаго и самаго вседневнаго.

Рѣзкія драмы внутренней жизни скрываются въ глубинѣ души, въ тайнѣ кабинета, подальше отъ насмѣшливыхъ взоровъ, тогда-какъ внѣшняя жизнь тянется однообразно и прилично, безъ измѣненій и страстей.

Не знаю, много ли было различныхъ приключеній

съ Леонинымъ въ два года, съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ вступилъ на новое поприще; много ли разъ онъ раскланивался съ своимъ генераломъ на балѣ и сидѣлъ, по н иказанію его, подъ арестомъ послѣ ученія ; не знаю, много ли онъ танцовалъ мазурокъ много ли разъ онъ былъ въ театрѣ—знаю, что предсказанія Сафьева сбылись и что жизнь бѣднаго офицера преисполнилась мелкими, но язвительными огорченіями.

Кто не испыталъ нужды, кто не постигъ вполнѣ нищенской роскоши половины Петербурга, тому страданія Леонина не будутъ понятны.

Скромный доходъ, получаемый имъ отъ неутомимыхъ трудовъ бабушки, далеко недоставалъ на издержки, о которыхъ она и понятія не имѣла. Бальные мундиры и военное щегольство; концертные билеты, полученные отъ почтенныхъ дамъ, любящихъ награждать артистовъ чужими деньгами ; наемныя кареты, пикники, гдѣ мужчины платятъ, а женщины только кокетничаютъ; зимнія катанья, гдѣ должно щегольнуть санями и лошадьми; лотерейные билеты въ пользу бѣдныхъ—однимъ словомъ, все, что̀ показалось бы прежде ему неслыханнымъ мотовствомъ, при вступленіи его въ присяжные поклонники модной красавицы, сдѣлалось условіемъ первой необходимости. Бѣдный Леонинъ! Тогда позналъ онъ нужду, досадливую нужду, которой не зналъ онъ до-тѣхъ-поръ. Въ большомъ свѣтѣ есть такія вещи, которыя нельзя не имѣть: скорѣе сдѣлать дурное дѣло, скорѣй украсть , чѣмъ остаться безъ нихъ, скорѣе умереть со стыда, чѣмъ сознаться въ своемъ

недостаткѣ! И какими глазами ты будешь смотрѣть на женщину, которую ты любишь, если она знаетъ, что ты пріѣхалъ на балъ на извощикѣ за двугривенный, о которомъ ты торговался; если мундиръ твой изношенъ, если перчатки твои нечисты, если гдѣ-нибудь въ твоей свѣтской жизни промелькиваютъ лохмотья? Какія старанія, какіе неусыпные труды должно прикладывать, чтобъ скрыть отъ всѣхъ горькую истину и выучиться искусству послѣднюю копейку ставить ребромъ!

Послѣ нужды Леонинъ позналъ зависть. И не обидно ли также быть съ товарищами одинакихъ лѣтъ, быть съ ними въ дружбѣ—и быть гораздо ихъ беднѣе? Зависть вкралась въ его душу.

Послѣ зависти онъ позналъ униженіе. Онъ не былъ то, что́ называется женихомъ: матушки съ дочерьми на него не глядѣли. Онъ вальсировалъ плохо; его не выбирали. Онъ не умѣлъ себѣ присвоить выгодное мѣстечко; онъ не умѣлъ напугать своимъ злорѣчіемъ. Молодыя женщины съ нимъ не кокетничали; его иногда забывали въ приглашеніяхъ; ему не отдавали визитовъ; его никогда не звали обѣдать.

Онъ все это видѣлъ, все понималъ, но, по врожденному въ человѣкѣ чувству, упорствовалъ, потому что ему хотѣлось упорствовать.

Онъ видѣлъ графиню почти каждый день и каждый день думалъ быть накануне побѣды надъ ея сердцемъ. Рѣдко находилъ онъ ее одну; но когда это случалось, она томно на него взглядывала, говорила о неумолимыхъ законахъ свѣта и слегка касалась любви прекрасной и высокой. Всему этому Леонинъ

начиналъ вѣрить менѣе, но все еще вѣрилъ, бѣдный, и въ сердечныхъ отношеніяхъ своихъ съ графиней оставался вѣчно на рубежѣ между надеждой и отчаяніемъ, между равнодушіемъ и любовью. Иногда, когда графиня пожимала его руку, или бросала ему будто невольно страстный взглядъ, Леонинъ радовался до безумія. Въ другой разъ, она на него не глядѣла, при немъ весело кокетничала съ другими— и несчастный Леонинъ изнывалъ отъ досады и ревности безсильной.

Но много лѣтъ прошло съ тѣхъ-поръ, какъ графиня была замужемъ, а уже книга большаго свѣта была изучена ею до послѣдней буквы. Она узнала, что обширный кругъ обожателей—первое условіе модной женщины, а потомъ узнала она, какъ привлекаются обожатели, и самые первые, самые богатые, самые значащіе. Всѣ таинства науки очарованій были ею изучены и приложены къ жизни практической съ удивительнымъ успѣхомъ: для иного такое-то платье, для другаго такіе-то цвѣты; иному улыбка, другому сердитый видъ. Всѣ оттѣнки разговоровъ, всѣ постепенности взглядовъ, всѣ перемѣны движеній были ею изучены до послѣдней мелочи. Съ людьми среднихъ лѣтъ была она свободно-разговорчива; съ молодыми людьми, достигшими второй молодости, расточала она всѣ прелести колкаго ума, всю обворожительность своихъ очей и стана; съ молодыми людьми, вступающими только въ свѣтъ, была она величественна и недоступна, какъ богиня; однимъ словомъ, для каждаго оттѣнка человѣческаго возраста была у нея особенная тактика.

Леонинъ все это видѣлъ.

Друзья мои! женщина-кокетка пагубна для насъ не оттого, что она не исполняетъ своихъ обѣщащаній, а потому, что она лишаетъ насъ многаго, охлаждаетъ наши самыя горячія вѣрованія. Видя, какъ она весело играетъ сердечными святынями, мы невольно ей подражаемъ, стыдясь своей пасторальной простоты, и не чувствуемъ мы, ка́къ непримѣтно при ней лучшіе цвѣты жизни увядаютъ въ нашей душѣ.

Впрочемъ, и на графиню находили иногда минуты настоящей грусти. Раны сердца ея раскрывались и она дѣйствительно жалѣла о себѣ самой, и драпировалась, какъ мантіей, своимъ непонятнымъ горемъ. Но и со всѣмъ тѣмъ, какъ замѣтилъ Сафьевъ, она ни на что́ бы, подумавши немного, не промѣняла блестящей аристократической жизни, къ которой она привыкла. Деревня, сосѣди, засѣдатель, Либарины, Митровихины, Бобылькины являлись въ головѣ ея настоящими чудовищами. Избалованная роскошью, гордая графскимъ гербомъ, она создана была для большаго свѣта, какъ большой свѣтъ былъ созданъ для нея.

Одно было въ ней странно и непостижимо: не то́, что она кокетничала съ княземъ Чудинымъ, съ княземъ Красносельскимъ—это было въ порядкѣ вещей; всѣхъ удивляло то, что она на балѣ танцовала съ маленькимъ Леонинымъ, что lè petit Leonine сидѣлъ иногда въ театрѣ у нея въ ложѣ, что она, казалось, всячески хотѣла удержать его въ своихъ сѣтяхъ.

Впрочемъ, никто не простиралъ своихъ заключе-

нiй слишкомъ далеко; каждый зналъ, что если графиня и пожелаетъ когда-нибудь любить истинно, то она навѣрно выберетъ человѣка позначительнѣе Леонина.

Такъ, какъ говорилъ я, прошло два года. Иногда хотѣлъ онъ разомъ открыть душу свою и уже пламенныя слова предвѣщали бурю сжатыхъ страстей; но графиня ловко отъ него отшучивалась. Иногда онъ приходилъ въ отчаянiе; графиня ободряла его тогда улыбкой. Графъ ему не кланялся и не обращалъ на него вниманiя. Время шло...

Однажды утромъ вдругъ вспомнилъ онъ объ Армидиной.

Графиня наканунѣ цѣлый вечеръ ходила въ маскарадѣ подъ-руку съ княземъ Чудинымъ. Леонинъ ее узналъ, а она отъ него отвернулась и не замѣтила даже, что онъ сидѣлъ, печальный, на тѣхъ самыхъ креслахъ, на которыхъ онъ слышалъ ея исповѣдь.

«Бѣдная Армидина!» подумалъ онъ: «что за волосы! У графини нѣтъ такихъ волосъ, и притомъ Армидиной восемьнадцать лѣтъ, а графиня хотя, и хороша, а все-таки ужь... начинаетъ... немножко... гм, гм... Армидина меня любила, а графиня, кажется, никого не любила. Я обманулъ бѣдную дѣвушку; я обольстилъ ея воображенiе; я неблагодарный, я преступникъ, я извергъ!.. Леонинъ ужаснулся вдругъ самого себя и съ твердымъ намѣренiемъ снова утѣшить покинутую красавицу, рѣшился въ первое воскресенье отправиться снова въ Коломну и поговорить постарому о счастьѣ любить на землѣ и жить на землѣ вдвоемъ.

X.

Какъ человѣкъ модный, онъ пріѣхалъ поздно. Тускло-освѣщенная передняя была завалена шубами. Полусонный казачокъ снялъ съ него шинель и повѣсилъ на вѣшалку.

Леонинъ принялъ на себя приличный видъ и, поправивъ волосы, вошелъ въ комнату, гдѣ танцовали. Въ комнатѣ было, по обыкновенію, темно. Въ углу наемщикъ трудился на фортепьянахъ. Танцовали мазурку. Въ первой парѣ сидѣла m-lle Armidine съ какимъ-то огромнымъ кирасиромъ, который поминутно поправлялъ свои ужасные усы и бакенбарды. Леонинъ легко поклонился и мастерски проскользнулъ въ другую комнату, гдѣ Нимфодора Терентьевна играла въ бостонъ съ тремя старушками. При появленіи его, старушки подняли чепцы свои вверхъ, съ свойственнымъ подобнымъ старушкамъ удивленіемъ. Нимфодора Терентьевна прищурилась на молодаго человѣка и поклонилась довольно-сухо, примолвивъ:

—А! здравствуй, батюшка. Какимъ вѣтромъ занесло? Такъ изважничался, что и глазъ къ намъ не кажешь! Говорятъ, сдѣлался щематономъ... Шесть въ сюрахъ!.. Какъ это къ намъ пожаловалъ? Мы люди неважные, мы играемъ безъ кадилей.

Леонинъ повернулся на одной ногѣ и, довольно смущенный, отправился въ комнату, гдѣ танцовали. Нѣсколько прежнихъ товарищей окружили его и начали душить вопросами:

Откуда ты? Что это ты пропадалъ? Хочешь vis-a-vis?

Всѣхъ болѣе надоѣлъ ему маленькій франтикъ съ мужицкой прической, съ цѣпочкой, съ лорнетомъ, который не давалъ ему покоя.

—А! bonjour. Очень радъ васъ здѣсь встрѣтить. Мы въ театрѣ очень часто видимся. Кто вамъ больше нравится: Allan или Taglioni? Вообразите, я видѣлъ пятнадцать разъ сряду «Гитану». Я всегда во французскомъ театрѣ. Что дѣлать?.. люблю Allan; насъ въ театрѣ нѣсколько человѣкъ всегда вмѣстѣ. Петруша, Ваня... Вы знаете Петрушу, графа Петра В. и Ваню, князь Ивана?—славные ребята! Я съ ними неразлученъ; обѣдаемъ каждый день почти вмѣстѣ у Кулона или у Legrand. Какъ по-вашему, кто лучше, Legrand или Coulon? Хорошъ Legrand! Дорогъ, нечего сказать, а мастеръ своего дѣла. Вы много ѣздите въ свѣтъ, слышалъ я: скажите, пожалуйста, этъ ву каню авекъ ле Чуфыринъ э ле Курмицынъ?

—Нѣтъ.

—Жалко! Очень у нихъ весело! Ужь не такіе вечера, продолжалъ онъ, наклонясь на ухо Леонина и улыбаясь лукаво:—ужь не такіе вечера, какъ здѣсь, почище, гораздо почище. Въ комнатахъ освѣщено прекрасно, а за ужиномъ не подаютъ чортъ знаетъ что́. Курмицыны долго были за границей и живутъ совершенно на иностранный genre. Славные вечера! Я очень хорошъ въ домѣ. Хотите, я васъ представлю? Я съ ними очень друженъ...

Леонинъ повернулся къ нему спиной и трепетно приблизился къ m-lle Armidine. M-lle Armidine легко кивнула ему головой. Въ глазахъ ея не было ни ра-

дости, ни досады. Исполинскій кирасиръ косо взглянулъ на Леонина и закрутилъ дремучій лѣсъ своихъ усовъ.

—Я не нахожу словъ для извиненія своего, сказалъ Леонинъ.

—Для какого извиненія? спросила m-lle Armidine хладнокровно.

—Я такъ давно не былъ у васъ.

—А, для этого-то! Правда, вы, кажется, давно у насъ не были.

«О!» подумалъ Леонинъ: «какъ ничтожны мужчины въ наукѣ притворства!»

Мазурка продолжалась. Леонинъ стоялъ незамѣченный въ уголку; его ни разу не выбрали, а m-lle Armidine была все прекрасна и воздушна попрежнему. Бѣлокурыя кудри, пышнѣе чѣмъ когда-нибудь вились по ея плечамъ, и она задумчиво вздыхала и поднимала къ небу глаза свои. Кирасиръ наклонялся къ ней на стулъ и шепталъ ей на ухо страстныя слова... о чемъ—неизвѣстно, а вѣроятно о счастіи любить на землѣ и жить на землѣ вдвоемъ.

У дверей стоялъ толстый чиновникъ въ вицмундирѣ, съ огромной сердоликовой печатью на часахъ.

Франтикъ опять подошелъ къ Леонину.

—Этъ ву каню авекъ m-r Кривухинъ, вотъ, что въ дверяхъ стоитъ? Кажется, гадинькой такой; думаешь бѣднякъ, чиновникъ какой-нибудь; онъ начальникъ отдѣленія и у него, вообразите, въ шкатулкѣ тысячъ триста чистоганчикомъ—каково? пріятно, не правда ли? не похожъ на то, совсѣмъ не похожъ. Жаль, что въ карты не играетъ! Вы играете въ кар-

ты? Я люблю вистъ, по маленькой. Мы иногда съ Петрушей, съ Ваней рѣжемся часа четыре сряду — славные ребята! хотѣли было меня потащить съ собой въ большой свѣтъ, къ Р., къ Б., къ графинѣ К., да я не хочу: тамъ этикетъ и скука. Пойду лучше посмотрѣть на Тальони или на Allan... Люблю Allan! Чтó это за удивительная актриса! Впрочемъ, надо сказать правду, и Асенкова недурна, особливо въ гусарскомъ костюмѣ. Мы съ Петрушей и Ваней всегда ее вызываемъ.

Леонинъ бросился къ дверямъ и, съ трудомъ отъискавъ свою шинель, уѣхалъ домой.

Ему было неимовѣрно-грустно.

Опять заблужденіе одно отъ него отлетѣло; опять замѣтилъ онъ, что по себѣ былъ онъ ничѣмъ, а что его ласкали изъ видовъ и замысловъ, и что только онъ отлучился — о немъ никто и не заботился. Онъ не любилъ m-lle Armidine и чувствовалъ, что всѣ ея ужимки менѣе чѣмъ когда-нибудь теперь могли имѣть на него дѣйствіе, и со всѣмъ тѣмъ, по странному противорѣчію человѣческаго сердца, огромная фигура кирасира казалась ему противна и ненавистна.

Спустя недѣлю, узналъ онъ, что m-lle Armidine была помолвлена за начальника отдѣленія.

XI.

А пока старушка Савишна была въ большихъ попыхахъ, Наденьку собирались представить въ свѣтъ; Наденькѣ уже было семнадцать лѣтъ. Она была не

такъ хороша, какъ графиня, но она была лучше, она болѣе нравилась. Она вполнѣ обладала тремя главными женскими добродѣтелями: во-первыхъ, наружностью, все болѣе и болѣе привлекающей, потомъ нравомъ скромнымъ и какъ-будто просящимъ опоры любимой, наконецъ тою неопредѣлительною щеголеватостью движеній и существа, которая составляетъ одно изъ главныхъ очарованій женщины.

Савишна была въ большихъ хлопотахъ: то гладила она бальное платье, въ которомъ Наденька въ первый разъ должна была явиться на судъ свѣтскихъ знатоковъ; то сердилась она, что не принимали ея совѣтовъ на счетъ головнаго убора; то вздыхала и крестилась, вспоминая о доброй своей барынѣ, которая давно лежала въ могилѣ и не будетъ, бѣдная, любоваться своей дочерью въ бальномъ ея нарядѣ.

Слѣдуя аристократическому обычаю петербургской знати, Наденька тщательно скрывалась отъ всѣхъ глазъ до роковой минуты вступленія ея въ свѣтъ. Минута эта наступила и она ожидала ея безъ боязни и безъ восторга.

Быть-можетъ, въ дѣвственныхъ мечтахъ ея, межъ цвѣтовъ и бальныхъ звуковъ, и слышался ей невѣдомый шопотъ, и чудились ей предугадываемыя чувства... Кто проникнетъ въ сердечныя грезы молодой дѣвушки? кто пойметъ неиспорченнымъ сердцемъ первыя думы, первую задумчивость и неясныя откровенія души дѣвственной, души открытой всему прекрасному?

Домъ старой княгини, тетки Щетинина, былъ назначенъ для перваго выѣзда Наденьки.

Наступилъ день бала.

Все по старому пышно и хорошо. Кареты тянулись длинною нитью у ярко-освѣщеннаго подъѣзда. Дверцы поминутно хлопали и изъ кареты выпархивали разряженныя дѣвушки, вываливались одюжѣвшія матушки, вышаркивали камерюнкеры.

И Леонинъ явился, по привычкѣ, на балъ. Поутру заимодавцы не давали ему покоя. Начальникъ его обѣщалъ ему, за нерадѣніе къ службѣ, отсылку въ армію. Графиня не приняла его, извиняясь головною болью, хотя трое саней стояло у ея подъѣзда.

Ему было неимовѣрно-душно. Лицо его было блѣдно, глаза неподвижны. Всѣ на балѣ его видѣли и никто не замѣтилъ.

А балъ былъ прекрасный. Бальныя рѣчи шумѣли шумнымъ говоромъ. Женщины, украшенныя цвѣтами, сверкавшія очами и брильянтами, наклонялись на кавалеровъ и кружились съ ними въ упоительномъ вальсѣ.

Леонину все это стало противно. На роскошь праздника онъ взгляда не бросилъ и ко всѣмъ окружавшимъ онъ почувствовалъ неодолимое отвращеніе.

Въ эту минуту въ большую залу вошла графиня. Парчевой тюрбанъ увивался около ея головы; темно-бархатное платье чудно выказывало удивительную бѣлизну ея плечъ. Въ залѣ сдѣлалось невольное движеніе.

За графиней шла молоденькая дѣвушка въ бѣломъ платьѣ съ голубыми цвѣтками.

«Сестра графини!» раздалось шопотомъ повсюду. Всѣ кинули на нее испытующій взглядъ; даже ста-

рые сановники, занятые въ штофной гостиной вистомъ, невольно удостоили ее мгновеннымъ и одобрительнымъ осмотромъ; даже женщины взглянули на нее благосклонно.

Леонинъ видѣлъ ее нѣсколько разъ мелькомъ у графини, но едва лишь замѣтилъ. И точно, что̀ значитъ дѣвочка въ простомъ платьѣ, съ потупленнымъ взоромъ, въ сравненіи съ графиней, расточающей всѣ прелести своего кокетства, всѣ роскошныя изобрѣтенія парижскихъ модъ! Теперь Леонину показалось, что онъ видитъ Наденьку въ первый разъ. Глядя на нее, ему какъ-то отраднѣе стало, и онъ невольно къ ней приблизился и очутился съ ней во французской кадрили.

—Ну, что̀, спросилъ онъ: — какое впечатлѣніе дѣлаетъ на васъ вашъ первый балъ?

—Хорошо, отвѣчала Наденька:—хорошо; только я думала, что будетъ лучше. Я думала, что мнѣ будетъ очень весело.

—Что жь, вамъ не весело?

—Нѣтъ, не то, чтобъ и скучно, а какъ-то странно... Всѣ осматриваютъ меня съ ногъ до головы. Боюсь, чтобъ платье мое кто-нибудь изъ кавалеровъ не изорвалъ... Да жарко здѣсь очень!

—Да̀, сказалъ Леонинъ: — здѣсь жарко, здѣсь душно. Въ свѣтѣ всегда душно!.. Все тѣ же мужчины, все тѣ же женщины. Мужчины такіе низкіе, женщины такія нарумяненныя.

Онъ невольно повторилъ слова, слышанныя имъ нѣкогда въ маскарадѣ.

Наденька взглянула на него съ удивленіемъ.

—Да намъ какое до того дѣло? Если женщины румянятся, тѣмъ хуже для нихъ; если мужчины низки, тѣмъ для нихъ стыднѣе.

«Правда», подумалъ Леонинъ.

—И почему, продолжала Наденька: —искать въ людяхъ одно дурное? Въ обществѣ, я увѣрена, пороки общіе, но за-то достоинства у каждаго человѣка отдѣльны и принадлежатъ ему собственно. Ихъ-то кажется, должно отъискивать, а не упрекать людей въ томъ, что они живутъ вмѣстѣ.

Неопытная дѣвушка объяснила въ нѣсколькихъ словахъ молодому франту всю тайну большаго свѣта.

Слѣдующую кадриль Леонинъ танцовалъ съ графиней.

—Графиня, сказалъ онъ: — два года назадъ, во время маскарада, одна маска показалась мнѣ чрезвычайно жалкою. Она не знала меня и обратилась ко мнѣ какъ къ другу, и раскрыла мнѣ всѣ раны своего сердца.

—Право? разсѣяно сказала графиня, приложивъ вѣеръ къ губамъ.

—Она была точно жалка, сказалъ Леонинъ. — Никто ее не любилъ, а она жаждала счастья найдти душу, которая могла бы ее любить. Подъ маской были вы, графиня.

—Вы думаете?..

—Я въ томъ увѣренъ. И съ-тѣхъ-поръ я бросилъ всю прежнюю жизнь свою; я оставилъ всѣхъ своихъ знакомыхъ; я отказался отъ дѣвушки, которая меня любила; я втерся въ новый кругъ, гдѣ я терпѣлъ всѣ униженія и всѣ досады; я вышелъ изъ предѣловъ мо-

его состоянія, я прилѣпился къ слѣдамъ вашимъ, для васъ одной, и я не просилъ ничего, и когда я былъ вамъ нуженъ, я былъ всегда подъ-рукой, и когда вы кокетничали съ людьми, мнѣ ненавистными, я молчалъ... И я думалъ тронуть васъ своимъ постоянствомъ и своей любовью, я думалъ, что, въ награду всѣхъ мученій, которыя я претерпѣлъ для васъ, вы бросите мнѣ взглядъ сожалѣнія и будете ко мнѣ неравнодушны.

—Чего же вы хотите? спросила графиня.

—Я хочу знать, любите ли вы меня?..

Графиня горделиво подняла голову.

—Вы, кажется, съ ума сошли? сказала она.

Въ ея голосѣ было столько презрѣнія, что бѣдный Леонинъ, какъ оньянѣлый, вышелъ въ другую комнату.

Въ то же время князь Чудинъ подошелъ съ другой стороны къ графинѣ, перекачиваясь съ ноги на ногу.

—Прелестная графиня, сказалъ онъ:—два слова. Вотъ два года, какъ въ свѣтѣ говорятъ, что я въ васъ влюбленъ. Что вы думаете: правда ли это?

—Не знаю сказала графиня смѣясь.

—Оно бы, можетъ, и было правда, сказалъ fashionable:—да дѣло въ томъ, что я никакъ не умѣю вздыхать, плакать и падать въ обморокъ. Для меня ремесло собачки, которая должна служить и прыгать для своей хозяйки—нестерпимо. Я люблю дѣйствовать рѣшительно и требую рѣшительныхъ отвѣтовъ: да́ или нѣтъ. Я никому не дамъ удовольствія видѣть, какъ я буду сантиментальничать. Это

ие моя привычка. Угодно вамъ будетъ мнѣ отвѣчать?

—Вы, кажется, съ ума сошли! сказала, разсмѣявшись, графиня и протянула ручку свою извѣстному намъ генералу, который пожалъ ее съ чувствомъ рыцарской благодарности , а потомъ усѣлись они вдвоемъ на кушеткѣ, въ уголку сосѣдней гостиной, и начали разговаривать, не обращая ни на кого вниманія. Генералъ былъ очень счастливъ. Онъ вѣжливо протянулъ руку проходящему мимо мужу графини, который почтительно мимо его прошаркнулъ и усѣлся съ нѣкоторыми лицами за карточный столъ.

Заиграли мазурку. Пары усѣлись вдоль стѣны. Щетининъ танцовалъ съ графиней. Онъ былъ въ самомъ свѣтскомъ расположеніи духа, злословилъ и смѣялся. Вообще нѣтъ ничего пошлѣе мазурочныхъ разговоровъ, даже если и вмѣшается въ нихъ какое-нибудь сердечное отношеніе. Во-первыхъ, жара, тѣснота, необходимость вставать поминутно для фигуръ, усталость и поздняя ночь въ состояніи отнять у самаго пламеннаго любовника все его краснорѣчіе. Тогда невольно ищешь самыхъ простыхъ словъ и самыхъ простыхъ мыслей; тогда женскія уста, отверзтыя невольно для зѣвоты, смыкаются лишь изъ приличія улыбкой.

—Графиня, говорилъ Щетининъ:—замѣчаете вы въ Петербургѣ новую странность: молодыя дѣвушки совершенно забыты? Видите, сколько сидитъ ихъ по разнымъ угламъ съ недовольными лицами и безъ надежды на кавалеровъ? Барышня уничтожается въ нашемъ образованномъ обществѣ и остается еди-

ственно на попеченіи своихъ двоюродныхъ братьевъ или друзей дома, то есть, несноснѣйшихъ людей въ мірѣ. Вы будете въ кипсекѣ?

—Нѣтъ. Да этого кипсека никогда не будетъ.

—Напротивъ, онъ скоро долженъ выйдти въ свѣтъ съ изображеніями нашихъ красавицъ. Вамъ первое мѣсто слѣдуетъ по праву.

—Благодарю покорно. Моего портрета однако не будетъ. Можетъ-быть, я недовольно-хороша, я не недовольно bon genre для подобной чести.

—Графиня, bon genre теперь не говорится болѣе, а говорится genre fracas: оно новѣе и выразительнѣе—не правда ли? Вы были вчера на балѣ—fracas! Вы танцовали мазурку съ вашимъ обожателемъ—fracas! А если вы задумались, если вы вздохнули, если вы хоть слово сказали—это могло дать подумать, что сердце ваше тронуто — fracas! fracas! Все, что́ отъ насъ идетъ и къ намъ обращается—все fracas! А гдѣ другъ мой и пріятель mr Leonine, вашъ постоянный обожатель, вашъ безнадежный вздыхатель, господинъ де Грандиссонъ? Вотъ ужь вовсѣ не fracas.

—Вообразите, отвѣчала, смѣясь, графиня:—что онъ не на шутку требовалъ отъ меня нынче объясненія; онъ хотѣлъ, чтобъ я призналась въ любви къ нему!.. И теперь онъ сердится и ходитъ блѣдный и сердитый, какъ тѣнь Гамлета.

—Я очень радъ продолжалъ, также смѣясь, Щетининъ:—я очень радъ: авось это отучитъ васъ отъ страсти собирать около себя цѣлое стадо обожателей—къ чему они всѣ вамъ?

—О! этого я должна была отличать между прочими по обстоятельствамъ, мнѣ извѣстнымъ. Виновата ли я, что онъ принялъ за любовь все, что́ было лишь приличіе? Можетъ-быть, я и виновата немного. Да какой женщинѣ, скажите, не хочется нравиться?

—И вы навѣрное знаете, что вы не любите моего рыцаря печальнаго образа?

—О! что́ до этого, вы можете быть совершенно спокойны. Онъ не глупъ, а все-таки не только не fracas, а просто — mauvais genre, и тонъ его, сказать правду, иногда бываетъ очень дуренъ. Еслибъ у меня была наклонность, я бы умѣла ее лучше выбирать.

—О, бѣдный господинъ де Грандиссонъ! смѣясь продолжалъ Щетининъ:—о, сантиментальный юноша!

—Я вамъ должна признаться, прибавила графиня:—что вашъ пріятель бываетъ иногда чрезмѣрно скученъ: молчитъ и вздыхаетъ, вздыхаетъ и молчитъ. И потомъ, два года назадъ, онъ былъ мнѣ нуженъ, а теперь Богъ съ нимъ!

Князь Чудинъ протянулъ небрежно руку къ графинѣ; она улыбнулась и, вставъ съ своего мѣста, порхнула съ княземъ въ пирамидную фигуру.

—Князь! сказалъ на ухо Щетинину дрожащій голосъ. Щетининъ обернулся. За стуломъ стоялъ Леонинъ съ посинѣвшими губами, и за Леонинымъ стоялъ Сафьевъ, съ пальцемъ, задѣтымъ за жилетъ и съ вѣчной улыбкой.

—Князь! продолжалъ Леонинъ:—въ романѣ го-

сподина де Грандиссона не достаетъ одной главы— поединка. Вы знаете, что романы безъ поединка теперь не обходятся. Не угодно ли вамъ будетъ дополнить этотъ недостатокъ?

—Извольте, отвѣчалъ Щетининъ: — желаю, чтобъ эта глава была изъ лучшихъ въ вашемъ романѣ. Кто секундантъ вашъ?

—Г. Сафьевъ продолжалъ Леонинъ:—не правда ли?

—По-моему, сказалъ Сафьевъ:—всякая дуэль— большая глупость. Однако, душа моя, какъ здѣсь ты немного найдешь охотниковъ, такъ я, пожалуй, радъ быть твоимъ секундантомъ. Только вотъ чтó: прошу не мѣшаться ни во чтó, а все предоставить мнѣ. Къ кому прикажете, прибавилъ онъ, наклонившись къ Щетинину, явиться мнѣ для нужныхъ переговоровъ?

—Я буду просить графа Воротынскаго быть моимъ секундантомъ, отвѣчалъ Щетининъ.

—Графа, графа! съ удивленіемъ замѣтилъ Сафьевъ.—Ну, да быть такъ: я поѣду къ графу.

Князь Чудинъ возвратился къ мѣсту графини и, оставивъ ее у стула, поднялъ съ пола свою шляпу и сталъ, съ лорнетомъ въ глазѣ, въ числѣ нетанцующихъ.

Князъ Щетининъ продолжалъ разговоръ какъ-бы ни въ чемъ не бывалъ, но злословилъ и смѣялся больше обыкновеннаго. Мазурка весело переходила отъ фигуры пирамидъ къ фигурѣ замысловатыхъ выборовъ.

Графиня мигомъ разгадала все, что̀ было въ

ея отсутствіе, но, какъ женщина опытная, она не обнаружила своего смущенія, напротивъ, веселость ея сдѣлалась живѣе, глаза заискрились, румянецъ заигралъ на щекахъ ея. Она отвѣчала шутками на шутки, улыбками на улыбки, и порхала между танцующими съ такой откровенной веселостью, что собой оживила цѣлый балъ. Никогда еще, можетъ-быть, она не была такъ привлекательна и прелестна. Шопотъ восхищенія зажужжалъ вокругъ нея, провозглашая ее единогласно царицею вечера; и точно, нельзя было довольно ею налюбоваться. Стройная, живая, съ лихорадочнымъ огнемъ въ глазахъ и съ улыбкой сладострастной на устахъ, съ длинными волосами, распущенными по плечамъ, она носилась, не касаясь пола своими ножками, осуществляя собой всѣ страстныя мечты, всѣ страстныя желанія юноши. Кругомъ ея все смѣшалось и закипѣло. Молодые люди, молодыя женщины начали кружиться и чаще, и быстрѣе; музыка заиграла громче, свѣчи засверкали яснѣе, цвѣтущіе кусты распустились ароматнѣе.

—Славный балъ! говорили старики, оживляясь воспоминаніемъ при веселіи молодежи.

—Чудный балъ! говорили молодыя дамы, махая вѣерами.

—Прелестный балъ! говорили юноши, улыбаясь своимъ успѣхомъ.

И среди этого шума, этого хаоса торжествующихъ лицъ, одна молодая дѣвушка стояла задумчиво и не радуясь радости, которой она не понимала. Ея большіе голубые глаза устремлялись съ скромнымъ

удивленіемъ на ликующую толпу. Она чувствовала себя неумѣстною среди рѣдкихъ порывовъ свѣтскаго восторга, и тó, чтó всѣхъ восхищало, приводило ее въ неодолимое смущеніе. На всѣхъ лицахъ рѣзко выражалось какое-то торжественное волненіе, а на чертахъ ея изображалось какое-то душевное спокойствіе, отблескъ небесной непорочности и отсутствія возмутительныхъ мыслей.

Леонинъ прислонился къ двери съ горькой думой и окинулъ взоромъ все собраніе, которое прежде такъ увлекало и ослѣпляло его. Вдругъ взоръ его остановился на прекрасномъ и спокойномъ лицѣ Нади́ньки—и мысль его приняла другое направленіе.

Загадка большаго свѣта начала передъ нимъ разгадываться. Онъ понялъ всю ничтожность свѣтской цѣли, всю неизмѣримую красоту чувства высокаго и спокойнаго. Онъ все болѣе и болѣе приковывался взоромъ и сердцемъ къ Наденькѣ, къ ея безмятежному лику, къ ея необдуманнымъ движеніямъ. Онъ долго глядѣлъ на нее, онъ долго любовался ею съ какою-то восторженной грустью...

И вдругъ, по какому-то магнитическому сочувствію, взоры его встрѣтились съ взорами Щетинина, устремились вмѣстѣ на Наденьку и обмѣнялись взаимно кровавымъ вызовомъ, яркимъ пламенемъ соперничества и вражды.

XII.

Кто бы взглянулъ при свѣтѣ каретнаго фонаря на графиню, когда она ѣхала съ бала съ сестрой и му-

жемъ, тотъ навѣрное не узналъ бы беззаботной, веселой красавицы, которая одна оживила собой цѣлую чопорную великосвѣтскую толпу. Волосы ея развились и падали въ безпорядкѣ около лица, губы побѣлѣли, около глазъ врѣзались едва замѣтныя черты, а въ глазахъ отражалось безотчетное утомленіе. На графиню находила одна изъ тѣхъ минутъ, которыя, какъ говорилъ уже я, такъ часто отягощаютъ свѣтскихъ людей: жизнь казалась ей противною, люди—гадкими, вся сфера, въ которой она жила—унизительною. Такъ же, какъ въ тотъ вечеръ, когда она познакомилась съ Леонинымъ, ею овладѣла грусть неодолимая. Подлѣ нея сидѣла Наденька, утомленная шумомъ, ей непривычнымъ, и тихо склоняла головку свою на атласныя подушки кареты. Графъ казался очень сердитымъ, молчалъ и отъ времени до времени звучно отдувался; наконецъ, замѣтивъ, что Наденька засыпаетъ безмятежно, онъ обратился къ женѣ своей съ вопросомъ:

—Объясните мнѣ эту глупую исторію. Стою я съ шведскимъ посланникомъ, съ сенаторомъ Петромъ Александровичемъ, да еще съ княземъ Петромъ Даниловичемъ, разговариваемъ мы о томъ, какъ бы въ четверкъ составить намъ партію, вдругъ выбѣгаетъ изъ другой комнаты, какъ сумасшедшій, Щетининъ, и прямо ко мнѣ, и таки и не смотритъ съ съ кѣмъ я стою — ни чуть не бывало! прямо ко мнѣ и, не извинившись, говоритъ, что онъ имѣетъ сказать мнѣ что-то весьма важное. Я поглядѣлъ на него. Щетининъ человѣкъ порядочный, однакожь все-таки еще молодой человѣкъ, и мнѣ показалось это

немножко некстати противъ человѣка, какъ я; однако дѣлать нечего, я отошелъ съ нимъ къ сторонѣ.

—Онъ просилъ васъ быть своимъ секундантомъ? поспѣшно спросила графиня.

—Такъ точно-съ. Возьмите же, какая глупость для человѣка съ моимъ званіемъ, съ моимъ именемъ идти вмѣшиваться въ дѣла молодыхъ людей, которыхъ я почти не знаю да и знать вовсе не хочу, чортъ бы ихъ побралъ!

—Вы отказали? сказала графиня.

—То-то я въ большомъ затрудненіи. Отказать нельзя Щетинину: онъ говоритъ, что онъ за васъ поссорился съ Леонинымъ, и ради Бога просилъ не говорить вамъ о томъ. Надобно, чтобъ эта исторія оставалась какъ можно секретнѣе; не то онъ, Леонинъ, и я, и вы сдѣлаемся предметомъ всѣхъ разговоровъ и городскихъ сплетней.

—Сохрани Богъ! невольно воскликнула графиня.

—Чтó вы прикажете дѣлать? Идти — глупо, нейдти—страшно; а все, сударыня, вы виноваты.

—Я? сказала графиня.

—Дá... все вы. Когда я взялъ васъ, въ вашей деревушкѣ, чтó были вы тогда? — ничего; просто, деревенская дѣвочка, а теперь чтó вы? — графиня, жена моя, которой всѣ завидуютъ.

— О! что до этого, съ досадой отвѣчала графиня:—мы съ вами расплатились. Чтó были вы прежде?—ничего; человѣкъ, который даже танцовать не умѣлъ, а теперь вы въ связи со всею знатью, потому-что я ваша жена.

—Ну, сказалъ графъ: —зачѣмъ же вы не оставались въ этомъ кругу? Что было вамъ въ этомъ маленькомъ Леонинѣ, который чортъ знаетъ что и чортъ знаетъ откуда, и который повсюду васъ преслѣдуетъ, какъ тѣнь ваша? Не ожидалъ я отъ васъ, что именно черезъ этакое ничтожное существо я долженъ лишиться всего, что мнѣ и вамъ обѣщано. Вотъ, еслибъ князь Чудинъ, напримѣръ, такъ все-таки было бы простительнѣе...

—А что бъ вы сказали, отвѣчала графиня: — еслибъ, по завѣщанію матушки, Леонинъ, вмѣсто того, чтобъ быть моимъ поклонникомъ, сдѣлался мужемъ моей сестры, и гостиная ваша наполнилась бы всѣми Леониными, Свербиными и Либариными Орловской Губерніи?

—Какъ? что это? съ удивленіемъ воскликнулъ графъ.

Въ эту минуту карета подъѣхала къ графскому дому и рослый лакей, бросившись поспѣшно къ дверцамъ, остановилъ начатое объясненіе.

Наденька все слышала, и сама испугалась собственныхъ впечатлѣній. Всю ночь не могла она сомкнуть глазъ. То становилось ей страшно за Щетинина, который будетъ драться на пистолетахъ; то становилось ей досадно на Щетинина, что онъ съ ней не танцовалъ; то думала она съ почтеніемъ и горемъ о матери своей и о Леонинѣ съ ней вмѣстѣ. Прошелъ день. Савишна съ безпокойствомъ взглядывала на свою барышню, и крестила ее издали и дивилась ея задумчивости... Въ этотъ день все было мрачно въ домѣ графини, и Сафьевъ былъ у графа.

Въ понедѣльникъ утромъ Наденька задумчиво сидѣла въ большихъ креслахъ. Вошла къ ней Савишна.

—Чтó няня?

—Да странное, матушка, дѣло: письмо къ вамъ какое-то принесли.

—Ко мнѣ? быть не можетъ.

Наденька съ живостью распечатала поданный ей конвертъ.

Вотъ чтó она прочла:

«Завтра въ шесть часовъ я долженъ стрѣляться. «Если вы получите это письмо, меня на свѣтѣ не «будетъ.

«Не знаю, право, жалѣть ли мнѣ о жизни, или «радоваться смерти. Только одного мнѣ бы не хо-«тѣлось, Надина: умереть, не открывъ вамъ души «моей, не простившись съ вами, не попросивъ мо-«литвы вашей надъ моею могилой.

«Вы меня мало знаете. Вы слышали обо мнѣ какъ «о человѣкѣ модномъ и, можетъ быть, въ душѣ своей «вы пренебрегаете моимъ ничтожествомъ, вы пре-«зираете меня.

«Мысль эта для меня нестерпима. Выслушайте «меня, прочитайте эти строки. Смерть будетъ слу-«жить мнѣ извиненіемъ и убѣдитъ васъ въ истинѣ «словъ моихъ.

«Я выросъ въ одиночествѣ, безъ родныхъ ласокъ, «которыя такъ сильно привязываютъ насъ мыслью къ «первымъ годамъ нашей жизни. Наемщики напере-«рывъ старались отвращать меня отъ настоящаго и «путать въ будущемъ. Въ цѣломъ дѣтствѣ моемъ «нѣтъ ни одной свѣтлой минуты, о которой сладко

«мнѣ было бы вспомнить, на которую душа моя улыб-«нулась бы. Я говорю это съ истиннымъ, глубокимъ «огорченіемъ. Все дѣтство мое было заточеніемъ, «гдѣ изъ рѣшетки окна блистали передо мной экипа-«жи, ливреи, балы, театры, брильянты и удоволь-«ствія. Къ нимъ только устремлялись всѣ мои по-«мышленія. Но чистыя наслажденія моего возраста «оставались мнѣ вѣчно неизвѣстными и только те-«перь, когда ужь сѣдые волоса промелькиваютъ у «меня на головѣ, я понялъ, какъ много свѣжести «душевной, не коснувшись до меня, провѣяло мимо «и утратилось на вѣки.

«Когда я надѣлъ эполеты, все было уже мнѣ из-«вѣстно напередъ, и свѣтъ былъ для меня разгаданъ. «Жизнь разсѣянная увлекла меня въ вихрь своихъ «удовольствій. Я старался дружиться съ людьми, «которыхъ не любилъ; я старался влюбляться въ «женщинъ, которыхъ не любилъ — и въ душѣ моей «было пусто и мертво; мной овладѣло какое-то ле-«денящее равнодушіе ко всему. Такъ долго жилъ я «въ чаду безсмысленныхъ наслажденій, изнывая подъ «бременемъ душевной лѣни и скуки убійственной.

«Однажды на дачѣ я увидѣлъ васъ. Вы были еще «ребенокъ, но не знаю, по какому сверхъестествен-«ному закону, всѣ силы души моей устремились къ «вамъ. Я полюбилъ васъ чувствомъ кроткимъ и свя-«тымъ, въ которомъ было что-то отцовское и не-«земное. Непостижимое противорѣчіе сердца человѣ-«ческаго! Вы—невинная, какъ мысль небожителей, «я — осушившій до дна сосудъ страстей человѣче-«скихъ, и со всѣмъ тѣмъ я чувствовалъ, что вы

«проникли свѣтлымъ лучомъ въ мракъ моей жизни
«и осмыслили мое существованіе.

«И я ношу васъ съ-тѣхъ-поръ въ душѣ моей, и «съ-тѣхъ-поръ я презираю сомнѣніе, и съ-тѣхъ-поръ «много утѣшительныхъ чувствъ, которымъ я не хо-«тѣлъ вѣрить, осѣнили меня свыше. Въ васъ сосре-«доточилось мое возрожденіе, и вамъ обязанъ я тѣмъ, «что гляжу на жизнь безъ презрѣнія, и на смерть «безъ страха.

«Но я любилъ васъ безнадежно. Я зналъ отъ се-«стры вашей, что вы помолвлены съ дѣдства за дру-«гаго. Я глубоко скрывалъ свое горе подъ личиною «равнодушія, и теперь, когда все для меня кончает-«ся, мысль эта меня терзаетъ. Будьте счастливы, «но не отдавайте свѣту святости вашей душевной «чистоты! Повѣрьте замогильному голосу, и когда «вамъ будетъ грустно, Надина, вспомните о чело-«вѣкѣ, который васъ такъ долго, такъ искренно, «такъ неограниченно любилъ.»

—Няня, закричала Наденька, кидаясь на шею испуганной Савишнѣ: —няня, поѣдемъ назадъ въ деревню!

И слезы брызнули ручьемъ изъ глазъ бѣдной дѣвушки.

—Няня, увези меня отсюда, я не хочу здѣсь оставаться. Здѣсь страшно; здѣсь всѣ другъ противъ друга. Его убили ныньче... Зачѣмъ убили?.. Поѣдемъ въ деревню.

—Успокойся, матушка. Господь подкрѣпитъ тебя!

—Я сама не знаю что̀ со мною, продолжала Наденька:—только мнѣ хотѣлось бы умереть.

Въ эту минуту графиня отворила дверь и остановилась у порога.

Въ рукахъ ея была записка.

—Не безпокойся, Наденька, сказала она: — они драться не будутъ.

XIII.

Еще не разсвѣтало, а щегольская коляска уже промелькнула мимо Волкова Кладбища и остановилась у запустѣлаго мѣста, назначеннаго для поединка. Изъ коляски вышелъ Щетининъ въ шинели съ бобровымъ воротникомъ, и графъ въ бекешѣ съ воротникомъ, поднятымъ выше ушей, по случаю мороза. Они шли молча, волнуемые каждый различными чувствами. Щетининъ думалъ о Наденькѣ, о письмѣ, которое она, можетъ быть, получитъ въ девять часовъ, если онъ къ тому времени не возвратится домой. Впрочемъ, онъ хладнокровно готовился къ кровавой встрѣчѣ. Графъ казался очень недовольнымъ и что-то про себя ворчалъ.

«Мальчики» говорилъ онъ про-себя; «мальчики! вздумали тревожить такого человѣка, какъ я. Что скажетъ министръ, когда узнаетъ, что я попалъ въ такое сумасбродство? А что дѣлать? Щетинину отказать нельзя. Посмотрѣлъ бы я, чтобъ кто другой пришелъ звать меня въ секунданты, а къ Щетинину не пойдти, такъ онъ такъ осмѣётъ, что послѣ и глазъ показать нигдѣ нельзя будетъ. Чортъ бы его побралъ!.. Къ тому же и жена моя тутъ замѣшана; я долженъ поддержать мою репутацію... И

что̀ было ей въ этомъ Леонинѣ? Сколько разъ спорилъ я съ ней; былъ бы онъ порядочный человѣкъ, или французъ, а то корнетъ армейскій. Бррр...»

Щетининъ остановился.

—Здѣсь, кажется, сказалъ онъ.

Графъ робко оглядѣлся, а потомъ надменно сказалъ:

—Какова неучтивость... нашихъ противниковъ до-сихъ-поръ здѣсь нѣтъ! Могли бы они, однакожь, знать, что люди, какъ мы, не созданы для того, чтобъ дожидаться.

—Не успѣли, можетъ-быть, сказалъ Щетининъ.

—Не успѣли? когда они знаютъ, что они имѣютъ честь имѣть дѣло съ нами; когда мы имъ дѣлаемъ честь съ ними стрѣляться, то они могли бы явиться въ настоящее время...

Щетининъ сѣлъ на случившееся тутъ бревно и погрузился въ размышленіи. Графъ всунулъ обѣ руки въ карманы своей бекеши и началъ прохаживаться взадъ и впередъ, грозно нахмуривъ брови. Прошло полчаса.

—Бррр.... сказалъ графъ:—холодно! Я думаю, у меня носъ побѣлѣлъ. Посмотрите, пожалуйста. Знаете что̀? поѣдемте домой. Человѣкъ, какъ я, не ѣздитъ для того, чтобъ быть на такомъ холодѣ.

—Помилуйте, отвѣчалъ Щетининъ:—какъ можно! они сейчасъ будутъ.

—Какъ хотите, я одинъ уѣду.

Онъ опять нахмурился и опять скорѣе началъ ходить взадъ и впередъ. Снова прошло полчала.

—Ну ей-Богу уѣду! закричалъ онъ: — просто

таки уѣду, сейчасъ уѣду... Что они, въ правду, дурачить насъ хотятъ?

—Ради Бога, сказалъ Щетининъ: — подождите еще немножко!

Между-тѣмъ ужь совершенно разсвѣло; кругомъ былъ снѣгъ и бѣлая равнина. Вдали пестрыя могилы Волкова Кладбища, а за нимъ ужь гудѣлъ первый говоръ пробуждавшагося города.

—Нѣтъ! закричалъ графъ:—это ужь слишкомъ! Прощайте... Я покажу этимъ молокососамъ, что́ значитъ манкировать такому человѣку, какъ я. Давайте мнѣ ихъ только, ужь я ихъ отдѣлаю! ужь я ихъ!

Тутъ графъ остановился.

Вдали скакала во всю прыть коляска и быстро къ нимъ устремлялась.

—Наконецъ! сказалъ Щетининъ...

—Я думаю, замѣтилъ графъ:—что послѣ неучтивости, которую они намъ сдѣлали, намъ бы слѣдовало уѣхать и заставить ихъ оставаться на морозѣ.

Щетининъ улыбнулся.

Коляска быстро къ нимъ катилась и наконецъ, покрытыя пѣною лошади примчали ее къ мѣсту поединка. Изъ нея выскочилъ Сафьевъ.

—Одинъ! закричалъ графъ.

—Одинъ! сказалъ съ удивленіемъ Щетининъ.

Сафьевъ подошелъ къ Щетинину.

—Князь, сказалъ онъ:—два слова наединѣ.

Они отошли.

—Вотъ что́, продолжалъ онъ: — Леонинъ уѣзжаетъ. Не знаю, какимъ образомъ узнали о вашемъ поединкѣ, только голубчика моего спровадили.

—Я за нимъ скачу вслѣдъ! закричалъ Щетининъ.

—Ненужно; Леонинъ драться не будетъ и не хочетъ. Вы не знаете, что онъ былъ женихомъ Надины?

—Какъ, это онъ?

—То-то, что онъ. Онъ уступаетъ ее вамъ, онъ знаетъ, что вы ее любите.

—А кто сказалъ ему, что я люблю ее?

—Я...

Щетининъ стоялъ неподвижный, устремивъ удивленный взоръ свой на Сафьева, который, съ своей бездушной наружностью отгадалъ глубокую тайну его души.

—Леонинъ проситъ у васъ извиненія, продолжалъ Сафьевъ. Жаль мнѣ его: добрый малой, да глупъ былъ сердцемъ.

—Поѣдемте къ нему! закричалъ Щетининъ:—я обниму его передъ отъѣздомъ и поклянусь ему въ вѣчной дружбѣ.

—Что до этого, сказалъ хладнокровно Сафьевъ:—это опять пустяки.

Графъ, замѣтивъ, что никакія смертоносныя приготовленія не угрожали его спокойствію, почелъ тутъ нужнымъ вмѣшаться въ разговоръ съ тономъ оскорбленнаго достоинства.

—Я очень удивляюсь, сказалъ онъ...

Сафьевъ грозно на него взглянулъ.

—Мнѣ странно кажется, продолжалъ онъ:—что вы такъ долго заставляли ждать такихъ людей, какъ князь, напримѣръ, или я, напримѣръ. Разумѣется, тутъ не было дурнаго намѣренія, однакожъ все-таки,

какъ бы то ни было, очень бы можно было, даже слѣдовало бы...

—А! сказалъ Сафьевъ:—ваше сіятельство гнѣваетесь, что васъ понапрасну дожидаться заставили. Такъ зачѣмъ же дѣло стало? По-моему всякая дуэль ужасная глупость, однакожь, чтобъ сдѣлать вамъ удовольствіе, я готовъ. Вы знаете, что, по старинному закону, когда два избранные по какому-либо помѣщательству не могутъ стрѣляться, то ихъ замѣняютъ секунданты ихъ. Не угодно ли будетъ вамъ отойти на 15 шаговъ? Человѣкъ, какъ я, можетъ стрѣляться съ человѣкомъ, какъ вы.

—Нѣтъ, ужь спасибо, отвѣчалъ графъ, разсмѣявшись принужденно.—Я такъ замерзъ, что теперь только думаю, какъ бы мнѣ домой. Министръ ожидаетъ меня въ десять часовъ. Не правда ли, холодъ ужасный? Бррр... бррр... бррр...

Тутъ онъ повернулся и бросился изо всей силы бѣжать къ своей коляскѣ.

—Поѣдемъ къ Леонину! закричалъ Щетининъ.—Дорогой вы мнѣ все объясните.

—Поѣдемъ.

И, въ радости своей, Щетининъ забылъ, что уже девять часовъ и что вѣрный его камердинеръ уже отнесъ къ швейцару графини Воротынской письмо, писанное для Наденьки.

XIV.

Вотъ что было два часа предъ тѣмъ.

На дворѣ еще темнѣло, но блѣдный лучъ, дрожав-

шій на небосклонѣ, уже предвѣщалъ зимнюю утреннюю зарю. На улицахъ царствовало глубокое молчаніе. Въ комнаткѣ Леонина догоравшая свѣча бросала длинныя тѣни на окружавшіе предметы. Онъ сидѣлъ мрачный и задумчивый передъ столомъ, покрытымъ бумагами, и отъ времени до времени пробуждался отъ грустныхъ размышленій и принимался разбирать письма и вещи свои для послѣднихъ распоряженій.

— Вотъ письма бабушки! грустно подумалъ онъ и, собравъ въ кучу большіе листы, исписанные крупнымъ стариннымъ почеркомъ, обвязалъ ихъ снуркомъ и поцаловалъ съ почтеніемъ.

«Бѣдная бабушка! въ два года я едва вспомнилъ о васъ. Вы посвятили намъ всю жизнь свою, а я, неблагодарный, писалъ только вамъ о деньгахъ и не читалъ вашихъ совѣтовъ, и не обращалъ вниманія на ваши слова! Неблагодарность—вотъ чѣмъ я отплатилъ за ваши ласки, за ваши попеченія, за любовь вашу! Добрая бабушка! Здѣсь отомстили за васъ...

«Вотъ» продолжалъ Леонинъ: «записки графини, раздушеныя и обманчивыя, какъ ея жизнь. Вотъ букетъ, который она будто забыла въ рукахъ моихъ; вотъ книга, которую она читала; вотъ ленты, которыя она носила...

«Прочь!» закричалъ онъ, «прочь! Все это обманъ, обманъ, обманъ!»

И раздраженный корнетъ началъ рвать въ куски записки, терзать букетъ и книгу, и всѣ прежніе талисманы любви его съ силою полетѣли на полъ.

Въ дверяхъ раздался голосъ:

—Душа моя! къ чему эта горячность?

—А, Сафьевъ, пора! Пистолеты съ тобой?

—Со мной; только торопись, душа моя. Дѣло наше плохо. Графиня написала о нашей исторіи къ твоему начальнику. Я тебѣ опять предскажу судьбу твою: не прогнѣвайся, душа, тебя пошлютъ въ прежній полкъ или еще далѣе; ты, во всякомъ случаѣ, можешь готовиться на большое путешествіе. Одѣвайся скорѣе, чтобъ насъ не застали. Слушайся только на мѣстѣ моихъ совѣтовъ. Я тебя такъ поставлю, что тебя пуля не тронетъ. По-моему, дуэль ужасная глупость. Только если ужь драться, такъ все-таки лучше убить своего противника, чѣмъ быть убитымъ. Кстати, зачѣмъ ты стрѣляешься?

—За кровную обиду, сказалъ Леонинъ:—Щетининъ смѣялся надо мною съ графиней.

—Только-то, душа моя? Я думалъ, что это у васъ былъ предлогъ. Ну, да пора! Готовъ ты?

—Готовъ.

Въ эту минуту что-то скрипнуло у подъѣзда, и Тимоѳей, задыхавшись, вбѣжалъ въ комнату съ радостнымъ крикомъ:

—Барыня пріѣхала! барыня пріѣхала!

Въ передней послышался шумъ; два человѣка, въ дорожныхъ тулупахъ, вели подъ-руки маленькую согнутую старушку, которая крестилась и охала отъ усталости и приговаривала дряхлымъ голосомъ:

—Миша, Миша! гдѣ мой Миша?..

—Бабушка!.. закричалъ Леонинъ:—бабушка!.. и взволнованный юноша упалъ къ ногамъ старухи.

—Миша, Миша, Миша! Господи помилуй, Госпо-

ди помилуй! Слава тебѣ, Господи! благодарю Тебя, небесный Владыко! Встань, Миша. Что это съ тобой?.. Насилу доѣхала, ужасно устала. Ну, привелось мнѣ тебя опять увидѣть!

Странная была картина. При слабомъ мерцаньи свѣчки и начинающейся зари, молодой человѣкъ у ногъ согнутой старушки, которая его благословляла; подлѣ нихъ высокая фигура Сафьева, съ пистолетами въ рукахъ; къ стѣнѣ нѣсколько слугъ; въ это время принесли запечанный пакетъ.

—А! сказалъ Сафьевъ:—я это предвидѣлъ. Ну, теперь дѣлать нечего. А дѣло твое я какъ-нибудь улажу съ Щетининымъ.

Старушка съ удивленіемъ осмотрѣлась кругомъ и поклонилась Сафьеву.

—Здравствуйте Сергѣй Александровичъ! Сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались мы съ вами! Поперемѣнились, батюшка, оба... Года идутъ...

—Идутъ, Настасья Александровна...

—Ты знаешь бабушку? спросилъ Леонинъ съ удивленіемъ.

—Да̀; когда я служилъ въ гусарахъ, я стоялъ у бабушки твоей въ деревнѣ.

—Миша! сказала старушка:—знаешь ли, зачѣмъ я пріѣхала? Завтра моей Наденькѣ семнадцать лѣтъ, и въ семнадцать лѣтъ она должна, по волѣ покойной матери, объявить: хочетъ ли она быть твоей женою.

—О! воскликнулъ Сафьевъ:—теперь я все понялъ!

Леонинъ распечаталъ пакетъ.

—Такъ точно, сказалъ онъ:—вотъ приказаніе

немедленно отправиться. Бабушка, опять вамъ отъ меня горе! я долженъ сейчасъ ѣхать...

—Да чтó это такое? спросила старушка. Объясните мнѣ; ума не приложу. Миша, скажи мнѣ всю правду... Судьбы Господни неисповѣдимы!

—Я все вамъ объясню, сказалъ Сафьевъ:—пойдемте только въ другую комнату.

—Вы говорите, продолжалъ Сафьевъ, когда они вышли въ другую комнату:—вы говорите, что сестра графини невѣста Леонина!

—Дá, батюшка Сергѣй Александрычъ, это была воля покойной матушки моей Наденьки; когда минетъ семнадцать лѣтъ, наша Наденька должна выйдти замужъ за моего Мишу, если у него другой наклонности не будетъ. Въ выборѣ графиня не должна имѣть права вмѣшиваться, потому-что мать ея всегда говаривала, что она продастъ сестру, какъ сама себя продала. Да что вамъ говорить, вы сами лучше моего, Сергѣй Александрычъ, это знаете. Добрая моя пріятельница—дай Богъ ей царствіе небесное!—все имѣніе свое отдала своей Наденькѣ и моему Мишѣ, котораго она съ дѣтства любила какъ своего сына. «Дочь моя, графиня (говаривала она) богата: все, чтó я имѣю, нашимъ дѣтямъ». Все, это батюшка, должно быть тайною между нами до совершеннолѣтія Наденьки: да я какъ-то разъ проговорилась въ письмѣ къ Мишѣ, года два назадъ.

Леонинъ закрылъ лицо руками. Письма его бабушки лежали у него до того времени безъ вниманія и едва прочитанныя...

—Теперь, продолжалъ Сафьевъ:—я все понялъ;

у графини были письма покойной матери и приказаніе не вмѣшиваться въ замужество сестры своей, а только объявить ей, когда ей минетъ семнадцать лѣтъ, что покойная мать выбрала ей въ женихи Леонина и желала, умирая, чтобъ онъ ей понравился— не такъ ли?

—Такъ, батюшка.

—Извините меня, Настасья Александровна, я буду говорить языкомъ вамъ понятнымъ. Леонинъ, внукъ вашъ, хорошій и добрый малый; но въ свѣтѣ, Настасья Александровна, онъ ничего не значитъ; онъ не что иное, какъ маленькій Леонинъ, офицерчикъ изъ арміи, довольно-бѣдный, никому не родня; имя его— Леонинъ, похоже на водевильное и вовсе ничего не имѣетъ аристократическаго, то есть знатнаго, однимъ словомъ, Миша вашъ въ свѣтѣ менѣе нуля. Я говорилъ ему все это прежде, да онъ не хотѣлъ мнѣ вѣрить. Графиня же, Настасья Александровна, которую мы съ вами знали милой, бѣдной дѣвушкой, сдѣлалась такою знатною, такой разборчивой, такой свѣтской дамой, что мысль быть сестрою г-жи Леониной, супруги маленькаго Леонина, ее можетъ убить. Вообще всѣ женщины, попавшія изъ скромной семьи въ нашу золотую знать, болѣе самыхъ коренныхъ придерживаются всѣмъ мелочамъ гербовой спѣси. Я увѣренъ, что графиня, сохраняя въ душѣ своей, еще несовсѣмъ испорченной, тайное почтеніе къ приказаніямъ матери, многое бы отдала, чтобъ ихъ измѣнить, и съ истиннымъ сокрушеніемъ глядѣла на свою сестру. Вотъ что̀ она придумала: такъ-какъ ей приказано матерью принимать и видѣть Леонина,

она употребила всѣ женскія хитрости свои, чтобъ влюбить его въ себя и тѣмъ отвлечь отъ сестры.

—Помилуйте! воскликнула старушка съ истинной деревенской простотой:—да она замужемъ.

Сафьевъ улыбнулся.

—Это ужь такъ водится: чѣмъ больше у женщины влюбленныхъ вздыхателей, тѣмъ болѣе ей завидуютъ, и потому тѣмъ болѣе она въ модѣ. Къ тому же, человѣкъ, какъ Леонинъ, для женщины, какъ графиня—кладъ: черезъ него она содержитъ равновѣсіе между своими обожателями. Онъ — ширмы для ея кокетства... Вы этого не поймете, Настасья Александровна, да зачѣмъ вамъ это понимать?.. Словомъ, въ маскарадѣ начались нападенія графини на вашего внука, и онъ, несмотря на мои совѣты, повѣрилъ всѣмъ ея заманкамъ, влюбился страстно и началъ всюду преслѣдовать, тогда-какъ она любила—если она можетъ любить кого-нибудь—извѣстнаго франта князя Чудина, что̀ было всѣмъ извѣстно. Не имѣя состоянія, ни родства, ни связей, вашъ внукъ бросился въ большой свѣтъ, втерся во всѣ переднія, клялся всѣмъ нашимъ толстымъ барынямъ, началъ пренебрегать службой, надѣлалъ цѣлую пропасть долговъ, жилъ въ вѣчной лихорадкѣ и наконецъ, послѣ двухъ лѣтъ мучительной жизни, нынче долженъ стрѣляться съ своимъ лучшимъ пріятелемъ, потому-что тотъ хохоталъ вмѣстѣ съ графиней надъ его простотою.

—Миша... закричала старуха.

—Не бойтесь, онъ стрѣляться не будетъ. Графиня испугалась сама своего проступка; а такъ-какъ у

нея есть обожатели всѣхъ званій и возрастовъ, она написала съ своему генералу письмо. Поединокъ — дѣло запрещенное закономъ: слѣдовательно, говорить нечего. Внукъ вашъ выпроваживается подѣломъ.

—Душа моя! продолжалъ Сафьевъ, обращаясь къ Леонину:—говорилъ я вамъ, что плохо вамъ будетъ. Теперь дѣлать нечего: поѣзжайте, а дѣла ваши предоставьте мнѣ. Уладимъ какъ-нибудь. У васъ много долговъ, я могу вамъ дать денегъ въ займы, разумѣется, съ поручительствомъ бабушки.

Леонинъ бросился къ Сафьеву и хотѣлъ прижать его къ своему сердцу. Сафьевъ его хладнокровно остановилъ.

—По восьми процентовъ, душа моя. Что касается до свадьбы твоей, жаль, что она не состоится. Твоя Надина, право, кажется, препорядочная. Послѣ и она будетъ какъ всѣ... а теперь еще нѣтъ.

—Я люблю ее! воскликнулъ съ отчаяніемъ Леонинъ:—я чувствую, что я всегда ее буду любить.

—Ну, душа моя, жаль мнѣ тебя, а дѣло это конченное! Она будетъ любить не тебя, котораго она не знаетъ, а Щетинина, за котораго она боится, и потомъ, душа моя, Щетининъ князь, богатъ, хорошъ, человѣкъ свѣтскій и влюбленный, а ты что?.. Поѣзжай-себѣ: ты ни для графини, ни для Щетинина, ни для повѣстей свѣтскихъ, ни для чего болѣе не нуженъ... Поѣзжай на Кавказъ, а я покуда отправлюсь на Волково Поле, гдѣ противники наши, чай, бѣсятся на морозѣ.

—Послушай, сказалъ Леонинъ:—скажи Щетинину, что я беру свой вызовъ назадъ, что я прошу

изъясненія, что я не хочу стрѣляться... Скажи ему что́ хочешь. Да пожелай ему счастья съ той, которую я вѣчно буду любить. Прощай же, Сафьевъ! Спасибо за твою завитальную дружбу; она лучше свѣтской ласковой ненависти. Я не ворочусь болѣе никогда въ Петербургъ: что́ мнѣ дѣлать въ Петербургѣ? Если увидишь Надину, скажи ей что тамъ, далеко, есть человѣкъ, который готовъ за нее умереть... Да нѣтъ, не говори ничего... ничего не говори... рѣшительно ничего. Прощай... Тебя ждутъ. Прощай Сафьевъ.

Сафьевъ молча пожалъ у Леонина руку и бросился въ коляску.

На дворѣ уже было свѣтло.

Леонинъ не говорилъ ни слова. Долго стоялъ онъ предъ бабушкой своей. Оба потупляли глаза, оба молчали, и вдругъ, по внезапному стремленію, старушка и юноша бросились въ объятія другъ друга...

XV.

55-е представленіе, въ которомъ будетъ участвовать г-жа Тальони.

(Афишки.)

Въ тотъ самый день вечеромъ Тальони танцовала въ Большомъ Театрѣ: давали новый балетъ — случай въ Петербургѣ торжественный. Свѣтская фешёнъ, по праву своему присутствовать на первыхъ представленіяхъ, наполняла ложи и кресла. Всюду перья, шляпки, обнаженныя плечи, блестящіе лорнеты, и общій говоръ, и поклоны, и киванья изъ

ложъ въ кресла, изъ креселъ въ ложи. Въ воздухѣ было что-то праздничное; всѣ наряды были наряднѣе, а толпа гуще, чѣмъ когда-нибудь. Всѣ извѣстные вельможи упирались на перила оркестра и разговаривали межь собой, отвѣчая отъ времени до времени почтительнымъ поклонамъ изъ третьяго и четвертаго ряда креселъ. Всѣ обычные посѣтители театра были въ бѣлыхъ галстухахъ и казались озабоченнѣе обыкновеннаго, перебѣгая отъ знакомаго къ знакомому, какъ-будто виновники или участники въ ожидаемомъ зрѣлищѣ. Капельдинеры суетились около креселъ, и послѣднія пустыя ложи перваго яруса наполнились послѣ предисловнаго акта русской оперы, которую слушаютъ одни лишь помѣщики, пріѣхавшіе изъ деревни, да дѣти, наклоненныя надъ ложей подлѣ гувернёра въ очкахъ.

Въ одной изъ ложъ перваго яруса сидѣла, съ брильянтами на головѣ, новобрачная Кривухина, еще недавно плѣнявшая Коломну, подъ именемъ мамзель Армидинъ. Подлѣ цея униженно ёжился начальникъ отдѣленія, съ Анной на шеѣ, а между ними, въ желтыхъ перчаткахъ, красовался извѣстный намъ господчикъ, который шутилъ и любезничалъ какъ можно громче, надѣясь навлечь вниманіе зѣвакъ и выказать себя въ первомъ ярусѣ ложъ, подлѣ женщины въ брильянтахъ. Рядомъ съ ложею г–жи Кривухиной сидѣла графиня Воротынская, всегда пышная, всегда дышащая какимъ–то невыразимымъ ароматомъ щегольства и женской миловидности. Она бросила самую обворожительную улыбку толстому генералу, стоящему у перваго ряда креселъ, за что

обрадованный генералъ съ рыцарскимъ подобострастіемъ и значительной улыбкой наклонилъ къ ней свою главу. Въ ложѣ графини перемѣнялись ежеминутно молодые франты въ мундирахъ и въ желтыхъ перчаткахъ, которые несли свѣтскій вздоръ, спрашивали зачѣмъ сестры графини не было въ театрѣ и шопотомъ говорили межъ себя, что, по дневнымъ слухамъ, уже помолвили ее за князя Щетинина. Графиня отвѣчала полуотвѣтами, поправляя свои воздушные рукава и оборачиваясь, чтобъ небрежно наводить двойной лорнетъ свой на ложи и разбирать женскіе наряды своихъ дружескихъ соперницъ. О Леонинѣ ни слова, ни ползвука; живъ ли онъ былъ, пропалъ ли, куда пропалъ, зачѣмъ пропалъ—никто о томъ не спрашивалъ: Леонинъ былъ человѣкъ слишкомъ ничтожный, чтобъ обратить вниманіе свѣта. О поединкѣ никто не зналъ и никому не было надобности ни узнать, ни разсказывать о немъ. Графиня казалась веселою и беззаботливою по обыкновенію. Но опытный наблюдатель, по невольному движенію ея бровей, легко могъ заключить, что ее безпокоило какое-то нестерпимое преслѣдованіе. И точно: въ шестомъ ряду креселъ, съ пальцемъ, задѣтымъ за жилетъ, съ вѣчной улыбкой, стоялъ Сафьевъ и неутомимо преслѣдовалъ графиню своимъ пронзительнымъ и обнажающимъ взоромъ. Она чувствовала себя прикованною къ магнитическому влiянію неподвижнаго взгляда, который высказывалъ насмѣшку, упрекъ и ненасытимое мщеніе. Графъ скрылся за пышнымъ тюрбаномъ своей жены, уступивъ мѣсто съ ней рядомъ какому-то важному

сановнику. Но вотъ въ театрѣ волненіе утихло, оркестръ загремѣлъ и балетъ начался. Публика ожила... Вдругъ изъ боковой кулисы выпорхнула наша воздушная гостья съ тамбуриномъ въ рукахъ, легкая какъ пухъ, не касаясь земли, порхнула она въ три прыжка кругомъ сцены и вдругъ остановилась и привѣтствовала своихъ сѣверныхъ поклонниковъ. Толпа, безмолвная дотолѣ, вдругъ встрепенулась, оживилась и громъ рукоплесканій, какъ бурный потокъ, разразился громче и громче и потрясъ своды театра. Всѣ взоры засверкали, и всѣ чувства помолодѣли и, какъ бы оживляясь общимъ восторгомъ, Гитана пріударила въ тамбуринъ и понеслась рѣзво и весело, то гордо расправляя руки, то какъ-будто изнемогая подъ сладкимъ бременемъ нѣги стыдливой и непонятной...

Въ это самое время на московской дорогѣ, за Ижорою, тянулась бѣдная кибитка, при грустномъ жужжаніи колокольчика. На облучкѣ сидѣлъ деньщикъ, печально повѣсивъ голову. Въ кибиткѣ лежалъ офицеръ.

Ночь была темная. Вѣтеръ вылъ по гладкой равнинѣ, вздымая снѣжную мятель, ослѣплявшую путниковъ. Лошади едва передвигали ногами. Мрачно было въ природѣ, мрачно было въ душѣ офицера. Онъ лежалъ и думалъ.

Онъ думалъ, что ни за что̀ схоронилъ за-живо свою молодость; онъ думалъ, что въ Петербургѣ осталась, и не для него, та, которая рождена была для него, та, которую онъ самъ рожденъ былъ любить... Чѣмъ болѣе онъ удалялся, тѣмъ болѣе имъ овладѣвала

мысль о Наденькѣ. Чувство, которое въ немъ рождалось къ ней, не было мелочное, честолюбивое и взволнованное, какъ любовь его къ графинѣ, не было жеманное, какъ отношеніе его къ Армидиной: оно было тихое, смѣшанное съ глубокою грустью, съ сознаніемъ утраты невозвратимой, и въ то же время въ немъ была какая-то мучительная отрада. Таково должно быть впечатлѣніе слѣпаго, когда онъ чувствуетъ, что воздухъ чистъ и благоуханенъ, что солнце грѣетъ, и догадывается только, что небо должно быть лазурно и необъятно-хорошо. Образъ Наденьки, какъ горестный упрекъ, врѣзывался все болѣе и болѣе въ воображеніи молодаго человѣка. Мыслью онъ былъ прикованъ къ Петербургу...

А въ Петербургѣ, на его квартирѣ всю ночь горѣла свѣчка передъ образомъ. Дрожащій свѣтъ, отражаемый золотистымъ окладомъ, тускло освѣщалъ исхудалую старушку въ черномъ длинномъ платьѣ, которая, поникнувъ головою, усердно молилась на колѣняхъ. То набожно сжимала она руки, то творила земные поклоны и шептала усердно молитвы, тогда-какъ слезы, крупныя слезы невольно катились изъ дряхлыхъ очей и сверкали одна за другою, падая по глубокимъ морщинамъ.

СЕРЁЖА.

Лоскутокъ изъ вседневной жизни.

(*Кн. В. Ѳ. Одоевскому*).

Bonjour!
(Grand monde.)

I.

Уныло звенѣлъ колокольчикъ; телега медленно тащилась по тряской дорогѣ, а путешественникъ задумчиво глядѣлъ на поля, покрытыя ужь осеннимъ снѣгомъ.

Это было въ концѣ октября, въ ту пору недоумѣнія, когда природа колеблется между лѣтомъ и зимою, когда въ Петербургѣ баловъ еще нѣтъ, а начались ужь вечеринки—время дикой поэзіи и озимовыхъ всходовъ.

Скучно ѣздить по святой Руси, нечего грѣха таить, куда какъ скучно! Все тѣ же станціонные смотрители, все тѣ же дилижансы «первоначальнаго заведенія», все тѣ же пастилы, рыбы, пряники и котлеты. Вотъ вамъ валдайскія баранки, вотъ вамъ сафьянные сапожки, вотъ вамъ щи такія лѣнивыя, что ихъ едва изъ суповой чашки можно вылить. Хотите кушать, хотите ночевать, баранокъ вамъ не-

, гусей также; спать вы не будете, все надоѣло, прiѣлось... а ѣхать далеко, далеко, далеко!.. гакъ взгляните хоть на проѣзжающихъ. Сколько тутъ! Все военные да чиновники, да недоросли, іѣмцы. Вотъ мчится телега — буйная молодость скихъ дорогъ; вотъ переваливается бричка, какъ атовскiй помѣщикъ послѣ обѣда; вотъ гордо выпаетъ широкая карета, какъ какой-нибудь богай откупщикъ; вотъ дормёзъ, вотъ коляска, а за ми толстый купецъ-дилижансъ, выпивъ четырнадть чашекъ чаю на почтовомъ дворѣ, подаетъ мистыню оборванной сидѣйкѣ.

Это позабавитъ васъ на полчаса. Но вотъ начиается настоящее вамъ горе, пропали вы совсѣмъ: ы сворачиваете съ большой дороги и ѣдете проселомъ. Горе вамъ, горе, горе, горе! Дорога дѣлается хуже, вольныхъ лошадей и неволею едва ли прiйдется вамъ достать. Грязно, скучно, досадно! . . .

. . . .

Къ счастью, путешественникъ мой былъ влюбленъ. Передъ нимъ далеко разстилалось снѣжное поле, коегдѣ прикрытое мелкимъ ельникомъ — картина вамъ знакомая. Вправо мелькали двѣ, три избёнки, согнувшись, какъ старушки за бостономъ. Небо было сѣрое; воздухъ былъ холодной. Телега катилась по тряской дорогѣ, а путешественникъ терялся въ мечтахъ и... потиралъ себѣ бока.

Это Серёжа. Онъ ѣдетъ въ деревню изъ Петербурга. Онъ человѣкъ военный, хотя не то, чтобы военный человѣкъ. Онъ добрый малый, гвардейскiй щеголь. Вы его видали вездѣ. Кресла у него въ театр-

рѣ всегда въ первомъ ряду, вслѣдствіе какихъ-то особенныхъ знакомствъ. Лорнетъ у него складной, бумажный. Въ театрѣ онъ свой человѣкъ. Онъ даже мигалъ три раза одной корифейной танцовщицѣ, той именно, которая всегда, идя за гробомъ Розаліи, опускаетъ руку и подымаетъ ногу. У него и на старомъ мундирѣ эполеты всегда новые. Онъ не то, чтобы хорошъ, не то, чтобы дуренъ, не то, чтобъ уменъ, не то, чтобы глупъ, не богатъ и не бѣденъ. Въ большомъ свѣтѣ онъ занимаетъ какое-то почетное мѣсто отъ особаго искусства танцовать постоянно мазурку съ модной красавицей и заводить дружбу съ первостатейными любезниками и франтами, пріѣхавшими изъ-за границы блеснуть своей заграничностью въ нашихъ гостиныхъ. Серёжа кое-чѣмъ и занимался. Онъ читалъ всего Бальзака и слышалъ о Шекспирѣ. Что же касается до наукъ, то онъ имѣетъ понятіе объ англійскомъ Парламентѣ, о крѣпости Бильбао, о свекловичномъ сахарѣ, о паровыхъ каретахъ и о лордѣ Лондондери.

Но теперь и занятія, и балы, и книги, и театръ— все забыто: пять мазурокъ, три кадрили и два вальса рѣшили навсегда судьбу молодаго человѣка; черныя очи, пышныя платья, длинные локоны и гранатовыя серьги обворожили его гвардейское сердце. Серёжа не только увѣрилъ самого себя, что онъ влюбленъ, но даже умѣлъ увѣрить въ томъ и всѣхъ знакомыхъ своихъ. О Серёжѣ стали жалѣть; Серёжу начали выставлять примѣромъ вѣрности. Серёжа вдругъ сдѣлался лицомъ занимательнымъ, предметомъ разговоровъ, и точно за *нею* слѣдилъ онъ какъ тѣнь. Она

на балѣ — и онъ на балѣ; она въ ложѣ — и онъ въ партерѣ; она на англійскихъ горахъ—и онъ ломаетъ себѣ шею; она гуляетъ—и онъ морозитъ себѣ пальцы и носъ, чтобъ пройдти молодцомъ по Невскому въ одномъ сюртучкѣ. О! такой страсти долго не слыхивали въ безстрастномъ Петербургѣ. И всѣ единогласно хвалили, осуждали, жалѣли—и не понимали Серёжу.

Телега все перекачивалась со стороны на сторону. Серёжа курилъ, кряхтѣлъ и охалъ, бранилъ своего человѣка за то, что дурна дорога, ругалъ ямщика и мечталъ о красавицѣ. Онъ все припомнилъ: и продолжительные разговоры, и послѣднее прощанье, и англійское пожатье руки—и улыбка самодовольствія, прерванная толчками телеги, невольно изобразилась на чертахъ героя незамысловатаго разсказа моего.

Долго катилась телега; долго бранился и мечталъ Серёжа; наконецъ мелькнули огоньки, потянулся длинный заборъ, показались крышки.

Серёжа въѣзжалъ въ свои владѣнія и горделиво, съ чувствомъ барскаго достоинства остановился передъ нетопленнымъ домомъ.

II.

На большихъ уродливыхъ креслахъ сидѣла молодая женщина у письменнаго столика, заставленнаго малахитами и китайцами. Тщательно загибала она углы розовой надушеной бумажки, а на губахъ ея дрожала золотая облатка съ графскимъ вензелемъ.

Женская розовая записка! Блаженъ, кто, полу-

чивъ тебя, прижметъ тебя къ своимъ губамъ и долго будетъ тебя читать, и долго будетъ смотрѣть на тебя! Куда летишь ты, воздушная? какую тайну любви, какую сердечную грусть повѣдаешь ты? Много поэзіи въ твоихъ нѣжныхъ листикахъ, много прекрасной небрежности въ твоихъ мелкихъ бисерныхъ строчкахъ, розовая женская записка!

Молодая женщина схватила китайца за голову и позвонила. Вошелъ слуга въ ливреѣ англійскаго покроя.

—Отнесите это письмо въ Театральную Дирекцію. Чтобъ непремѣнно у меня была завтра ложа, да спросите, дома ли мужъ.

Такъ вотъ тайна Серёжи: она графиня, она замужемъ, а къ тому жь и добродѣтельна; но не-ужели страсть молодаго гвардейца не могла тронуть женскаго сердца? О, нѣтъ! она его уважаетъ, она его даже любитъ, любитъ искренно, какъ бальнаго друга, какъ мазурочнаго брата; но есть обязанности: есть старый мужъ, есть грозная молва... Впрочемъ, Серёжа многаго не добивался. Три раза въ недѣлю акуратно онъ своими взглядами и вздохами компрометировалъ модную нашу графиню, и такъ всенародно, такъ откровенно, что добрая слава красавицы отнюдь отъ того не страдала: всѣ знали, что любовь его безнадежна. Вчера онъ уѣхалъ, чтобъ вылечиться отъ страсти и долговъ. Сказать правду: отъѣздъ его немного разстроилъ графиню. Для разсѣянія, она непремѣнно рѣшилась ѣхать въ театръ; къ тому жь даютъ новую оперу съ прекрасными декораціями и великолѣпнымъ спектаклемъ.

Отъ скуки она задумалась; немного подумала о жизни, о счастьѣ, котораго нѣтъ; потомъ задумалась о чепчикѣ, потомъ о Серёжѣ...

Хороша моя графиня, нечего сказать, хороша, очень хороша! Вы, вѣрно, ее видѣли, а если видѣли, такъ, вѣрно, думали о ней, когда душа ваша разнѣживалась. Маленькой ручкой подпирала она маленькую прелестную головку, а черные глаза, въ какомъто задумчивомъ туманѣ, разсѣянно устремлялись на бронзоваго китайскаго уродца, важно сидящаго на кучкѣ пакетовъ, возлѣ колокольчика.

И такъ, «она хороша». Это слово подразумѣваетъ уже цѣлую повѣсть. Разсказывать ли вамъ, ка́къ съ младенчества ей отравляли чистыя наслажденія дѣтства, ка́къ всегда передъ нею была развита картина большаго свѣта, ка́къ ее постепенно приготовляли къ нравственному, сердечному развращенію, для котораго она была назначена приличіемъ...Впрочемъ, она читаетъ тоже Бальзака, но о Шекспирѣ не слыхивала. Свѣтъ, которому ею пожертвовали, много подавилъ въ ней хорошаго, оковалъ ее въ холодныя цѣпи и бросилъ въ объятія стараго мужа, который купилъ ее цѣною своего имѣнія. Она никогда не думаетъ о томъ, что́ есть ужаснаго въ ея положеніи, наряжается и танцуетъ, танцуетъ и наряжается. О любви же она не думаетъ; да время ли думать? Поутру она катается по Невскому Проспекту, потомъ за столъ, потомъ въ свою ложу во Французскій театръ. Время летитъ быстро; платья мѣняются—и жизнь проходитъ.

Дверь отворилась. Вошелъ человѣкъ лѣтъ пяти-

десяти, въ черномъ парикѣ; онъ поцаловалъ руку у зѣвавшей красавицы и началъ расхаживать по комнатѣ.

—Что, ты каталась?

—Каталась.

—Хорошая погода?

—Да́.

—Холодно!

—Да́.

—Градусовъ 15.

—Право?

—Много было вчера на раутѣ?

—Да все тѣ же. Adèle постарѣла ужасно. Графиня В. была дурно одѣта, по обыкновенію. Была еще какая-то пріѣзжая изъ Москвы—сейчасъ видно. А ты игралъ?

—Игралъ.

—Что́ сдѣлалъ?

—Проигралъ.

—Много?...

—Нѣтъ, бездѣлицу.

. . . .

. . . .

—А?...

—А а а а!!...

. . . .

—Хороша погода!

—Да́.

—Холодненько... А мнѣ пора. Прощай.

—Прощай.

Старикъ поцаловалъ у нея опять руку и ушелъ.

Такіе разговоры повторялись каждое утро.

На другой день графиня была въ театрѣ, съ прическою изъ чернаго бархата. Рядомъ съ ней сидѣла безсловесная наперсница, дѣвушка лѣтъ подъ сорокъ, одѣтая пристойно, подъ названіемъ amie d'enfance и дальней родственницы. Въ ложѣ перемѣнялись франты въ желтыхъ перчаткахъ, бранили оперу, поправляли галстухи и были очень милы. Серёжа былъ забытъ...

А Серёжа кряхтѣлъ въ тележкѣ, бранилъ человѣка за то, что дурна дорога, ругалъ ямщика и со всѣмъ тѣмъ былъ влюбленъ и въѣзжалъ въ свою деревню.

III.

—Слышь, вы, ребята! говорилъ нарядчикъ, стучась въ крестьянскія окна:—молодой баринъ пріѣхалъ.

—Ой-ли? Вишь что!.. отвѣчалъ православный басъ.

—Ахъ ты мой родимый! запищала баба:—красное мое солнышко! Какъ бы поглядѣть на роднаго!

—Ну, смотрите жъ съ хлѣбомъ да съ солью, ребята, на поклонъ.

Взбударажились мужики, съ ранняго утра собрались у дверей молодаго помѣщика, кто съ яичками, кто съ медкомъ, а кто такъ, съ пустыми руками, прошу не прогнѣваться. Староста расчесалъ себѣ бороду и важно упирается на палочку изъ сосѣдней

рощи, палочку, извѣстную многимъ въ деревнѣ. Земскій набилъ носъ табакомъ, второпяхъ криво застегнулъ жилетъ и, не выпивъ ни одной рюмки водки, противъ обыкновенія, хвастаетъ, что баринъ съ нимъ говорилъ и даже изволилъ назвать его дуракомъ за то, что въ комнатахъ холодно. Управляющій съ явнымъ волненіемъ ходитъ передъ міромъ, ласково называетъ каждаго по имени: «Чтó, старикъ Трофимъ? здорово! Невѣсты хочешь? будетъ тебѣ невѣста; сыграемъ свадьбу. Смотрите же, православные, барина отягчать просьбами ненадо: онъ этого не любитъ. Здорово Ильюшка! Экимъ, братъ, молодцомъ! А, Гаврило! Не бось, лѣску хочешь? ну, такъ и быть, дамъ тебѣ лѣску.

Вдругъ дверь настежь отворилась; Серёжа показался. Мужики повалились на землю. Это Серёжѣ понравилось, хотя немного и смутило. Онъ пришелъ въ недоумѣніе, чѣмъ начать рѣчь своимъ подвластнымъ; наконецъ рѣшился:

—Здравствуйте, здоровы ли вы?...

—Много лѣтъ здравствовать твоей милости! Дождались мы наконецъ батюшку, своего отца роднаго. Просимъ принять хлѣбъ-соль нашу крестьянскую. Мы твоею милостью довольны.

—Ну, каковы дѣла ваши? Серёжа принялъ видъ человѣка дѣловаго.

—Да какія, батюшка, дѣла? Мы вѣдь богачи осенніе: дастъ Богъ хлѣбца, такъ и слава тебѣ Господи! а нѣтъ—ну, и такъ проживемъ.

—А довольны ли вы управляющимъ?

—Нечего сказать, обиды большой не терпимъ;

ну, иногда и выругаетъ... и поколотитъ... да вѣдь, вы сами, ваше благородіе, знаете... безъ этого нельзя.

—Благодарю васъ за то, что васъ любятъ крестьяне, сказалъ важно Серёжа, обращаясь къ управляющему. Управляющій почтительно поклонился.

—Смотрите же, продолжалъ помѣщикъ:—работайте хорошенько, трудитесь, любите другъ друга, ходите въ церковь, уважайте своего управляющаго—и вы всѣ будете счастливы.

Серёжа читалъ m-me Genlis.

Слушатели почесали затылки. Одинъ хотѣлъ-было что-то сказать, да его дернули за кафтанъ—всѣ и замолчали... Молчали; наконецъ баринъ еще сказалъ:

—Не забывайте же.

—Твои крестьяне, батюшка. Мы дѣти твои, а ты отецъ нашъ.

«Вишь баринъ какой» говорили, расходясь мужики: «добрый баринъ; баетъ такъ гладко, что и не поймешь ничего.

А Серёжа обѣдалъ, очень довольный собою. Двое дворовыхъ людей—одинъ отставной парикмахеръ, а другой отставной живописецъ, служившій, впрочемъ, нѣкогда, въ случаѣ нужды, и музыкантомъ — ревностно ему прислуживали, наперевывъ другъ передъ другомъ разсказывали молодому барину разныя проказы покойнаго дѣдушки.

IV.

Въ наше просвѣщенное время всякій знаетъ, чтó есть архитектура. Въ одномъ только сельцѣ Зубцовѣ слово это вовсе неизвѣстно.

Сельцо Зубцово расположено у подошвы небольшой горки, вдоль мутнаго пруда, на которомъ изобрѣтательная экономія нашла средство устроить небольшую мельницу съ болтливыми колесами, вѣчно толкующими одно и то же, какъ многіе изъ нашихъ знакомыхъ. Спускаясь съ горки, проѣзжающій невольно останавливается, пораженный удивительнымъ зрѣлищемъ: изъ-за кустовъ и деревьевъ высовывается какая-то неясная, неопредѣлительная громада крышекъ, угловъ, трубъ, досокъ и оконъ. Долго не можетъ онъ себѣ объяснить, что̀ это такое: недостроенный ли корабль, или феноменъ какой, или памятникъ въ честь Ноева ковчега; наконецъ начинаетъ онъ предполагать, что это, можетъ-быть, домъ. Подъѣзжаетъ ближе—домъ дѣйствительно.

Но что̀ за домъ, что̀ за удивительный оригиналъ между всѣми домами! Фасадъ его вдавился угломъ какъ ноги на третьей позиціи танцовальнаго учителя. По стѣнамъ, когда-то обитымъ тёсомъ, разбросаны окошки въ явной враждѣ между собою, то толкая другъ друга, то отдаляясь взаимно на благородную дистанцію. Къ этому фасаду придѣланы со всѣхъ сторонъ домики, пристроечки и флигельки съ такимъ же романтическимъ безпорядкомъ, какъ разбросаны мебели въ гостиной петербургской красавицы, однимъ словомъ, представьте себѣ испанскія дѣла, французскіе романы, присовокупите къ тому весь толкучій рынокъ нашей литературы—и весь хаосъ будетъ еще ничѣмъ въ сравненіи съ хаосомъ Зубцовскаго дома.

Давно, давно, со времени царствованія Екатери-

ны Н-й, отставной шталм-юнкеръ Карпентовъ поселился въ сельцѣ Зубцовѣ; но тогда домъ его далеко не походилъ на тотъ, который я хотѣлъ вамъ изобразить; онъ весь состоялъ изъ трехъ только комнатъ, а жизнь помѣщика соередоточивалась въ одной. Въ этомъ безроскошномъ эрмитажѣ заключались всѣ удовольствія, всѣ привычки, вся жизнь его. На окошкѣ валялись карты, картузы съ табакомъ; на треножномъ столикѣ бутылки съ настойкой, бутылка съ сальнымъ огаркомъ, счеты и засохшая чернильница; въ углу постель, на которой вѣчно лежала собака; у постели ружье, сапоги, бритвенница и нагайка. Иванъ Осиповичъ ходилъ всегда въ нанковомъ сюртукѣ и въ сафьянномъ картузикѣ. Онъ былъ холостъ, а поведеніе его въ околоткѣ ставили за примѣрное. Каждое воскресенье бывалъ онъ у обѣдни въ своемъ приходѣ и стоялъ на клиросѣ; а инѣльнымъ хотя его и видали, но очень рѣдко. Такимъ образомъ достигъ онъ до тридцатилѣтняго возраста однообразно, лѣниво и скучно.

Однажды прохаживался онъ по густому бору. Это было осенью. Листья желтѣли; все склоняло къ грусти. Карпентовъ мой задумался.... Вдругъ тонкое восклицаніе. «Ахъ! ахъ!» неожиданно прервало его размышленія. Карпентовъ поднялъ голову; передъ нимъ стояла румяная дѣвушка, дочь сосѣда примьер-майора Пуговцова, слывшая первой красавицей всего уѣзда.

—Ахъ! повторилъ Николай Осиповичъ: — ахъ! ахъ! Авдотья Бонифантьевна, какъ это вы здѣсь?... и однѣ-съ?

—Ничего-съ, Николай Осипычъ... такъ-съ; я пошла-было съ дѣвками рыжичковъ поискать, анъ дѣвки по лѣсу-то и разбѣжались. Эй, Маланья, Прасковья, гдѣ вы?

Пронзительное «ау» раздалось со всѣхъ сторонъ.

—Здоровъ ли батюшка? спросилъ Карпентовъ въ замѣшательствѣ.

—Нездоровъ, Николай Осипычъ: — выдумалъ поужинать гусемъ съ груздями: всю ночь не спалъ.

—Зайду навѣдаться, сударыня, непремѣнно зайду.

Босыя дѣвки сбѣжались. Карпентовъ съ нѣкоторою свѣтскою обворожительностью приподнялъ свой картузикъ, поклонился и пошелъ домой; онъ былъ тронутъ до глубины сердца. Съ-тѣхъ-поръ все для него перемѣнилось: гдѣ бы онъ ни былъ, всюду за нимъ летѣлъ очаровательной образъ сосѣдки, въ кругу своихъ наперсницъ, съ рыжиками въ рукахъ.

Пуншикъ въ сторону, борзые въ сторону, всѣ хозяйскія прегрѣшенія въ сторону. Штык-юнкеръ Карпентовъ хлопнулъ по столу и рѣшительно воскликнулъ: «пора мужику обабиться!»

Вскорѣ весь уѣздъ узналъ о его помолвкѣ. Но тутъ появились новыя затѣи. Для молодой жены мало скромнаго уголка, въ которомъ помѣщался Карпентовъ; для нея нужны всѣ утонченности роскоши: нужны диванная, чайная, а въ особенности боскетная. Николай Осиповичъ созвалъ плотниковъ и началъ, говоря слогомъ помѣщичьимъ, пристроиваться. Вскорѣ появилась боскетная съ ужасными растеніями, спальня, чайная и дѣвичья. Счастливый Николай Осиповичъ ввелъ свою супругу въ новые

чертоги; но и тутъ домъ скоро сталъ тѣсенъ: у Николая Осиповича родился сынъ — опять нужна пристройка; у Николая Осиповича родилась дочь — опять нужна пристройка. Такимъ образомъ домъ помѣщика росъ вмѣстѣ съ его семействомъ, и когда у него стало на-лицо огромное множество дѣтей, съ присовокупленіемъ разныхъ мадамъ и мамзелей, то домъ его принялъ этотъ фантастическій видъ *, который такъ удивляетъ проѣзжающихъ.

V.

Я наскоро набросалъ вамъ біографію Николая Осиповича, изобразившуюся уродливымъ іероглифомъ на проселочной дорогѣ, ведущей къ уѣздному городу. Теперь пора продолжать. Извините, если въ разсказѣ вымысла мало: то, что́ я пишу теперь, не есть повѣсть; повѣсть я напишу еще когда-нибудь; это присказка, а сказка будетъ впереди. Впрочемъ, для порядка вещей и постепенности въ происшествіяхъ, я надѣюсь, что вы догадались, что деревня Серёжи находилась въ близкомъ разстояніи отъ деревни Николая Осиповича: безъ любви не обойдется.

Въ то время, какъ Серёжа появился въ свои владѣнія, Николаю Осиповичу было 65 лѣтъ. Смиренный послушникъ, давнымъ-давно преклонилъ онъ уже свою буйную голову подъ иго своей одюжѣвшей супруги; а Авдотья Бонифантьевна лишилась многаго, что́ имѣла, и многое пріобрѣла, чего прежде и въ

* Впрочемъ, подобные домы въ провинціи встрѣчаются нерѣдко; они извѣстны подъ общимъ названіемъ: «домовъ безъ архитектуры».

поминѣ не бывало. Авдотья Бонифантьевна начала сердиться и солить рыжики, начала нюхать табакъ, начала бить своихъ дѣвокъ, бранить своихъ дочерей и раскладывать пасьянецъ засаленными картами. Не считая мелкихъ дѣвочекъ и шалуновъ-мальчишекъ, которымъ и счетъ былъ потерянъ, у четы Карпентовой было на-лицо три дочери-невѣсты: Олимпіада, Авдотья и Поликсена. Олимпіада музыкантша, Авдотья хозяйка, а Поликсена плутовка. Олимпіада— высокая, худая, чувствительная, поющая разные романсы и читающая разные романы; Авдотья—плотная, румяная, знающая одну только расходную книгу, имѣющая исключительнымъ занятіемъ выдавать вѣсомъ всѣ домашнія провизіи и чрезвычайно много кушать; Поликсена—дѣвочка лѣтъ 14, съ распущенными волосами à l'enfant; Поликсена трунитъ надъ цѣлымъ домомъ, сшибаетъ очки съ носа старой няньки Акулины, выдергиваетъ стулья у задумчивой Олимпіады и сочиняетъ злодѣйскіе эпиграммы и стишки.

Вотъ въ какомъ сосѣдствѣ поселился Серёжа и курилъ цѣлый день табакъ. Въ одинъ день обошелъ онъ всѣ свои хозяйственныя принадлежности, видѣлъ гумно, скотный дворъ, птичникъ и кирпичный заводъ. Серёжа вздохнулъ, сложилъ руки и началъ курить. Къ счастью, на третій день его пріѣзда поутру явился въ прихожую старый буфетчикъ, въ овчинномъ тулупѣ, и просилъ доложить его милости, что Николай, дескать, Осиповичъ и Авдотья, дескать, Бонифантьевна Карпентовы покорно просятъ барина пріѣхать расхлебать вмѣстѣ съ ними щей деревенскихъ. Узнавъ, что у означенныхъ сосѣдей числи-

лось три барышни-невѣсты, Серёжа обрадовался, нарядился, завился, напомадился, надушился и въ дѣдовскихъ дрожкахъ отправился къ Карпентовымъ, о которыхъ въ Петербургѣ онъ и отъ своего лакея слышать бы не захотѣлъ.

Такъ-то обстоятельства мѣняютъ людей!.. Размышленіе сіе вамъ, вѣроятно, покажется не новымъ, но оно изъ числа тѣхъ, которыя нехотя приходятъ ежедневно на умъ при видѣ нашихъ грѣшныхъ мірскихъ слабостей.

Итакъ, въ жилищѣ рода Карпентовыхъ, обыкновенно мрачномъ и тихомъ, вдругъ появилась какая-то торжественность. Казачку велѣли заштопать локти и панталоны; на кухнѣ готовятся два лишнія блюда; за столъ подадутъ вино сотернъ и домашнюю наливку. Авдотья цѣлый день перебѣгаетъ изъ кладовыхъ въ столовую. Иванъ Савельевичъ надѣлъ что-то похожее на фракъ, а Авдотья Бонифантьевна—нѣчто сходное съ чепчикомъ. Дочери въ бѣлыхъ платьяхъ—цвѣтъ невинности и душевнаго спокойствія.

Шаркаетъ Серёжа, кланяется и хозяину и хозяйкѣ и спрашиваетъ у всѣхъ о здоровьѣ.

—А каковы у васъ озими? говоритъ старикъ.

—Слава Богу, здоровы, отвѣчаетъ Серёжа:—очень благодаренъ.

—Прошу, батюшка, насъ жаловать, продолжаетъ Николай Осиповичъ.—Покойный дѣдушка частёхонько насъ навѣщалъ—царствіе ему небесное! Куда какой проказникъ былъ! Бывало, только входитъ въ двери и кричитъ мой родной: «ты, Осипычъ, каналья, братецъ, скотина, настоящая скотина! три

дня у меня ужь не былъ; а у меня дворовые новый концертъ выучили; жаль, что только безъ кларнета: я кларнету лобъ забрилъ. Ну-ка, ну-ка, сзови-ка, братъ, своихъ дѣвокъ, да заставь спѣть что-нибудь». Куда какой шутникъ былъ покойникъ! царствіе ему небесное. Самъ станетъ бабамъ подтягивать, а коли въ духѣ, такъ и плясать начнетъ. Нѣтъ, ужь этакихъ стариковъ теперь нѣтъ!..

—Милости просимъ садиться, говоритъ Авдотья Бонифантьевна.

Начинается разговоръ вялый и глупый. Дочери шепчатся въ углу; Серёжа на нихъ поглядываетъ и говоритъ комплименты Авдотьѣ Бонифантьевнѣ, которая скромно потупляетъ глаза.

Подаютъ обѣдъ. Серёжа сидитъ подлѣ Олимпіады. Она то вздыхаетъ, то разспрашиваетъ о «Фенеллѣ». Серёжа, обрадованный, что есть люди, которые не видали ея пятьдесятъ разъ сряду, объявляетъ, что, кромѣ «Фенеллы», есть еще «Норма». «Норма», удивительная опера извѣстнаго Беллини, дается въ Петербургѣ въ послѣднемъ совершенствѣ.

«Вы музыкантъ?» тихо спрашиваетъ Олимпіада; а Серёжа отвѣчаетъ казенною фразой: «Нѣтъ, я не музыкантъ, а очень люблю музыку». Противъ него Авдотья беззаботно пользуется сытнымъ обѣдомъ, а Поликсена швыряетъ въ нее украдкою хлѣбными шариками.

Кончился столъ.

—Олимпіада, спой что-нибудь.

—Maman, я охрипши.

—Ничего, мой другъ, мы люди нестрогіе.

Серёжа кланяется, подаетъ стулъ и Олимпіада проситъ свою маменьку самымъ жалобнымъ голосомъ «не шить ей краснаго сарафана».

«Charmante voix! браво!» говоритъ Серёжа, «прекрасная метода. Жаль, что не изволили слышать «Нормы».

Олимпіада вздыхаетъ.

Послѣ музыки начались карты. Стали играть въ ламушъ по грошу, и всѣмъ было очень весело. Серёжа вралъ до невѣроятія. Барышни хохотали. Время летѣло. Къ вечеру были обѣщаны новые романсы, стихи въ альбомъ и конфекты отъ Рязанова.

Серёжа уѣхалъ, а Иванъ Савельевичъ и Авдотья Бонифантьевна долго между собою толковали, гася восковыя свѣчи и зажигая сальныя; а сестры перебранились между собой, и вся дворня собралась у буфетчика толковать о новомъ гостѣ и ожидаемыхъ переворотахъ.

Одинъ только казачокъ заснулъ весело и спокойно. Изъ всего имъ видѣннаго заключилъ онъ, что ему сошьютъ новые панталоны.

VI.

Провинція! провинція! Помню я тебя, съ твоими уѣздными городами, съ твоими отставными генералами, съ твоимъ вистикомъ, съ твоимъ бостончикомъ, со всѣми твоими затѣями. Помню и казенный колокольчикъ дворянскаго засѣдателя, приводящій въ трепетъ цѣлое селеніе. Помню и незабвенные твои балы — драгоцѣнныя воспоминанія уѣздныхъ барышенъ!..

Почти въ каждомъ уѣздномъ городѣ, какъ вамъ извѣстно, есть нѣчто сходное съ дворянскимъ собраніемъ. Заключается оно обыкновенно въ самой большой комнатѣ города, иногда въ гостинницѣ, иногда у аптекаря, иногда на станціи, иногда въ уѣздномъ училищѣ — какъ случится. Тутъ во время праздниковъ собираются женихи и невѣсты, помѣщики и помѣщицы, должностные и неслужащіе. Тутъ рождаются толки о столицахъ; тутъ городничій играетъ въ вистъ, тогда-какъ жена его манерится во французской кадрилѣ; тутъ затѣваются свадьбы; тутъ продается яровое; тутъ иногда бываетъ очень весело...

Вы помните, что я началъ свой разсказъ концомъ октября, порой недоумѣнія, когда природа колеблется между лѣтомъ и зимой. Вскорѣ зима взяла свое: снѣгъ привалилъ громадою; ноябрь пробѣжалъ, декабрь началъ выставлять свои праздники. Барышни Карпентовы давно уже заготовляли фантастическіе цвѣты и розовыя платья для крещенскихъ удовольствій. Серёжа бывалъ у нихъ каждый день. Мало-по-малу онъ началъ привыкать къ семейству, принявшему его съ такимъ добродушіемъ. Скоро и старики перестали съ нимъ церемониться: Авдотья Бонифантьевна сняла свой чепчикъ, а Николай Осиповичъ надѣлъ свой сюртукъ. Вы, можетъ быть, уже замѣтили, что главная черта характера моего Серёжи—безхарактерность. Привычка была его второй природой. У Карпентовыхъ бывалъ онъ каждый день, не оттого, чтобъ онъ ихъ полюбилъ, а оттого, что онъ къ нимъ началъ привыкать. Изъ барышень же

болѣе всѣхъ нравилась ему Олимпіада. Мудрено ли, что Олимпіада предалась ему душою? Безъ развлеченія, безъ свѣтскаго образованія, безъ всякаго участія въ дѣлахъ мірскихъ, въ любви видѣла она единственное занятіе, звѣзду своей жизни. Вездѣ преслѣдовалъ ее образъ милаго гвардейца съ его блестящими эполетами, съ его звучными шпорами, и петербургское нарѣчіе сводило бѣдную дѣвушку съ ума. Серёжа все это очень хорошо зналъ и, не имѣя никакой цѣли, непримѣтнымъ образомъ сталъ приближаться къ молодой дѣвушкѣ и воспламенять болѣе и болѣе ея воображеніе. Къ тому жь она была недурна собою, а волшебство истинной страсти невольно очаровывало Серёжу.

Вскорѣ отправились Карпентовы въ уѣздный городъ, а Серёжа за ними вслѣдъ. Въ уѣздномъ городѣ Серёжа важничалъ, пилъ шампанское, разсказывалъ про Петербургъ, начиналъ мазурку съ Олимпіадой Карпентовой и любезничалъ со всѣми уѣздными невѣстами. Вскорѣ по цѣлой губерніи о немъ пошла молва; вскорѣ всѣ матушки, глядя на него и Олимпіаду, начали качать головами и улыбаться значительно. Однимъ словомъ: онъ былъ уже провозглашенъ женихомъ Олимпіады Карпентовой, когда отъ отнюдь о томъ еще не помышлялъ. Увидимъ, что̀ будетъ далѣе.

VII.

«Вы меня обманете» говорила Олимпіада, опустивъ руку свою въ руку Серёжи: «вы меня обманете—и я умру».

Это было три мѣсяца послѣ возвращенія изъ уѣзднаго города. Они сидѣли на скамейкѣ въ саду: Серёжа въ бѣлой фуражкѣ, съ хлыстомъ въ рукѣ, Олимпіада, опустивъ голову на плечо его. Серёжа давно уже носилъ на жилетѣ бисерный снурочекъ, а въ жилетѣ шелковый кошелекъ. Потомъ, самъ не зная какимъ образомъ, началъ онъ говорить обиняками; потомъ, еще менѣе зная почему и какъ, очутился онъ однажды утромъ въ саду на скамейкѣ, слушая съ смущеніемъ ка́къ Олимпіада тихо ему говорила:

«Вы меня обманете, и я умру».

Олимпіада, какъ я говорилъ вамъ уже выше, блѣдная, худая, романическая, со всѣмъ тѣмъ она недурна. Одушевленная огнемъ первой страсти, она вдругъ возвысилась надъ міромъ глупой прозы, въ которомъ суждено ей было жить. Вдругъ открылась для деревенской дѣвушки новая жизнь, новая сфера, что-то величественное и необъятное. Румянецъ заигралъ на ея щекахъ. Душа ея, какъ ласточка, взлелѣянная въ душномъ гнѣздѣ, не зная еще ничего въ мірѣ, взвилась прямо къ небу.

Серёжа, глядя на нее, не могъ быть равнодушенъ; голова его по возможности разгоралась. Онъ не могъ понять возвышенности чувствъ молодой дѣвушки. Со всѣмъ тѣмъ графиня была давно забыта. Страсть модная, аристократическая, въ готическомъ кабинетѣ на узорчатыхъ коврахъ, показалась ему вдругъ такъ ничтожной въ его одиночествѣ, сидящему подъ сѣнью деревъ, подлѣ дѣвушки, высказывающей ему съ простодушіемъ всѣ любимыя тайны своей ду-

щи. Новая мысль блеснула въ его головѣ: «жениться? да почему жь нѣтъ? Жить въ деревнѣ, жить съ природой, жить съ любимой женой, съ дѣтьми...

Рѣшено: Серёжа женится... А Петербургъ съ его заманчивыми прелестями? а острова? а все блестящее знакомство? Со всѣмъ должно проститься навсегда! Нельзя же ему разсылать визитныхъ карточекъ: «Олимпіада Николаевна ***, урожденная Карпентова... «Онъ взглянулъ на нее: слезы дрожали на глазахъ ея. Я вамъ говорилъ: Серёжа былъ добрый малый; онъ схватилъ ея руку и жарко поцаловалъ.

—Завтра, сказалъ онъ:—все будетъ кончено. «Я докажу» прибавилъ онъ про-себя, «я докажу, что я не дорожу мнѣніемъ толпы. Бѣдная дѣвушка меня полюбила; я долженъ съ гордостью принять этотъ даръ Провидѣнія. Завтра буду просить ея руки, и, если на то пойдетъ, повезу жену въ Петербургъ, покажу ее всѣмъ, возьму для нея ложу во французскомъ театрѣ и сяду съ нею рядомъ.

—Завтра, говорила Олимпіада: — завтра!.. Не обманывайте меня, Сергѣй Дмитричъ. Я не должна, можетъ-быть, говорить вамъ того, но я не умѣю скрывать своихъ мыслей. Не обманывайте меня, если не хотите моей смерти.

—И такъ вы любите меня? закричалъ Серёжа.— Не правда ли, что вы меня любите?

Олимпіада улыбнулась.

—Завтра, завтра! прошептала она, вставъ со скамейки.

—А что, Сергѣй Дмитричъ, не хотите ли табач-

ку? У меня à la rose, самъ дѣлаю. Старикъ Карпентовъ приближался къ четѣ и прервалъ ихъ разговоръ.

«Добрый человѣкъ» подумалъ Сережа: «будетъ моимъ тестемъ... отучу его нюхать табакъ à la rose, а буду для него выписывать французскій.

За аллеей показалась Авдотья Бонифантьевна въ сѣдыхъ растрепанныхъ волосахъ.

—Горячее на столѣ! кричала она:—гдѣ это вы пропадаете?

«Славная женщина!» подумалъ Сережа: «не худо бы ей выучиться носить чепчики».

Серёжа не хотѣлъ оставаться обѣдать: въ душѣ его боролось слишкомъ много различныхъ чувствъ... Онъ выразительно взглянулъ на Олимпіаду и ускакалъ на лихой тройкѣ домой.

Отчего, скажите, въ жизни все такъ перемѣшано: красота съ безобразіемъ, высокое съ смѣшнымъ, радость съ печалью? Нѣтъ ни одного чувства совершенно-полнаго, ни одной мысли совсѣмъ-самостоятельной; все сливается въ какое-то сомнѣніе, въ безпредѣльность душевную, источникъ сплина и жизненной усталости. Любовь! слово святое, душа цѣлой вселенной, отрада нашей бѣдственной жизни—и ты не всегда освѣщаешь преданную тебѣ душу. Прекрасна ты, но и тебѣ нужны формы, какъ нужны формы въ какой-нибудь канцеляріи. Скажи: зачѣмъ ты восхитительна въ пируэтахъ Сильфиды и неумѣстна въ семействѣ Карпентовыхъ—любовь, чувство святое, душа цѣлой вселенной?..

Когда Серёжа возвратился домой, ему доложили, что его въ гостиной кто-то ожидаетъ.

Серёжа вбѣжалъ въ гостиную: передъ Серёжой стоялъ Саша.

Саша, въ общественномъ значеніи почти то же самое, чтó Серёжа, съ тѣмъ различіемъ, что онъ служитъ въ другомъ полку и слыветъ въ обществѣ опаснымъ человѣкомъ и злымъ языкомъ, благодаря особому его умѣнью давать всѣмъ своимъ знакомымъ смѣшныя и колкія названія. Съ громкимъ смѣхомъ привѣтствовалъ онъ Серёжу:

—Съ какими ты, братъ, скотами здѣсь познакомился? Спрашиваю у людей: гдѣ Серёжа?—у Карпентовыхъ. А гдѣ былъ вчера? — у Карпентовыхъ. А что, эти Карпентовы, богатые люди?—Душъ восемьдесятъ съ небольшимъ будетъ? Ха, ха, ха, ха! Ну ужь нашелъ, нéчего сказать!...

—Полно, братъ. Вѣчно шутишь!

—А ты, братъ, настоящій Бальзакъ, подпоручикъ-Бальзакъ: все сочиняешь романы. Чего добраго, не влюбленъ ли ты въ какую-нибудь птичницу?

—Перестань, братецъ..

—Я тебя знаю. Въ деревнѣ молоко, природа, смѣтана, чистая любовь у ручейка, за обѣдомъ ватрушки — жизнь патріархальная. Это все очень трогательно.

—Полно, Саша. Разскажи-ка лучше что-нибудь про Петербургъ.

—Да что, братъ, тебѣ разсказывать? Петербургъ чтó день, то лучше, то многолюднѣй, то славнѣй. Магазиновъ новыхъ пропасть, домовъ также. На улицахъ газъ, а въ театрѣ танцуетъ мамзель Круазетъ. Ты не видалъ Круазетъ?

—Нѣтъ, отвѣчалъ, краснѣя, Серёжа.

—Это, братъ, чистая поэзія, выраженная ногами. Каждое ея движеніе—картина, чудесная картина; удивительно танцуетъ, то есть, какъ бы я тебѣ ни разсказывалъ, никакого понятія о ней нельзя тебѣ дать: надо видѣть.

—А чтó въ большомъ свѣтѣ?

—Да все постарому. Петруша женится, беретъ сорокъ тысячъ чистаго дохода да, кромѣ того, есть надежда, что тесть его скоро умретъ, такъ будетъ втрое—каковъ Петруша? Да кстати: графиня тебѣ кланяется; она теперь кокетничаетъ съ новымъ франтомъ, пріѣхавшимъ изъ Парижа.

—Быть не можетъ! закричалъ, вспыхнувъ, Серёжа. — Вѣрь ты этимъ женщинамъ! А что говорятъ обо мнѣ въ Петербургѣ?

—О тебѣ? Ничего не говорятъ. Въ Петербургѣ никогда ни о комъ не говорятъ, кромѣ тѣхъ, которые безпрестанно подъ глазами вѣртятся. Да-бишь: Вельскій просилъ тебя прислать ему деньги, которыя ты проигралъ ему въ экарте. Кромѣ того, я видѣлъ Adèle... Она на тебя жалуется, ты знаешь... потому-что... тсъ—тсъ!

Пріятели начали говорить вполголоса. Разговоръ ихъ былъ продолжителенъ. Въ 11 часовъ вечера Серёжа приказалъ своему камердинеру укладываться, написалъ нáскоро довольно-учтивое извиненіе Николаю Осиповичу и, чѣмъ свѣтъ, былъ ужь съ своимъ пріятелемъ на большой петербургской дорогѣ.

VIII.

Прекрасная гостиная, готическая, съ рѣзьбою Гамбса. Чахлы сняты. Разряженная хозяйка сидитъ на канапе́ и ждетъ гостей.

Нынче не тò, что́ балъ, да и не то́, что́ вечеринка, а такъ, за́просто: горятъ однѣ лампы; свѣчей не зажигали; будетъ весь городъ.

Толстый швейцаръ съ дубиной стоитъ у подъѣзда. На лѣстницѣ коверъ и горшки будто-бы съ цвѣтами. Вотъ зазвенѣлъ колокольчикъ; съѣзжаются гости. Дамы лѣтъ пожилыхъ (извѣстно, что старухъ въ большомъ свѣтѣ не бываетъ), садятся за вистъ въ гостиной. Въ сосѣдней комнатѣ играютъ генерал-аншефы и тайные совѣтники. Молодыя дѣвушки садятся на четвероугольный канапе́, посреди комнаты, или перелистываютъ давно-знакомыя картинки. Къ нимъ придвигаютъ стулья секретари посольствъ и камер-юнкеры и начинаютъ разговаривать. Разговоръ самый занимательный.

—Что, можно сѣсть подлѣ васъ?

—Можно.

—Были вы вчера въ «Нормѣ?»

—Хотите мороженаго?

—Какъ жарко!

— Охота хозяйкѣ давать вечера съ этакой фигурой.

—Какъ вы злы! Bonjour. — Bonjour. — B-o-n j-o-u-r.

—Знаете, что Серёжа пріѣхалъ?

—Право?

—Да вотъ и онъ.

—Тысячу лѣтъ не видали.

—Гдѣ вы были?

—Въ деревнѣ хозяйничалъ. Ха, ха, ха! Не взыщите: мы люди деревенскіе.... Ха, ха, ха!... Bon soir.—B-o-n s-o-i-r.

—Ну что скажете?... Вы не знаете, гдѣ нынче графиня?..

—А, да вотъ она сама! Bonjour. B-o-n j-o-u-r.

Серёжа вскочилъ со стула. Въ гостиную вошла графиня, всегда прекрасная, всегда ослѣпляющая роскошью и красотой. Густые локоны падали до пышныхъ плечъ, а на лбу сіялъ золотой обручъ съ бриллiантомъ. Отъ нея вѣяло какой-то свѣтской приманкой. Все было въ ней обворожительно и прекрасно. Величественно подошла она къ хозяйкѣ, улыбнулась знакомымъ, сѣла на мѣсто и увидѣла Серёжу, стоявшаго передъ ней.

—Madame la comtesse...

—B-o-n j-o-u-r. Когда пріѣхали?

—Сейчасъ.

—Что, вы женаты?

—Помилуйте, графиня, зачѣмъ шутить?

—Да что же вы дѣлали въ деревнѣ?

—Я занимался, читалъ и думалъ.

—А сосѣдей у васъ не было?

—Какіе тамъ сосѣди! Былъ какой-то капитанъ, да, признаюсь вамъ, мнѣ было не до того.

Онъ выразительно поглядѣлъ на графиню.

—Что, вы мужа моего видѣли?

—Нѣтъ еще.

—Ну, ступайте же съ нимъ здороваться, продолжала, смѣясь, графиня.—Завтра у меня танцуютъ.

—Что, вы мнѣ дадите мазурку?

—Такъ и быть...

Летитъ время. Все то же да то же: ноги устали; сердце пусто, мыслей мало, чувства нѣтъ.

Саша женился на богатой вдовѣ и началъ давать обѣды. Серёжа танцовалъ постарому мазурку, вздыхалъ подъ ложей графини, но начиналъ ужь чувствовать, что онъ промѣнялъ счастье жизни на приманки малодушнаго тщеславія. Нерѣдко мучила его и та мысль, что онъ былъ причиною гибели бѣдной дѣвушки, которая, какъ извѣстно ему было отъ одного помѣщика, встрѣтившаго его въ театрѣ, чахла и страдала послѣ его отъѣзда и, вѣроятно, давно ужь умерла. Нѣсколько лѣтъ промчалось ужь послѣ поѣздки его въ деревню; угрызенія совѣсти не оставляли его, но дополняли его бытіе. Онъ уважалъ въ себѣ человѣка, сдѣлавшагося нѣкоторымъ образомъ преступнымъ, и вспоминалъ о любви своей къ Олимпіадѣ, какъ о самой свѣтлой точкѣ своей жизни, утонувшей навѣки въ безсмысленномъ туманѣ его настоящаго бытія. Однажды сидѣлъ онъ у своего камина. Воображеніе живо рисовало ему черты незабвенной дѣвушки съ распущенными волосами, съ глазами исполненными нѣги и любви. Въ эту минуту вошелъ человѣкъ съ письмомъ. Серёжа наскоро распечаталъ и прочелъ слѣдующее.

«Милостивый государь Сергѣй Дмитріевичъ. Вотъ ужь пять лѣтъ какъ вы не изволили быть въ помѣстьяхъ вашихъ, въ пяти верстахъ отъ сельца

Зубцова, какъ извѣстно вамъ, отстоящихъ. По отъѣздѣ вашемъ, батюшка съ матушкой отдали меня замужъ за служащаго по выборамъ уѣзднаго суда засѣдателя Крапитинникова, съ коимъ, благодаря Бога, я и живу въ счастливомъ супружествѣ уже четвертый годъ и была бы довольна судьбою, еслибъ не слѣдующій случай. Мужъ мой, отставной арміи штабс-капитанъ, прослужилъ ужь три трехлѣтія по выборамъ дворянства и, не будучи замѣченъ ни въ какихъ дурныхъ поступкахъ, былъ представленъ начальствомъ къ слѣдующей ему наградѣ. Несмотря на то, мой мужъ никакого награжденія не получилъ, тогда-какъ того же суда засѣдатель Бутыргинъ, замѣченный въ нетрезвомъ поведеніи, за коимъ по разнымъ слѣдствіямъ считается до 200 слишкомъ дѣлъ нерѣшенныхъ, и женатый на поповской дочери, получилъ на дняхъ орденъ св. Анны для ношенія въ петлицѣ. Не имѣвъ никакихъ покровительствъ въ Петербургѣ и зная, что вы имѣете тамъ знакомство въ высшемъ кругу, я рѣшилась, зная всегдашнее расположеніе ваше къ нашему семейству, просить васъ не отказать намъ въ ходатайствѣ вашемъ у важныхъ особъ о скорѣйшемъ назначеніи мужу моему слѣдующаго ему ордена.

«Батюшка мой жалуется, что вы его забыли. Онъ теперь опять пристроиваетъ небольшой флигелёкъ къ дому своему для меня и дѣтей моихъ, на случай, когда дѣла наши позволяютъ намъ отлучаться изъ уѣзднаго города. Сестры мои вышли замужъ: Авдотья за коммиссаріатскаго чиновника Бирюкдина, а Поликсена за учителя нѣмецкаго языка Шмитц-

дорфа. Мужъ мой свидѣтельствуетъ вамъ свое глубочайшее почтеніе, а вмѣстѣ съ нимъ и покорная вамъ Олимпіада Крапитинникова.»

Письмо выпало изъ рукъ Серёжи; слезы навернулись на глазахъ его. «Одна минута поэзіи» подумалъ онъ «была въ моей жизни, и та была горькой глупостью!»

Бѣдный Серёжа! ему пришлось проститься съ своимъ раскаяньемъ и сдѣлаться снова невиннымъ гвардейскимъ офицеромъ. И все пошло, и все идетъ опять по старому: графиня наряжается и танцуетъ; Серёжа ѣздитъ въ театръ. И все то же да то же: ноги устали, сердце пусто, мыслей мало, чувства нѣтъ...

АПТЕКАРША.

I.

Уѣздный городъ С. одинъ изъ печальнѣйшихъ городковъ Россіи. По обѣимъ сторонамъ единственной грязной улицы тянутся, смиренно наклонившись, тѣмно-сѣро-коричневые домики, едва покрытые полусогнившимъ тёсомъ, домики, довольно-сходные съ нищими въ лохмотьяхъ, жалобно умоляющими прохожихъ. Двѣ-три церкви—благородная роскошь русскаго народа, рѣзко отдѣляются на темномъ грунтѣ. Старый деревянный гостиный дворъ — хранилище гвоздей, муки и сала, грустно глядится въ огромную, непросыхающую лужу. Изъ двухъ-трехъ низенькихъ домиковъ выглядываютъ какія-то рожи. Налѣво красуется кабакъ съ завѣтною ёлкой, за нимъ острогъ съ брусянымъ тыномъ, а вправо, на полуразвалившемся фронтонѣ, прибита черная доска съ надписью: «Аптека, Apotheke».

Въ одинъ изъ тѣхъ печальныхъ дней, когда кажется, что небо хмурится на землю, молодой человѣкъ сидѣлъ у окна одного изъ этихъ убогихъ домиковъ и сердито курилъ сигару. На головѣ его была надѣта, по привычкѣ, на бекрень, щегольская шапочка съ кисточкой. Халатъ его, сшитый въ видѣ длиннаго сюртука съ бархатными отворотами, свидѣтельствовалъ о щеголеватости его привычекъ,

а частыя струи дыма въ то же время ясно доказывали свирѣпость его душевнаго расположенія.

Внизу, на улицѣ, у самаго подъѣзда, стояла коляска безъ лошадей и почти до оси въ грязи: около коляски нѣхотя суетился камердинеръ, вынималъ поклажу и ворчалъ что-то сквозь зубы съ самой ожесточенною физіономіей. Кругомъ собралось нѣсколько мальчиковъ въ нѣмомъ удивленіи, а напротивъ, на полупровалившемся троттуарѣ стояла баба съ коромысломъ на плечѣ и съ вытаращенными глазами.

Молодой человѣкъ погрузился невольно въ самыя досадныя размышленія. «Теперь» подумалъ онъ, «въ павловскомъ воксалѣ готовится иллюминація. Herrmann играетъ вальсы, галопады и всякіе попурри; гусарскіе пѣсенники поютъ, дамы ѣздятъ верхомъ; мои товарищи любезничаютъ, а я сижу въ этой трущобѣ; теперь наполненъ французскій театръ; m-me Allan играетъ; товарищи мои слушаютъ и хлопаютъ, а я сижу въ этомъ захолустьѣ! А въ субботу, въ субботу балъ на водахъ; тамъ и О. и В. и Б.; товарищи мои будутъ съ ними танцовать; онѣ будутъ имъ улыбаться, будутъ съ ними кокетничать, кокет...ни...чать... съ ними будутъ!.... а я сижу въ этой темницѣ, въ этой ссылкѣ, въ этомъ заточеніи!»

Вдругъ необычный шумъ на улицѣ остановилъ порывы его негодованія. Молодой человѣкъ высунулся изъ окна. Подъ окномъ камердинеръ его, Яковъ, спорилъ съ какимъ-то господиномъ въ пуховой фуражкѣ и въ венгеркѣ съ снурками и кисточками,

чтó, какъ извѣстно, явный признакъ провинціальнаго франта.

—Я тебя спрашиваю, чья коляска? говорилъ франтъ.

—Я вамъ сказываю, что господская, сердито отвѣчалъ Яковъ.

—Да чья господская?

—Ну, говорятъ вамъ господская.

—Да чья же?..

—Ну господская. Все узнаете, скоро состарѣетесь.

—Чтó... чтó?.. Вотъ я тебя... Да нѣтъ, вотъ... возьми, братецъ, гривенникъ, скажи, голубчикъ, чья коляска?

—Ненадо мнѣ вашего гривенника. Любопытны слишкомъ. Ступайте своей дорогой.

—Коляска моя! закричалъ молодой человѣкъ изъ окна.—Чтó вамъ угодно? Франтъ поспѣшно поднялъ голову и началъ раскланиваться, стоя въ грязи.

Ахъ! извините-съ. Шелъ мимо-съ. Вижу-съ коляску отличной работы-съ. Смѣю спросить: чтó изволили за нее дать-съ?

—3500, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

—Гм! Деньги хорошія. Смѣю спросить: съ кѣмъ имѣю честь говорить?

—Баронъ Фиренгеймъ.

—Ахъ, помилуйте... Я вашего, должно-быть, родственника очень зналъ-съ; вмѣстѣ въ полку были. Позвольте быть знакомымъ.

И, не ожидая приглашенія, франтъ опрометью бросился къ крыльцу, а черезъ мгновеніе очутился ужь въ комнатѣ пріѣзжаго.

—Позвольте-съ спросить: какъ вамъ приходится баронъ Газенкампфъ, который былъ у насъ ротмистромъ въ полку?

—Моя фамилія не Газенкампфъ, а Фиренгеймъ, отвѣчалъ, улыбнувшись, молодой человѣкъ.

Ахъ! а мнѣ послышалось Газенкампфъ. Извините, пожалуйста. Какой у васъ хорошенькій халатъ; чаю теперь этакіе халаты носятъ въ Петербургѣ.

—Не знаю, право. Какъ кто хочетъ.

—Очень хорошій фасонъ. Я попрошу у васъ для выкройки. По дѣламъ службы изволили, вѣроятно, къ намъ пріѣхать?

—Да-съ.

—Я вамъ долженъ доложить: я съ здѣшними господами служащими никакого дѣла не имѣю и въ глаза почти не знаю. Городничій нашъ, Аѳанасій Иванычъ — изволите его знать? добрый человѣкъ, только слабъ немножко, за купцами ухаживаетъ; впрочемъ, многаго не возьмешь: у насъ купечество себѣ на умѣ. Вы ихъ еще не изволите знать? Криворожинъ, Надулинъ, Ворышевъ — лихой народъ, нѣчего сказать. Исправникъ нашъ добрый человѣкъ. Судья такъ-себѣ, за то ужь стряпчій молодецъ, а впрочемъ, я ихъ знать не знаю. Что̀ это у васъ, часики на столѣ?

—Часы.

—Ахъ, позвольте взглянуть. Какая прелесть! Что̀ за цѣпочка! Намъ, провинціаламъ, этакихъ вещей и во снѣ не видать.

—У васъ, кажется, тоска нестерпимая въ вашемъ городѣ?

—Да-съ, сказать правду. Хуже быть не можетъ. Вотъ то-ли-дѣло въ Т. 100 верстъ всего отсюда. Дворяне живутъ въ городѣ и купечество зажиточное, а здѣсь просто пустыня; впрочемъ, въ 20-мъ году здѣсь было рекрутское присутствіе, такъ тоже весело жили. Даже, говорятъ, дворянское собраніе было въ домѣ, что́ нынче аптека. Были балы; помѣщики съѣзжались. Очень было весело. Жидовская была музыка. До-сихъ-поръ вспоминаютъ.

—Какъ, не-уже-ли у васъ нѣтъ ни одного дома, гдѣ бы можно было провести вечеръ?

—Нѣтъ-съ, съ двадцатаго года здѣсь никто изъ дворянъ не живетъ... Да, бишь! предводитель наѣзжаетъ иногда.

—Женатый человѣкъ? спросилъ поспѣшно баронъ.

—Нѣтъ-съ, холостой. Это туалетный приборъ у васъ на столѣ?

—Да-съ.

—Серебряный или аплике?

—Серебряный.

—Ахъ, позвольте взглянуть. Какъ хорошо! какая работа! Дорого изволили дать?

—Не помню, право.

—Отличная вещица! Я еще такой не видывалъ. А эти пилочки на что́?

—Для ногтей.

—Ужь чего теперь не выдумаютъ! надо сказать правду.

—Да что же вы здѣсь дѣлаете? спросилъ съ отчаяніемъ молодой человѣкъ.

Господинъ въ венгеркѣ взглянулъ на него съ удивленіемъ.

—Да ничего-съ.

—Какъ же вы здѣсь живете?

—Да я у помѣщиковъ гощу большею частью. Свою деревеньку я продалъ, такъ живу-себѣ по неволѣ иногда въ городѣ, а то въ гостяхъ всегда.

—И вы ни съ кѣмъ здѣсь не знакомы?

—Съ служащими я не веду особеннаго знакомства, а такъ иногда захожу къ Францу Иванычу.

—А кто это Францъ Иванычъ?

—Францъ Иванычъ?...

—Дá!...

—Нашъ аптекарь.

—Ученый человѣкъ?

—А Богъ его знаетъ. Человѣкъ добрый. Жена у него нѣмочка прехорошенькая, хоть бы въ столицу: и тамъ скажутъ, что недурна.

—Хорошенькая!...

—Очень недурна-съ. Только жаль, что по-русски плохо говоритъ; понимаетъ-то понимаетъ, а ужь разговаривать—слуга покорный.

Лицо молодаго барона прояснилось. Мысль о хорошенькой женщинѣ такъ могуча въ юные годы! Весь городъ показался ему не такъ отвратителенъ. Изломанныя крыши сдѣлались живописными. По грязной улицѣ очертились протоптанныя тропинки. Баронъ вздохнулъ свободнѣе. Въ эту минуту парныя дрожки остановились у подъѣзда.

—Городничій, сказалъ съ нѣкоторымъ смуще-

ніемъ франтъ въ венгеркѣ. Извините, что я васъ побезпокоилъ. Позвольте быть знакомымъ.

Засимъ, поклонившись почтительно барону и еще почтительнѣе входящему городничему, любопытный провинціалъ вышелъ на улицу, осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ коляску, заглянулъ подъ фартукъ и отправился домой, сопровождаемый глухою бранью камердинера Якова.

Выпроводивъ городничаго, квартировавшаго нѣкогда съ полкомъ въ Бѣлоруссіи и почитавшаго непреложною обязанностью съ того времени превозносить полекъ, къ явной обидѣ нашихъ православныхъ дамъ, молодой баронъ кликнулъ Якова и началъ одѣваться.

Полчаса тому назадъ, онъ бы и не взглянулъ на подаваемое ему платье, но теперь онъ назначилъ и сюртукъ и жилетъ, и галстухъ, и вынулъ изъ дорожнаго ящика большую жемчужину въ золотой лапѣ, которой лапой онъ закололъ пестрый шарфъ, обвивающій его шею. Одѣвшись такимъ образомъ, онъ вышелъ прогуляться, подышать свѣжимъ воздухомъ и непримѣтно отправился прямёхонько къ аптекѣ. Сперва онъ внимательно осмотрѣлъ странную архитектуру дома, гдѣ нѣкогда уѣздное дворянство выплясывало подъ жидовскую музыку; потомъ разъ пять прочиталъ надпись: «Аптека, Apotheke», потомъ обошелъ раза два домъ со всѣхъ сторонъ, потомъ пошелъ далѣе. У него недоставало храбрости войдти въ аптеку безъ причины, и въ эту минуту онъ дорого бы заплатилъ за какой-нибудь не-

значительный недугъ, принудившій его къ требованію врачебныхъ пособій.

У свѣтскихъ людей, несмотря на ихъ наружную неустрашимость, часто бываютъ минуты подобной нерѣшительности, въ которыхъ они, впрочемъ, душевно раскаяваются и никогда никому не сознаются. Черезъ полчаса молодой баронъ, какъ бы влекомый неодолимымъ магнитомъ, опять подошелъ къ аптекѣ, посмотрѣлъ въ окна, остановился, хотѣлъ завернуть на крыльцо, и опять прошелъ далѣе. Сердце его билось. Наконецъ, ему стало стыдно самого себя. Какъ возмутившійся трусъ, онъ вдругъ повернулъ назадъ и натолкнулся на новаго своего знакомца-франта, который выходилъ изъ аптеки.

А я отъ Франца Иваныча, сказалъ франтъ:—ходилъ ему сказывать, что вы пріѣхали. Онъ говоритъ, что онъ въ университетѣ былъ съ однимъ барономъ Фиренгеймомъ, лѣтъ шесть назадъ.

—Это я. Другихъ Фиренгеймовъ нѣтъ.

—Ну, такъ онъ васъ знаетъ.

—Право?

—Чтó это у васъ, жемчугъ въ булавкѣ?

—Дá.

—Ахъ! позвольте взглянуть. Какая работа отличная! Ужь чего не придумаютъ! давай только денегъ. Гдѣ намъ, провинціаламъ, имѣть такія вещи! Васъ и Шарлотта Карловна знаетъ.

—Право? воскликнулъ баронъ и опрометью бросился на крыльцо, оставивъ собесѣдника въ порывѣ грустнаго размышленія и самопознанія.

Аптека была устроена съ нѣкоторою щеголева-

тостью. Полки по стѣнамъ, бутыли и стклянки съ латинскими надписями, ящики, гдѣ слѣдуетъ, конторка, вѣсы; однимъ словомъ, фармацевтическая декорація была самая приличная и доказывала акуратность распорядителя. Въ передней, просто обитой тёсомъ, пожилая баба толкла что-то въ ступѣ, а у самыхъ дверей стояло двое мальчишекъ, присланныхъ одинъ за бузиной на десять копеекъ, а другой за ревенемъ на гривенникъ.

У конторки сидѣлъ аптекарь, небольшой человѣкъ съ кудрявою рыжею головкою и съ самой добродушной физіономіей; усердно записывалъ онъ расходъ своимъ травамъ и скудный приходъ выручаемыхъ копеекъ съ такою же отчетливостью, какъ-будто дѣло шло о мильонахъ. Поднявъ нечаянно голову, онъ вдругъ увидѣлъ стоящаго передъ нимъ столичнаго щеголя, который, укротивъ мгновенный пылъ своей рѣшительности, стоялъ въ недоумѣніи, не зная чѣмъ начать разговоръ.

—Что́ вамъ угодно? спросилъ аптекарь.

Щеголь еще болѣе смѣшался. Нельзя же было ему сказать зачѣмъ онъ дѣйствительно пришелъ.

—Я... отвѣчалъ онъ:—хотѣлъ бы содовыхъ порошковъ.

—У насъ, отвѣчалъ аптекарь: — соды не требуютъ, а оттого мы ее и не держимъ. Здѣсь не столица, прибавилъ онъ улыбнувшись:—требуютъ только дешевенькаго.

—Мы, кажется, были вмѣстѣ въ университетѣ, сказалъ, пріободрившись, баронъ.

—Да-съ... Только мы знакомы не были, а я

васъ очень помню: вы были ландсманомъ, а я былъ буршеншафтеромъ. Къ тому же факультеты у насъ были различные.

—Точно.

—Я васъ на фехтбоденахъ * видѣлъ. Только вы такъ перемѣнились, что я никакъ бы васъ не узналъ. Прежде вы ходили совершеннымъ буршемъ, а теперь вы такой щеголь...

—Живу въ другомъ мірѣ, по-неволѣ перемѣнишься.

—А знаете ли, г. баронъ, вы никакъ не ожидаете встрѣтить здѣсь старую знакомую?

—Какъ?..

—Вотъ, сейчасъ увидите. Эй! Шарлотта Карловна, Шарлота Карловна! будь такъ добра и поди сюда.

—Я совсѣмъ по-утреннему одѣта, отвѣчалъ женскій голосъ.

Сердце барона забилось.

—Полно, Шарлотта Карловна, церемониться, здѣсь знакомый.

Баронъ невольно уставилъ глаза въ двери. Въ сосѣдней комнаткѣ послышались шаги, легкій шорохъ поспѣшнаго туалета, наконецъ шаги стали приближаться, дверь распахнулась и у дверей показалась аптекарша...

—Какъ, вы здѣсь? воскликнулъ баронъ.

—Да́, сказала аптекарша, покраснѣвъ и вздохнувъ невольно.—Это я. Давно мы съ вами не видались, г. баронъ.

* Залы фехтованія.

II.

Перенесемся теперь въ другой городокъ, въ другую землю, къ другому времени, за нѣсколько лѣтъ передъ началомъ моего разсказа.

Городокъ, въ который я васъ хочу перенести, читатель мой благосклонный, совсѣмъ не похожъ на тотъ, которымъ я такъ грустно началъ повѣсть свою объ аптекаршѣ. Въ этомъ городкѣ все дышетъ какой-то умственной дѣятельностью и душевнымъ молодымъ разгуломъ. По улицамъ толпятся молодые люди въ короткихъ плащахъ и дружно толкуютъ между собою. Другіе, съ тетрадями и книгами подъ мышками, спѣшатъ на голосъ благовѣствующей науки, тогда-какъ за бѣлыми занавѣсками хорошенькія личики, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ, украдкой на нихъ поглядываютъ.

Университетскіе годы! годы молодости, годы невозвратимаго братства, когда въ каждомъ товарищѣ видишь друга, въ каждой наукѣ видишь достигаемую цѣль, въ каждой женщинѣ—высокое олицетвореніе мечтаемаго идеала! скоро проходите вы, годы неумолимые; но душа долго на васъ оглядывается, долго вами любуется и хранитъ васъ вѣчно, какъ драгоцѣнное свое сокровище, сокровище теплыхъ вдохновеній и чистыхъ, высокихъ помысловъ.

Недалеко отъ деревяннаго моста, въ кривой, узенькой улицѣ существуетъ, вѣроятно, и понынѣ низенькій деревянный домикъ, съ большимъ дворомъ и небольшимъ надворнымъ строеніемъ. Въ домикѣ немного комнатъ, и тѣ убраны безъ роскоши, даже скудно; но въ нихъ обитаетъ спокойствіе, котораго нельзя

приманить ни ліонскими обоями, ни парчевыми занавѣсками. Изъ передней вы входите въ гостиную, устроенную по завѣтному преданію. У главной стѣны, въ математической срединѣ, стоитъ диванъ, обитый черной волосяной матеріей и съ выгнутой спинкой краснаго дерева; передъ диваномъ овальный столъ, покрытый клеёнкой, на которомъ стоятъ два подсвѣчника и щипцы; по бокамъ дивана по три кресла, обтянутыя также плетенымъ волосомъ; между окнами два ломберные стола; къ боковой стѣнѣ приставлено фортепьяно; съ другой стороны нѣсколько стульевъ; надъ диваномъ два литографированные портрета знаменитыхъ германскихъ ученыхъ да съ обѣихъ сторонъ дверей по одной мѣдной лампѣ, прибитой къ стѣнѣ; полъ досчатый, не крашенный, но чисто вымытый; стѣны просто выбѣлены—это гостиная. Подите дальше: съ пола до потолка, со всѣхъ четырехъ сторонъ, подѣланы пóлки простаго дерева; на пóлкахъ громоздятся книги всѣхъ видовъ и переплетовъ; огромные фоліанты, какъ фундаменты науки, лежатъ въ самомъ низу; прочія книги укладываются надъ ними плотной стѣной; посреди комнаты письменный столъ, заваленный бумагами и книгами—это кабинетъ ученаго, кабинетъ нѣмецкаго профессора, что́ обнаруживается педантическимъ кокетствомъ учености, отличающемъ главную комнату дома. За этимъ кабинетомъ каморка, гдѣ отдыхаетъ профессоръ послѣ дневныхъ трудовъ своихъ, а далѣе небольшая комната его дочери, пятнадцати-лѣтней дѣвочки, только-что расцвѣтающей свѣжею красотою, на радость отцу и обожаніе студентамъ.

Въ надворномъ строеніи, противъ оконъ молодой дѣвушки, подѣланы разсчетливымъ хозяйствомъ небольшія комнаты, нанимаемыя студентами по семестрамъ за сходную цѣну. Въ сравненіи съ этими комнатками, скромное жилище профессора — чудо роскоши!

Если вы были студентомъ, мой читатель, то вспомните мебель вашей студенческой квартиры—и нéхотя вы улыбнетесь и вмѣстѣ вздохнете, потому-что вы готовы отдать всю лавку Гамбса за тотъ изорванный диванъ, за тѣ изломанные стулья, на которыхъ вы были молоды, полны надеждъ и огня, полны любви и восторга. Чтó за жизнь въ студентской комнатѣ! Сколько значенія! сколько прекраснаго и смѣшнаго! сколько разгульнаго и глубокаго вмѣстѣ! Тутъ черепъ и человѣческія кости, тамъ пестрыя шапки, огромныя трубки, рапиры, карикатуры на стѣнѣ; съ другой стороны громады тетрадей и книгъ; далѣе, бутылки и стаканы, карты, дубины, плащи, вассерштифели и большой бѣлый пудель, который, важно выставивъ морду, глядитъ на все спокойными глазами хозяйскаго друга.

Въ первомъ семестрѣ 18** года, на студентской квартирѣ поселился только-что пріѣхавшій Maulesel, курляндскій юноша, баронъ Фиренгеймъ. Вскорѣ, по странной академической терминологіи, лошакъ превратился въ лисицу, то есть, изъ недорослей вступилъ въ званіе студента перваго семестра и получилъ право гражданства въ этомъ фантастическомъ мірѣ, гдѣ такъ много высокаго и такъ много комическаго, что оба начала срослись вмѣстѣ и стали нераздѣль-

ны. Оглядѣвшись со всѣхъ сторонъ, напившись пьянъ на пріемномъ торжествѣ, надѣвъ пеструю фуражку, заплативъ за коллегіи, испытавъ силу руки своей въ маханіи рапиры, молодой баронъ разсудилъ, что, чтобъ быть полнымъ студентомъ, ему оставалось еще одно—влюбиться. Баронъ былъ то̀, что̀ въ полка̀хъ и учебныхъ заведеніяхъ называютъ добрымъ-малымъ: не отставалъ ни отъ кого; съ пьяными готовъ былъ пить, съ рубаками рубиться, съ картежниками играть, съ трудолюбивыми углубляться въ науку, съ лѣнтяями ничего не дѣлать. Отъ этой сговорчивости терялась, можетъ-быть, самосостоятельность его характера и уменьшалась къ нему степень уваженія товарищей, всегда привлекаемыхъ положительнымъ и рѣзко-выраженнымъ нравомъ; но за-то недостатокъ этотъ искупался поэтической теплотою сердца, любовью ко всему прекрасному, умомъ проницательнымъ, которому, при напряженіи, мало оставалось недоступнаго; однимъ словомъ, природа его была благородная, часто возвышенная, но всегда нравственно-аристократическая.

Для дополненія своего студентскаго бытія, молодому барону казалось бы идти недалеко: противъ его оконъ, съ другой стороны двора, бѣлѣлись двѣ чистенькія занавѣски, а за ними выглядывало розовое личико пятнадцати-лѣтней дѣвочки, съ большими темно-синими глазами, съ длинными шелковистыми рѣсницами, съ дѣтской, задумчивой головкой. Молодой человѣкъ могъ слѣдить за всѣми ея движеніями. Утромъ могъ онъ видѣть, какъ, надѣвъ черный передникъ и каленкоровую шляпку, она уклады-

вала свои книжки въ мѣшокъ и отправлялась въ школу, стыдливо потупляя глаза отъ нескромныхъ взоровъ любопытныхъ студентовъ. Потомъ приходила она домой и помогала толстой кухаркѣ въ хозяйскихъ распоряженіяхъ. Мать ея, ужь нѣсколько лѣтъ какъ скончалась, оставивъ ее ребенкомъ, а отецъ ея, префессоръ, старикъ, погруженный въ книги и ученость, во всемъ на нее полагался. Послѣ скромнаго обѣда, она садилась за фортепьяно, играла кое-какъ старинныя сонаты и, если сказать правду, пѣла довольно-плохо нѣмецкіе романсы изъ собранія, извѣстнаго подъ названіемъ: «Arion». Потомъ она иногда прогуливалась съ отцомъ. Вечеромъ старикъ закуривалъ сигару и забавлялся чтеніемъ ученыхъ журналовъ, а она уходила въ свою комнату, свѣчка зажигалась за бѣлыми занавѣсками и она уединялась въ свое смиренное святилище. Тогда она занималась завтрашнимъ урокомъ, письмомъ къ пріятельницѣ, узоромъ для вышиванія, или читала любимаго поэта. Случалось, что перо ея останавливалось, книга выпадала изъ рукъ, головка ея, осѣненная густыми локонами, невольно упиралась на ручку и она задумывалась о чемъ-то неразгаданномъ, какъ-будто одолѣваемая мучительнымъ, но въ то же время сладкимъ предчувствіемъ. Тогда она долго сидѣла въ бездѣйствіи: ей было то неясно-весело, то неизъяснимо-грустно, то улыбка безъ причины оживляла ея дѣтское личико, то нежданная слеза навертывалась на ея глазахъ. Она тихо вставала. Стройная тѣнь рисовалась на занавѣскахъ. Свѣчка гасла. Въ домѣ профессора водворялась тишина.

Наступала ночь.

Зачѣмъ же было идти далѣе молодому студенту? Не–уже–ли хорошенькое личико, пятнадцать лѣтъ, скромная поступь, влажный взглядъ, не-уже-ли поэтическій призракъ, вѣющій около германской дѣвушки, не были достаточны, чтобъ остановить его вниманіе, приковать его сердце?

Увы! студентъ мой родился барономъ, барономъ нѣмецкимъ, съ гербомъ въ три аршина, прибитымъ на колоннахъ старой соборной кирки, во славу его баронскаго достоинства. Студентъ мой рожденъ богатымъ наслѣдникомъ, что́, замѣчу мимоходомъ, между нѣмецкими баронами почти неслыханное чудо, совершившееся въ его пользу, къ великому удивленію и зависти всѣхъ соплеменниковъ его.

Эти два обстоятельства, сопряженныя съ его природнымъ аристократическимъ свойствомъ, развили въ немъ какое-то неодолимое, жеманное чувство, гнушающееся всякаго жестокаго столкновенія съ существенными подробностями небогатаго житейскаго быта. Бѣдный молодой человѣкъ, на идеальный предметъ своихъ мечтаній, на нѣжнаго спутника, парящаго на невидимыхъ крыльяхъ въ туманѣ юношескаго воображенія, онъ надѣвалъ свою баронскую корону, облекалъ его въ модныя ткани, подкладывалъ ему подъ ноги англійскіе ковры и влагалъ ему въ уста, безразсудный, вмѣстѣ съ выраженіями страсти, безсмысленныя рѣчи свѣтскаго пустословія.

Съ такой несчастной наклонностью, мудрено ли, что онъ глядѣлъ на свою сосѣдку если не совсѣмъ равнодушно, то безъ всякаго душевнаго восторга.

Каленкоровая шляпка казалась ему черезчуръ противною всякому модному приличію, а камлотовый мѣшокъ съ книгами разверзался въ его мнѣніи могилой для поэзіи. Къ тому же, онъ видѣлъ, какъ молодая дѣвушка сама по утрамъ принимала провизію на кухню, взвѣшивала рыбу, осматривала овощи, а потомъ долго торговалась и платила мѣдными деньгами; кромѣ того, онъ замѣтилъ, что на ней по буднямъ было ситцевое платье всегда одно и то же, и что по воскресеньямъ она надѣвала платье бѣлое перкалевое; и хотя она была хороша въ немъ, какъ ангелъ, хотя всѣ любовались ею, отъ мала до велика, отъ супер-интендента до послѣдняго гимназіаста, но молодой баронъ одинъ припоминалъ съ досадою, что она это платье сама шила, сама гладила и берегла какъ глазъ, потому-что другаго у нея не было.

А вечеромъ, когда, утомленная ученіемъ и хозяйственными заботами, она удалялась въ свою комнатку и свѣчка загоралась за бѣлою занавѣской, казалось, какъ бы не устремиться очами и душой къ таинственному свѣту, казалось, какъ бы не перелетѣть вдохновенною мыслью въ ея уютный уголокъ и не повергнуться въ прахъ передъ ея ликомъ, сіяющимъ небесною кротостью. Увы! баронъ не могъ забыть, что свѣчка, таинственно освѣщающая ея комнатку, не что иное, какъ сальный огарокъ, что кровать ея изъ простаго некрашенаго дерева, что бѣлье ея грубое, и что, засыпая, она, вѣроятно, покрывается изношеннымъ салопомъ.

Несмотря на то, онъ воспользовался правомъ сосѣда и, выбравъ, какъ водится, праздничный день,

надѣлъ черный фракъ и бѣлыя перчатки, и ровно въ двѣнадцать часовъ отправился къ профессору съ визитомъ. При входѣ, онъ замѣтилъ въ полузахлопнутой двери любопытную головку профессорской дочери — и ему стало досадно сперва за то, что она показалась, а потомъ за то, что она спряталась.

—Mein junger Freund, сказалъ ученый докторъ utriusque juris, добродушно выдвигая очки и носъ изъ груды запыленныхъ бумагъ. — Добро пожаловать. Вы камералистъ, кажется?

—Нѣтъ-съ, дипломатъ.

—А!... diplomatiæ cultor. Вы слушаете лекціи моего ученаго друга Беккера?

—Такъ точно.

—Вы прилежно занимаетесь?

—Иногда-съ.

—Занимайтесь, мой молодой другъ. Въ наукѣ сѣмя всего добраго и высокаго. Не тратьте времени попустому: время—нашъ капиталъ самый драгоцѣнный. Ars longa, vita brevis. Вы сосѣдъ нашъ, кажется?

—Имѣю эту честь.

—Прошу быть безъ церемоній: мы здѣсь не въ столицѣ; а безъ лишнихъ словъ, если я могу вамъ быть чѣмъ полезенъ, то располагайте мною. У меня есть рѣдкія изданія... да-съ, сочиненія, которыя надо поискать, да поискать, прибавилъ профессоръ съ чувствомъ самодовольствія. Будемте добрыми сосѣдями.

Онъ протянулъ руку студенту съ непритворнымъ радушіемъ.

«Добрый человѣкъ» подумалъ баронъ, невольно тронутый ласковымъ пріемомъ.

—Знаете что́: если вамъ не скучно съ старикомъ, откушайте съ нами.

По странному противорѣчію, молодой человѣкъ сперва обрадовался. «Я ее увижу» подумалъ онъ, а потомъ присовокупилъ: «а ужь не замышляетъ ли этотъ ходячій фоліантъ сблизить меня съ своей дочерью, даже, чего добраго, женить на ней, считая на мое будущее наслѣдство. Онъ, вѣрно, знаетъ, что я буду богатъ».

Но, поистинѣ, профессоръ не зналъ о томъ ни полслова. Онъ любилъ молодыхъ людей и желалъ имъ быть полезнымъ, гдѣ только могъ. Студентъ принялъ приглашеніе, раскланялся и возвратился черезъ часъ. Толстая служанка накрывала на столъ. Профессоръ, въ длинномъ оливковомъ сюртукѣ и въ бѣломъ батистовомъ галстухѣ, бодро ходилъ по комнатѣ, а у окна сидѣла его дочь и вязала чулокъ. При входѣ гостя, она покраснѣла, привстала и присѣла довольно-неловко. Профессоръ началъ говорить о погодѣ въ ученомъ отношеніи и пригласилъ садиться за столъ.

Увы! служанка принесла въ мискѣ кашу, подъ названіемъ офен-грицъ, съ молочною прихлебкой. Профессоръ принялся кушать съ наслажденіемъ, дочь его—съ явнымъ удовольствіемъ; одинъ баронъ прихлебывалъ съ горестнымъ чувствомъ. Плохой обѣдъ, даже подлѣ существа любимаго — дѣло непріятное, когда ѣсть хочется. Не оттого ли это, что любовь проходитъ, а апетитъ никогда. Послѣ офенгрица подали кусокъ говядины, плавающій въ маслѣ, съ полусырымъ картофелемъ; потомъ блинчики съ

творогомъ довершили обѣдъ, въ продолженіе котораго не было разговора, кромѣ подчиванья молокомъ, соусомъ и мелкимъ сахаромъ.

— Ну, Шарлотта, сказалъ вдругъ профессоръ, принеси-ка намъ бутылочку, въ честь нашего молодаго друга.

Шарлотта вышла и черезъ минуту возвратилась съ продолговатой бутылкой отличнаго рейнвейна, до котораго ученый, какъ всѣ ученые, былъ большой охотникъ.

Рейнвейнъ и сигары были его отдохновеніемъ, единственной его роскошью, для доставленія которой дочь его, пятнадцати-лѣтній ребенокъ, круглый годъ считала и берегла копейки, лишала себя всѣхъ прихотей, свойственныхъ ея возрасту, носила все то же ситцевое платье по буднямъ и бѣлое по воскресеньямъ, и торговалась упорно въ цѣнѣ жизненныхъ припасовъ, но за-то сигары выписывались изъ Гамбурга, а вино — отъ береговъ Рейна, посредствомъ одного ученаго друга и великаго знатока. Баронъ всего этого не понялъ.

За рюмкою вина, въ особенности отечественнаго, нѣмецъ оживляется, молодѣетъ, разсказываетъ и, какъ дитя тѣшится игрушкой, онъ тѣшится своей стариной. Два часа прошло незамѣтно. Профессоръ разсказалъ свои экзамены, свои труды, свои знакомства съ учеными германскими друзьями, свою буйную молодость, свою нѣмую любовь, свою женитьбу, свою тихую и трудолюбивую жизнь и заключилъ горячей слезой памяти незабвенной подруги. Студентъ слушалъ со вниманіемъ. Добрая сторона ду-

ши его понимала, что было хорошаго въ безпорывной жизни нѣмца и, по невольному переходу, останавливалась на безмятежномъ ликѣ его дочери. Въ немъ отражалось такое отсутствіе суетныхъ волненій, такое эпическое спокойствіе, что бунтующая кровь мгновенно при ней утихала, и мысли, увлеченныя къ земному, невольно воспаряли къ высшему источнику. Одолѣваемый двумя противными чувствами, баронъ не могъ понять самого себя. Смотря на Шарлотту, онъ чувствовалъ, что долженъ бы ее любить. Смотря на все окружавшее ее, онъ чувствовалъ, что онъ любить ее не могъ. Безъ нея ему было грустно, при ней—досадно. Бывало, онъ заглядывался на ея темныя очи, отуманенныя густыми рѣсницами, и на крыльяхъ воображенія переносилъ ее въ дивный міръ фантазіи, гдѣ все гармонія, и поэзія, и счастіе. И вдругъ грустное напоминаніе жизни разрушало его мечты. Офен-грицъ на столѣ, заплатка на платьѣ, употребленіе щипцовъ надъ сальной свѣчкой, сожалѣніе о дороговизнѣ капусты, обдавали его морозомъ. Каждый вечеръ онъ рѣшительно намѣревался не посѣщать болѣе профессора, а на другой день онъ снова былъ уже у сосѣдей, пилъ рейнвейнъ, курилъ сигары и игралъ съ Шарлоттой сонаты въ четыре руки.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. По ученому городку, по примѣру прочихъ грѣшныхъ городковъ, пошли сплетни и провозгласили, съ дополненіями и коментаріями, молодаго барона женихомъ. Узнавъ о томъ, какъ водится, послѣдній, онъ, какъ добрый малый и честный человѣкъ, душевно огорчился. Же-

нитьба казалась ему далекою пристанью послѣ долгаго странствованія, а онъ снаряжался еще только въ путь. Несмотря на то, мысль, что другой можетъ жениться на Шарлоттѣ, была ему непріятна до чрезвычайности; но надо ему отдать справедливость, онъ поборолъ самого себя, быть-можетъ, оттого, что былъ еще молодъ и пылокъ для всего хорошаго, что́, къ-сожалѣнію, измѣняется съ возрастомъ. Онъ вдругъ прекратилъ свои посѣщенія и, для развлеченія, бросился въ полное раздолье студентской жизни.

А студентская жизнь, друзья мои, эта вѣчно-кипящая чаша, кого не разсѣетъ и не утолитъ? Закутилъ молодой баронъ. Пригнулъ шапку на̀ бокъ, вооружился дубиной и пошелъ по комершамъ (*) и по фехтбоденамъ, подъ-руку съ самыми отчаянными буршами. Вскорѣ имя его, дотолѣ почти неизвѣстное, загремѣло на всѣхъ перекресткахъ; молодые фуксы стали глядѣть на него съ почтеніемъ, а городскія дѣвушки съ явнымъ любопытствомъ. Но, какъ онъ онъ ни желалъ влюбиться, и какъ ни легко это въ его лѣта, онъ никакъ не могъ совѣстливо исполнить своего желанія. Та была хороша, да дочь булочника, другая казалась всѣмъ привлекательна, да онъ замѣтилъ однажды, что руки ея были недостаточно вымыты; одна была мала слишкомъ, другая слишкомъ велика; одна недовольно черноволоса, другая слишкомъ бѣлокура, словомъ, проходя по всей шеренгѣ мѣстныхъ красавицъ, душа его останавливалась съ нѣжностью только на дочери профессора, но

(*) Студентскіе пиры.

и ту, какъ мы видѣли, онъ могъ любить только урывками, оскорбляясь ежеминутно жесткими столкновеніями съ шероховатостями прозаической жизни.

Чтó же происходило тогда въ сердцѣ молодой дѣвушки? Къ чему это отгадывать? Она все жила попрежнему тихо и однообразно, только тщательнѣе отворачивалась отъ барона, когда встрѣчала его на улицѣ и дольше стала засиживаться по вечерамъ, оставаясь одна въ своей комнаткѣ. Барону казалось, при рѣдкихъ ея встрѣчахъ, что она на него сердится, и это было ему досадно. Съ какого права? думалъ онъ. Однако ему, вѣроятно, было бы еще досаднѣе, еслибъ она не сердилась на него вовсе. Жизнь его катилась въ шумномъ забытьи. Поутру онъ слушалъ разсѣянно какую-нибудь лекцію, потомъ отправлялся на фехтбоденъ заниматься, по выраженію Языкова, головоломнымъ искусствомъ, потомъ веселая ватага отправлялась обыкновенно на штул-вагенахъ зá городъ съ виномъ и пѣснями и ликовала всю ночь съ буйными восклицаніями.

Однажды университетъ праздновалъ день своего основанія. Студенты съ бутылками, привѣшенными къ пуговицамъ сюртуковъ, отправились по партіямъ къ загороднымъ корчмамъ. Баронъ, нарядившись также ходячимъ погребомъ, къ явному удовольствію своихъ товарищей, вмѣшался въ буйную толпу и не возвращался цѣлый день. Напрасно дочь профессора украдкой поглядывала изъ-за занавѣски, ожидая съ трепетомъ, что бѣднаго ея сосѣда приведутъ подъ-руки на квартиру. Наступилъ вечеръ. Всѣ окна мигомъ иллюминовались въ честь торжества, подъ опа-

сеніемъ неумолимаго разбитія. По всѣмъ направленіямъ города начали раздаваться веселые хоры, которые подвигались съ факелами къ зданію академіи и провозглашали ей громогласный vivat.

Всѣ городскіе обыватели стояли у воротъ своихъ домовъ и съ любопытствомъ посматривали на буйную веселость академическихъ именинъ. Крикъ, топотъ, пѣсни не умолкали ни на минуту. Къ дому професcора прихлынула ватага полупьяныхъ буршей.

—А знаете, сказалъ хриплый голосъ, онъ, старый хрычъ... былъ неучтивъ вчера въ коллегіи. Право неучтивъ. Право ну... я шаркать началъ... моя воля... Не правда ль, моя воля?.. Такъ. А онъ вдругъ говоритъ, старый хрычъ, чтобъ я не мѣшалъ. Мѣшаю будто другимъ слушать. Вѣдь это грубость?

—Грубость, сказали нѣсколько голосовъ.

—Ну, такъ зачѣмъ же дѣло стало, pereat ему!

—Pereat! закричала толпа съ такими ужасными воплями, что стѣны ближнихъ домовъ чуть не пошатнулись.

Професcоръ, сидя спокойно за своимъ письменнымъ столикомъ, поблѣднѣлъ. «Ужь не мнѣ ли» подумалъ онъ». Нѣтъ, это вѣрно моему ученому и бѣдному другу».

—Silentium, бурши! закричалъ другой голосъ. Грѣхъ вамъ и стыдъ обижать невиннаго старика.

—Чтó... чтó?..

—Притѣснялъ ли онъ когда-нибудь кого? Былъ ли онъ когда врагомъ студентовъ? Не трудился ли онъ всю жизнь для васъ? А вы, вмѣсто благодарности, хотите отплатить проклятіемъ. Стыдно, ребята!

—Фиренгеймъ правъ! сказалъ кто-то.

— У старика хорошенькая дочь, замѣтилъ другой.

—Виватъ! закричали всѣ:—Vivat! vivat! vivat! crescat, floreat in æternum.

—Это, г. баронъ, тебѣ такъ не пройдетъ, сказалъ сердито хриплый голосъ. Я филистеръ. Со мной не угодно ли прогуляться въ круглыхъ шляпахъ?

—Хоть на пистолетахъ, отвѣчалъ Фиренгеймъ.

—Ну, пожалуй, на пистолетахъ.

—Нѣтъ, сказалъ кто-то изъ старѣйшинъ:—на шлегерахъ!.. Обиды кровной нѣтъ.

—Vivat! кричала толпа.—Vivat! vivat.

За окнами показались блуждающіе огни. Потомъ одно окошко поспѣшно отворилось, показался профессоръ и смущеннымъ голосомъ началъ благодарить студентовъ.

Между ними воцарилось глубокое молчаніе. Профессоръ описалъ свою академическую жизнь, свое ученое стремленіе, свою любовь къ студентамъ и заключилъ, что, доживая до преклонныхъ лѣтъ, лучшей его отрадой была мысль, что труды его не совсѣмъ пропали для молодыхъ его друзей. Между-тѣмъ къ толпѣ почтительно слушающихъ студентовъ прихлынули другія. По окончаніи рѣчи, виваты, какъ трескучій громъ, начали перекатываться по воздуху. Въ одно мгновеніе факелы брошены въ одну груду, и веселый огонь озарилъ палящими переливами радостный пиръ молодости и подгулявшей науки. Профессоръ выкатилъ весь свой погребъ и тѣшился какъ дитя. Съ сверкающими глазами онъ жалъ у всѣхъ руки, потчивалъ непьющихъ лучшими

сигарами, и отдалъ весь рейнвейнъ свой до послѣдней бутылки.

Черезъ нѣсколько дней, Фиренгейма привезли безъ чувствъ домой. Грудь его была прорублена до самаго плеча.

Когда онъ началъ приходить въ себя, въ глазахъ его и въ душѣ было еще темно и туманно; но въ неясномъ туманѣ обозначались едва замѣтно нѣжныя черты, и двое влажныхъ очей, какъ отуманенныя звѣзды, казалось, притягивали его къ жизни. Мало-по-малу, странное видѣніе между существенностью и сномъ стало опредѣленнѣе: черты обозначались яснѣе. Такъ, это она точно, она, дочь профессора, которая съ трепетнымъ волненіемъ стояла у изголовья раненаго.

«Очнулся!» сказала она шопотомъ и покраснѣла до ушей; «теперь я не должна здѣсь оставаться».

Бѣдная Шарлотта вздохнула.

Отецъ ея, стоявшій за ней, посмотрѣлъ на раненаго опытнымъ взглядомъ знатока.

«Какой славный ударъ!» сказалъ онъ. «Какая ужасная винкельквартa! Бѣдный мой другъ, если вамъ захочется супу, то пришлите ко мнѣ.

Баронъ пролежалъ три мѣсяца на кровати, и хотя сосѣдка его не осмѣливалась къ нему войдти, но вездѣ была замѣтна ея нѣжная заботливость. Легкія кушанья, чистое бѣлье, увеселительныя книги, цвѣты, игрушки, всѣ мелкія наслажденія, неизвѣстныя холостой безпечности, присылались ежечасно отъ имени профессора и утѣшали раненаго студента. Шарлотта была его невидимымъ провидѣніемъ, и онъ

невольно сталъ переносить къ ея образу всѣ нѣжныя мечты своихъ продолжительныхъ безсонницъ. А она до того привыкла къ своему попечительству, до того обрадовалась возможности приписать состраданію неясную наклонность своего сердца, что когда Фиренгеймъ оправился и пришелъ благодарить своихъ сосѣдей, она почувствовала, что ей чего-то недоставало.

Утомленный студентскимъ разгуломъ, молодой баронъ, къ явной радости старика-профессора, сѣлъ за книги и началъ заниматься. Строгое прилежаніе и долгая болѣзнь скоро выгнали у него изъ головы его баронскую дурь. Онъ удостовѣрился, что подробности существенной жизни значительны и первостатейны только для малодушныхъ людей, а что душевныя совершенства лучше пріятныхъ формъ. Забывъ глупыя предубѣжденія, онъ сблизился съ профессоромъ, полюбилъ его искренно, какъ отца, а къ дочери его привыкъ какъ къ сестрѣ. Жизнь ихъ была безъ особыхъ событій и потому не могла раздуть пламени страсти; но они были сотворены другъ для друга и этого-то они не могли не понимать. Съ ней онъ занимался музыкой въ часы отдохновенія и съ ней читалъ любимыхъ поэтовъ; она любила Шиллера, онъ предпочиталъ Гёте, и отъ этого разногласія нерѣдко возникали довольно-горячіе споры, точь-въточь какъ-будто между дѣтьми. Привычка ихъ сроднила; но странно было, что когда она была весела, онъ сердился; когда онъ начиналъ шутить, ей становилось грустно; но что когда они изрѣдка соединялись въ одномъ чувствѣ, то ихъ сердцу было не-

выразимо-весело и легко, а глазамъ хотѣлось плакать. Баронъ и этого не понялъ. Только каждый день, по неодолимому влеченію, ходилъ онъ къ сосѣдямъ, глядѣлъ на Шарлотту, а потомъ возвращался домой и садился бодро за книги. Это время было самое счастливое въ его жизни и, быть-можетъ, оно исправило-бы совсѣмъ его характеръ, еслибъ новое обстоятельство опять всего не измѣнило.

Вдругъ получилъ онъ извѣстіе объ ожидаемомъ богатомъ наслѣдствѣ. Онъ дѣлался владѣльцемъ майората. Присутствіе его на мѣстѣ было необходимо; академическая жизнь его оканчивалась.

Богатство, богатство! рычагъ нашего просвѣщенія, нашей гражданской дѣятельности, нашего семейнаго счастія, нашей безразсудной жизни, если ты въ вѣдѣніи какого-нибудь демона, то много у этого демона и грѣховъ и дурныхъ мыслей на душѣ.

Баронъ началъ укладываться уже съ чувствомъ холоднаго эгоизма. Отдаленный звукъ денегъ пріятно отдавался въ его слухѣ; мысль объ отличіяхъ и почестяхъ заманчиво ему вторила. Онъ въ два дня собрался къ совершенному отъѣзду и простился со всѣми своими знакомыми. Когда онъ объявилъ профессору о перемѣнѣ своей судьбы и, прощаясь, благодарилъ его, старикъ былъ тронутъ; быть-можетъ, онъ не думалъ, что имъ надобно будетъ когда-нибудь разстаться. Шарлотты не было дома. Баронъ просилъ ей поклониться и сказалъ, что онъ вѣчно будетъ ее помнить. Она, казалось, умышленно избѣгала встрѣчи и послѣдняго разговора.

Въ нѣмецкихъ университетахъ есть трогательное

обыкновеніе: когда студентъ отходитъ отъ своей братіи на шумное поприще гражданской жизни, когда онъ на-вѣкъ прощается съ своимъ студентскимъ бытомъ, товарищи провожаютъ его толпой черезъ весь городъ медленнымъ шагомъ, и грустнымъ хоромъ поютъ ему во время шествія прощальную пѣснь. Въ этой пѣсни отзывается что́-то похоронное, что́-то сжимающее сердце, какъ стукъ земли, бросаемой въ отверстую могилу. И точно, отходящій братъ не хоронитъ ли своей молодости, своей юношеской безпечности, своей лучшей поэзіи?... Наступилъ день отъѣзда молодаго барона. Такъ-какъ его вообще любили, то съ самаго утра на главной площади, откуда должна была начаться процесія, стали сбираться студенты со всѣхъ сторонъ. Потомъ и отъѣзжающій, въ послѣдній разъ одѣтый совершеннымъ студентомъ, съ пестрой шапкой на головѣ, явился въ кругу своихъ товарищей. Двое изъ старѣйшинъ взяли его подъ руки и открыли шествіе. Густая толпа двинулась за ними вслѣдъ и плавное пѣніе зазвучало по улицамъ грустными аккордами. Баронъ шелъ тихо... много мыслей, много чувствъ тѣснилось въ головѣ его. Изъ всѣхъ домовъ кланялись ему знакомыя лица: трактирщикъ, который игралъ на контр-басѣ; педель, который призывалъ его къ ректору; лавочникъ, который вѣрилъ ему въ долгъ; помѣщикъ, у котораго онъ обѣдалъ; дамы, съ которыми онъ танцовалъ— всѣ ему кланялись, всѣ посылали рукой послѣднее привѣтствіе, искреннее, добродушное желаніе успѣховъ и счастія. И вдругъ онъ поднялъ голову. Они подходили къ дому профессора. У окна стояла дѣ-

вушка въ бѣломъ платьѣ, какъ-бы принарядившись для печальной церемоніи. На щекахъ ея не было привычнаго румянца; руки ея, какъ-бы лишенныя жизни, опускались вдоль гибкаго стана. Студентъ печально ей поклонился, но она не отвѣчала на поклонъ. Смертная блѣдность покрывала чело ея; глаза неподвижно вперялись въ толпу, какъ-бы желая остановить ее какимъ-нибудь чудомъ, и слезы градомъ катились безъ принужденія по ея безжизненному лицу.

Чувства ѣдкой жалости и поздняго откровенія молніей пронзили сердце бывшаго студента. «Она любила меня» подумалъ онъ и опустилъ голову. И толпа хлынула далѣе, и долго слышно еще было по улицамъ, какъ терялась вдали прощальная пѣснь и замерла наконецъ за городской заставой.

III.

Кто-то сказалъ презабавную глупость: нѣмецъ до двадцати-пяти лѣтъ Адамъ Адамовичъ; отъ двадцати-пяти лѣтъ Иванъ Ивановичъ. Въ этой глупости, какъ во многихъ глупостяхъ, глубокое знаніе человѣческаго сердца. Если нѣмецъ, напримѣръ, кутилъ до двадцати-пяти лѣтъ, то онъ запьетъ послѣднюю минуту своего двадцать-четвертаго года мертвѣйшею чашею, а на другой день начнетъ пить одну лишь воду до самаго часа своей смерти; вчера былъ отчаяннымъ шалуномъ, завтра будетъ самымъ степеннымъ изъ степенныхъ людей. Вчера былъ разгульнымъ, беззаботнымъ буршемъ, сорилъ

деньги, гдѣ могъ; завтра будетъ разсчетливымъ нѣмцемъ, извлекающимъ изъ всего выгоду; однимъ словомъ, нѣмецкія страсти распредѣлены по срокамъ, какъ неизбѣжная плата за жизненную квартиру, и каждая вносится своевременно безъ задержанія или избытка.

Болѣе всего разительна эта противоположность германскаго характера въ минуту окончанія студентской жизни. У меня былъ одинъ товарищъ до того отчаянный, что все тѣло его было изрублено, шапка прострѣлена; платье свое онъ проигралъ въ банкъ, а выпивалъ онъ столько, что содержателю погреба становилось страшно. Въ день отъѣзда онъ напроказилъ до того, что волосы становились дыбомъ; но при послѣднемъ стаканѣ вина, онъ заливался горькими слезами и сказалъ три слова: «Прощай, золотая молодость! Lebe wohl, goldene Jugend!» На другой день онъ былъ мирнымъ пасторомъ, учился благословлять, готовилъ проповѣди и вспоминалъ о своей студентской жизни съ тихой улыбкой, какъ-будто бы прошедшіе нѣсколько часовъ были цѣлыми годами.

Почти то же самое случилось съ Фиренгеймомъ. Восторженный студентъ вдругъ сдѣлался разсчетливымъ дипломатомъ. Онъ рѣшался жить въ Петербургѣ и разсудилъ, что, для удовлетворенія своего тщеславія и честолюбія, ему открыты двѣ дороги: служба и большой свѣтъ; причемъ онъ и не подумалъ обманывать себя призраками пользы, обязанности или призванія. Онъ убѣдился, что отверстое поприще выгодно, а бо́льшаго и не думалъ искать.

Мы часто укоряемъ нѣмцевъ за то, что на святой Руси они всегда добиваются теплаго мѣстечка и достигаютъ именно того, къ чему мы стремимся. Но не сами ли мы въ томъ виноваты? Они упорствуютъ, а мы пренебрегаемъ; они трудятся неусыпно и безъ усталости, а мы готовы истратить весь свой пламень на одинъ порывъ и пролѣниться потомъ всю жизнь. Чтó же удивительнаго, коль на пути гражданской жизни они перебиваютъ намъ дорогу и занимаютъ у насъ подъ глазами мѣста и должности, которыя бы намъ весьма пó-сердцу?

Баронъ выбралъ самую выгодную службу, самый выгодный разрядъ: отказался отъ жалованья въ пользу повышенія, подружился съ начальникомъ отдѣленія, полюбился директору и понравился министру. Онъ какъ-будто родился въ виц-мундирѣ, въ стѣнахъ канцеляріи, за столомъ столоначальника. Онъ былъ вѣжливъ съ казначеемъ, бухгалтеромъ и журналистомъ; онъ дарилъ щедро швейцара, сторожей и курьеровъ, однимъ словомъ, хотя онъ многаго и не дѣлалъ, но въ скоромъ времени съумѣлъ прослыть образованнымъ чиновникомъ.

Въ свѣтѣ онъ слѣдовалъ той же тактикѣ; только ручевскій фракъ и желтыя перчатки замѣняли виц-мундиръ. Онъ началъ, какъ слѣдовало, со старухъ: слушалъ ихъ съ почтительностью и явнымъ вниманіемъ, надѣвалъ на нихъ мантильи и салопы, акуратно дѣлалъ имъ визиты, привозилъ подарки въ день именинъ, игралъ съ ними въ карты и часто проигрывалъ.... Разумѣется, подарки и проигрыши соразмѣрялись со степенью важности старыхъ по-

кровительницъ; потомъ баронъ обратился къ моднымъ красавицамъ. Сказать правду, онѣ немного ему нравились, но онъ почелъ обязанностью казаться съ ними въ дружескихъ отношеніяхъ, чтобъ упрочить свою свѣтскую славу. Онъ развалывался подлѣ нихъ въ мягкихъ креслахъ, наклонялся къ нимъ на ухо и говорилъ всякій мелкій вздоръ вполголоса. Онѣ непремѣнно начинали смѣяться, хотя иногда то, что́ говорилъ баронъ, было вовсе несмѣшно; но такъ-какъ одна изъ нихъ разсмѣялась, то и всѣмъ надо было смѣяться; такъ-какъ всѣмъ надо было носить короткіе рукава, гладкія прически и берхатные бурнусы. Поутру начинали посылаться къ молодому барону разныя душистыя записочки съ приглашеніями и концертными билетами. Наконецъ, онъ не только танцовалъ всегда съ признанными свѣтомъ модными красавицами, но его самого начали модныя дамы выбирать поминутно въ танцахъ во время фигуръ, потому-что онъ танцовалъ отлично и принадлежалъ ко двору. Съ того времени положеніе его въ большомъ свѣтѣ рѣзко обозначалось и ему наперерывъ стали завидовать провинціалы, начинающіе, боязливые, бѣдные и уродливые, которые для оттѣнковъ картины дополняютъ петербургскія бальныя залы. Съ мужчинами онъ былъ учтивъ, но неискателенъ; онъ только соразмѣрялъ свою учтивость и поклоны съ уменьшеніемъ нумера класса и съ увеличеніемъ знаковъ отличія, такъ-что Аннѣ съ короной онъ кланялся съ развязной улыбкой, а Андрею Первозванному — съ чувствомъ глубокаго почтенія. Но это было не по низкопоклонности его ха-

рактера, а въ силу того внутренняго убѣжденія, что онъ исполняетъ обязанность и воздаетъ каждому должное. Въ нѣсколько лѣтъ онъ сдѣлался совершеннымъ свѣтскимъ человѣкомъ, съ жаждой къ разсѣянію, съ ненавистью къ занятіямъ и съ холоднымъ разсчетомъ для своихъ выгодъ и повышенія. При такихъ обстоятельствахъ, его послали по казенному порученію въ уѣздный городъ, описаніемъ котораго я началъ свой разсказъ.

Что́ же было впродолженіе того времени съ дочерью профессора?

Прекрасная моя читательница, вы, вѣрно, по природной вашей догадливости, узнали въ аптекаршѣ ту самую Шарлотту, которая такъ безнадежно любила моего барона. Но ка́къ перешла она отъ мирнаго отцовскаго крова въ аптеку уѣзднаго городка, ка́къ, думая о баронѣ, могла она выйдти за аптекаря? какъ... какимъ образомъ? Нехорошо, не правда ли?... А позвольте у васъ, сударыня, спросить, господинъ вашъ супругъ былъ ли единственнымъ предметомъ вашихъ помышленій? Не-уже-ли до блаженной минуты, когда онъ повелъ васъ къ вѣнцу, предъ вами не мелькнули никакія завѣтныя черты, и никакое мужественное лицо не оставило въ вашемъ сердцѣ своего неизгладимаго портрета? Вспомните хорошенько. Не хотѣли ли вы когда-нибудь оставаться вѣкъ въ дѣвушкахъ или, чего добраго, въ монастырь идти? И что̀ же? поплакали объ одномъ, улыбнулись другому. Пришла надобность въ самопожертвованіи—жертва совершилась и, слава Богу, вы поживаете здорово и благополучно, хоть вы и

разоблачили вашъ надоблачный идеалъ въ халатъ и туфли полузаспаннаго мужа. Дѣло въ томъ, что мы любимъ укорять другихъ, чтобъ извинить себя; а быть-можетъ, то, что́ въ насъ нехорошо, въ другихъ извинительно.

Когда Шарлотта, какъ истая германская дѣвушка, носилась мечтой въ идеальномъ туманѣ, небольшой студентикъ, съ кудрявой рыжей головой, акуратно проходилъ и вздыхалъ два раза въ день подъ ея окномъ. Фиренгеймъ давно уѣхалъ. О немъ слышно было, что онъ веселится въ большомъ свѣтѣ, волочится, влюбляется, ищетъ невѣсты, а надъ прежней жизнью смѣется весьма остро. Половина того была истина, другая, какъ водится, прибавлена. Бѣдная Шарлотта сперва поплакала, потомъ посердилась, потомъ и сердиться перестала, и вся обратилась въ любовь къ своему отцу. Любящія души, однажды обманутыя, не уничтожаютъ, но переносятъ только избытокъ своего небеснаго огня къ лицу болѣе достойному. Дочь профессора старалась забыть себя совершенно, и только и думала о томъ, ка́къ бы чѣмъ угодить дряхлѣющему старику и усладить послѣднія минуты его жизни; а пока небольшой студентикъ, съ кудрявой рыжей головой, все ходилъ да ходилъ подъ ея окномъ, съ такой настойчивостью, что она, наконецъ, привыкла къ его физіономіи, какъ къ чему-то неизбѣжному. Есть люди, смиренные свойствомъ, которые умѣютъ выжидать и тѣмъ однимъ всегда достигаютъ своей цѣли. Когда пришло время, студентикъ втерся въ домъ профессора, началъ знакомство на латинскомъ языкѣ, выпилъ рюм-

куренвейна и выкурилъ двѣ сигары. Старикъ чрезвычайно полюбилъ новаго друга, хотя и вздохнулъ невольно о старомъ, закутившемъ въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ. Съ того дня студентикъ началъ ходить чаще и чаще, а Шарлотта, не обращая на него большаго вниманія, начала привыкать къ его разговорамъ, какъ привыкла къ его появленіямъ подъ окнами. Вскорѣ онъ переѣхалъ на квартиру Фиренгейма, но Шарлоттѣ не говорилъ ни о любви, ни о надеждѣ, ни о поэзіи, опасаясь повредить своимъ намѣреніямъ, а непримѣтно сталъ входить въ ея хозяйскія распоряженія, совѣтовалъ ей употреблять для приправы кушаній разныя аптекарскія травы, настаивалъ съ ней настойки и покупалъ для нея капусту и грибы. Мало-по-малу онъ сдѣлался въ домѣ необходимымъ человѣкомъ, а время быстрыми шагами все двигалось впередъ, неся на плечахъ болѣзни, бѣдствія и смерть. Профессоръ началъ ослабѣвать. Книги осиротѣли, сигары заброшены, ренвейнъ забытъ. Не долго онъ былъ боленъ и встрѣтилъ кончину какъ слѣдовало мужу мудрому, проведшему всю жизнь для благочестія и науки. Студентикъ ходилъ за нимъ какъ сынъ, самъ готовилъ лекарства, самъ ихъ подавалъ и, передъ смертью, старикъ благословилъ его зятемъ и вручилъ ему свою бездыханную дочь.

Ударъ, постигшій Шарлотту, былъ дотого жестокъ и поразителенъ, что она равнодушно узнала о перемѣнѣ своей судьбы. Женихъ ея не докучалъ ей неумѣстной страстью, а началъ распоряжаться въ домѣ хозяйствомъ и готовилъ все для свадьбы. Та-

кимъ образомъ Францъ Ивановичъ достигъ своей цѣли.

Вскорѣ совершился и бракъ, грустный, холодный, какъ приношеніе жертвы надъ свѣжей могилой. Во время обряда Францъ Ивановичъ казался тронутъ, но не надоѣлъ женѣ клятвами и увѣреніями. Онъ думалъ объ устройствѣ вещественнаго благосостоянія. Онъ уже кончилъ курсъ, выдержалъ экзаменъ на званіе фармацевта и, по долгомъ соображеніи, рѣшился ѣхать nach Russland, наживать деньги. Узнавъ, что въ городкѣ С. не было аптеки, онъ положилъ поселиться въ немъ съ молодой женою, надѣясь на дешевизну содержанія и потребность края въ медикаментахъ. Всего достоянія его, вмѣстѣ съ скуднымъ наслѣдствомъ профессора, едва было достаточно на фармацевтическое обзаведеніе съ стклянками, банками и вѣсами въ старинномъ домѣ, гдѣ нѣкогда танцовали дворяне, а что нынѣ украсился вывѣской, съ извѣстной вамъ надписью: «Аптека, Apotheke».

Бѣдная Шарлотта! какая жизнь! Какое разочарованіе! Все та же бѣдность, но ужь безъ поэзіи; все тѣ же заботы, но безъ утѣшенія; все то же душевное одиночество, но ужь безъ надежды!... И некому повѣрить своей грусти, не съ кѣмъ поговорить о старинѣ. Францъ Ивановичъ, по недостатку средствъ, неимѣвшій провизора, самъ съ утра до ночи каталъ пилюли, сушилъ травы и составлялъ микстуры. Впрочемъ, всегда довольный, всегда съ улыбочкой, онъ потряхивалъ рыжей головкой, думая веселостью своею развеселить, можетъ-быть, и свою жену. И

надо ему отдать справедливость: онъ не надоѣдалъ ей знаками приторной привязанности, не требовалъ отъ нея ложной нѣжности, а довольствовался тѣмъ, что подавалъ ей нехвастливый примѣръ покорности и терпѣнія. Она радовалась, что онъ ея не понимаетъ, и бережливо таила отъ него свои воспоминанія и свою печаль. Знакомствъ у нихъ было немного, и отъ тѣхъ можно было бы охотно отказаться. Городничій, обожатель полекъ, да толстая барыня Авдотья Петровна Кривогорская, обожательница сплетней и собачекъ, дѣлали имъ изрѣдка дальновидные визиты, надѣясь получить подешевле, или даже въ подарокъ, нужные для домашняго обихода аптекарскіе припасы.

Всѣхъ чаще, по утрамъ, заходилъ къ нимъ, отъ нечего дѣлать, отставной помѣщикъ въ венгеркѣ. Поздоровавшись съ Францемъ Ивановичемъ, онъ отправлялся къ аптекаршѣ, съ обыкновеннымъ привѣтствіемъ.

—Бонжуръ, мадамъ. Здоровье ваше гутъ?

—Gut, отвѣчала, вздыхая, Шарлотта.

—А нельзя ли, мадамъ трубочку? Смерть затянуться хочется. При этомъ словѣ онъ краснорѣчиво влагалъ первый палецъ въ уста.

Ему приносили трубочку... и онъ начиналъ дымиться какъ каминъ, объявляя притомъ городскія новости.

У купца Ворышева получены новыя селедки; только дорого, мошенникъ, проситъ. Вчерашній день толстая купчиха Трегубова, шедши въ гостиный дворъ, провалилась на досчатомъ троттуарѣ; насилу

вытащили. Говорятъ, хочетъ подавать просьбу губернатору на городничаго за то, что троттуары никогда не исправляютъ, отчего легко можетъ приключиться смертельный случай. Намедни былъ праздникъ у исправника, и Терентій Иванычъ, говорятъ, мастерски отхватывалъ въ-присядку. У часоваго мастера пропала корова. Въ бричкѣ повѣреннаго по откупу лопнула рессора...

Потомъ онъ начиналъ любезничать.—Когда же вы, Шарлотта Карловна, выучитесь говорить по-русски? Скажите-ка, былъ—«пыль... Хи, хи!» Какъ вы этого не умѣете, а, кажется, такъ просто. Пора вамъ выучиться; или ужь я стану учиться по-нѣмецки, а то только и знаю, что гутъ, да либъ данкенъ.

Шарлотта грустно улыбалась, а франтъ, поставивъ трубку въ уголъ, уходилъ въ сладкомъ самодовольствіи. «Хоть бы въ столицу» думалъ онъ, «право, хоть бы въ столицу, и тамъ скажутъ, что хорошенькая, а не только въ провинціи.»

И Шарлотта оставалась одна, цѣлый день одна. Какъ долго сиживала она у своего окошка и, въ тихомъ раздумьѣ, смотрѣла на сѣрыя тучи, которыя неслись грустной вереницей по небу, не предвѣщая бури, не обѣщая солнца, а холодныя, печальныя, свинцовыя, какъ жизнь, которая ее убивала. И что́ за зрѣлище подъ окномъ? Лужи съ утками, грязная зелень, бабы съ тряпьемъ, тарантасъ, съ засѣдателемъ, домики съ разбитыми стеклами, заклеенными бумагой. Все, что́ въ гражданственной жизни есть отвратительнаго, все, что́ въ человѣчествѣ есть жал-

каго, все, какъ нарочно, соединилось, чтобъ отравить лучшіе годы ея жизни.

И къ тому же, воображеніе ея въ одиночествѣ разъигралось. Прежнія ея мечты опредѣлились ясно; призракъ любви, но любви мучительной, страстной, бурно-волнующей кровь, загорѣлся пылающей звѣздой во мглѣ ея одиночества. Ей хотѣлось бы убѣжать на край свѣта и отдать всю жизнь свою за одно неистовое мгновеніе любви и блаженства.

И къ довершенію злополучія, она не могла ненавидѣть, презирать своего мужа. Онъ, правда, не понималъ ея, но онъ былъ добрый и честный человѣкъ, и старался такъ усердно облегчить для нея бремя домашнихъ хлопотъ, и такъ неусыпно трудился въ своихъ бѣдныхъ оборотахъ, чтобъ упрочить для нея въ будущемъ времени сомнительное благосостояніе.

Такъ прошло два года до того утра, когда баронъ Фиренгеймъ явился въ аптеку за содовыми порошками.

IV.

—Давно мы съ вами не видались, г. баронъ, сказала аптекарша.

—Давно, къ искреннему моему сожалѣнію, отвѣчалъ петербургскій щеголь:—и, право, я не думалъ, что поѣздка, которую я такъ отъ чистаго сердца проклиналъ, сдѣлается для меня источникомъ большой радости...

—Какой радости, г. баронъ?

—Счастія, хотѣлъ я сказать, неописаннаго счастія встрѣтить васъ снова, встрѣтить ту, которая такъ много значила въ моей молодости.

Баронъ остановился и съ недовѣрчивостью взглянулъ на аптекаря.

Францъ Ивановичъ учтиво поклонился, не понявъ, вѣроятно, замысловатыхъ словъ барона.

—Не угодно ли вамъ въ гостиную? она убрана некрасиво, да въ ней живутъ добрые люди; а мнѣ позвольте отправить этихъ мальчишекъ по принадлежности.

Съ трепетомъ вошелъ баронъ въ комнату молодой женщины. Воспоминанія, одно за однимъ, толпились въ головѣ его: домикъ профессора, тихія вечернія бесѣды и неясное видѣніе, осѣнившее нѣкогда изголовье его страдальческаго ложа живо и ясно нарисовались въ его пробужденной душѣ. Но передъ нимъ стояла ужь не худенькая дѣвочка въ каленкоровой шляпкѣ, съ робкой поступью и боязливымъ взглядомъ, а прекрасная, развившаяся женщина, въ полной зрѣлости красоты. Быть-можетъ, въ ней утратилось немного-то выраженіе чистаго спокойствія, которое, бывало, хранило ее, какъ святыня; но зато въ ея чертахъ и взорахъ разлилась какая-то неясная нѣга, что-то измученное и страстное придающее ей новую, опасную прелесть.

Убранство комнатки было дѣйствительно самое незавидное. Нѣсколько простыхъ стульевъ, диванъ между двумя печками, столъ съ истертымъ сукномъ да маленькое фортепьяно у окна, заставленнаго бальзаминами, располагались чинно въ симметрическомъ

отдаленіи другъ отъ друга; а въ углу, подъ стекломъ поставца, красовалось съ дюжину фарфоровыхъ чашекъ и нѣсколько серебряныхъ ложекъ, развѣшенныхъ по всѣмъ правиламъ нѣмецкой акуратности и мѣщанскаго щегольства. Эта нищенская роскошь грустно поразила молодаго человѣка и перенесла невольно мыслью въ штофныя покои петербургскихъ барынь. Впрочемъ, чувство это было только минутное. Чѣмъ болѣе онъ жилъ, тѣмъ болѣе привыкалъ и становился равнодушенъ къ декораціямъ жизни.

—Думалъ ли я встрѣтить васъ здѣсь? сказалъ онъ тихо.

Аптекарша вздохнула.

—И встрѣтить васъ... замужемъ?..

Взглядъ, исполненный безсильной укоризны, былъ отвѣтомъ на грустное напоминаніе.

—Батюшка вашъ здоровъ?

—Батюшка мой умеръ.

Баронъ повѣсилъ голову. Онъ и не зналъ даже объ этомъ. Ему стало грустно, но онъ вдругъ развеселился самымъ заманчивымъ, самымъ свѣтскимъ и порочнымъ разсужденіемъ.

«Отецъ умеръ. Она его болѣе не боится. Мужъ колпакъ; его провести нетрудно. Она любила меня; а здѣсь, въ этомъ захолустьѣ, соперниковъ, я думаю, немного... По-крайней-мѣрѣ мнѣ будетъ занятіе.»

—Вамъ скучно здѣсь? сказалъ онъ голосомъ нѣжнаго состраданія.

—Да, продолжала аптекарша, со слезами на глазахъ. Батюшка мой умеръ, умеръ и оставилъ меня сиротой. Бѣдный мой батюшка! Онъ часто о васъ

говаривалъ; съ того времени жизнь моя разорвалась на́-двое; я на все начала глядѣть другими глазами, и, право, я не знаю, ка́къ бы я могла прожить одну минуту, еслибъ мнѣ не оставалось воспоминанія...

«Такъ и есть» подумалъ баронъ: «это намекъ..Ей скучно, слѣдовательно она на все готова... и я буду настоящимъ школьникомъ, если не съумѣю воспользоваться случаемъ.»

—Отчего же вы вышли замужъ? спросилъ онъ.

—Я вышла замужъ потому, что моему покойному отцу это было угодно. Онъ думалъ, мой добрый отецъ, что я буду счастлива съ человѣкомъ, который будетъ меня любить и навѣрно никогда не обманетъ.

«Это что-то похожее на упрекъ» замѣтилъ снова про-себя баронъ. «Я не ошибся: она все еще меня любитъ, и ка́къ хороша она къ тому! Право, наши свѣтскія красавицы не сто̀ятъ ея мизинца; а какъ подумаешь, сколько за ихъ пустые разговоры я истратилъ безвозвратно времени, заботъ и денегъ!...»

—Не всякій воленъ въ своей судьбѣ, продолжалъ онъ вслухъ, съ глубокимъ вздохомъ.—Вашъ мужъ счастливый человѣкъ: ничто не противилось его благополучію: ни родственники, ни обстоятельства, ни даже вы сами, потому-что вы, вѣроятно, его любили.

Аптекарша грустно улыбнулась.

—Мужъ мой добрый человѣкъ, сказала она:—онъ искренно, по-сво̀ему, ко мнѣ привязанъ, и я была бы неблагодарна, еслибъ не умѣла цѣнить его достоинствъ.

«Ну! тактика обыкновенная. На̀до же выдумать ка-

кія-нибудь препятствія, трагическія угрызенія совѣсти, и т. п., чтобъ потомъ всѣмъ пожертвовать и требовать благодарности и имѣть чѣмъ попрекнуть.»

Волнуемый такой лукавой мыслью, баронъ продолжалъ:

—Вашъ мужъ счастливый человѣкъ: онъ всегда съ вами, всегда подлѣ васъ. Ему позволено называть васъ нѣжными именами, прижимать васъ къ груди своей и забывать все на свѣтѣ, чтобъ надышаться вашей рѣчью и заглядѣться вашей красотой.

Аптекарша была очевидно взволнована.

Въ это время вошелъ въ комнату аптекарь.

Чтó за городъ! сказалъ онъ съ досадою:—просто жить нельзя. Одинъ торгуется, другой въ долгъ проситъ. Вообразите: у меня по книгѣ рубль, а мнѣ даютъ полтину, да нельзя ли еще пообождать до праздника. Слуга покорный! Какъ-будто намъ тоже пить, ѣсть не надобно. Проклятый городъ!

—Да зачѣмъ вамъ оставаться здѣсь? спросилъ баронъ.—Мнѣ кажется, вамъ всего бы лучше переѣхать въ какую-нибудь столицу, въ Петербургъ, напримѣръ.

—Да-съ, оно бы хорошо, только жить тамъ дорого женатому человѣку. Вотъ, еслибъ мѣсто....

—Чтó жь, похлопотать можно.

—Помилуйте, къ чему вамъ безпокоиться? Ваше время должно быть дорого. Вы человѣкъ свѣтскій, гдѣ въ вашемъ кругу вспомнить о бѣдномъ аптекарѣ!

—Позвольте-съ, вы несправедливы. Я всегда готовъ стараться за своихъ друзей.

—Благодарю васъ за званіе.

—Надѣюсь его заслужить.

—А покуда, г. баронъ, вамъ должно быть у насъ скучно.

—О нѣтъ! напротивъ.

—Полноте, вы, свѣтскіе люди, вѣчно съ учтивостями. Мы вамъ особенныхъ развлеченій предложить не можемъ. Театровъ у насъ нѣтъ, о балахъ не слыхивали, а есть стаканъ чаю, тарелка супу, бутылка пива—все это къ вашимъ услугамъ.

—И я непремѣнно всѣмъ воспользуюсь.

—Ну, такъ не пожалуете ли вы къ намъ въ середу откушать? Я думаю, вамъ въ первый разъ въ жизни прійдется обѣдать въ аптекѣ?

—Съ большимъ удовольствіемъ.

За столъ не взыщите. Предлагаемое не хитро изготовлено, но предлагается отъ добраго сердца—не такъ ли, Шарлотта Карловна?

Шарлотта кивнула, молча, головой.

—Смотри же, Шарлотта Карловна, подумай какъ бы угостить гостя, чтобъ онъ и впередъ пожаловалъ.

Аптекарша покраснѣла и отвернулась.

—Вы въ которомъ часу обѣдаете? спросилъ баронъ.

—Обыкновенно въ 12 часовъ. Но такъ-какъ вы человѣкъ столичный, то мы будемъ обѣдать ровно въ часъ. Кажется, это довольно-поздно?

—Очень довольно.

Баронъ ушелъ домой. Аптекарша не выходила у него изъ головы. Онъ вспомнилъ поочередно всѣ читанные имъ соблазнительные романы и рѣшился дѣйствовать съ неумолимымъ разсчетомъ опытнаго обольстителя.

Наступила середа. Баронъ, насилу дождавшись перваго часа, надѣлъ пестрый жилетъ, пестрый галстухъ, затянулся въ парижскій сюртучокъ и отправился, попрыгивая по грязнымъ тропинкамъ, къ жилищу аптекаря. У дверей встрѣтилъ его хозяинъ, дружески пожалъ ему руку и ввелъ въ комнату, гдѣ онъ былъ наканунѣ. Въ поставцѣ серебряныхъ ложекъ уже не было, все было выметено и прибрано на-чистоту, а посреди комнаты поставленъ былъ столъ съ четырьмя приборами. Въ углу сидѣлъ помѣщикъ въ венгеркѣ и курилъ трубку, въ ожиданіи обѣда.

—А супруга ваша? спросилъ баронъ у аптекаря.

—Жена моя въ кухнѣ, стряпаетъ. У насъ вѣдь нѣтъ повара: мы люди небогатые.

Барону стало нестерпимо-досадно, что она, которую онъ собирался любить, хлопотала около кастрюль и, чего добраго, старалась, выходила изъ силъ, чтобъ получше изжарить курицу и тѣмъ угодить нѣкому предмету прежней страсти.

—А! мое почтеніе, сказалъ помѣщикъ голосомъ стариннаго знакомаго: —каково у насъ уживаетесь?

—Очень хорошо-съ.

—Какимъ вы всегда щеголемъ. Жилетка въ Питерѣ, что ли, шита?

—Нѣтъ-съ, въ Парижѣ.

—Въ Парижѣ!... Ахъ, позвольте взглянуть; чай не дешеваго стоитъ.

—Не помню.

—Ужь эти петербургскіе щеголи, чего не придумаютъ! А нечего сказать, мастера одѣваться.

Въ эту минуту вошла аптекарша. На ней было бѣлое платье. Два локона, задернутые за уши, висѣли до плечъ, а вокругъ головы обвивался черный шелковый снурокъ, перехваченный золотымъ бисеромъ. Снурокъ этотъ, неизбѣжное украшеніе всякой бѣдной нѣмки, снова раздосадовалъ барона. Онъ сухо поклонился и началъ говорить о погодѣ. Между-тѣмъ принесли на столъ миску и гости усѣлись по мѣстамъ. Крышка мигомъ слетѣла и въ мискѣ обнаружился не супъ съ картофелемъ, не щи съ капустой, а старый знакомый, товарищъ молодости, офен-грицъ молочный, тотъ самый, который, во время оно по середамъ и субботамъ наводилъ уныніе на цѣлый университетъ. Баронъ взглянулъ на Шарлотту; она улыбнулась и покраснѣла. Есть женщины, которыя въ самыя обыкновенныя подробности жизни умѣютъ, когда сердце ихъ задѣто, отдѣлять немного отъ поэзіи своей души. Баронъ понялъ, сколько было скрытнаго значенія въ простомъ блюдѣ, и, быть-можетъ, въ первый разъ въ жизни не обратилъ вниманія на прочія подробности стола. Разговоръ былъ оживленъ. Говорили о Петербургѣ и о перемѣщеніи аптеки. Францъ Ивановичъ сокрушался о столичной дороговизнѣ, къ чему помѣщикъ краснорѣчиво присовокупилъ, что Петербургская жизнь въ особенности кусается. Передъ окончаніемъ обѣда аптекарь, съ значительною миною, вышелъ въ сосѣднюю комнату и возвратился съ бутылкой шампанскаго, первой, употребленной въ аптекѣ со дня ея основанія.

Рѣшившись на такую роскошь, онъ вполнѣ хотѣлъ

употчивать гостей. Вино было теплое и страннаго вкуса, но наружность бутылки и пѣнистое шипѣнье были самыя приличныя.

—Здоровье нашего гостя! возгласилъ Францъ Ивановичъ: — сто лѣтъ жизни!

—И генеральскій чинъ, прибавилъ франтъ.

—И много счастія, добавила аптекарша.

—Hoch! закричалъ развеселившійся аптекарь. —Еще по рюмочкѣ!..

Когда бутылка опорожнилась, хозяева и гости встали изъ-за стола. Былъ четвертый часъ. Мужчины вооружились сигарами и трубками. Два часа протянулись еще въ отрывистомъ разговорѣ. Аптекарь о чемъ-то думалъ, вѣроятно, о перемѣщеніи своей аптеки; баронъ нетерпѣливо поглядывалъ на часы. Шарлотта, съ яркимъ румянцемъ на лицѣ, казалась взволнована. Одинъ ех-помѣщикъ только безпечно затягивался и разсматривалъ потолокъ. Наконецъ онъ вспомнилъ, что пора идти къ почтмейстеру, всталъ, раскланялся и вышелъ. За нимъ Францъ Ивановичъ отправился по своимъ дѣламъ. Аптекарша и Фиренгеймъ остались вдвоемъ. На дворѣ, по случаю поздней осени, начинало уже смеркаться.

Оба молчали, оба сидѣли въ нѣмомъ смущеніи. Проклятая робость вкралась въ сердце свѣтскаго щеголя и туманила его коварныя предпріятія. Онъ думалъ, думалъ, находилъ себя и жалкимъ и смѣшнымъ, и вдругъ, собравшись съ духомъ, началъ разговоръ.

—Не хотите ли съыграть чтó-нибудь?

—Въ четыре руки?

—Да, въ четыре руки?

—Я такъ мало играю...

—И, помилуйте! Вы развѣ не помните, что мы ужь игрывали прежде?

—Помню...

—Такъ не угодно ли?..

—Извольте.

Они сѣли рядомъ у фортепьяно.

—Что жь мы будемъ играть? спросила аптекарша.

—Что угодно...

—Мнѣ все-равно.

—И мнѣ все-равно...

—Вотъ какія-то ноты... Хотите попробовать?

—Извольте.

—Вы будете играть басъ.

—Да, какъ прежде... какъ встарину...

Аптекарша вздохнула...

—Извините, если я буду ошибаться.

—Не взыщите, если я ошибусь.

Они начали играть, только нестерпимо-дурно: то онъ опаздывалъ, то она торопилась. Въ комнатѣ становилось темнѣе и темнѣе.

—Признайтесь, сказалъ баронъ шопотомъ: —вы на меня сердитесь?

—Зачѣмъ сердиться?.. Богъ васъ проститъ... У меня тутъ не то, кажется, написано...

—Нѣтъ, продолжалъ баронъ:—нѣтъ, дайте мнѣ выслушать выраженіе вашего гнѣва, быть-можетъ, я и оправдаюсь.

—Ахъ! извините, я, кажется, не ту строку играю.

—А мнѣ такъ больно, что вы на меня досадуете.

—На что вамъ... переверните страницу.

—Мнѣ такъ дорого ваше участіе, оно мнѣ такъ нужно. Я такъ несчастливъ...

—Вы несчастливы!...

Они перестали играть.

—Да, Шарлота—извините, что я васъ называю прежнимъ именемъ—я истинно несчастливъ. Свѣтъ, въ которомъ я живу, сжимаетъ душу, отъ него вѣетъ морозомъ. Мнѣ негдѣ отдохнуть сердцемъ. Среди людей я всегда одинъ, никого не удостоиваю своей привязанностью и не вѣрю ни въ чье участіе.

—Бѣдный! сказала аптекарша.

Баронъ пріободрился.

—Не знаете ли, Шарлотта, какое утѣшеніе я сохранилъ съ любовью; знаете ли, какимъ теплымъ чувствомъ я согрѣваюсь въ ледяной атмосферѣ большаго свѣта? Знаете ли?...

Аптекарша не отвѣчала. Грудь ея сильно волновалась.

—Да, Шарлотта, воспоминанія о прошлой жизни, воспоминаніе о васъ — вотъ теперь мое лучшее сокровище. Какъ часто, утомленный отъ безсмысленныхъ мелочей кочеванья по гостинымъ, я переношусь въ тотъ мирный уголокъ, гдѣ я жилъ съ вами, жилъ подлѣ васъ, и снова я вижу ваше окошечко, вижу тѣнь вашу за бѣлой занавѣской. Воображеніе замѣняетъ дѣйствительность. Я счастливъ своей мечтой и сердце мое снова бьется отъ радости и отъ любви.

—Ахъ! сказала аптекарша:—а мнѣ каково? Мнѣ

здѣсь все дико и непріятно. Нѣтъ здѣсь моихъ подругъ... Отецъ мой умеръ... Я сама живу памятью, а въ настоящемъ мнѣ грустно и тяжело.

—Такъ, бѣдная Шарлотта, я въ томъ былъ увѣренъ. Вы тоже несчастливы. Васъ здѣсь никто ни оцѣнить, ни понять не можетъ. А я знаю, ваша душа создана для чувства, для сочувствія, для всѣхъ радостей и мученій сердца.

—Не говорите мнѣ этого...

—Но это правда.

—Да́, печальная правда. Я долго ждала счастія... Я видѣла его даже издали, но оно промелькнуло только для меня и бросило мнѣ лишь сожалѣніе, одиночество.

—Нѣтъ, прервалъ баронъ: судьба безсильна противъ любви. Мы были бы счастливы вмѣстѣ... Ваши глаза мнѣ это говорятъ. Кто же мѣшаетъ намъ быть счастливыми?

—А какъ?...

—А развѣ нельзя возвыситься надъ жалкими условіями жизни? развѣ мы не можемъ любить другъ друга и въ высокомъ упоеніи найдти возмездіе за всѣ свои страданія?...

—А люди?

—Люди! что́ въ нихъ? Любовь не цѣлая ли вселенная? Ка́къ ничтожно передъ ней все земное, и ка́къ возвышается, какъ освящается душа, исполненная любовью!

Баронъ схватилъ руку аптекарши; рука ея дрожала.

—А долгъ? сказала она задыхающимся голосомъ.

—Долгъ выдуманъ человѣческими разсчетами.

Долгъ—условіе земли, а для насъ отверзто небо. Вы видите, не пустой же случай свелъ насъ снова вмѣстѣ; мы рождены другъ для друга. Не-уже-ли вы этого не понитаете? а я уже, по силѣ любви своей, отгадываю, что и вы должны меня любить...

—И не ошибаетесь, сказала аптекарша, закрывъ лицо руками.

Ощущеніе неописаннаго блаженства освѣжило душу барона. Въ комнатѣ было совершенно темно.

—О! теперь, сказалъ онъ:—я готовъ умереть для васъ; теперь счастіе для насъ возможно. Но повторите ваши слова, скажите мнѣ: давно ли и какъ вы меня любите?...

—Дá... я все скажу... я не въ силахъ болѣе молчать, сказала трепетно аптекарша:—дá, я всегда думала о васъ... дá, я не переставала васъ...

Въ эту минуту дверь нàстежь отворилась и толстая служанка, босикомъ, въ затрапезномъ платьѣ, вошла въ комнату, держа въ рукахъ два мѣдные шандала съ сальными свѣчами. Рука аптекарши выпала изъ рукъ барона. На молодаго человѣка непріятно подѣйствовали сальныя свѣчи и нищенскій нарядъ служанки; но для увлеченной женщины блескъ внесеннаго огня былъ благодѣтельнымъ свѣтильникомъ и озарилъ ей мрачную пучину, въ которую ввергала ее безумная страсть.

—Нѣтъ... нѣтъ, жена, сказала она дрожащимъ голосомъ:—должна быть чиста и непорочна. Обольщеніе чувствъ обманчиво, а раскаяніе неумолимо... Заклинаю васъ всѣмъ, чтó вы любите, не возобновлять нынѣшняго разговора.

Въ дверяхъ показался Францъ Ивановичъ.

—Теперь я свободенъ, сказалъ онъ, потряхивая головкой. Я боюсь, что вамъ было скучно. Не хотите ли пуншику или бостончикъ составить?

Но растроенный баронъ не хотѣлъ слушать никакихъ предложеній. Обманутый въ ожиданіи, забывъ свои планы, онъ побѣжалъ домой и всю ночь проворочался на кровати. Къ утру онъ, коварный свѣтскій щеголь, былъ влюбленъ въ уѣздную аптекаршу, но влюбленъ по-уши, и безъ ума, и безъ надежды.

V.

А между-тѣмъ городскіе обыватели начали толковать да перетолковывать.

—Знаете что, говорилъ франтъ въ венгеркѣ на-ухо купцу Ворышеву, посѣщая его въ лавкѣ:—Шарлотта-то Карловна наша... гм...

—Быть не можетъ!

—Да и мнѣ кажется странно. Такъ скажите, пожалуйста, съ какой стати барону сиднемъ сидѣть въ аптекѣ? Вѣдь онъ надворный совѣтникъ, къ-тому же человѣкъ съ капиталомъ, даже богатый. А вещи какія у него—просто заглядѣнье! Намедни я еще видѣлъ одно изумрудное кольцо, кольцо-то, знаете, маленькое, а изумрудъ большой—славная штука! сотъ пять стоитъ. Да и въ столицѣ, я спрашивалъ, знакомъ ли онъ съ министрами, такъ говоритъ, что не со всѣми, а знакомъ... Вѣдь въ аптеку хорошо ходить нашему брату, время убить, а этакому человѣку, кажется, вовсе не чередъ. Странное дѣло!

—Совершенная правда-съ, сказалъ Ворышевъ и погладилъ бороду.

—Слышали, говорилъ съ лукавой улыбкой судья городничему, слышали, какую нашъ Францъ Иванычъ получилъ обнову?

—Да-съ, слышалъ стороной,

—Какая тутъ сторона, дѣло явное. Они открыто живутъ вмѣстѣ. Неприлично, совершенно неприлично... я бы, на вашемъ мѣстѣ, въ это дѣло вмѣшался. Начальство обязано, какъ попечительная матерь, вникать въ нравственныя отношенія жителей и указывать на то, чего они должны остерегаться. Ваша обязанность...

—Гм, вы думаете?

—Безъ сомнѣнія. Вы хранитель городской нравственности.

—Право?

—Къ-тому же нашъ баронъ-то, кажется, просто вольнодумецъ... Онъ былъ у васъ съ визитомъ?

—Нѣтъ.

—Будто?

—Право.

—И у меня не былъ... Ну, пожалуй, у меня еще ничего, а вы начальникъ города... А вы къ нему ѣздили?..

—Ѣздилъ... почелъ долгомъ.

—Въ мундирѣ?

—Да.

—И онъ не отплатилъ за визитъ?

—Какъ не отплатилъ?..

—Ну, то-есть, самъ не явился къ вамъ?

—Нѣтъ.

—Да что́ жь онъ, въ-самомъ-дѣлѣ, о себѣ думаетъ?.. Право, нехудо его проучить.

—А впрочемъ, замѣтилъ городничій: — я право не понимаю, что́ онъ нашелъ въ аптекаршѣ? Нѣмочка—и все тутъ. Вотъ то-ли-дѣло польки! Какъ мы въ Бѣлоруссіи стояли, такъ я на нихъ наглядѣлся: не́чего сказать—женщины! Ка́къ воспитаны, ка́къ танцуютъ мазурку... Такіе все амурчики, что просто изъ рукъ вонъ! Что жь, вы полагаете, мнѣ надо поговорить съ Францомъ Иванычемъ?

—А ужь это ваше дѣло. Поступайте какъ знаете.

—Вотъ штука, шепнулъ исправникъ засѣдателю, во время присутствія, пока старый секретарь непонятливо гнусилъ безконечный и безтолковый докладъ:—штука такъ штука. Просвѣщеніе и до насъ добирается. Аптекарь продалъ свою жену за 5000 рублей.

—Поторопился,сказалъ, подумавъ, засѣдатель.— Могъ бы получить больше; ну, и то кушъ порядочный. Есть же людямъсчастье!. .

—Какая резолюція? спросилъ секретарь.

—А какъ ты думаешь?

—Да предать суду и волѣ Божіей.

—Я согласенъ.

—И я тоже.

Исправникъ и засѣдатель подписали резолюцію и отправились по домамъ.

—Ну, матушка, говорила статская совѣтница Кривогорская бѣдной дворянкѣ, стоявшей передъ ней

въ голодномъ почтеніи: — ну, матушка, слышала?.. Мерзость какая! Пфу!

Статская совѣтница отвернулась и плюнула съ негодованіемъ.

—Про аптекаршу, чтó ли, матушка?..

—Про кого же другаго? Вѣдь есть же этакія мерзавки!

—Поистинѣ, грѣхъ великій.

—Чтó... о... о?..

—Грѣхъ, матушка, великій.

—Я не велю ее на дворъ къ себѣ пускать. А вѣдь онъ, матушка, говорятъ, богатый человѣкъ... Много даритъ, вѣрно. Не слыхали ли?

—Нѣтъ, не слыхала-съ.

—Экая ты безтолковая. Никогда ничего не узнаешь. Говорятъ, собой хорошъ. Ты его видѣла?

—Видѣла.

—Брюнетъ или блондинъ?

—Не разглядѣла хорошенько.

—Чтó жь ты слѣпая, мать моя? Ничего ты таки не знаешь. Ходишь-себѣ болванъ болваномъ. Я его дѣдушку, должно-быть, видала въ Москвѣ, когда мы съ покойникомъ жили на Никитской. Кажется, могъ бы вспомнить, что я не Богъ знаетъ кто; хоть бы плюнуть пришелъ сюда, такъ нѣтъ. Очень важная особа! Безпокоиться не угодно... Да и хорошо дѣлаетъ. Онъ ужь вѣрно ничего такого у меня не найдетъ. Экая мерзость! Пфу!!...

Нѣсколько дней спустя, дрожки городничаго остановились у аптеки. Францъ Ивановичъ, какъ человѣкъ нечестолюбивый, поморщился немного отъ не-

жданнаго визита, однакожь встрѣтилъ градоначальника съ должною почестью.

Городничій, человѣкъ доброжелательный, но глупый, принялъ за дѣло данный ему совѣтъ вмѣшаться въ семейныя дѣла аптекаря.

—Я имѣю съ вами переговорить объ экстренномъ случаѣ, сказалъ онъ важно.

—Чѣмъ могу я вамъ быть полезенъ? отвѣчалъ аптекарь.—Дѣвичьей кожи у меня нѣтъ, а ромашки не осталось.

—Обязанность моя, продолжалъ городничій:—не ограничивается только однимъ полицейскимъ наблюденіемъ. Начальство обязано, какъ попечительная матерь, вникать въ нравственныя отношенія жителей и указывать на то, чего они должны остерегаться.

—Непремѣнно, отвѣчалъ аптекарь.

—Я очень радъ, что вы со мною согласны. Мы съ вами люди степенные и можемъ обсудить дѣло не горячась—не правда-ли?..

—Точно.

—Встарину было иначе. Я скажу хоть про себя: когда я стоялъ съ полкомъ въ Бѣлоруссіи—вы знаете, около Динабурга—я былъ еще молодъ, часто влюблялся, могу сказать, накутилъ порядкомъ... Да чтó за женщины эти польки—заглядѣнье! Панна Дромбиковская, панна Чембулицкая... наши русскія и въ подмётки имъ не годится...

—Да къ чему это? спросилъ аптекарь.

—Виноватъ, заговорился. Я хотѣлъ только сказать, что я надѣюсь, что вы пріймете, какъ слѣдуетъ, то, чтó я имѣю вамъ сообщить.

—О паннѣ Чембулицкой?

—Нѣтъ-съ, о вашей супругѣ.

—Объ моей женѣ? закричалъ аптекарь такимъ голосомъ, что городничій отскочилъ на два шага.

—Не пугайтесь, это толки, о которыхъ я, для пользы вашей, хотѣлъ васъ предупредить.

—Какіе толки?..

—Такъ... ничего... только многіе у насъ удивляются... частымъ посѣщеніямъ барона въ вашемъ домѣ... и дѣлаютъ гнусныя сплетни... Вы понимаете?.. Я совсѣмъ не этого мнѣнія... Но есть признаки. Надобно быть осторожнымъ...

Аптекарь задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

—Вы видите это окошко, сказалъ онъ задыхающимся голосомъ:—скажите всѣмъ, которые явятся ко мнѣ съ подобными предостереженіями, что я ихъ вышвырну вонъ, какъ негодную стклянку. Жена моя чиста какъ голубь... она выше клеветы, она выше всѣхъ низкихъ сплетней, которыми живетъ вашъ глупый городъ, господинъ городничій. Если кто-нибудь коснется хоть словомъ, хоть намекомъ до ея репутаціи, то вы видите эти руки!.. я руками разорву его какъ собаку, пока у меня будетъ хоть капля крови! Жену мою оскорбить! кричалъ аптекарь:—жену мою! да это задѣть мое сердце раскаленными щипцами. Да знаете ли, что́ въ сравненіи съ ней весь вашъ городъ... не сто́итъ прошлогодней пилюли. Да я истерзаю, истолку въ мелкій порошокъ всякое животное, которое дотронется только до нея!

Въ эту минуту аптекарь выросъ на два аршина.

Городничій пожалъ плечами и потихоньку выбрался на крыльцо.

Аптекарша стояла за дверью и все слышала. Когда она отворила дверь, мужъ ея спокойно уже сидѣлъ за конторкой, писалъ свои счеты и потряхивалъ рыжей головой.

—Что́ это ты шумѣлъ съ городничимъ? робко спросила Шарлотта.

—Да что, все пристаетъ, чтобъ я троттуары чинилъ на свой счетъ, а изъ какихъ доходовъ?..

Аптекаршу тронула безкорыстная привязанность ея мужа. Совѣсть начала ее мучить.

«О!» подумала она, «отчего мой мужъ недурной человѣкъ, я была бы спокойнѣе. Странная моя участь!.. Бѣдное мое сердце! Я не могу любить человѣка, который посвятилъ мнѣ всю жизнь свою, а готова погибнуть для того, который былъ бѣдствіемъ моей молодости! Но, по-крайней-мѣрѣ, я не измѣню своей обязанности; я останусь вѣрва велѣніямъ закона».

Три недѣли прошли въ мучительномъ упоеніи. Увлеченная обманчивымъ разсужденіемъ, аптекарша предалась вполнѣ преступному чувству. Съ утра смотрѣла она у окошка, не идетъ ли вожделѣнный, и когда онъ показывался вдали, глаза ея радостно сверкали, и когда шаги его отзывались на крыльцѣ, сердце ея билось, страстный румянецъ пылалъ на щекахъ ея; она была счастлива: и бѣдный городокъ, и бѣдная аптека казались ей раемъ земнымъ.

А онъ? кто вникнетъ прозорливо во всѣ изгибы человѣческаго сердца, съ высокими природными началами, но испорченнаго отъ прикосновенія свѣта?

Онъ тоже увлекался тайною прелестью восторженнаго сочувствія. Желая быть Фоблазомъ, онъ едва не сдѣлался Вертеромъ. Онъ былъ влюбленъ истинно, влюбленъ какъ студентъ, а хотѣлъ разсуждать о любви какъ левъ новой школы. Онъ стыдился иногда искренности своихъ чувствъ, и всячески старалась возвысить себя до окаменѣнія моднаго изверга. И любовь—эта чистая капля небесной росы, невольно освѣжала его коварные замыслы, и обольщенный обольститель, ежечасно прерываемый въ своихъ безнравственныхъ предпріятіяхъ, долженъ былъ поникать головою, играть въ четыре руки и слушать наивные разсказы о прежнихъ подругахъ, о школьныхъ невинныхъ шалостяхъ, о скромномъ ручейкѣ дѣвичьей жизни, тогда-какъ воображеніе его возмущалось кипящимъ ключемъ. Тщетно старался онъ возобновить сцену памятнаго обѣда: аптекарша истощала всѣ женскія хитрости, чтобъ отклонить признанія и страстныя рѣчи; и когда онъ сердился, и душевно проклиналъ свою свѣтскую оплошность, она та́къ очаровательно умѣла ему улыбаться, она та́къ выразительно глядѣла на него, что чело его снова прояснялось и надежда вкрадывалась въ грудь. Иногда бѣдный баронъ нападалъ на самыя разочарующія мелочи жизни; иногда аптекарша выходила къ нему съ озабоченнымъ видомъ и засученными рукавами: это значило, что въ этотъ день у нея стирали бѣлье; иногда платье ея уже черезчуръ оскорбляло моду; иногда она прерывала намеки о вѣчной страсти и поспѣшно уходила въ кухню взглянуть на жареную баранину, составляющую, какъ извѣст-

но, важный предметъ губернскаго продовольствія: въ эти минуты баронъ бѣсился на себя; на страсть свою, и приказывалъ Якову укладываться. Потомъ думалъ онъ, что неучтиво же уѣхать не простясь, и онъ опять отправлялся въ антеку. Шарлотта сидѣла задумчиво у окна. Въ глазахъ ея отражалось небо глубокаго чувства. Она ему улыбалась... Голосъ ея, звучный, мягкій, отдавался въ его сердцѣ, и онъ снова забывалъ свою досаду, планы искуснаго обольщенія, и сидѣлъ и засиживался постарому, не наглядѣвшись и не наслушавшись до-сыта.

VI.

Однажды франтъ въ венгеркѣ посѣтилъ барона, какъ тотъ только вставалъ съ постели и распечатывалъ письмо, принесенное съ почты.

—Извините, я вамъ, кажется, мѣшаю.

—Ничего-съ.

—Ну, если позволите... Прикажите подать трубочку.

—Яковъ! подай трубку.

Яковъ сердито всунулъ трубку франту и хлопнулъ дверью.

Баронъ прочиталъ письмо и улыбнулся.

—Изъ Петербурга изволили получить?

—Дá.

—Отъ родственниковъ?

—Нѣтъ, отъ знакомой дамы.

—А! вѣрно по-французски?

—Нѣтъ, по-русски.

—Ахъ! это любопытно; желательно бы знать, кáкъ петербургскія дамы пишутъ. Секретовъ нѣтъ-съ?

—Никакихъ.

—Ахъ! такъ позвольте взглянуть.

—Да на чтó вамъ?

—Изъ любопытства-съ.

—Читайте, пожалуй.

Франтъ съ жадностью схватилъ письмо и осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ.

—Кáкъ пахнетъ! сказалъ онъ:—чтó за прелесть! Сейчасъ видно, что изъ столицы. А въ углу это чтó?

—Гербъ графини.

—Ахъ, проказники какіе! чего не выдумаютъ! Бумага съ серебромъ; это графская корона?

—Дá.

—Я еще не видывалъ такой. Очень мило! Онъ началъ читать.

«Я обѣщалась писать къ вамъ, но такъ-какъ письмо дѣло опасное, то не взыщите, если я буду вамъ писать по-русски: оно менѣе компрометируетъ, и никто еще, я думаю, не употреблялъ во зло письма, писанныя по-русски. Спасая такимъ образомъ конвенансы, я предаюсь удовольствію писать вамъ.

«Мы васъ очень сожалѣемъ, и грустимъ, что не можемъ болѣе васъ слышать, говорить и шутить, по обыкновенію нашему. Чтó вы дѣлаете въ вашей скучной провинціи, грозный нашъ левъ? Мы всѣ о васъ плачемъ. Безъ васъ скучно. Вчера мы танцовали на водахъ, Были ужасныя фигуры. То ли бывало встарину! Порядочные кавалеры становятся чрезвычайно рѣдки. Вотъ до чего мы до-

«жили: львицы окружены чуть-ли не дѣтьми. Ост«рова совершенно пусты. Всего насъ три или че«тыре женщины. Погода хорошая. Чтó вамъ еще «сказать? Въ павловскій воксалъ ѣздятъ теперь «что-то немного. Мужъ мой уѣхалъ въ деревню «хозяйничать и предлагалъ мнѣ взять меня съ со«бою. Только я ужасно боюсь провинціи и вообра«жаю себѣ что-то ужасное. Какіе, я думаю, тамъ «чепцы и шляпки носятъ—просто надо умереть со «смѣху, и какіе щеголи, все къ ручкѣ подходятъ, и ка«кія женщины, какія претензіи—вѣрно, очень смѣш«но. Пріѣзжайте-ка поскорѣе, да разскажите намъ, «чтó вы видѣли, чтобъ было надъ чѣмъ посмѣяться, «а тамъ поѣдемте за границу, въ Парижъ. Я съ «нетерпѣніемъ того ожидаю: намъ тамъ будетъ «очень весело вмѣстѣ. Здѣшнихъ новостей мало. «Ваши знакомые и пріятели вздыхаютъ каждый у «ногъ своей красавицы, а я совершенно одна. Мо«жетъ-быть, оттого, что васъ ожидаю. Смотрите же, «съ вашей стороны не влюбитесь въ какую-нибудь «жену этихъ монстровъ, которыхъ я видѣла въ «Ре«визорѣ». Мы дѣлали на дняхъ partie de plaisir, ѣз«дили всѣ въ русскій театръ. Право, не такъ дурно «играютъ. Вообразите, я была въ первый разъ въ «жизни въ русскомъ театрѣ! «Ревизоръ», сочи«неніе какого-то Гоголя. Довольно смѣшно, только «mauvais genre, какъ вы себѣ можете представить. «Прощайте и не забудьте, что мы нетерпѣливо васъ «ожидаемъ. Я жду отъ васъ письма и, какъ вы «обѣщались, подробнаго описанія карикатуръ, съ ко«торыми вы живете...»

—Прекрасно написано! сказалъ съ восторгомъ франтъ: — вѣдь, кажется, ничего, а прелесть! У этихъ свѣтскихъ людей все это такъ кстати, такъ прилажено—что значитъ манера! И вѣрно красавица-съ? продолжалъ онъ, лукаво улыбнувшись...

—То-есть не дурна, а впрочемъ...

—Ну, ну, ну, полноте скромничать! Изъ всего видно, что должна быть красавицей. Да иначе быть не можетъ. Ну, счастіе вамъ-съ, господинъ баронъ.

—Право ничего нѣтъ особеннаго.

—Да ужь вы, разумѣется, не разскажете. А позвольте попросить еще трубочку.

Выкуривъ еще двѣ трубочки и замѣтивъ, что новаго ему нѣчего добиваться, франтъ раскланялся, улыбнулся и отправился прямёхонько въ аптеку. Тамъ, повидимому, все было тихо и благополучно. Шарлотта Карловна сидѣла у окна и смотрѣла не идетъ ли кто по улицѣ, а Францъ Ивановичъ, въ демикотоновомъ халатѣ, читалъ старую нѣмецкую газету.

—А я сейчасъ отъ барона, сказалъ франтъ:—какой славный молодой человѣкъ!

Шарлотта поспѣшно къ нему обернулась; Францъ Ивановичъ кивнулъ головой.

—Да́, человѣкъ, кажется, хорошій!

—Просто, чудо что за малый! и откровенный, веселый какой! Вообразите, мы ужь съ нимъ совершенно подружились.

—Право?

—Знаете что̀, только, пожалуйста, это между нами: онъ мнѣ признался, что у него въ Петербургѣ есть кое-какія знакомства—понимаете?... гм...

—Неправда! воскликнула, поблѣднѣвъ, аптекарша.

—Неправда? вотъ хорошо! а какъ же я сейчасъ читалъ письмецо... Ну ужь письмецо! нечего сказать, прелесть!

Отъ женщины? спросила Шарлотта.

—Отъ кого же? да еще отъ какой!... Онъ мнѣ самъ признался, что красавица—понимаете? столичная красавица, не то, что̀ наша какая-нибудь уѣздная.

—А что жь она пишетъ? спросилъ Францъ Ивановичъ.

Аптекарша вся обратилась во вниманіе и старалась отгадывать то̀, чего не могла понять.

—Вотъ въ томъ-то и штука, что̀ пишетъ. Только, смотрите, чуръ не пересказывать. Мнѣ-то показано подъ большимъ секретомъ.

—Хорошо, скажите только.

—Во-первыхъ, сказалъ таинственно разсказщикъ: —нѣсколько словъ я не понялъ... что̀ значитъ конвенансы?

—Приличія, сказалъ аптекарь.

—Ага, вотъ что̀! А баронъ-то, кажется, съ дамами мастеръ своего дѣла. У! какъ онѣ къ нему пишутъ.

—Да письмо... письмо, сказала умоляющимъ голосомъ аптекарша.

—Какъ бы припомнить... да̀... «Я не знаю, какъ спасти конвенансъ...» то-есть извѣстное дѣло, приличіе, «но я предаюсь удовольствію къ вамъ писать. Зачѣмъ вы уѣхали?.. Я о васъ плачу... Вы левъ...» Вѣроятно, онъ съ ней поступилъ неделикатно... «То ли было встарину... Тамъ ходятъ львицы съ сво-

ими дѣтьми. Поѣдемте за границу, тамъ мы будемъ счастливы...» А?.. каковъ?.. не въ бровь, а прямо въ глазъ, просто похищеніе!!.. Да тó ли еще. «Въ вашей провинціи должны быть ужасныя карикатуры...» это о насъ, кажется... Неучтиво немножко, да ничего... «Пріѣзжайте поскорѣе, чтобъ было чему посмѣяться, а женщины и чепчики у васъ тамъ вѣрно преуморительные. У другихъ женщинъ есть свои вздыхатели. Но я васъ ожидаю. Не влюбитесь въ жену какого-нибудь монстра...» Что такое монстръ?

—Чудовище, сказалъ аптекарь.

—Это ужь я не знаю на чей счетъ сказано. «Мы всѣ васъ ожидаемъ...» Каково? о немъ тамъ плачутъ... а онъ живетъ-себѣ у насъ въ уѣздномъ городѣ, какъ-будто нашъ братъ какой; васъ иногда навѣщаетъ, а со мною очень друженъ...

Быть-можетъ, франтъ распространялся съ особымъ удовольствіемъ о мнимыхъ побѣдахъ барона, досадуя на явную наклонность аптекарши, только разсказъ его имѣлъ странное окончаніе. Францъ Ивановичъ отозвалъ его въ уголъ и попросилъ не посѣщать болѣе его аптеки, а Шарлотта, блѣдная, разстроенная, все сидѣла еще у окна, но не смотрѣла болѣе на улицу и не двигалась, не говорила, какъ-будто потерянная, въ самыхъ грустныхъ размышленіяхъ.

Франтъ поворчалъ немного и пошелъ къ исправнику, а оттуда къ судьѣ, разсказывать содержаніе прочитаннаго имъ письма.

VII.

Бѣдная Шарлотта не могла сомкнуть глазъ цѣлую

ночъ. Что́ она?—бѣдная, необразованная, ненарядная, порою прачка, порою кухарка, аптекарша, провинціалка передъ блистательными дамами въ перьяхъ и кружевахъ, съ которыми знако́мъ баронъ — минутная забава, игрушка отъ скуки. Еще и за то ему спасибо, что онъ снизошелъ до нея и соблаговолилъ вымолвить ей нѣсколько ласковыхъ словъ. Но все это было шуткой. Гдѣ ему любить аптекаршу: онъ любилъ даму, у которой на головѣ брильянты, а на рукахъ браслеты. Она пишетъ къ нему письма; она ожидаетъ его съ нетерпѣніемъ; а какъ онъ вернется, то-то они будутъ смѣяться надъ аптекой, надъ аптекаршей и надъ нѣжной страстью середи ревеню и хины!

Ревность, жгучая ревность начала душить Шарлотту. «Да́»шептало ей воспламененное воображеніе: «онъ любитъ другую...Она не такъ хороша, какъ ты: у нея нѣтъ ни свѣжести твоей, ни яркаго твоего румянца, ни твоихъ густыхъ локоновъ; но мужчины этого не замѣчаютъ; у нея цвѣты въ комнатѣ, цвѣты на головѣ, вездѣ цвѣты во время зимы и осени, во время цѣлой жизни; у тебя, вокругъ тебя грустныя принадлежности твоего сословія, мѣдныя деньги, сальныя свѣчи, уѣздная жизнь, запахъ аптеки, лохмотья и одиночество... Тебѣ ли любить знатнаго господина, которому, какъ онъ ни старайся, должна быть противна твоя нищенская жизнь?.. Развѣ ты забыла, развѣ ты не замѣтила, ка́къ, при видѣ вашего недостатка, чело его хмурится и на устахъ его выражается презрительная улыбка? А ты, послушная раба, ожидаешь только взгляда, взгляда состраданія,

и не любви; и ты забыла свою гордость, достоинство твоего пола, чтобъ сдѣлаться посмѣшищемъ богатой женщины и предметомъ шалости свѣтскаго человѣка, который всегда презиралъ твою бѣдность и постыдился быть счастливымъ съ тобою».

На другой день аптекарша была задумчива и блѣдна. Францъ Ивановичъ посматривалъ на нее съ безпокойствомъ, потчивалъ ее разными порошками и казался разстроенъ!

Въ двѣнадцать часовъ, по обыкновенію, явился баронъ. Аптекарша приняла его сухо, не отвѣчала почти на вопросы и вскорѣ скрылась, подъ предлогомъ домашнихъ хлопотъ. Баронъ посердился и ушелъ домой. Францъ Ивановичъ молчалъ.

На другой день то же; на третій то же; аптекарша блѣдна и задумчива; ни разу она не улыбнулась, ни разу не вздохнула. Во взорѣ ея было что-то холодное, мертвое, страшное. Францъ Ивановичъ молчалъ.

Прошла недѣля; былъ вечеръ; баронъ, поддерживая голову рукою, сидѣлъ въ грустномъ раздумьѣ. Холодность аптекарши лучше всякаго умышленнаго кокетства усилила его страсть. Коварные замыслы исчезли. Онъ просто любилъ, какъ любятъ молодые люди, пламенно, безъ покоя, безъ сна, съ малой надеждой и безмѣрнымъ отчаяніемъ.

Быстрая перемѣна Шарлотты была для него непостижима. Одна минута объясненія—и все могло бы поправиться, но теперь, какъ нарочно, проклятый аптекарь ни на шагъ отъ жены не отходитъ.

Вдругъ онъ поднялъ голову. Дверь скрипнула. Въ комнату вошелъ Францъ Ивановичъ.

—Вы здѣсь?

Францъ Ивановичъ былъ немножечко блѣденъ.

—Я, сказалъ онъ: — пришелъ къ вамъ, баронъ, за довольно-важнымъ дѣломъ. Вы у насъ въ городѣ по службѣ?

—По службѣ.

—Ваше порученіе кончено?

—Кончено.

—Такъ зачѣмъ же вы у насъ живете?

Баронъ смутился.

Аптекарь сложилъ руки и продолжалъ:

—До меня дошли гнусныя сплетни, на которыя я отвѣчалъ какъ слѣдовало. Я такъ увѣренъ въ своей женѣ, что не оскорблю ея подозрѣніемъ; однако въ маленькомъ городкѣ злоумышленный слухъ можетъ имѣть самыя непріятныя послѣдствія, и это-то я обязанъ отвратить.

—Вамъ угодно сатисфакціи? сказалъ, подумавъ, баронъ.

—Сатисфакціи? отвѣчалъ съ достоинствомъ аптекарь.—Не стыдно ли вамъ, г. баронъ, и вымолвить такое предложеніе! Я не студентъ болѣе и не свѣтскій человѣкъ. Вы думаете, что для личнаго неудовольствія, прискорбнаго лишь моему самолюбію, я готовъ погубить всю будущую участь своей жены, или позволю вамъ играть со мною въ великодушіе. Нѣтъ, баронъ, мы съ вами уже не мальчики. Я за другимъ дѣломъ пришелъ къ вамъ.

—Что же вамъ угодно?

—Поѣзжайте въ Петербургъ...

—Хорошо.., черезъ нѣсколько дней...

—Нынче же...

—Не могу, право...

—Не можете?

—Нѣтъ...

—Въ такомъ случаѣ, мы можемъ сѣсть и я вамъ разскажу маленькую исторію. «Въ одномъ городкѣ жилъ добрый старичокъ, профессоръ. У него была единственная дочь... Къ нимъ вкрался въ домъ одинъ безсовѣстный молодой человѣкъ...

—Позвольте! закричалъ баронъ.

—Не перебивайте моей исторіи. «Да, этотъ молодой человѣкъ былъ безъ совѣсти, потому-что, зная, что онъ не женится на дѣвушкѣ, онъ не долженъ былъ волновать ея неопытное сердце, не долженъ былъ вводить довѣрчиваго старика въ заблужденіе, не долженъ былъ играть своими природными достоинствами и жертвовать для своей забавы спокойствіемъ цѣлаго семейства...

Баронъ опустилъ голову.

«Въ томъ же городкѣ жилъ другой молодой человѣкъ, неблистательный, безъ состоянія, безъ красивой наружности. Не имѣя блестящей будущности, онъ трудился неутомимо, чтобъ современемъ достать себѣ кусокъ хлѣба... Но и у него было, можетъ-быть, сердце молодое, и онъ могъ любить.... ну, да не въ томъ дѣло... Только онъ ничего не ожидалъ и ничего не надѣялся»—понимаете?.. Теперь буду говорить безъ обиняковъ.

—Когда вы уѣхали, всѣ въ городѣ знали, что Шарлотта васъ любила. Всѣ думали, по простымъ нашимъ понятіямъ, что, бывъ какъ женихъ въ домѣ,

вы скоро пріѣдете къ свадьбѣ. Но я одинъ васъ разгадалъ и пошелъ знакомиться съ профессоромъ. Старикъ мнѣ разсказалъ, ка́къ онъ васъ любилъ, ка́къ онъ надѣялся и ка́къ обманулся. Я предложилъ ему ѣхать въ Петербургъ узнать есть ли еще надежда на ваше возвращеніе... Я отправился. Въ то время вы волочились за княжной Красносельской....

—Какъ, вы знаете? воскликнулъ баронъ.

—Знаю. Она вамъ отказала. Но для Шарлотты не было надежды. Тогда я на ней женился. Только, видитъ Богъ, я не докучалъ ей страстью, которой она не могла раздѣлять. Я поклялся только быть ея защитникомъ и хранителемъ. Отецъ ея умеръ. Я перевезъ ее сюда, думая, что ей будетъ слишкомъ больно оставаться на мѣстѣ, гдѣ столько для нея грустныхъ воспоминаній... Но она все была печальна и несчастлива. Это меня убивало. Вы не знаете, что́ значитъ казаться всегда беззаботнымъ и веселымъ, и таить тяжелое горе на душѣ. Вдругъ вы пріѣхали. Я думалъ, что если жена моя васъ все еще любитъ, мнѣ останется убѣжать куда-нибудь,... потому-что я все готовъ отдать для ея счастія. Или, если узнаетъ она, до какой степени вы принадлежите большому свѣту, то она снова можетъ обрѣсти душевный покой. Такъ живу я съ вашего пріѣзда, не требуя, но ожидая признанія. Ныньче она мнѣ все разсказала; она просила у меня прощенія и защиты, какъ-будто она виновата, какъ-будто я ничего не зналъ. Она поручила мнѣ—слышите ли, она сама мнѣ поручила вамъ сказать, что она проситъ васъ удалиться, потому-что между свѣтскимъ щеголемъ и

бѣдной антекаршей не должно быть ничего общаго. Извините меня, если я васъ огорчаю, но я исполняю долгъ свой. Не-уже-ли вы не исполните своего?

—Яковъ! закричалъ баронъ:—ступай на почту за лошадьми.

Нѣсколько минутъ ни тотъ, ни другой не могли вымолвить слова.

—Спасибо вамъ, сказалъ наконецъ аптекарь. — Вы, однакожь, добрый человѣкъ. Свѣтъ васъ не совсѣмъ еще испортилъ.

—И вы еще меня благодарите! съ чувствомъ отвѣчалъ баронъ:—вы, передъ которымъ бы я долженъ былъ наклониться съ благоговѣніемъ.

Странный разговоръ ихъ принялъ тогда другое направленіе. Они начали вспоминать университетскіе годы, своихъ общихъ товарищей, свою общую любовь. Они были какъ два человѣка, которые видятъ другъ друга въ первый разъ. Аптекарю было жаль барона, а баронъ, пораженный высокой простотой аптекаря, въ благородномъ порывѣ чувства, признавалъ все свое ничтожество. Въ эту минуту между ними было что-то братское, потому-что оба были готовы пожертвовать жизнью для одной и той же женщины. Долго говорили они о прошедшей молодости, о старомъ профессорѣ, о каленкоровомъ платьицѣ, объ окнѣ съ занавѣской и о горькомъ опытѣ жизни, а между-тѣмъ Яковъ радостно перетаскивалъ чемоданы и пристегивалъ ремни къ дорожной коляскѣ.

Наконецъ лошади приведены. Все готово. Баронъ и аптекарь обнялись.

—Поклонитесь ей, сказалъ, заплакавъ, баронъ.

—Не забывайте насъ, отвѣчалъ печально аптекарь.

Они еще разъ обнялись.

Кучеръ махнулъ кнутомъ. Коляска покатилась.

Когда аптекарь возвратился домой, жена его, блѣдная, покрытая распущенными волосами, стояла на крыльцѣ, со свѣчей въ рукѣ, и трепетно ожидала возвращенія его.

—Ну, что? спросила она глухимъ голосомъ.

—Уѣхалъ, отвѣчалъ задумчиво Францъ Ивановичъ.—Теперь ты будешь спокойна.

—Уѣхалъ!... протяжно сказала аптекарша — уѣхалъ!...

Свѣча выпала изъ руки ея и она безъ чувствъ покатилась на полъ.

Прошелъ годъ. Въ русскомъ городкѣ мало перемѣны. Гостиный дворъ нагнулся еще болѣе. Кое-гдѣ еще нѣсколько крышъ развалилось. Ходить по тротуарамъ стало невозможно.

Однажды, утромъ, знакомый намъ господинъ въ венгеркѣ, посидѣвъ въ лавкѣ купца Ворышева, попробовавъ новаго черносливу и старыхъ пряниковъ, пошелъ къ почтовому двору узнать, нѣтъ ли проѣзжающихъ. Попрыгивая по грязнымъ тропинкамъ, онъ замѣтилъ идущаго къ нему на встрѣчу человѣка. Первымъ взглядомъ опытнаго провинціала онъ заключилъ, что встрѣчный не изъ городскихъ, а вторымъ, что онъ ему не совсѣмъ незнакомъ. Онъ подошелъ поближе и вдругъ остановился.

—Ба!.. баронъ!

—Здравствуйте.

—Что, вы опять къ намъ?

—Нѣтъ; я только проѣзжаю.

—А коляска ваша?

—Она у почтоваго двора. Лошадей запрягаютъ, а пока я пошелъ прогуляться.

—Такъ-съ... Какой хорошенькой у васъ платочекъ носовой! фуляровой, что ли?

—Да́.

—Ахъ! позвольте взглянуть. Очень мило!

Баронъ вдругъ остановился и поблѣднѣлъ.

—Скажите, пожалуйста, спросилъ онъ трепетно:—отчего въ аптекѣ снята вывѣска?

—Какъ, вы развѣ не знаете?

—Нѣтъ.

—У насъ аптеки нѣтъ больше.

—А Францъ Иванычъ?

—Переѣхалъ въ губернскій городъ.

—Право? Отчего жь?

—Да такъ, послѣ несчастія не хотѣлъ оставаться.

—Послѣ какого несчастія?

—Какъ, вы и этого не знаете?

—Нѣтъ.

—Шарлотта-та Карловна...

—Ну?..

—Долго жить приказала.

—Умерла!!..

—Да вотъ никакъ ужь четвертый мѣсяцъ. А я думалъ, что вы это знаете. Да́, умерла, бѣдняжка. Вѣдь, помните, хорошенькая была! хоть бы въ столицѣ: сказали бы, что хорошенькая, право.

—Она долго была больна?

—Мѣсяцевъ восемь. Мужъ бѣдный не отходилъ отъ нея ни на шагъ. Да что́ тутъ дѣлать? Противъ чахотки нѣтъ средствъ. Вы пробудете день съ нами? Городничій нашъ женился на полькѣ. У него можемъ отобѣдать. Знаете что́? странность какая! Съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ женился, онъ совсѣмъ перестал хвалить полекъ—такой, право. Пойдемте къ нему.

—Нѣтъ, нѣтъ! Я спѣшу въ Петербургъ. Прощайте!

Изъ-за угла показалась дорожная коляска.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ

НА ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ.

Отрывокъ изъ журнала Серёжи.

(*Посвящено графу А. А. Бобринскому*).

С. Петербургъ. 17 сентября.

Куда какъ скучно осенью! Дачи опустѣли, городъ не наполнился. На дворѣ холодно и сыро. Мелкій дождикъ мѣшаетъ ходить пѣшкомъ. По улицамъ тянутся обозы съ мёбелью, по Невѣ плывутъ барки съ мёбелью; вездѣ мёбели, а нигдѣ нѣтъ знакомаго лица. Всѣ переѣзжаютъ; никто еще не переѣхалъ. Всѣ отдыхаютъ отъ лѣта; всѣ готовятся къ зимѣ. Отъ скуки дѣлается смѣшно. Я осени терпѣть не могу.

Чтó жь я стану дѣлать? Въ театрѣ мало народа. Въ домахъ никто не принимаетъ. Петербургъ просто невыносимъ. Поѣду-ка въ Царское Село покутить съ гусарами.

20 сентября.

Я ѣздилъ вчера въ Царское Село. Со мною былъ довольно-странный случай. Погода была туманная; шелъ небольшой дождь, и кàкъ мнѣ ни хотѣлось разсѣяться, мнѣ стало что-то грустно. Я закутался въ шинель и, отъ скуки, отправился на желѣзную до-

рогу. Какъ нарочно, въ залѣ ни души не было знакомой. Тиролецъ съ своей тиролькой немилосердо горланили какую-то глупую пѣсню. Два нѣмца курили въ углу сигары, да кадетъ, стоя у буфета, говорилъ съ буфетчикомъ и ѣлъ бутерброты. Я пошелъ въ кассу. Кассиръ меня знаетъ.

—Никто изъ гусаровъ ныньче въ Царское не ѣдетъ? спросилъ я.

—Никто, кажется.

—Изъ кирасировъ также?

—Также, кажется.

—Непріятно... Что́ это за скука! Дайте-ка мнѣ мѣсто въ 1-мъ отдѣленіи 1-й кареты. Тамъ все-таки встрѣчаются знакомые.

Онъ далъ мнѣ сдачи и я пошелъ походить по галереѣ. Прочитавъ внимательно на стѣнѣ объявленіе на трехъ языкахъ, что въ экипажахъ строжайше запрещается курить, я вынулъ изъ кармана сигарку, при второмъ звонкѣ попросилъ у кондуктора огня и отправился на свое мѣсто.

Садясь въ карету, я остановился въ недоумѣніи: мнѣ бросился сперва въ глаза одинъ кондукторскій красный флагъ, и я думалъ уже, что, къ довершенію моихъ неудачъ, я осужденъ былъ ѣхать въ совершенномъ одиночествѣ. Вдругъ легкое движеніе въ углу заставило меня обернуться. Со мною сидѣла дама. Она, отворотившись отъ меня, смотрѣла направо въ окно и не шевелилась, почему я весьма разсудительно заключилъ, что мое появленіе ей непріятно. «Это, впрочемъ, добрый знакъ», подумалъ я, «судьба моя мнѣ несовсѣмъ еще измѣнила».

Раздался третій звонокъ. Машина адски свиснула. Сосѣдка моя, испуганная свистомъ, вздрогнула невольно, но не перемѣнила своего положенія. Это мнѣ становилось досадно. Мы отправились, и я началъ разглядывать нарядъ ея.

Въ этомъ нарядѣ не было ничего особеннаго. Шелковая шляпка фіолетоваго цвѣта на косточкахъ, съ чернымъ вуалемъ; темный шотландскій плащъ съ большими клѣтками. «Должно-быть, какая-нибудь гувернантка безъ мѣста», подумалъ я, не зная почему. «Что-то долго скрываетъ она лицо: вѣрно уродъ уродомъ. Того-и-гляди, что красныя пятна на лицѣ, да лѣтъ пятьдесятъ въ придачу. Однакожъ, не худо бы удостовѣриться».

—Сударыня, сказалъ я почтительно: — васъ не безпокоитъ сигара?

Она медленно повернулась и кивнула головой. «Слава Богу! я ошибся: она очень недурна. Ей лѣтъ около тридцати. Черты у нея правильныя, но въ особенности глаза, какихъ я никогда не видывалъ: большіе, черные, огненные, однимъ словомъ, глаза у нея грузинскіе, а лицо нѣмецкое, продолговатое и бѣлое, со всѣмъ тѣмъ она, можетъ-быть, русская».

Она кивнула головой и безъ всякаго жеманства отвѣчала:

—Ничего-съ. Очень вамъ благодарна, извольте курить, а потомъ опять принялась смотрѣть вправо на сѣрое небо, на печальную равнину петербургской окрестности.

Меня начало мучить любопытство. «Кто бы она такая была? Провинціалка?—нѣтъ; она отвѣчала бы

мнѣ непремѣнно по-французски. Женщина легкаго поведенія?—нѣтъ: она отвѣчала бы мнѣ съ ужимками или не отвѣчала бы вовсе. Дама высшаго общества? — она не сидѣла бы одна, и притомъ я ихъ всѣхъ знаю. Чиновница?—она не была бы одѣта съ такимъ вкусомъ, отъ нея не вѣяло бы такой щеголеватостью въ ея движеніяхъ, въ произношеніи, въ цѣломъ существѣ. Иностранка?—она бы не говорила такимъ чистымъ русскимъ выговоромъ».

Я курилъ и смотрѣлъ на нее; она молчала и смотрѣла въ даль, отуманенную осеннимъ дождемъ. Изъ всего видно было, что она не хотѣла знакомиться и поддерживать разговора. Однако я не терялъ еще надежды.

—Ка́къ мы тихо ѣдемъ! сказалъ я.

Она поспѣшно ко мнѣ обернулась, какъ-будто бы я отгадалъ ея тайную мысль.

—Да́, отвѣчала она: — неимовѣрно-тихо. Который часъ?

Я поспѣшно вынулъ часы.

—Десять минутъ перваго.

—Мы десять минутъ только ѣдемъ. Я думала больше.

—А я думалъ меньше, перебилъ я, довольно-удачно.

Што́-то готовое превратиться въ улыбку промелькнуло на лицѣ ея, но до улыбки не дошло. Незнакомка поправила волосы и накинула свой плащъ на плечи. Я успѣлъ замѣтить, что ручка у нея была маленькая, плотно-обтянутая лайковою перчаткой, застегнутою пуговочкой. Я очень люблю, чтобъ пер-

іатка обливала руку, въ особенности, когда руки хороши.

Затѣмъ воспослѣдовало молчаніе, молчаніе самое упорное.

Я напрасно разсыпался въ любезностяхъ, напрасно исчислялъ версты, упоминалъ о серединѣ дороги, говорилъ о несчастіяхъ, о вагонахъ, объ удивительномъ бѣгѣ «Стрѣлы» и «Вадима»—ничто не удавалось! Она отвѣчала легкимъ наклоненіемъ головы, а потомъ снова занималась созерцаніемъ осенней природы.

—Вы, кажется, очень любите дождикъ? сказалъ я наконецъ съ досадой.

—Нѣтъ, я люблю осень, сказала она грустно.

Я только хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ и начать съ нею жаркій споръ относительно чувствительности, приложенной къ дурной пригодѣ — не тутъ-то было: проклятая машина подъѣзжала ужь къ Царскому Селу. Собесѣдница моя поспѣшно накинула на шляпку вуаль, и едва кондукторъ отворилъ дверцы, успѣла исчезнуть въ толпѣ. Я хотѣлъ броситься за ней въ погоню—и слѣдъ простылъ. Странная женщина! Кто̀ она такая? Я никогда не забуду выраженія глазъ ея, когда она сказала, что любитъ осень. Въ Царскомъ было мнѣ ужасно скучно. Гусары устали отъ ученья, рано легли спать. Вечеромъ пріѣхалъ я домой. Ночь была темная. Кто̀ бы она такая? Какъ ни ломаю головы—никакъ не могу догадаться.

20 сентября.

Я видѣлъ свою незнакомку нынче во снѣ. Она

была въ черномъ платьѣ и просила меня не узнавать кто она такая.

Странное дѣло! Видно, эта глупость меня занимаетъ, что я и во снѣ ее вижу.

А сказать правду, она этого не стóитъ. Но такъ созданъ человѣкъ. Вотъ чтó значитъ неизвѣстность! Какъ узнáю я, что эта барыня какая-нибудь совѣтница Прижимкина или жена какого-нибудь полковаго доктора, я въ тотъ же день ее забуду и мысль о ней никогда и въ голову мнѣ не прійдетъ. А теперь куда ни пойду: къ Елисѣеву устрицъ поѣсть, къ С. Жоржу пообѣдать съ пріятелями — все я думаю кáкъ бы не опоздать на машину; а на улицахъ мнѣ кажется, что всѣ женщины должны непремѣнно быть въ фіолетовыхъ шляпкахъ и въ шотландскихъ плащахъ.

26 сентября.

Я снова ѣздилъ въ Царское Село и опять ее встрѣтилъ. Мнѣ что-то предсказывало, что я ее долженъ былъ встрѣтить. Только, къ неудовольствію моему, нá этотъ разъ отдѣленіе наше было полнёхонько. Съ нами было трое чиновниковъ, пріѣхавшихъ изъ губерніи искать себѣ мѣста, да толстый баринъ, котораго я иногда встрѣчаю. Баринъ важничалъ съ чиновниками, говорилъ о своихъ связяхъ съ первыми нашими вельможами, предлагалъ свое покровительство и дулся какъ лягушка, подражающая быку. Чиновники, при каждомъ хвастовствѣ его, приподымались съ своихъ мѣстъ, прикладывались руками къ своимъ шляпамъ и почтительно улыбались всѣ вмѣстѣ, приговаривая «такъ-съ. Просимъ быть милостивымъ. Не откажите въ помощи. Будьте благо-

склонны». Послѣ чего они робко поглядывали другъ на друга, какъ-будто совѣстясь дышать однимъ воздухомъ съ такимъ значительнымъ лицомъ.

Сцена была самая комическая. Я сидѣлъ противъ незнакомой и невольно мигнулъ ей, показывая на собесѣдниковъ. На этотъ разъ улыбка выразилась вполнѣ. Лицо ея просіяло, какъ свѣтлый день послѣ дождя. Я какъ-будто въ первый разъ ее увидѣлъ.

—Вы опять въ Царское? спросилъ я.

—Да!

—Вы, кажется, часто туда ѣздите?

Она какъ-будто испугалась.

—Нѣтъ, нѣтъ, я очень рѣдко туда ѣзжу.

—Отчего же и не ѣздить? сказалъ я. Тамъ гулянья прекрасныя. И въ Павловскѣ бываетъ тоже очень весело. Въ особенности по воскресеньямъ, когда играетъ Германъ и воксалъ иллюминованъ китайскими фонарями.

Отъ воксала рѣчь перешла къ зимнимъ удовольствіямъ, отъ удовольствій свѣта къ семейнымъ наслажденіямъ, отъ семейной жизни къ занятіямъ и литературѣ. Она говорила обо всемъ остроумно, съ знаніемъ дѣла, но съ какимъ-то особымъ женскимъ нарѣчіемъ. Я находилъ необыкновенную прелесть въ словахъ ея, и, какъ казалось, и она меня слушала не совсѣмъ безъ удовольствія. Толстый господинъ вдругъ пересталъ важничать и бросалъ на насъ косвенные взгляды. Онъ, кажется, замѣтилъ, какъ мы улыбнулись, гляда на него, и примѣтно надулся. Вдругъ, какъ я только было-началъ говорить что-то

о стихотвореніяхъ Шенье́, онъ нагнулся къ моей сосѣдкѣ, отвратительно прищурилъ глаза и сладкимъ голосомъ спросилъ ее: — А здоровъ ли Максимъ Иванычъ?

Она видимо смутилась и отвѣчала вполголоса:

—Уѣхалъ...

Толстый господинъ продолжалъ:

—Уѣхалъ? Гм... Вотъ что́! Такъ это вы для разсѣянія изволите кататься?

Тутъ онъ улыбнулся съ такой наглостью, что я бы съ величайшимъ удовольствіемъ въ эту минуту его поколотилъ. Но кто же Максимъ Ивиновичъ? Вѣрно, ея мужъ, и онъ въ отлучкѣ. Это не худо принять къ сведенію.

27 сентября.

У меня не выходитъ изъ головы моя незнакомка. Вчера я опять отправился на желѣзную дорогу, надѣясь снова ее встрѣтить. И точно, подхожу къ кассѣ: она стоитъ передо мной и требуетъ себѣ билета во второе отдѣленіе. Вѣроятно, она боялась новой встрѣчи со мной. Мнѣ стало совѣстно. Ужь не оставить ли ее совсѣмъ. Богъ съ ней! Зачѣмъ ее преслѣдовать? И что́ за прокъ въ этомъ дѣтскомъ упрямствѣ? Такъ нѣтъ же, не будетъ же сказано, чтобъ я отказался отъ приключенія, гдѣ бы то ни было, не только на желѣзной дорогѣ. Я поспѣшно взялъ мѣсто во второмъ отдѣленіи, догналъ свою таинственную красавицу и поклонился ей ужь съ видомъ стараго знакомаго.

—Счастлива судьба моя, сказалъ я довольно-развязно:—я снова имѣю счастіе ѣхать съ вами.

Она отвѣчала мнѣ довольно-сухо. Однако ей нечего было дѣлать. До отъѣзда оставалось десять минутъ. Пріѣхавшіе изъ Царскаго Села пассажиры наполняли залы; между ними показалась толстая фигурка вчерашняго барина. Онъ взглянулъ на насъ насмѣшливо, даже нахально, сказалъ что-то на-ухо товарищу и исчезъ въ толпѣ. При появленіи его, моя собесѣдница явно испугалась. Но вотъ зазвенѣлъ колокольчикъ. Всѣ сѣли по мѣстамъ; мы отправились. Насъ было четверо. Мы двое да двѣ незначительныя фигуры: одна съ русскимъ журналомъ въ рукахъ, другая въ полномъ усыпленіи. Случай былъ прекрасный. Я думалъ возобновить вчерашнюю бесѣду и быстро подвинуть свои дѣла — не тутъ-то и было. Красавица была разстроена, даже разгнѣвана. Она отвѣчала мнѣ отрывисто: я очевидно мѣшалъ ей. Быть-можетъ, я попалъ на слѣдъ какой-нибудь интриги. Сказать правду, самолюбіе мое было задѣто: мнѣ было оскорбительно ея равнодушіе. Однако не влюбленъ же я въ нее; а еслибъ и влюбился, трудъ мой былъ бы трудъ напрасный. По всему видно, что мѣсто должно быть занято, не говоря уже о Максимѣ Ивановичѣ. Со всѣмъ тѣмъ я человѣкъ извѣстный; одно приличіе требуетъ болѣе учтивости. Нѣтъ, это вамъ даромъ не пройдетъ, моя прекрасная: я все узнаю, допытаюсь, ктó вы такова и зачѣмъ вы ѣздите каждый день въ Царское Село. Когда мы пріѣхали, она опять поспѣшно скрылась, только на этотъ разъ я выскочилъ за ней и не потерялъ ее изъ виду. Она пошла пѣшкомъ оглядываясь на всѣ стороны, по разнымъ улицамъ, спустя

вуаль на глаза, и наконецъ дошла до одного домика, передъ которымъ остановилась, какъ-будто ожидая кого-то. Черезъ нѣсколько времени вышла старуха въ тѣлогрѣйкѣ, оглядѣлась и махнула пестрымъ платкомъ. Незнакомка поспѣшно къ ней бросилась и обѣ исчезли въ калиткѣ. Я притаился подъ заборомъ и все видѣлъ издали, но онѣ меня, кажется, не замѣтили. Пообождавъ немного, я добрался до таинственнаго домика. Наружность его вовсе некрасивая. На воротахъ прибита доска съ № 139, и съ надписью, что домъ IV-го квартала принадлежитъ коллежской регистраторшѣ Бубновой. Случившійся тутъ мальчикъ объяснилъ мнѣ, что здѣсь живетъ живописецъ. На этотъ разъ довольно. Я пошелъ къ своимъ пріятелямъ, гусарамъ, и былъ удивительно разсѣянъ. Мнѣ было и весело и грустно, и смѣшно и досадно. Отчего бы это?..

29 сентября.

Я не видалъ ее нынче. Былъ на машинѣ, искалъ ее во всѣхъ линѣйкахъ, во всѣхъ отдѣленіяхъ, ея не нигдѣ не было. Жаль! Я какъ-то привыкъ къ ней, привыкъ къ ея мѣсту. Мнѣ не хотѣлось видѣть другаго лица на этомъ мѣстѣ; я самъ на него сѣлъ. А пріѣхалъ-то я, правду сказать, на машину съ тѣмъ, чтобъ поссориться съ нею, наговорить ей колкостей, изобличить ее въ порочной связи... Съ какого права—самъ не знаю. Вмѣсто того, я ее не видалъ и глупый гнѣвъ мой рушился. Мнѣ было жаль только, что я ее не могъ видѣть. Пускай ее дѣлаетъ что́ хочетъ, я одного лишь хочу: видѣть и слушать ее, какъ простой знакомый, безъ домогательства и пла-

номъ. Въ Царскомъ Селѣ мнѣ было очень скучно. Къ гусарамъ я не пошелъ, а гулялъ около дома Бубновой. Погода была туманная; небо какъ-бы облило свинцовымъ куполомъ пожелтѣвшія поля. На самомъ краю города печальный домикъ высовывалъ свои черныя трубы и сѣрую крышу. И вдругъ изъ домика вышла вчерашняя старуха съ высокимъ человѣкомъ, плотно-закутаннымъ въ плащъ. Онъ сказалъ нѣсколько словъ старухѣ, погрозилъ ей пальцомъ и скрылся въ туманѣ, бросивъ на меня издали нѣсколько взглядовъ, подобныхъ сверкающимъ углямъ. Онъ казался сердитъ, а старуха стояла передъ нимъ со страхомъ и почтеніемъ. Видно, онъ, какъ и я, ошибся въ своемъ ожиданіи. Ну, слава Богу! послѣ этого мнѣ не такъ досадно, что она нынче не пріѣхала.

1 октября.

А дѣло, кажется, можетъ объясниться весьма просто. Жена, которая обманываетъ отсутствующаго мужа, или увѣряетъ его, что ѣздитъ навѣщать вымышленную племянницу, тётушку, а сама пробирается въ подозрительный домъ, гдѣ гнусная старуха доставляетъ ей свиданія съ какимъ-нибудь отставнымъ кирасиромъ—что жъ тутъ необыкновеннаго, и къ чему такое вседневное происшествіе меня нынче такъ сердитъ и мучитъ? Не стану вовсе думать о ней. Чтó нынче въ театрѣ? Старая опера да новая драма. И то и другое чрезвычайно скучно. Не поѣхать ли къ моей милой графинѣ? Да нѣтъ, у нея будутъ гости, вздыхатели, поклонники; а я никого не хочу видѣть. Читать тоже не могу; рус-

скихъ книгъ читать не́ зачѣмъ, а французскія надоѣли. Вся эта приторная, поддѣльная природа мнѣ опротивѣла. Я не знаю, почему душа моя разнѣжилась. Мнѣ хотѣлось бы любить кого-нибудь, любить не такъ, какъ любятъ у насъ въ свѣтѣ, съ приличіемъ и разсчетомъ, а любить истинно, пламенно, дышать чужою жизнью, радоваться чужой радостью, горевать чужимъ горемъ. Ка́къ жаль, что моя таинственная знакомка не заслуживаетъ никакого уваженія! Въ ней видно, что она доступна глубокому чувству, что она способна къ безусловной преданности. Впрочемъ, женщины такъ обманчивы, такъ хорошо притворяются! Уменъ, кто старался ихъ избѣгать: онъ не испыталъ, быть-можетъ, большаго блаженства, но за-то не испыталъ тоже большаго разочарованія, большой печали и большой досады.

3 октября.

Я ее опять видѣлъ. При видѣ моемъ она покраснѣла; въ глазахъ ея выразилось что́то похожее на удовольствіе, но въ то же время и на страхъ. Сердце мое сильно забилось, надежда блеснула вдали: она замѣтила мою настойчивость. Кто́ знаетъ, быть-можетъ, ей это непріятно. И точно, иначе она не старалась бы такъ тщательно избѣгать знакомства со мною. Но что́ жь значитъ тогда ея поѣздки въ Царское Село? зачѣмъ она прячется? чего она боится? Ужь во что́ бы ни стало, все узнаю. А что́ ни говори, когда женщина скрывается, въ дѣло непремѣнно вмѣшалась любовь. Съ нами сидѣли англичане, ѣхавшіе осматривать достопримѣчательно-

сти царскаго пребыванія. Незнакомка сама начала со мною разговоръ о погодѣ, о театрѣ, о чужихъ краяхъ, только отклоняла всегда все, чтò могло касаться собственно до нея. Разговоръ ея былъ оживленъ, разнообразенъ, даже веселъ, и въ немъ было такое очарованіе, что я заслушивался невольно; и чѣмъ болѣе эта странная женщина казалась мнѣ привлекательною, тѣмъ болѣе воспоминанія о калиткѣ, о живописцѣ, о старухѣ становились для меня мучительнѣе и обиднѣе. Наконецъ я не вытерпѣлъ.

—У васъ много знакомыхъ въ Царскомъ? спросилъ я.

—Нѣтъ, отвѣчала она:—почти никого.

—А домъ коллежской регистраторши Бубновой? спросилъ я:—№ 139?

Она вся поблѣднѣла, губы ея задрожали. Она бросила на меня взглядъ, исполненный умоляющей укоризны, и задыхающимся голосомъ сказала мнѣ шопотомъ:

—Вы честный человѣкъ?

—Надѣюсь, отвѣчалъ я.

—Дайте мнѣ честное слово, что прежде недѣли вы не будете стараться узнать кто я...

—Извольте; только съ условіемъ.

—Съ какимъ условіемъ:

—Объясните мнѣ загадку вашего существованія, и зачѣмъ вы ѣздите украдкой къ этому живописцу?

Она немного подумала, а потомъ отвѣчала рѣшительно:

—Приходите въ четвергъ, черезъ недѣлю: я вамъ разскажу свою исторію. Только цѣлую недѣлю, цѣлую

недѣлю—слышите ли? вы обязаны не ѣздить въ Царское Село и не разспрашивать никого обо мнѣ. Если вы согласны, то я вамъ все объясню въ будущій четвергъ; если нѣтъ—мы никогда не увидимся.

—Согласенъ, согласенъ! сказалъ я.

—Честное слово?

—Честное слово.

Мы разстались.

7 октября.

Ка́къ тихо идетъ время! Шутка ли, недѣля, цѣлая недѣля—и не ѣздить въ Царское Село! Да и хороша ли она въ-самомъ-дѣлѣ? Глаза у ней, правда, хороши, ручка хорошенькая, ротъ недуренъ, носъ удивительный, станъ прекрасный; но, главное, это гармонія всѣхъ частей—это прелесть цѣлаго. Я много видалъ женщинъ лучше ея, но никогда не видывалъ такой очаровательной. Любопытно бы знать, что́ она мнѣ разскажетъ, и въ особенности, ка́къ сознается въ свиданіяхъ у живописца? Я слышалъ когда-то исторію, гдѣ, подъ предлогомъ портрета, развертывалась любовная интрига. Того-и-гляди, что будетъ то же самое. А жаль! очень жаль! Она мнѣ необыкновенно нравится; и кто знаетъ? мнѣ сдается, что и я бы могъ ей понравиться; мы могли бы быть счастливы, понять другъ друга; но этотъ домъ со старухой и живописцемъ будетъ вѣчной преградой между нами. А еслибъ она была добродѣтельная женщина, вѣдь я не могъ бы на ней жениться. Въ моемъ положеніи, я могу сдѣлать только приличную партію; жениться на извѣстномъ имени, согласно всѣмъ условіямъ общежитія. Все это правда; но за-

то любовь къ ней была бы моимъ тайнымъ сокровищемъ, моей сокровенной радостью, которую бы я завистливо таилъ отъ людей, чтобъ они не испортили ее своимъ прикосновеніемъ. Увы! и все это пустая мечта, мысль несбыточная. Она любитъ другаго; она во власти другаго; она боится другаго, и ей передъ свѣтомъ, передо мной, въ моихъ глазахъ грозятъ, осмѣливаются грозить именемъ какого-то Максима Ивановича!

11 октября.

Виноватъ, моя таинственная красавица, виноватъ я и грѣшенъ передъ вами. Кáкъ бы собрать мои воспоминанія? Кáкъ бы записать все, чтó я слышалъ, все, чтó было вчера.

Я пріѣхалъ за полчаса до отъѣзда машины и взялъ всѣ восемь билетовъ перваго отдѣленія, чтобъ избавиться отъ постороннихъ слушателей. Время шло въ мучительномъ ожиданіи. Въ каждой дамѣ, которая издали показывалась, я надѣялся узнать ее; подъ каждой шляпкой я искалъ лица ея, только все напрасно: она не показывалась. Наконецъ, колокольчикъ зазвенѣлъ въ первый разъ—ея нѣтъ; зазвенѣлъ во второй разъ—ея нѣтъ какъ нѣтъ. Ужь не обманула ли она меня? ужь не посмѣялась ли она надъ моимъ легковѣріемъ? Это хоть кого взбѣситъ. Прошло четыре минуты послѣ втораго звонка. Я вдругъ, по какому-то электрическому ощущенію, почувствовалъ, что она недалеко, и точно, она стояла со мною рядомъ.

—Ну, слава Богу! сказалъ я:—слава Богу, вы чуть-чуть не опоздали. Вотъ вашъ билетъ,

Кондукторъ насъ посадилъ и лукаво улыбнулся. Богъ съ нимъ! Пускай его думаетъ чтó хочетъ.

Незнакомка казалась довольно-весела и въ глазахъ ея выражалась необыкновенная нѣжность, чему, сказать правду, я весьма обрадовался, хотя видъ ея и вселяетъ во мнѣ всегда какую-то невольную робость; но въ улыбкѣ ея выражалось въ то же время чтó-то насмѣшливое и торжествующее, весьма для меня непріятное. Я ожидалъ смущенія, трепета, раскаянія. Я думалъ, что она будетъ бояться нашего объясненія, а вмѣсто того я чувствовалъ себя совершеннымъ школьникомъ передъ ея самоувѣренностью.

—Вы сдержали слово? спросила она.

—Какое?

—Не старались узнать ктó я? не слѣдили за моими поступками впродолженіе цѣлой недѣли?

—Я исполнилъ въ точности ваше приказаніе.

—Благодарю васъ отъ всего сердца, сказала она и протянула мнѣ свою ручку съ такимъ искреннимъ чувствомъ, что я ее невольно съ жаромъ поцаловалъ, даже, кажется, жару было слишкомъ много, потому-что она поспѣшно ее отдернула.

—Вы исполнили обѣщаніе ваше, какъ честный человѣкъ, продолжала она весело:—теперь остается мнѣ исполнить свое. Моя жизнь, если не цѣлый романъ, то по-крайней-мѣрѣ большая повѣсть, и на-дняхъ я ожидаю ея развязки...

—Въ домѣ Бубновой? спросилъ я.

Она взглянула на меня пристально и засмѣялась.

—Дá, въ домѣ Бубновой.

—И въ вашей повѣсти, какъ во всѣхъ повѣстяхъ, завязка основана на любви?

—Такъ точно.

Мнѣ становилось досадно.

—И предметъ этой любви, продолжалъ я отрывисто:—обитаетъ также въ домѣ Бубновой?

—Такъ точно.

Такая откровенность становилась нестерпимою.

«И этотъ герой» подумалъ я, «кудрявый юноша въ очкахъ, непонятный поэтъ, разочарованный кандидатъ, или армейскій офицеръ, или, чего добраго, иностранецъ какой-нибудь, съ черными усами, съ черной бородой, въ плащѣ съ сверкающими глазами, съ видомъ падшаго ангела».

Къ счастью, я всего этого не сказалъ, а спросилъ только вспыльчиво:

—А герой вашъ кто?

—Мой герой, сказала она:—кудрявый, краснощекій и рѣзвый. У него глаза голубые, а голосъ такой нѣжный, что, при одной мысли о немъ, сердце мое бьется.

—Да кто жь онъ? спросилъ я съ безпокойствомъ.

Она кротко улыбнулась; лицо ея просіяло отблескомъ невыразимаго чувства.

—Мой сынъ, сказала она.

Я посмотрѣлъ на нее, какъ одурѣлый.

—Въ домѣ Бубновой, изволите видѣть, у живописца, живетъ мой сынъ; онъ на-дняхъ былъ боленъ, бѣдненькій, очень боленъ. Только теперь ему лучше; онъ почти совсѣмъ выздоровѣлъ. А я какъ въ это время измучилась!

—Да зачѣмъ же вы скрываете свои посѣщенія? спросилъ я, невольно одолѣваемый новымъ сомнѣніемъ.

—Въ томъ-то и состоитъ исторія, которую я обязалась вамъ разсказать. Только вы, кажется, не расположены ныньче слушать.

—Напротивъ, напротивъ, ради Бога разскажите.

—Ну, такъ слушайте же и не перебивайте. Я начну, какъ начинаются старыя повѣсти.

«Я родилась отъ небогатыхъ родителей... Не правда ли, это начало въ самомъ классическомъ вкусѣ? Батюшка мой былъ честный и добрый человѣкъ, родомъ нѣмецъ, находился въ русской службѣ и жилъ въ Варшавѣ. Матушка моя была полька. Больше вы о моей фамиліи ничего не узнаете. Собственныя имена, какъ вамъ извѣстно, исключаются изъ нашего знакомства.

«Теперь продолженіе классической повѣсти. Я воспитывалась въ пансіонѣ до семнадцати лѣтъ, а потомъ меня выдали замужъ за человѣка, котораго фамилію я ношу донынѣ, но, я думаю, не надолго.

—Какъ?... воскликнулъ я.

—Да слушайте же! То, что́ я буду вамъ разсказывать, сбивается немного на исповѣдь. Противъ нашего пансіона жилъ богатый человѣкъ, спѣсивый до крайности, а ума самаго посредственнаго. У него былъ сынъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, который съ утра до ночи сидѣлъ у своего окошка и чувствительно смотрѣлъ на насъ. Вы знаете пансіонское воспитаніе. Вмѣсто уроковъ, мы думали о своемъ сосѣдѣ; шептали цѣлый день между собой о ры-

царяхъ, о идеальной любви, и предавались самой глупой, самой опасной мечтательности. Я была еще почти ребенкомъ тогда. Сосѣдъ нашъ началъ—какъ это тоже водится въ пансіонахъ—подсылать мнѣ записочки, которыми я очень гордилась передъ моими подругами. Послѣ я узнала, что до отца моего поклонника дошли вѣсти о его шалости, что отецъ ужасно разсердился и услалъ его въ чужіе краи....

—И его имени я также не узнаю? спросилъ я.

—Нѣтъ, его имя я вамъ скажу, пожалуй. Его звали по-вашему Максимъ Иванычъ.

—И вы за него вышли потомъ замужъ?

—Нѣтъ. Когда онъ уѣхалъ, меня взяли изъ пансіона и выдали замужъ за другаго. Въ семнадцать лѣтъ, кажется, за кого ни выходишь—все-равно, разумѣется, чтобъ не былъ только уродъ какой-нибудь. Со мною было иначе. Я Максима Иваныча любила со всѣмъ ребяческимъ восторгомъ дѣвочки, полагающей страсть въ стишкахъ, въ восклицаніяхъ, въ романическихъ приключеніяхъ, въ перепискѣ, гдѣ тратится много бумаги и здраваго смысла. Однако, дѣлать было нечего. Меня нарядили и повезли со слезами къ вѣнцу.

«Замужемъ, могу сказать, я была очень несчастлива. Мужъ мой былъ человѣкъ ревнивый и подозрительный... ну, да проститъ его Богъ! Мы переѣхали въ прошломъ году въ Петербургъ и хотѣли посѣщать общество не большое, ваше общество, а только малый кругъ нашихъ варшавскихъ знакомыхъ. Вообразите мое удивленіе и страхъ: въ театрѣ первое попавшее ся мнѣ лицо—Максимъ

Иванычъ. Онъ подурнѣлъ, постарѣлъ, обросъ бакенбардами. Увидѣвъ меня, онъ бросился къ намъ въ ложу. Я его представила мужу, который, не знавъ прежнихъ нашихъ отношеній, былъ на этотъ разъ довольно благосклоненъ и пригласилъ его насъ навѣщать. Максимъ Иванычъ съ радостью принялъ предложеніе. Я замѣтила—вы знаете, женщины въ этомъ рѣдко ошибаются — что прежнее его чувство не было шуткой, и что время его не измѣнило, и къ тому же онъ такой благородный, такой истинно-добрый человѣкъ. Вообразите, онъ очень богатъ, и все богатое наслѣдство, которое онъ получилъ, служитъ ему только для вспомоществованія бѣднымъ...

—И вы его любите? спросилъ я трепетно.

Она не отвѣчала, но не смутилась, не покраснѣла, не засмѣялась, а только задумчиво вздохнула.

—Ради Бога, продолжалъ я:—вы уже испытали мою скромность, ради Бога, выведете меня изъ мучительнаго сомнѣнія, скажите мнѣ:—любите ли вы его?...

—Нѣтъ, отвѣчала она рѣшительно: — я ужь не прежняя пансіонерка. Я не вѣрю болѣе ни въ луну, ни въ стихи. Нѣтъ, я никого не люблю, и это, быть-можетъ, большое несчастіе.

—Какъ, отчего?

—Послѣ узнаете; а теперь слушайте, иначе я не успѣю окончить: мы уже скоро подъѣдемъ къ московской дорогѣ. Я вамъ не сказала, что мужъ мой былъ игрокъ, и такъ-какъ извѣстно было, что Максимъ Иванычъ человѣкъ весьма богатый, мужъ мой имѣлъ цѣлью его объиграть. Вы себѣ вообразить не

можете, что это за несчастіе быть женой игрока! Иногда груды золота, иногда совершенное нищенство, и всегда безпокойство, страхъ, безсонница, всю ночь крики, брань, проклятія. Еслибъ у меня не было сына, я думаю, что я сошла бы съ ума; но съ-тѣхъ-поръ, какъ священная обязанность дала новое направленіе моей жизни, я все переносила терпѣливо. Несмотря на всѣ приглашенія, Максимъ Иванычъ не игралъ, а обыкновенно сидѣлъ у меня въ гостиной, когда въ сосѣдней комнатѣ золото звенѣло на ломберныхъ столахъ. Онъ полюбилъ моего сына, держалъ его часто на колѣняхъ, а на меня глядѣлъ съ участіемъ и сожалѣніемъ. Это было чрезвычайно досадно моему мужу. Кто-то, добрый человѣкъ, знавшій насъ въ Варшавѣ, разсказалъ ему мои прежнія сношенія съ Максимомъ Иванычемъ. Съ-тѣхъ-поръ жизнь моя сдѣлалась настоящимъ адомъ. Мужъ мой оскорблялъ меня поминутно, и при свидѣтеляхъ. Максимъ Иванычъ вступился, и былъ обиженъ самыми дерзкими словами. Они дрались. Мужъ мой былъ раненъ. Бѣшенство его не имѣло границъ. Знаете ли что?... онъ выгналъ меня изъ дому, и выгналъ безъ сына... безъ сына, для котораго я только еще могла жить. Максимъ Иванычъ былъ моимъ единственнымъ утѣшителемъ; какъ добрый человѣкъ, онъ терзался мыслью, что былъ виною моего несчастія. Не прошло мѣсяца, игорный домъ моего мужа рушился: у него случилась какая-то непріятная исторія. Знаю только, что.... шумъ былъ ужасный. Мужъ мой принужденъ былъ бѣжать, чтобъ избавиться отъ полиціи, и долженъ былъ скрыться

съ сыномъ своимъ у бѣднаго живописца, въ домѣ Бубновой. Мнѣ, разумѣется, запрещено было видѣть моего ребенка. Но на-дняхъ старая нянька увѣдомила меня, что онъ боленъ. Вы, какъ мужчина, не можете понять того, что́ со мной тогда сдѣлалось... Мой сынъ боленъ—и я разлучена съ нимъ! Но я на все рѣшилась, чтобъ только его видѣть. Когда мужъ мой уходилъ хлопотать о своемъ дѣлѣ, нянька подавала мнѣ знакъ, я трепетно прокрадывалась черезъ заднее крыльцо и входила въ комнату, гдѣ бѣдный мой сынъ, семилѣтній мальчикъ, лежалъ въ лихорадкѣ, въ бреду, въ судорогахъ, и призывалъ, въ безпамятствѣ, имя покинувшей его матери!

—А Максимъ Иванычъ?... спросилъ я.

—Максимъ Иванычъ уѣхалъ въ Польшу выхлопотать мнѣ разводную и право вытребовать моего сына. Разводная подписана, но сына я не могу получить безъ согласія отца—и это меня мучитъ. Что́ изъ него будетъ съ такими примѣрами въ глазахъ? Чему онъ научится? Какая ожидаетъ его будущность? Какое онъ получитъ воспитаніе вдали отъ попеченій матери, оставаясь орудіемъ мести въ рукахъ мстительнаго человѣка?

Слезы навернулись на глазахъ ея. Она замолчала.

Въ это время мы подъѣзжали къ Царскому Селу. На галереѣ толпился народъ, любопытствующій видѣть пріѣзжающихъ. Между прочими, мелькнулъ и намедништій баринъ, съ своей сатанинской улыбкой.

—Ахъ! воскликнула моя незнакомка:—теперь я

его узнала. Онъ былъ въ числѣ тѣхъ людей, которые играли у моего мужа по ночамъ....

12 октября.

Странный разсказъ. Не выдуманъ ли?.. Да къ чему ей выдумывать? И кто этотъ Максимъ Ивановичъ? И кто она сама? Мнѣ казалось, когда она говорила, что глаза ея глядѣли на меня съ особеннымъ выраженіемъ; тогда она останавливалась, вздыхала, и въ чертахъ ея, когда она говорила, что никого болѣе не любитъ, ясно выражалось, что она можетъ еще любить. Какая музыка въ ея голосѣ! какое очарованіе въ ея взорѣ! какъ много у нея увлекательнаго, и какъ хороша она, когда говоритъ!

Такъ и быть, кто бы вы ни были, какъ бы васъ ни называли, я чувствую, что сердце мое увлекается вами; я чувствую, что я готовъ васъ любить... что я люблю васъ... Черты ваши, хотя неясно, но вездѣ слѣдуютъ за мною. Съ людьми мнѣ скучно. Театръ мнѣ опротивѣлъ, Невскій Проспектъ надоѣлъ. Жизнь моя, радость, счастье—на желѣзной дорогѣ. Я ожидаю съ трепетомъ минуты, когда надо ѣхать на машину. Должно признаться, великій человѣкъ былъ тотъ, который первый выдумалъ паровозы, да и слава тому, кто первый устроилъ желѣзные рельсы между Петербургомъ и Царскимъ Селомъ.

13 октября.

Я ее видѣлъ, видѣлъ такъ, какъ еще никогда не видалъ: на ней была прелестная шляпка съ кружевами, бархатная мантилья и черное платье. Никогда она еще не была такъ хороша. Я любовался и заглядывался. Она кивнула мнѣ головой. На устахъ ея

выражалась улыбка, но въ глазахъ ея было замѣтно безпокойство.

Мы сѣли въ вагонъ. Съ нами сидѣли нѣмецкій актёръ да два несносные болтуна, которые во всю дорогу не переставали разсказывать городскія новости, причемъ немилосердо хвастали другъ передъ другомъ своими знакомствами и успѣхами въ большомъ свѣтѣ. Ни я, ни незнакомка, мы не смѣли сперва говорить, но украдкой поглядивали другъ на друга, и въ этомъ нѣмомъ разговорѣ была какая-то особенная прелесть. Иногда я замѣчалъ, что она глядѣла на меня съ выраженіемъ тихой грусти, и я отвѣчалъ ей взглядомъ, гдѣ выражалась вся душа моя, и, должно-быть, она вполнѣ его понимала, потому-что отворачивалась съ легкимъ румянцемъ на щекахъ. По всему видно было, что безпокойство матери прошло, а чувство женщины брало верхъ. Школьникъ, на моемъ мѣстѣ, заговорилъ бы непремѣнно шопотомъ, и тѣмъ обратилъ бы вниманіе всѣхъ присутствующихъ; но я давно знаю, что въ свѣтѣ подслушиваютъ, а не слушаютъ, и потому, чтобъ тайна осталась тайной, надо говорить не на́ ухо, а вслухъ. Когда франты мои распространялись въ описаніи прекраснаго устройства дома графини З., котораго они, ни тотъ ни другой, не видали, я воспользовался минутой, чтобъ выгрузить сомнѣніе, лежавшее камнемъ на моей душѣ.

—Что́ дѣлаетъ Максимъ Иванычъ? спросилъ я. Она поняла мою хитрость, немного покраснѣла и отвѣчала:

—Онъ вчера пріѣхалъ, только нездоровъ.

—Чѣмъ же онъ нездоровъ?

Она какъ-будто дохнула неожиданное, изумившее меня слово—ревностью.

—Къ чему жь?

Она вспыхнула и отвѣчала съ робостью, едва-внятно:—къ желѣзной дорогѣ.

Счастье заиграло въ моей душѣ.

—А я такъ боялся, чтобъ онъ не женился вскорѣ.

—И я тоже боялась, только свадьба, кажется, разстроена; въ дѣло вмѣшался старый игрокъ и надѣлалъ Богъ-знаетъ какихъ сплетней.

Она не хотѣла оправдываться, хотя и должна бы, можетъ-быть, для сына, да что̀ дѣлать, въ ней много гордости.

—А любви мало, сказалъ я съ восторгомъ.

Она покачала головой и посмотрѣла на меня такъ грустно, такъ грустно, что мнѣ захотѣлось плакать.

Какъ, не-уже-ли она пожертвуетъ мнѣ счастливой судьбой, богатымъ женихомъ, воспитаніемъ сына! Я не долженъ принять этой жертвы, я долженъ отклонить ее отъ безумнаго порыва, минутнаго предпочтенья, ка́къ бы оно ни было сладко для моего сердца и для моего самолюбія. Мы мало говорили въ остальное время пути. Она, казалось, о чемъ-то думала и терзалась внутренней борьбой, а я былъ такъ счастливъ, что не находилъ словъ.

14 октября, 5 часовъ утра.

Я всю ночь не спалъ, всю ночь я слышалъ ея голосъ, видѣлъ ея грустный взглядъ. Богъ съ ней! Я не хочу ей быть препятствіемъ. Другой бы не по-

вѣрилъ ея словамъ, но въ ея голосѣ столько истины и благородства, что я чувствую, что она говоритъ правду. Нѣтъ, я не буду причиною размолвки ея съ благодѣтелемъ. Нѣтъ, рѣшено: я не буду ѣздить больше на желѣзную дорогу, къ тому же, у насъ нынче ученье... Правда, послѣ ученья я успѣлъ бы еще... А потомъ, имѣю ли я право склонять ее на поступокъ, который ей самой не нравится? Съ какого повода могу я располагать судьбой женщины, которой я даже имени не знаю? Быть-можетъ, я долженъ остановить ее на краю новой пропасти; быть-можетъ, она меня точно любитъ, любитъ безумно, сама не зная почему, какъ всѣ женщины, которыя любятъ, а я буду неумолимъ и жестокосердъ! Да это будетъ не только глупость, а дурной поступокъ, непростительная неблагодарность, смѣшное рыцарство.

Ѣду! рѣшено! Хоть въ послѣдній разъ, да поѣду. А ученье? Ну, послѣ ученья; какъ-нибудь да успѣю.

14 октября, вечеромъ.

Опять новое странное приключеніе. Я опоздалъ немного на машину: ученье задержало. Когда я пріѣхалъ, почти всѣ мѣста были уже заняты, а кондукторы притворяли дверцы. Я взглянулъ въ первое отдѣленіе. Изъ коллекціи уродливыхъ головъ выдвинулась прелестная головка въ фіолетовой шляпкѣ и взглянула на меня съ выраженіемъ упрека. Чортъ побери, что за досада! а дѣлать нечего. Я бросился въ ближнее отдѣленіе, а черезъ секунду за мною бросился какой-то господинъ, тоже опоздав-

шій, какъ я. Онъ казался утомленъ. Наружность его была благородная, хотя онъ вовсе не былъ хорошъ собой. Бѣлый мэкинтошъ уродовалъ еще болѣе и безъ того довольно-дюжую талію, а густые бакенбарды рѣзко оттѣняли смуглыя черты. Онъ взглянулъ на меня съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ. Я стиснулъ въ зубахъ сигару и всю дорогу не говорилъ ни слова. Мнѣ казалось, что машина двигалась какъ черепаха. Господинъ меня разсматривалъ. Чтó жь тутъ удивительнаго? Меня всѣ знаютъ; въ театрѣ, на гуляньяхъ, вездѣ я слышу, кáкъ чиновники и франты называютъ меня по имени, да и мнѣ тоже кажется, что я этого господина гдѣ-то видѣлъ... кажется, въ концертахъ. Онъ долженъ быть любителемъ музыки, а впрочемъ, не помню. У меня столько знакомыхъ, которыхъ я не знаю.

Наконецъ пріѣхали. Господинъ въ мэкинтошѣ вышелъ прежде меня, подошелъ къ моей незнакомкѣ, поклонился ей, сказалъ ей нѣсколько словъ, которыя она, какъ я замѣтилъ, выслушала довольно-разсѣянно. И вдругъ она опрометью бросилась къ углу галереи, къ мѣсту, гдѣ старая русская нянька, съ повязаннымъ на головѣ платкомъ, держала за руку прекраснаго мальчика въ русскомъ кафтанчикѣ и въ кучерской шапкѣ. Господинъ въ мэкинтошѣ стоялъ задумавшись и не трогаясь съ мѣста. Меня начало вдругъ мучить любопытство. «Вотъ» подумалъ я, «прекрасный случай! Условія кончены. Я не связанъ болѣе словомъ. Теперь я могу узнать, ктó она такая».

Я учтиво поклонился человѣку, съ которымъ я

не хотѣлъ знакомиться въ каретѣ. Онъ отвѣчалъ мнѣ довольно-сухимъ поклономъ.

—Извините нескромный вопросъ, сказалъ я.

—Что́ прикажете?

—Позвольте спросить, какъ фамилія этой дамы, съ которой вы сейчасъ изволили говорить?

Онъ посмотрѣлъ на меня недовѣрчиво. — Полноте, какъ вамъ не знать!

—Право, не знаю.

—Развѣ вы у этой дамы не бываете?

—Нѣтъ.

—И вы не знаете гдѣ она живетъ?

—Нѣтъ.

—И даже имени не знаете?

—Нѣтъ.

—Однакожь, вы съ нею знакомы?

—Имѣлъ счастье нѣсколько разъ ѣздить съ ней по желѣзной дорогѣ.

—И нигдѣ, кромѣ желѣзной дороги, съ ней не говорили?

—Нигдѣ.

—Честное, благородное слово?

—Да́, честное, благородное слово.

Господинъ въ мэкинтошѣ бросился ко мнѣ на шею и началъ душить въ своихъ объятіяхъ. Я подумалъ, что онъ съ ума сошелъ.

—Полноте... полноте... что́ вы!

—Есть же на свѣтѣ мерзавцы, кричалъ онъ:—выдумали Богъ знаетъ что́: что у васъ каждый день свиданія; что она меня обманываетъ. Ну то-то, я и самъ это думалъ: она не могла меня обмануть... По-

зволльте обнять васъ! еще, еще разъ. Вы мой избавитель... вы возвратили мнѣ спокойствіе... вы благодѣтель мой, вы... я... съ этими словами онъ бросился вслѣдъ за моей незнакомкой, а фамиліи ея я все-таки не узналъ.

15 октября.

Нынче получилъ я записку безъ подписи.

«Вы меня вчера выдали замужъ. Максимъ Ива-«нычъ столько для меня сдѣлалъ, что я не могу и не «должна ему отказать. Онъ говоритъ, что, для моей «доброй славы, для моего сына, я обязана сдѣлаться «его женою, и я чувствую, что онъ правъ. Да будетъ «воля Божія! Максимъ Иванычъ, узнавъ отъ из-«вѣстнаго вамъ игрока наше знакомство, былъ очень «безпокоенъ. Но вы его успокоили. Моему первому «мужу нѐ для чего болѣе скрываться. Дѣло его по-«кончили съ условіемъ, чтобъ онъ возвратилъ мнѣ «сына. Теперь мой сынъ со мною, и я буду жить для «него. Мы скоро ѣдемъ за границу. Прощайте! Будь-«те счастливы...»

«P. S. Когда вы будете ѣздить по желѣзной до-«рогѣ, вспомните иногда обо мнѣ...»

МЕТЕЛЬ. (*)

Графу П. В. Орлову-Денисову.

Снѣгъ падалъ густыми хлопьями. По саратовской дорогѣ медленно тащилась кибитка, запряженная тремя изнуренными лошадьми. Кругомъ разстилалась снѣжная равнина, раскидывалась бѣлая степь. Рѣзкій вѣтеръ гулялъ на просторѣ. Было холодно, грустно и мрачно.

Въ кибиткѣ лежалъ, закутанный въ медвѣжью шубу, молодой гвардейскій офицеръ и думалъ-себѣ отъ скуки крѣпкую думу. Онъ думалъ о Петербургѣ, куда спѣшилъ на свадьбу къ брату; онъ думалъ объ этомъ вѣчно-взволнованномъ, неугомонномъ Петербургѣ, который поглотилъ лучшіе годы его молодости и не отдарилъ его въ-замѣнъ ни свѣтлымъ покоемъ, ни радужнымъ воспоминаньемъ. Онъ мысленно перебиралъ свое молодое прошедшее, свои нѣжныя похожденія, свое желаніе любить, свою досаду на вѣчно-обманутыя ожиданія. Въ душѣ его протянулась цѣлая вереница стройныхъ дѣвушекъ, молодыхъ, прекрасныхъ и нарядныхъ женщинъ. Всѣ мимоходомъ кидаютъ ему привѣтливый взглядъ, свѣтскую улыбку, заманчивое слово — и нѣтъ тутъ ничего мудренаго: онъ потомокъ древняго прославленнаго рода, онъ владѣтель обширнаго, доходнаго имѣнія, онъ богатъ и молодъ, проворенъ и хорошъ, да

(*) Пушкинъ написалъ повѣсть подъ заглавіемъ Метель.—Я не посмѣлъ измѣнить принятаго имъ правописанія.

и, въ добавокъ, танцуетъ съ ожесточенной ловкостью—ему почетъ и мѣсто; его и матушки зовутъ обѣдать; отцы семействъ бѣгаютъ къ нему съ визитами; дочки скромно выбираютъ его въ мазуркѣ—онъ у всѣхъ на-примѣтѣ; свѣтскія красавицы приглашаютъ его въ свою ложу въ театръ, въ свою гостиную на пріятельскіе вечера, гдѣ курится столько пахитосовъ и говорится столько вздора; иныя даже усердно заманивали его въ свои сѣти, другія даже явно враждовали изъ-за него. Чего бы, кажется, желать ему еще болѣе? Его ли участь не завидна? его ли самолюбіе не удовлетворено? Зачѣмъ же какое-то тяжелое, непріязненное чувство свинцовымъ грузомъ ложится ему на сердце? Затѣмъ, что изъ этого вихря тревоги и тщеславія онъ не вынесъ ни одного отраднаго чувства, которое теплилось, *какъ бы лампада*, въ его *отуманенной свѣтомъ жизни*; затѣмъ, что онъ хорошо понималъ, что не къ нему, а къ его случайнымъ отличіямъ устремлялись и взгляды невѣстъ и вздохи присяжныхъ красавицъ. Онъ разгадывалъ странныя особенности свѣтской жизни, гдѣ страсть еще подъ-часъ доступна, но гдѣ нѣтъ и не можетъ быть пріюта той глубокой, безпредѣльной любви безъ разсчета и развлеченій, которая дается немногимъ, но за-то вѣчно свѣтится, вѣчно грѣетъ и сопутствуетъ до могилы.

Вдругъ кибитка остановилась.

—Что это, закричалъ офицеръ:—ты, братъ, такъ ѣдешь, что ни на что̀ непохоже. Ни гроша не дамъ на водку.

Ямщикъ слѣзъ съ облучка, похлопалъ окоченѣв-

шими руками и нагнулся къ землѣ, какъ-будто отыскивая что-то.

—Хороша водка! бормоталъ ямщикъ сквозь зубы:—вотъ-те и водка, прости Господи, съ дороги никакъ сбились.

—Да что ты, слѣпой что ли? спросилъ съ нетерпѣніемъ офицеръ.

—Слѣпой, бормоталъ ямщикъ:—слѣпой. Вишь баринъ каковъ!... Вотъ-те и слѣпой... Не бось слѣпымъ не бывалъ. Вишь погодка-то какая!... прости Господи! Метель поднялась...

—Такъ что жь, что метель?

—Что жь, что метель!... а вотъ погляди-ка, баринъ... Не дай Господи... Вотъ-те и метель... Ахъ ты Господи, Господи! что́ станешь дѣлать? Грѣхъ какой! Гляди, какая поднялась.

Офицеръ выглянулъ изъ кибитки и ужаснулся.

Кто не ѣзжалъ зимой по нашимъ степямъ, тотъ не можетъ составить себѣ никакого понятія о степной метели. Сперва валитъ снѣгъ и вѣтеръ порывисто сыплетъ имъ во всѣ стороны, не зная отпора и преграды. Земля, какъ скованное море, покрытое безпредѣльною, хрупкою скатертью, рѣзко отдѣляется отъ чернаго неба, нависшаго надъ ней другой сплошною, черною степью. Ни птица не пролетитъ, ни заяцъ не промелькнетъ; все безлюдно, мертво, дико, безпредѣльно и полно суровой таинственности. Одинъ голосъ начинающейся бури раздается свободно по́ плоскому пространству и плачетъ, и воетъ, и реветъ страшными, одной степи извѣстными голосами. Вдругъ вся природа содрогается. Летитъ ме-

тель на крыльяхъ вихря. Начинается что-то непонятное, чудное, невыразимое. Земля ли въ судорогахъ рвется къ небу, небо ли рушится на землю; но все вдругъ смѣшивается, вертится, сливается въ адскій хаосъ. Глыбы снѣга, какъ исполинскіе саваны, поднимаются, шатаясь, кверху и, клубясь съ страшнымъ гуломъ, борятся между собой, падаютъ, кувыркаются, разсыпаются и снова поднимаются еще больше, еще страшнѣе. Кругомъ ни дороги, ни слѣда. Метель со всѣхъ сторонъ. Тутъ ея царство, тутъ ея разгулъ, тутъ ея дикое веселье. Бѣда тому, кто попался ей въ руки: она замучитъ его, завертитъ, засыплетъ снѣгомъ да насмѣется вдоволь, а иной разъ такъ и живаго не отпуститъ.

Нѣчего сказать, изъ петербургскаго, раздушенаго, разряженнаго, блестящаго міра вдругъ попасть на такой фантастическій праздникъ подгулявшей степной зимы—противоположность слишкомъ рѣзкая. Офицеръ призадумался и сталъ озираться съ безпокойствомъ. Бальныя видѣнія, красавицы и мечты исчезли мгновенно. Дѣло становилось плохо.

—Не остановиться ли намъ? сказалъ онъ нерѣшительно.

—Остановиться, шепталъ ямщикъ:—какъ не остановиться? Еще бы не остановиться! Да чтобъ хуже не было.

—Какъ хуже?

—Извѣстно, какъ хуже: занесетъ, пожалуй, совсѣмъ, а тамъ поминай какъ звали. Да стужа проиметъ... Ишь грѣхъ какой! Замерзнешь совсѣмъ.

—Ну, такъ ступай же, закричалъ офицеръ:— ступай!

Да куда я поѣду? Вишь буранъ какой, зги Божьей не видать!

—Метель все болѣе и болѣе усиливалась. Положеніе путниковъ становилось дѣйствительно опасно. Кибитка тащилась на-удачу по сугробамъ. Лошади увязали въ подвижныхъ снѣжныхъ лавинахъ и, тяжело фыркая, едва передвигали ноги; рядомъ съ ними шелъ ямщикъ, разговаривая самъ съ собою. Офицеръ молчалъ. Такъ прошло часа два самыхъ мучительныхъ; метель не утихала. Кибитка все глубже врѣзывалась въ навалившійся снѣгъ. Офицеръ уже чувствовалъ, что рѣзкій морозъ обхватывалъ члены его; мысли его смѣшивались. Тихая дремота, полная какой-то особой, дикой нѣги, начинала клонить его къ тихому сну, только вѣчному, непробудному...

Вдругъ вдали мелькнулъ огонёкъ. Ямщикъ снялъ шапку и перекрестился.

—Ну, счастье твое, баринъ: никакъ жилье недалеко, не то́, и кости могли бы здѣсь оставить.

Почуя близкое спасенье, лошади подняли морды, принатужились и повезли бодрѣе. Путники ѣхали цѣликомъ по направленію спасительнаго маяка. О дорогѣ и думать было нечего. Чрезъ нѣсколько времени они подъѣхали къ небольшой избушкѣ, нагнутой на бокъ и какъ-будто забытой въ степи откочевавшимъ селеніемъ. Небольшой сгнившій сарай съ развалившейся крышей и страшно занесенный снѣгомъ, печально примыкалъ къ этому бѣдному жили-

щу съ двумя маленькими окнами, изъ которыхъ свѣтился огонёкъ.

—Станція! сказалъ ямщикъ и бросилъ поводья. На крыльцо выбѣжалъ смотритель, помогъ офицеру выкарабкаться изъ кибитки, ввелъ его въ комнату и, прочитавъ подорожную, застегнулъ сюртукъ на всѣ пуговицы. Въ маленькой и душной комнатѣ паръ стоялъ столбомъ, въ парномъ туманѣ сверкалъ самоваръ и темно обрисовывались туловища, красныя лица и бороды трехъ купцовъ, вѣроятно, тоже застигнутыхъ метелью.

Старшій изъ нихъ привѣтствовалъ пріѣзжаго.

—Никакъ нашей семьи прибыло. Съ дороги, ваше благородіе, и погрѣться бы нехудо. Просимъ покорнѣйше съ нашимъ почтеніемъ, коли не побрезгуете съ купцами. Смѣемъ просить чайкомъ.

Офицеръ съ радостью принялъ радушное приглашеніе и усѣлся съ новыми знакомыми.

Рѣчь завязалась, разумѣется, о погодѣ, о метеляхъ вообще и въ частности, о рыбной торговлѣ и проч.

Офицеръ участвовалъ, сколько могъ въ разговорѣ, но потомъ мало-по-малу соскучился и началъ разсматривать комнатку. Слѣва отъ двери громоздилась огромная русская печь съ лежанкой; за ней стояла двухспальная кровать съ периной и подушками и покрытая заслуженымъ одѣяломъ, сшитымъ изъ разныхъ ситцевыхъ лоскутковъ; между оконъ находился диванчикъ, на которомъ сидѣли купцы. Съ другой стороны красовалась еще кровать, но больше, кажется, для вида, сколоченная изъ трехъ досокъ и покрытая войлокомъ. Рядомъ стоялъ стулъ. Боль-

шой сундукъ и кукушка съ неугомоннымъ маятникомъ довершали убранство жилища станціоннаго смотрителя. На брусчатыхъ стѣнахъ были наклеены предписанія почтоваго вѣдомства и бѣгали въ-запуски съ рѣдкой отвагой, расправляя усы, разныя насѣкомыя, много извѣстныя русскому народу. Въ окна стучалась, завывая, метель. Вдругъ что-то шаркнуло у крыльца. За дверью раздался младенческій пискъ, женскій говоръ и здоровый голосъ мужчины. Смотритель снова засуетился. Дверь распахнулась и въ комнату ввалился отставной капитанъ съ супругой, старой сестрой и маленькой дочкой. Капитанъ расклaнялся сперва съ офицеромъ.

—Ну ужъ погодка! Вы тоже изволите ѣхать?

—Какъ видите.

—Издалека?

—Издалека.

—Откуда, коль смѣю спросить?

—Въ Петербургъ.

—А!

—Позвольте спросить чинъ, имя и фамилію?

Офицеръ назвалъ себя по имени.

—Какъ же это вы къ намъ пожаловали? По службѣ, конечно?...

—Ну, а вы, господа, продолжалъ капитанъ болѣе небрежнымъ тономъ и обращаясь къ купцамъ: —въ купечествѣ должно быть. Съ ярмарки? Понабили карманы? Пообдули порядкомъ нашего брата, дворянина?

Тутъ капитанъ, довольный остротой, засмѣялся во все горло.

—А вотъ-съ мы ѣдемъ изъ деревни, отъ тёщи. Вы не изволите ее знать? Здѣшняя помѣщица Прохвиснева... добрая старушка такая. Душъ шестьдесятъ будетъ. Вообразите, какъ нарочно, жена говоритъ мнѣ. «не ѣзди, Basile, что-то дурная погода». А я, знаете, военная косточка, и говорю: «Къ черту, матушка! Сказали походъ, такъ и маршъ!» Что бабу слушать? Баба вѣдь... чортъ ее знаетъ...

—Ахъ, Basile! прервала, жеманясь, капитанша:—какія вы все слова говорите, точно Богъ знаетъ какой... Тётушка княгиня Шелепаева сколько разъ вамъ говорила, что нехорошо. Насъ, право не знаю, за кого примутъ, въ особенности въ дорогѣ, въ такомъ костюмѣ; и какъ нарочно не надѣла бархатнаго бурнуса; матушка говорила надѣнь, а я и забыла. Ахъ, кстати: ты знаешь, ma soeur, продолжала она, обращаясь къ сорокалѣтней нахмуренной спутницѣ, очевидно старой дѣвѣ, пропитанной уксусомъ всѣхъ возможныхъ обманутыхъ ожиданій:—знаешь ты: мнѣ изъ Петербурга пишетъ Eudoxie, что высылаетъ мнѣ манто клѣтчатый и розовую шляпку съ плюмажемъ? Да все, ma chère, зоветъ въ Петербургъ. «Что же» говоритъ, «вы обѣщаете, а не ѣдете... Мы такъ стосковались, и тетушка княгиня Шелепаева все объ васъ спрашиваетъ». Капитанша обратилась къ офицеру. — Вы вѣрно тетушку мою знаете, княгиню Шелопаеву?

—Нѣтъ, я незнакомъ.

—Помилуйте, какъ же это? Къ ней вся знать ѣздитъ. У ней домъ открытый, высшее общество бываетъ. Вы вѣрно о ней слыхали?

—Можетъ-быть.

—Вѣрно. Она извѣстная тамъ дама.

Дѣвочка запищала.

—Каши хочу, хочу, хочу! хочу каши!

—Перестань, заревѣлъ капитанъ, сейчасъ перестань, а то высѣку, право высѣку, стыдно будетъ, при всѣхъ высѣку.

—Каши хочу! визжала дѣвочка.

—Перестань! ревѣлъ капитанъ.

—Каши! визжала дѣвчонка.

Дамы бросились ее унимать и между-тѣмъ охорашивались, поправляли смятые чепцы, перешпиливали платки.

Капитанъ усѣлся подлѣ офицера и просто забросалъ его словами.

—Я доложу вамъ, говорилъ онъ:—самъ бы, могу сказать, карьеру бы могъ свою сдѣлать, ну да ужь видно судьба такая. Теперь сами изволите видѣть, женатъ, семейство, дѣти пошли. Ну, имѣньишко небольшое. Жить, славу Богу, есть чѣмъ, не по столичному, разумѣется, а такъ, какъ слѣдуетъ штабъ-офицеру; сосѣди есть хорошіе; засѣдатель у насъ начитанный человѣкъ. Слава Богу, живемъ-себѣ. Ну и доволенъ. Ну, а вотъ, знаете, встрѣтишь этакого человѣка, такъ вотъ и поразберетъ маленько. Поневолѣ подумаешь: эхъ, братъ, Василій Ѳомичъ, сплошалъ, братъ! Полковникомъ былъ бы теперь, и вотъ на шеѣ бы имѣлъ. Ну да не повезло. Чортъ меня дернулъ въ отставку подать. Случай вышелъ такой партикулярный. Служилъ я тогда, изволите видѣть, въ Карбинерномъ Полку. Полковой ко-

мандиръ человѣкъ былъ хорошій; онъ теперь бригадой комадуетъ; товарищи были тоже отличные. Кажется, вѣкъ бы не оставилъ. Только вообразите себѣ, однажды...

Тутъ капитанъ пріостановился и началъ прислушиваться.

—Кого-то еще Богъ далъ, сказалъ онъ.

Дѣйствительно на дворѣ послышался снова лошадиный храпъ, завизжали подрѣзи, поднялась сунатоха. Смотритель снова засуетился. На крыльцѣ раздалось нѣсколько голосовъ разомъ, смѣшанныхъ съ женскимъ плачемъ. У избушки остановились двѣ повозки.

Офицеръ, соскучившись разсказомъ капитана, хотѣлъ-было броситься къ дверямъ, но вдругъ остановился у порога, пораженный идущею ему на встрѣчу группой. Въ комнату входила старушка-помѣщица, дожившая, кажется, до крайнихъ предѣловъ жизни. Голова ея тряслась, глаза впали, лицо было изрыто морщинами. Она охала, шептала молитву и шла, т. е. едва передвигала ноги, совершенно согнувшись и поддерживаемая съ одной стороны человѣкомъ въ нагольномъ тулупѣ, перепоясанномъ ремнемъ, съ другой, молодой женщиной.

Офицеръ остолбенѣлъ.

Никогда съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ началъ заглядываться на женскую красоту, не встрѣчалъ онъ подобнаго лица. Оно не сверкало той разительной, неучтивой красотой, которая бросается вамъ въ глаза и требуетъ безусловнаго удивленія. Оно просто нравилось съ перваго взгляда, но потомъ, чѣмъ болѣе

въ него вглядывались, тѣмъ привлекательнѣе, тѣмъ миловиднѣе оно становилось. Черты были изумительно-тонки и правильны, головка маленькая, цвѣтъ лица блѣдный, волосы черные, но глаза—глаза были такіе, что и описать нельзя: черные, большіе, съ длинными рѣсницами, съ густыми бровями; они свели бы съ ума живописца. Повѣствователи вообще виноваты передъ женскими глазами: много вздора было написано имъ въ честь, были сравненія и съ звѣздами, и съ алмазами, и Богъ знаетъ съ чѣмъ. Можно вдохновенной кистью, и даже тупымъ, тяжелымъ перомъ, кое-какъ передать ихъ цвѣтъ и образъ; но какъ изобразить тотъ потаенный огонь, который свѣтится въ нихъ душой? какъ уловить въ нихъ иронію насмѣшки, бурю негодованія, ярый пламень страсти, бездонную глубину святаго чувства? На это нѣтъ ни красокъ, ни словъ, да и быть не можетъ, да и быть не должно.

Она была одѣта просто, но щеголевато. Въ ея нарядѣ отпечатывались и достатокъ и вкусъ. Усадивъ бережно старушку, она сняла салопъ и шляпу. Гибкій станъ ея обрисовался и черная, какъ смоль, коса раснуѣтилась роскошно до ногъ... Она слегка покраснѣла и, свернувъ косу, обвила ею голову.

Офицеръ молча ею любовался. Въ этой женщинѣ всѣ подробности были какъ-то аристократически-прекрасны. Она сняла перчатку; ручка была восхитительна и, не въ укоръ будь сказано нашимъ степнымъ дамамъ, рѣдкой бѣлизны, кромѣ того изобличала самую внимательную объ ней заботливость. Она провела рукой по волосамъ, и въ

въ простомъ, самомъ обыкновенномъ женскомъ
ніи проявилось вдругъ столько природной, дѣ-
й ловкости, столько граціозной небрежности, что
красавицы, исключительно-занимающіяся этимъ
метомъ, могли бы поблѣднѣть отъ зависти и от-
ія. Офицеръ не вѣрилъ глазамъ. «Какъ могъ»
лъ онъ, «такой чистый брильянтъ попасть въ та-
глушь, и кто она такая и откуда?» Невольно,
ь не понимая, какъ это сдѣлалось, онъ очутился
тѣ нея и сталъ прислуживать.

Церемониться было нечего. Въ минуту общаго
ствія всѣ сближаются и роднятся. Не прошло пол-
а, они были ужь какъ-бы давно знакомы. Онъ
аскивалъ пожитки изъ повозки, поилъ старушку
мъ, усаживалъ ее какъ бы получше, клалъ ей
ъ ноги подушки. Капитанъ любезничалъ. Ста-
дѣвушка улыбалась кисло и значительно. Пле-
ница княгини Шелопаевой вступила съ пріѣзжими
разговоръ. Купцы уступили имъ мѣсто на дива-

На дворѣ метель бушевала, съ ожесточеніемъ рва-
ставни и разъигрывалась во все степное раздолье,
офицеръ о ней и не думалъ. Съ нимъ было нѣ-
олько провизіи: онъ предложилъ подѣлиться ею съ
варищами заточенія. Образовали на скорую руку
инъ. Капитанъ вытащилъ замороженную индѣйку.
ѣлись около стола. Завязался общій разговоръ,
вольно-незначительный. Капитанша разсказывала,
къ будутъ смѣяться въ Петербургѣ у княгини Ше-
паевой, когда узнаютъ, что она, съ дѣтства при-
кшая къ тонкому обращенію, оставалась нѣсколько

часовъ въ крестьянской избѣ. При этихъ словахъ офицеръ невольно взглянулъ на свою сосѣдку: легкая улыбка едва-замѣтнымъ мерцаньемъ пробѣжала по ея чертамъ. Они поняли другъ друга.

—А вы были въ Петербургѣ? спросилъ онъ.

—Нѣтъ.

—И не поѣдете?

—Нѣтъ.

—Отчего же?

—Я замужемъ.

Офицеръ потупилъ голову. «Какъ, зачѣмъ она замужемъ? Кто просилъ ее выходить замужъ?» Ему стало неловко и досадно. Онъ продолжалъ:

—Отчего же вашего мужа нѣтъ съ вами?

—Онъ въ деревнѣ; онъ выѣзжать не любитъ.

—Какъ же вы теперь?

—Онъ отпустилъ меня съ бабушкой въ Воронежъ, на богомолье.

«Хорошъ вожатый!» подумалъ офицеръ, глядя на старушку, которая что-то безсмысленно жевала.

—И вы живете всегда въ деревнѣ? спросилъ онъ снова.

—Всегда...

—Безвыѣздно?

—Безвыѣздно.

—Помилуйте, да тамъ скука должна быть страшная.

Она слегка вздохнула.

Что жь дѣлать, привыкнешь.

—Да ка́къ же вы время проводите?

—Да такъ, какъ обыкновенно въ деревнѣ.

—Да чтó жь вы дѣлаете?

—Да почти ничего. Занимаюсь хозяйствомъ, вышиваю, читаю.

—У васъ дѣтей нѣтъ?

—Нѣтъ.

Офицеру это было непротивно, а почему—Богъ знаетъ.

—Чтó жь вы читаете?

—Чтò случится. Французскія книги, русскіе журналы...

Офицеръ поморщился.

—Вы люди свѣтскіе, продолжала она; улыбаясь:—не понимаете отрады чтенія. Книга—это товарищъ, это вѣрный другъ. Попробуйте прожить въ деревнѣ, поживите, какъ я, тогда поймете, чтó такое книга. Да безъ нея просто бы, кажется, можно съ ума сойдти. Вечера-то, знаете, длинные; деревня наша въ степи; сосѣдей нѣтъ, а если и бываютъ изрѣдка, то все такіе, что лучше бы ихъ вовсе не было.

—Вашъ мужъ охотникъ?

—Дá, мой мужъ очень любитъ охоту. Да, впрочемъ, въ деревнѣ надо же имѣть какое-нибудь занятіе.

—А позвольте спросить: мужъ вашъ человѣкъ молодой?

Она невольно разсмѣялась.

—Нѣтъ, сказала она:—да чтó о немъ говорить. Скажите-ка лучше, вы какъ сюда попали?

—По дѣламъ.

—Надолго?

—Нѣтъ, я спѣшу, къ брату на свадьбу.

—Вы будете шаферомъ?

—Разумѣется. Я даже очень спѣшу... т. е. очень спѣшилъ...

—А теперь не спѣшите?..

—Офицеръ нѣжно на нее взглянулъ.

—Теперь я васъ встрѣтилъ.

—Бабушка, сказала молодая женщина, я думаю метель утихла, можно бы ѣхать...

Старушка не разслышала. Присутствующіе отозвались, что прежде утра и думать было нельзя о продолженіи пути, а что слѣдовало подумать о ночномъ отдохновеніи. Наступила глухая полночь. Всѣхъ клонило уже ко сну; всѣ болѣе или менѣе поглядывали съ завистью на кровать. Но въ подобныя минуты голосъ справедливости всегда торжествуетъ. Общимъ приговоромъ положено предоставить кровать слабѣйшимъ членамъ случайной общины, т. е. старушкѣ и дѣвочкѣ, которая, накричавшись вдоволь, спала ужь гдѣ-то въ углу. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Старушку уложили. Она поохала, пошептала, покрестилась и заснула. Купцы расположились на диванчикѣ и на лежанкѣ, и вскорѣ звучнымъ дыханьемъ объявили, что ужь перешли въ невидимый міръ сновидѣній. Капитанъ расположился на сундукѣ. Капитанша, сестра ея и черноокая красавица легли поперегъ досчатой кровати. Подъ головы положили имъ подушки, къ ногамъ придвинули скамейки. Капитанша легла съ одного края, молодая женщина съ другаго. Между ними расположилась зрѣлая дѣвушка. Офицеру оставался стулъ, который, какъ-будто нарочно стоялъ съ хорошаго

края. Онъ сѣлъ. Все это происходило самымъ естественнымъ образомъ, какъ-будто вслѣдствіе какого-то безмолвнаго условія. Въ комнатѣ воцарилось молчаніе, прерываемое только стукомъ маятника, дыханьемъ спящихъ и воемъ метели. Странное кочевье освѣщалось одной сальной свѣчкой, съ которой, отъ времени до времени, неустрашимый капитанъ снималъ рѣшительно пальцами. Но вскорѣ это занятіе его утомило; онъ свернулся кренделемъ, и заснулъ въ-запуски съ купцами. Въ комнатѣ замелькалъ томный, красноватый полусвѣтъ. Всѣ заснули, кромѣ офицера, который шопотомъ разговаривалъ съ своей сосѣдкой, и старой дѣвы, которая подслушивала ихъ разговоръ съ желчнымъ любопытствомъ.

—Я виноватъ передъ вами, говорилъ офицеръ:— я сказалъ глупость. Вы, кажется, на меня разсердились.

—Нѣтъ, я не разсердилась. Только я женщина несвѣтская, я не привыкла къ подобнымъ любезностямъ. Оно забавно, можетъ быть, съ одной стороны, но съ другой и недурно, потому-что мы не умѣемъ играть словами и говоримъ только то, что́ чувствуемъ.

—Да и я говорю то, что́ чувствую.

—Перестаньте пожалуйста. Къ чему это? Мы съ вами встрѣтились случайно, сейчасъ разстанемся, никогда не увидимся — нехорошо. Я знаю, вы смѣетесь надъ уѣздными дамами, и Пушкинъ надъ ними смѣялся.... И подлинно, есть много въ нихъ смѣшнаго, но, можетъ-быть, въ то же время много и грустнаго. Подумайте, продолжала она, какъ-буд-

то говоря сама съ собой: что́ такое судьба женщины молодой, знающей только по книгамъ что́ есть хорошаго въ жизни? Мужъ ея въ отъѣзжемъ полѣ. Онъ, можетъ-быть, человѣкъ хорошій.... да все не то: скучно въ деревнѣ.... и не то, что скучно, а досадно, обидно какъ-то. Всѣ жалѣютъ объ узникѣ въ темницѣ; никто не пожалѣетъ о женщинѣ, съ дѣтства приговоренной къ вѣчной ссылкѣ, къ вѣчному заточенію. А вамъ весело въ Петербургѣ?

—Весело, сказалъ, вздохнувъ, офицеръ: — да́ мнѣ тамъ очень весело, слишкомъ весело... Я человѣкъ свѣтскій. Только что́ странно: я отъ излишества, вы отъ недостатка — мы оба дожили до одного, т. е. до тяжкой скуки. Вы жалуетесь, что въ вашей одинокой ссылкѣ вамъ негдѣ развернуть души и сердца; мы же, вѣчно-ищущіе недосягаемаго, мы чувствуемъ, что душа и сердце подавлены въ насъ. Вы знаете холодъ одиночества, но вы, слава Богу, не знаете еще холода общественной жизни. Вы знаете, что любить надо, а мы знаемъ, что любить не́кого. Въ васъ кипятъ надежда и сила, насъ давитъ безсиліе и немощь.

—Вы были влюблены? спросила она едва-внятно...

—Еще бы! да и ка́къ! Да что въ томъ толку... Въ свѣтѣ идти на любовь, значитъ идти на вѣрный обманъ. Вы что́ думаете про любовь?

—Я!... такъ... да... нѣтъ, ничего...

—Любовь—душа вселенной; но этой душѣ кудакакъ тѣсно въ свѣтѣ, и знаете ли почему? потому, что за ней выглядываетъ тщеславіе. Я тоже иногда

думалъ, что меня любили, а вышло что́ же? любили не меня, а бальнаго кавалера, свѣтскаго франта, и я не зналъ, ка́къ совладѣть съ своими соперниками.

—Не-уже-ли? сказала она невольно. Да кто жь они могли быть?

—Да мало ли ихъ... бальное платье, мелочная досада, глупая сплетня, завидное приглашеніе, маскарадный нарядъ и тьма подробностей, составляющихъ, такъ-сказать, всю сущность свѣтскихъ женщинъ.

—Такъ вы не вѣрите въ любовь?

—Сохрани Богъ! Въ любовь нельзя не вѣрить; но я говорю только, что любить-то не́кого. Для любви нужно столько условій, столько счастливой случайности, столько душевной свѣжести и неиспорченности. Но, слава Богу, я чувствую, что я могу еще любить, но ужь не свѣтскую барыню. Дорого онѣ мнѣ дались... я бы могъ любить страстно, неограниченно и свято душу несвѣтскую и довѣрчивую, которая ввѣрила бы мнѣ всю участь по чистому внушенію, безъ боязни и безъ разсчета... Если бъ вы, напримѣръ....

«Пить хочу!» застонала на кровати старуха. Дѣвчонка проснулась и завизжала. Офицеръ поспѣшно вскочилъ со стула, подалъ старухѣ стаканъ воды, успокоилъ дѣвочку, всунулъ ей въ ротъ кусокъ сахару и возвратился на свое мѣсто. Но возобновить начатаго разговора не было возможности. Молодая женщина закрыла глаза, граціозно опустивъ ручку со спинки кровати; она или думала о чемъ-то, или засыпа́ла...,

—Вы устали? тихо спросилъ офицеръ.

—Да́, устала.

Онъ замолчалъ, сердце его сильно билось. Чудно-хороша была эта женщина, чудно освѣщена красноватымъ отблескомъ нагорѣвшей свѣчи. Матовая блѣдность придавала ей столько прелести! черты были такъ правильны, такъ тонки! въ каждомъ ея словѣ выражалась такая глубокая повѣсть смиренныхъ страданій! Она была такъ непринужденна, такъ проста и такъ сама собой, что невольно хотѣлось броситься къ ногамъ ея, высказать ей сердце и пожертвовать ей жизнью. Ручка ея, бѣленькая, маленькая, заманчиво привлекала взоры. Офицеръ оглянулся: кругомъ все покоилось тихимъ сномъ; на дворѣ только ревѣла метель; даже старая дѣва, утомленная подслушиваньемъ, заснула. Офицеръ глядѣлъ на ручку.... Какая-то невидимая сила влекла, тянула его. Кровь его сильно волновалась. Онъ чувствовалъ, что влюбленъ такъ, какъ никогда еще влюбленъ и не бывалъ. Разныя чувства боролись въ немъ: и страхъ, и боязнь, и желаніе, и любовь. Наконецъ онъ не выдержалъ, оглянулся еще разъ, тихо коснулся руки и прижалъ ее къ губамъ.

Старая дѣва вздрогнула во снѣ отъ ненавистнаго звука.

Молодая женщина не пошевельнулась. Офицеръ сидѣлъ, какъ приговоренный къ смерти.

Прошло нѣсколько минутъ тяжелаго молчанія.

Тихо и небрежно, какъ-бы во снѣ, она вдругъ начала приподнимать руку свою и движеньемъ спящаго ребенка положила ее подъ голову. Очевидно,

она спала. Вдругъ она открыла глаза и сказала тихо:

—Вы женаты?...

Я... съ...

—Ахъ да́! вы говорили, что будете шаферомъ на свадьбѣ брата, такъ, разумѣется, неженаты.... Знаете ли, продолжала она голосомъ, полнымъ тихой печали: когда вы будете женаты... любите свою жену...

—Зачѣмъ же это?...

—Такъ!... не то, Богъ знаетъ, какія иногда могутъ прійдти мысли... Ненадо... Любите свою жену.

—Развѣ можно такъ располагать собой?... Ну еслибъ я былъ женатъ и вдругъ бы встрѣтился съ вами...

—Такъ что́ жъ?

—То, что я жену не любилъ бы болѣе, а полюбилъ бы васъ, потому, во что бы ни стало... но это свыше́ силъ моихъ; я покажусь вамъ глупъ, смѣшонъ, дерзокъ... но я люблю васъ безъ ума.

И глаза его разгорѣлись, голосъ дрожалъ... Онъ говорилъ дѣйствительно что́ чувствовалъ. Она взглянула на него съ нѣжнымъ, протяжнымъ упрекомъ и тихо покачала головой.

—Не стыдно ли вамъ? сказала она тихо, и закрыла лицо руками.

—Нѣтъ! сказалъ онъ, воспламеняясь все болѣе и болѣе:—мнѣ не стыдно, а хорошо теперь. Я высказалъ вамъ себя. Вы сами чувствуете, что я говорю правду. Я разгадалъ вашу жизнь. Такъ не пеняйте же на судьбу... Знайте, что былъ человѣкъ,

который полюбилъ васъ всѣми силами своего существованія, безъ замысловъ и видовъ. Ихъ и быть не можетъ... Мы сейчасъ разстанемся. Что за бѣда, что знакомство наше продолжалось одну минуту, и минута—хорошее дѣло. Я люблю васъ, какъ не думалъ, что могу любить. Это пройдетъ, можетъ-быть, завтра; но нынче я хорошо васъ люблю: вы олицетворяете для меня лучшую мечту моей молодости. Такую женщину, какъ вы, я всегда надѣялся встрѣтить. Судьба намъ не назначила быть вмѣстѣ, но пусть же останется намъ сознаніе, что когда мы сошлись случайно, мы поняли другъ друга, оцѣнили другъ друга, и по-крайней-мѣрѣ намъ будетъ теплое задушевное воспоминаніе — вамъ въ скучной вашей деревнѣ, мнѣ—въ скучной моей свѣтской жизни.

Такъ продолжалъ онъ говорить молодо и пламенно, и она, вперивъ въ него свои черные глаза, слушала его съ увлеченіемъ, какъ-бы прислушивалась къ чему-то давно-желанному и ожиданному. Мало-по-малу и она разговорилась; но что было говорено тогда — да будетъ тайной. На бумагѣ оно выйдетъ вяло и безжизненно. Въ подобныхъ разговорахъ то и прекрасно, что невыразимо, или понятно только для двоихъ.

Нѣсколько часовъ пролетѣли невидимымъ мгновеніемъ. Безсознательно предалась она свѣтлому восторгу, расточила богатую сокровищницу долго-замкнутаго сердца, и вѣрно никогда не была она такъ хороша, какъ въ эту минуту. Онъ невольно взялъ ея руку и она не думала уже ее отнимать. Изба казалась имъ раемъ.

Вдругъ свѣча, зашипѣвъ, погасла, и блѣдный бѣловатый лучъ прорѣзался въ комнату изъ окна.

—Свѣтаетъ, сказала она.—Мы скоро разстанемся! Дайте мнѣ что-нибудь на память отъ себя.

Онъ поспѣшно выдернулъ изъ бумажника листокъ бумаги, взялъ карандашъ и призадумался.

—Я не писатель, сказалъ онъ: — другой написалъ бы вамъ стихи.

—Напишите что-нибудь.

—Онъ написалъ: «1849 годъ, ночь съ 12 на 13-е января», а потомъ прибавилъ рѣшительно: «лучшая ночь въ моей жизни». Потомъ, снявъ съ руки кольцо, онъ подалъ ей кольцо и бумажку. Она поспѣшно ихъ спрятала.

—Кольца я вамъ не могу дать, сказала она нахмуривъ.—У меня одно только кольцо—вѣнчальное; а изъ Воронежа я вамъ пришлю образъ. Онъ принесетъ вамъ счастье; онъ напомнитъ вамъ о нашей встрѣчѣ и о той, которая васъ будетъ вѣчно помнить и любить. Вы—одинъ человѣкъ, который ее понялъ; вы, разумѣется, разсѣетесь и меня забудете, но я буду васъ вѣчно помнить. Я помолюсь за васъ. Она крѣпко пожала ему руку.

Въ эту минуту смотритель вошелъ въ комнату.

«Утихаетъ» сказалъ онъ, потирая руки.

Вдругъ всѣ зашевелились. Старуха заохала, дѣвочка завизжала, купцы бросились къ повозкамъ. Изъ сарая начали выводить лошадей; принесли самоваръ. Черезъ часъ времени всѣ путники были готовы уже къ дорогѣ. Офицеръ посадилъ старуху въ

повозку и поцаловалъ руку у внучки. На глазахъ ея навернулись слезы...

—Прощайте, сказала она, грустно... навсегда...

Черезъ четверть часа лихая тройка во весь опоръ обогнала двѣ степныя повозки. Офицеръ поклонился. Тяжко ему было. Изъ спущеннаго окна показалось блѣдное лицо, сверкнули черные глаза, махнулъ бѣлый платокъ. Ямщикъ пріободрился, пріударилъ и покатилъ еще быстрѣе. Офицеръ обернулся и долго смотрѣлъ, какъ двѣ повозки мало-по-малу отдалялись, потомъ стали подвижными точками, потомъ пропали изъ виду. Онъ горестно вздохнулъ и завернулся въ шубу. Снѣгъ хрустѣлъ подъ полозьями. Ямщикъ покрикивалъ. Во всѣ стороны разстилалась снѣжная равнина, но между небомъ и степью ужь обозначалась рѣзкая полоса. Вѣтеръ значительно утихалъ. Оловянное солнце вырѣзывалось пятномъ на сѣромъ туманномъ небосклонѣ. Метель кончилась.

ЛЕВЪ.

(*Княгинѣ С. А. Голицыной.*)

I.

Въ Петербургѣ, какъ вамъ и мнѣ извѣстно, модный свѣтъ подражаетъ Парижу и Лондону. Оттого и полагаютъ многіе, благодаря Бога, весьма ошибочно, что подражательность одинъ изъ признаковъ русскаго характера. Не здѣсь мѣсто распространяться о столь грустномъ обвиненіи и о причинахъ, его оправдывающихъ. Только не странно ли и не смѣшно ли дѣлать заключеніе о цѣломъ государствѣ по малой горсти людей извѣстнаго сословія, которое болѣе или менѣе вездѣ одинаково? Петербургъ—точка въ Россіи; модный свѣтъ—точка въ Петербургѣ. Можно ли распространять эту точку на всю огромную нашу родину? Вообще, весьма покойно, расширивъ фалды у камина, мрачнымъ голосомъ упрекать Россію въ недостаткахъ, о которыхъ у русскаго человѣка и въ поминѣ не бывало — увы! кому, при слышаніи подобныхъ отзывовъ, не прійдетъ на умъ, что лютый критикъ напѣваетъ только собственную исторію и сердится на другихъ за свои прегрѣшенія?

Есть на Руси стремленіе къ подражательности— это несомнѣнно; но въ комъ? не въ русскомъ чело-

вѣкѣ, а въ томъ нравственномъ и политическомъ амфибіи, въ томъ неопредѣленномъ существѣ, которое съ утра до ночи, обтянутое узкимъ платьемъ и узкими перчатками, неотвязчиво бѣгаетъ за модою, за сплетнями, а болѣе всего за молодыми женщинами, нá ухо которымъ оно одно имѣетъ право нашептывать вполголоса любовныя объясненія и мелкія неблагопристойности.

Въ Парижѣ, въ модномъ свѣтѣ, завелись львы-сердцеѣды. И у насъ, вслѣдъ за ними, появились подобные львы, только съ тѣмъ различіемъ, что въ Парижѣ они съ гривою, а у насъ безъ гривы. Читатели мои, начитавшись до пресыщенія французскихъ романовъ, не имѣютъ надобности, чтобъ я объяснялъ имъ выраженія щегольскаго міра. Очевидно, что львы съ растрепанной гривой имѣютъ важное преимущество предъ безгривыми львами, потому-что могутъ придать своей наружности нѣчто роковое и ужасное.

Левъ—не что иное, какъ высшее выраженіе франта, приспособленное къ нравамъ XIX столѣтія. Въ блаженныя времена мармонтелевскихъ сказокъ, львы еще не существовали, а были напудренные петиметры, обвѣшанные лентами и кружевами, обсыпанные пудрою, съ розанчиками въ рукахъ, съ стишками во всѣхъ карманахъ. Въ тѣ времена—увы! давнопрошедшія, дамы много значили въ обществѣ. Для нихъ наряжались и пудрились; для нихъ дрались на дуэляхъ; для нихъ старались быть любезными, истощали весь умъ свой, всю изобрѣтательность нѣжнаго сердца. Мадригалы и вздохи вырывались при

ихъ появленіи, и раскрашенный ихъ вѣеръ былъ скипетромъ, передъ которымъ все должно было и благоговѣть и повиноваться.

Но пришла революція. Пудра и кружева обречены были казни. Страхъ обуялъ раздушеными пети-метрами, и они разсыпались по лицу земли, не оставивъ по себѣ ничего, кромѣ запаха отъ помады и духовъ. Не успѣла Франція осушить свои платья, смоченныя кровью, какъ вздумала снова ими щеголять: явились les incroyables, les merveilleux, съ тросточками, въ крутлыхъ шляпахъ, въ сапогахъ съ отворотами, съ неизмѣримыми галстухами. Они шутили и любезничали, но ужь не такъ приторно и сладко, какъ ихъ напудренные предшественники, а гораздо пожостче, и глядѣли на женщинъ не такъ, какъ на богинь на фижмахъ, а такъ, какъ на равныхъ себѣ охотницъ повеселиться и пощеголять. Явился Наполеонъ смертоносной кометой и палъ жертвой холоднаго мщенія англичанъ. Могло ли владычество моды устоять противъ народа, сокрушившаго наполеоновское владычество? Выгодный и горделивый эгоизмъ сыновъ Альбіона, все приводящій къ удобству и выгодѣ, обратилъ тогда на себя вниманіе парижскихъ щеголей, которымъ надоѣли, наконецъ, ихъ яркіе наряды и безпрестанныя кривлянья на бульварахъ. Англійскій dandy, холодный, разсчетливый, учтивый, охотникъ только до собственныхъ удовольствій, а вовсе не до чужихъ, указалъ имъ истинный путь. Они устыдились своей безцвѣтной глупости и съ того времени поставили женщинъ ниже себя въ общественномъ мнѣніи, какъ существо второ-

степенное, годное для удовольствія, но вовсе не для обожанія. Тогда появились первые *львы*, т, е. люди, стремящіеся только къ удовлетворенію собственнаго уюта, собственныхъ желаній, подобно животному, котораго имя они присвоили, и обнародовали себя властелинами надъ міромъ мелкихъ животныхъ, пресмыкающихся у ногъ ихъ. Не нужно вамъ описывать, что съ первымъ моднымъ журналомъ пришло и къ намъ, на сѣверъ, извѣстіе о львахъ и новыхъ ихъ жестокостяхъ. Тотъ же часъ завелись и у насъ львы, слегка-передѣланные на рускіе нравы, какъ бенефисные водевили, которые играются на Александрынскомъ Театрѣ.

Впрочемъ, и нашъ левъ, какъ левъ парижскій, какъ левъ лондонскій, исполняетъ весьма совѣстливо свои обязанности. Онъ прежде всего sportman, т. е., любитель лошадей, охоты, скачекъ и прочихъ упражненій. Онъ пьетъ chery, portwein, claret, и презираетъ шампанское, т. е., пьетъ его не иначе, какъ въ шутку или отъ нѣчего дѣлать или изъ учтивости. Онъ одѣтъ всегда въ черное платье, хотя иногда, по недостатку характера, не можетъ противостоять голубому галстуху или красному жилету. Съ женщинами онъ вообще суровъ и даже грубъ, но позволяетъ имъ, однакожь, себя любить, и даже иногда нисходитъ до такой откровенности, что бѣднымъ нашимъ дамамъ надлежало бы затыкать уши. Сердце же его—мрачная пучина; вся молодость его—неразгаданная мистерія, демоновская загадка, которая, впрочемъ, обыкновенно разгадывается выгодною свадьбой.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ я оставилъ великосвѣтскую жизнь, я распростился съ моими модными пріятелями и довольствуюсь съ ними единственно шапочнымъ знакомствомъ. Одинъ только остался мнѣ вѣренъ въ пріязни другъ мой левъ—не Левъ Александровичъ и не Левъ Петровичъ, а истый *левъ*, безгривый представитель петербургскаго безгриваго львинаго міра. Мы съ нимъ много кочевали вмѣстѣ по гостинымъ и по гуляньямъ, и я его любилъ тѣмъ болѣе, что вообще его провозглашали человѣкомъ глупымъ, а я находилъ, что онъ уменъ. Меня одно только въ немъ удивляло, что онъ всегда былъ готовъ обѣдать, танцовать и любезничать; онъ всегда былъ одинаковъ, съ готовой улыбкой, съ готовой фразой и на незваныхъ обѣдахъ, и на семейныхъ концертахъ, и въ душныхъ комнатахъ, и на литературныхъ вечерахъ; однимъ словомъ, въ скучнѣйшія минуты жизни онъ всегда былъ доволенъ, всегда улыбался, никогда не хотѣлъ спать, никогда не скучалъ, всегда былъ любезенъ, отчего и рѣшили въ свѣтѣ, что онъ глупъ. Я зналъ его въ Симбирскѣ лѣтъ десять назадъ, когда онъ, еще будучи хорошенькимъ мальчикомъ, учился довольно-плохо у французскаго гувернёра, нанятаго его родителями и, по обыкновенію, содержимаго полгода на телятинѣ, полгода на баранинѣ и круглый годъ на квасѣ. Такъ-какъ ученіе не далось молодому человѣку, его опредѣлили юнкеромъ въ какой-то армейскій гусарскій полкъ. Съ того времени онъ пропалъ у меня изъ виду. Стороной узналъ я, что отецъ и мать его скончались, оставивъ ему порядочное имѣніе, благодаря строго-

му порядку и строгой діэтѣ, а что самъ онъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ за границу.

Прошлаго года на блестящемъ балѣ увидѣлъ я его снова; и еслибъ онъ себя не назвалъ, я никогда бы его не узналъ. Обстриженный по послѣдней модѣ, съ бородой-ожерельемъ, облитый, такъ-сказать, черными фракомъ, сдѣланнымъ въ Лондонѣ, съ удивительной увѣренностью въ поступи, въ движеніяхъ, во всѣхъ словахъ, онъ вселилъ сперва въ меня какое-то невольное уваженіе, а потомъ, какъ онъ на повѣрку вышелъ добрый малый, то мы съ нимъ сблизились, и я его иногда навѣщаю.

Намедни, когда я гулялъ въ своей енотовой шубѣ, за которую меня такъ бранятъ, мнѣ стало жарко; и такъ-какъ я былъ близь дома, гдѣ онъ живетъ, рѣшился къ нему войдти.

Вскарабкавшись въ третій этажъ по довольно-чистенькой лѣстницѣ—что́, сказать мимоходомъ, весьма рѣдко въ петербургскихъ домахъ, раздробленныхъ на мелкія квартиры—я вошелъ въ чистенькую переднюю. На лавкѣ сидѣлъ лакей въ англійской полуливреѣ и читалъ «Сѣверную Пчелу». Онъ очень мнѣ обрадовался.

—Здорово, Иванъ! сказалъ я старому симбирскому знакомцу.

—А, здравствуйте, батюшка! Что это вы насъ забываете?

—Не могъ, братъ, зайдти прежде. А что баринъ?

—Да что сударь, только-что встать изволили. Ложатся спать въ шестомъ часу, а встаютъ во вто-

ромъ... Тяжела работа. Прошусь, чтобъ отпустилъ меня къ своимъ на покой, да видно не заслужилъ еще.

Тутъ два человѣка, сидѣвшіе въ углу и мною незамѣченные, встали съ своихъ мѣстъ и сердито начали приступать къ Ивану:

—Что жь? долго намъ ждать еще?..,

—Ждите, пожалуй. Я вамъ говорилъ, что онъ почиваетъ.

—Мы два часа ужь ждемъ.

—Ну такъ что жь! Устали, можетъ-быть, почиваютъ; или, можетъ-быть, прогуливаться пошли — почему мнѣ знать?

—Ну, хоть счотецъ подайте.

—Убирайтесь съ вашими счотами! есть у насъ ихъ довольно.

—Мы жаловаться будемъ. Я всю комнату отдѣлалъ на свой счотъ. Вѣдь у меня свои работники: требуютъ же, чтобъ я имъ платилъ.

—Ну, не шумите! будутъ деньги — все отдадимъ.

—John! закричалъ голосъ изъ сосѣдней комнаты.

Симбирякъ Ивамъ бросился къ барину и, сейчасъ же возвратясь, просилъ меня войдти.

Въ комнату моего пріятеля я всегда вхожу съ особымъ удовольствіемъ. Надо признаться, что онъ человѣкъ со вкусомъ. Повсюду разбросаны иностранныя бездѣлки, картинки, оружія, статуэтки. Нѣсколько креселъ съ пружинами и покойныхъ дивановъ группируются около камина съ вѣчно-пламенѣющими угольями. Между картинокъ и бронзъ ле-

жать ящики съ сигарами, потому-что левъ презираетъ трубку, а куритъ однѣ сигары, и то безъ мундштука.

Пріятель мой, развалившись на креслахъ, курилъ, по обыкновенію, свой Colorados и запечатывалъ пакетъ.

—Иванъ! сказалъ онъ: — отнеси по адресу пакетъ. Въ немъ деньги, проигранныя мною вчера на этотъ проклятый вечеръ.

—Тамъ есть кое-кто изъ должниковъ, замѣтилъ, запинаясь, Иванъ.

—Ну, скажи, чтобъ приходили въ другое время, черезъ недѣлю или двѣ—слышишь?

—Слушаю-съ.

Иванъ вышелъ.

—Ну, здорово, сказалъ онъ.—А я только о тебѣ думалъ и хотѣлъ къ тебѣ писать.

Левъ былъ одѣтъ прекрасно. Синій бархатный халатъ съ узорами, шитый въ видѣ сюртучка, перевязывался около его таліи снуркомъ съ кистями. На ногахъ щегольскія туфли, а на головѣ шапочка бархатная, вышитая золотомъ, и тоже съ кисточками, придавали его физіономіи много живописнаго.

—Развѣ я тебѣ нуженъ? спросилъ я.

—Именно, братъ, нуженъ. Разскажу все по порядку. Садись-ка и кури сигару. Рекомендую тебѣ вотъ эти изъ ящика: это мои собственныя; прочія для друзей.

Мы усѣлись и разговоръ продолжался.

—Не хочешь ли, спросилъ онъ, ѣхать нынче въ маскарадъ?

—Слуга покорный. Я хаживал встарину по этимъ маскарадамъ, всѣ ноги исходилъ, только, кажется, отъ того толку и было. Два-три письма безъ подписи, два-три обѣщанія неисполненныя стоятъ ли стольнихъ безсонныхъ ночей?...

—Ну, не знаю, замѣтилъ левъ:—а мнѣ такъ бываетъ очень весело на маскарадахъ, очень весело! Тамъ такъ много женщинъ...

Левъ невольно улыбнулся.

—Не удивляюсь, продолжалъ я.—Чтобъ веселиться въ такихъ обществахъ, надобно быть львомъ, какъ ты, напримѣръ, которому вся подноготная извѣстна, или медвѣдемъ, который, выбѣжавъ изъ своей берлоги, всему дивится какъ дикарь съ Алеутскихъ Островов. А какъ я не причисляю себя ни къ какому звѣринцу, такъ мнѣ въ душной толпѣ просто скучно. Вотъ тебѣ вся моя исторія.

—Во-первыхъ, отвѣчалъ мнѣ мой хозяинъ:—напрасно ты говоришь, что я левъ: настоящіе львы чрезвычайно рѣдки и, правду сказать, врядъ-ли найдется въ цѣломъ Петербургѣ одинъ левъ порядочный. Чтобъ быть львомъ, недостаточно хорошо одѣваться, хорошо умѣть жить, обманывать женщинъ, что, впрочемъ, главныя львиныя достоинства; но надо умѣть властвовать надъ мнѣніемъ.

—Вѣдь родина львовъ Англія? спросилъ я.

Левъ посмотрѣлъ на меня какъ-бы удивляясь, что я такъ мало знаю свѣтъ.

—Разумѣется, Англія. Развѣ ты не слыхалъ о Бруммелѣ, который безъ большаго имѣнія, безъ состоянія, даже безъ красивой наружности, такъ дол-

го управлялъ колесницею моды посредствомъ одного только умѣнья пользоваться случаемъ и людьми. Наконецъ, онъ, однако, пересолилъ: его выгнали изъ Англіи, и онъ умеръ въ Калé среди фраковъ своихъ и жилетовъ, какъ профессоръ между книгъ.

—Какое же различіе, спросилъ я: — между фешёнэблемъ и львомъ?

Пріятель мой призадумался.

—Фешёнэбль, отвѣчалъ онъ, подумавъ: —простой солдатъ, а левъ — полководецъ. Левъ бóльшею частью чрезвычайно богатъ и тратитъ весь доходъ свой на всѣ излишества жизни. Одинъ мой пріятель, напримѣръ, надѣваетъ пять паръ перчатокъ въ различные часы дня и увѣряетъ, что порядочный человѣкъ не можетъ дѣлать иначе. Настоящій левъ, видишь ли ты, даетъ тонъ цѣлому обществу. Онъ покровитель артистовъ, и въ особенности артистокъ. Онъ рѣшаетъ, чтó по модѣ и чтó не по модѣ. Онъ— магнитная стрѣлка, указывающая фешёнэбльному міру куда идти и чтó дѣлать. Его сужденія никакой парламентскій билль не можетъ переиначить. Впрочемъ, онъ почти всегда путешествуетъ и ничѣмъ особенно не занимается и ни къ чему не имѣетъ наклонности, а такъ, равнодушно смотритъ на свѣтъ изъ своей коляски. Въ молодости своей онъ убилъ двухъ или трехъ мужей, обольстилъ съ дюжину добродѣтельныхъ женщинъ и любилъ читать Байрона. Потомъ онъ и это бросилъ и занимается бездѣйствіемъ — вотъ левъ такъ левъ! А я чтó за левъ? прибавилъ съ глубокимъ вздохомъ мой пріятель, какъ-будто скорбя душевно о своей непорочности.

—Успокойся, любезный другъ, сказалъ я: — то́ львы заморскіе имъ и слава заморская, а ты левъ петербургскій, тебѣ и наше нижайшее почтеніе. Будь доволенъ своей судьбой: и она имѣетъ свои прелести. Да разскажи-ка мнѣ, зачѣмъ ты хочешь, чтобъ я ѣхалъ въ маскарадъ?

Тутъ пріятель мой принялъ таинственный видъ, поправилъ волосы и значительно улыбнулся. Не трудно было перевести его молчаніе:

«Еще побѣда; она не сурова къ тебѣ!»

воскликнулъ я речитативомъ изъ «Роберта».

—Вотъ ты ужь Богъ-знаетъ что́ подумалъ! весело отвѣчалъ мой пріятель, весьма довольный, что я такъ скоро понялъ мысль, которую онъ боялся отъ меня скрыть.

—Перестань скромничать! сказалъ я съ невольнымъ уваженіемъ.—Счастливый смертный! Скажи мнѣ, она замужемъ?

—Разумѣется, братъ, замужемъ. Кто же влюбляется въ незамужнихъ женщинъ?

—Разумѣется, повторилъ я машинально.

—Вообрази себѣ, братецъ, бѣлокурые волосы, то-е́сть, какъ бы сказать... не совсѣмъ бѣлокурые, а немного темноватые. Ты понимаешь, что я не могу ее назвать, а ты ее знаешь... Хороша какъ ангелъ, умна какъ бѣсъ. Мужъ у нея человѣкъ незавидный, за-то настоящій баринъ: славно ѣстъ и даетъ чудесные вечера. Впрочемъ, онъ шутить не любитъ и ревнивъ какъ сто тысячъ турковъ вмѣстѣ, да еще съ султаномъ въ придачу. Больше я ничего не могу тебѣ сказать и прошу тебя не спрашивай у меня кто она,

Просьба моего пріятеля была совершенно лишняя. Съ перваго слова я разгадалъ его мнимую тайну.

—И ты счастливъ, сказалъ я, вздохнувъ, потому-что въ благополучіи нашего лучшаго друга есть все-таки что-то нестерпимо-досадное.

—Счастливъ, счастливъ, сказалъ, улыбнувшись, левъ.—Скоро ты шагаешь! Мы живемъ, братъ, на сѣверѣ: любовь у насъ не несется какъ вихрь, а тащится на долгихъ или маршируетъ тихимъ шагомъ. Впрочемъ, вотъ тебѣ моя исторія. Вчерашній день дама, которую я не хочу назвать, давала утро.

—Какъ, давала утро? спросилъ я.

Левъ посмотрѣлъ на меня съ презрѣніемъ.

—Ты не знаешь, что такое давать утро?

—Нѣтъ, братецъ, не знаю.

—Ты знаешь, что значитъ давать вечеръ?

—Знаю.

—Ну, такъ теперь даютъ вечера по утрамъ. Оно дешевле. Гости собираются до обѣда и разъѣзжаются, когда хозяева идутъ къ столу.

—Помилуй, братецъ, сказалъ я: — поутру есть занятія, есть обязанности, должность... ну, хоть гулянье. Мнѣ кажется, что только вечеромъ общество можетъ быть пріятно, послѣ дневныхъ трудовъ.

— Во-первыхъ, отвѣчалъ левъ: — поутру нѣтъ занятій, а дневные твои труды — звонкія слова, заимствованныя изъ русскаго романа, или изъ чиновническаго репертуара; во-вторыхъ, эта мода изъ-за границы.

—Давно бы сказалъ! Ну, да къ дѣлу. Вчера извѣстная дама давала утро, и тамъ много было гостей?

—Никого, отвѣчалъ левъ.

—Какъ никого? такъ зачѣмъ же давать утро?

—Это такъ принято. Одинъ день въ недѣлѣ она дома, отъ трехъ до пяти, т. е., принимаетъ своихъ знакомыхъ. Если знакомымъ некогда, она поневолѣ просидитъ одна. Впрочемъ, это довольно-рѣдко, потому-что на этихъ сборищахъ бываетъ почти всегда до трехъ и четырехъ человѣкъ.

—Къ дѣлу, братецъ.

—Надобно тебѣ сказать, что я у этой дамы, которую не хочу тебѣ назвать, никогда не бывалъ и вообще очень мало ее знаю. Она пригласила меня на свое утро, и вчерашній день я почелъ долгомъ къ ней явиться. Вхожу. Въ комнатѣ никого нѣтъ. Она лежитъ на креслахъ и очень ласково мнѣ улыбается... Ты меня знаешь: удобнаго случая я никогда не пропущу. Ей досадно, что на ея утрѣ никого нѣтъ, слѣдовательно, я могу считать на благодарность. Я и началъ врать.

—Какъ врать? спросилъ я.

—Да это у насъ обычай. Прежде, въ глупыя рыцарскія времена, любовники вздыхали и плакали у оконъ своихъ красавицъ, подвергая себя простудамъ и кинжаламъ ревнивыхъ соперниковъ. Мы дѣлаемъ совсѣмъ иначе: смѣемся, заставляемъ смѣяться, говоримъ о любви съ шутками, дѣлаемъ признанія съ хохотомъ; и если тѣ, которыхъ мы любимъ, находятъ, что мы очень забавны и смѣются при одномъ взглядѣ на насъ, то мы ужь вполовину счастливы. Разумѣется, строгая благопристойность не всегда соблюдается въ нашихъ шуткахъ; да бѣда небольшая;

за-то, чтó для другихъ часто бываетъ огорченіемъ, для насъ—удовольствіе, а послѣдствія одни и тѣ же.

—Чтó жь началъ ты врать?

—Я выдумалъ цѣлую исторію: что я влюбленъ въ нее ужь десять лѣтъ и томлюсь и сгораю; а сказать правду, я никогда о ней не думалъ. Я требовалъ отвѣта, признанія; говорилъ, что я застрѣлюсь, сойду съ ума, брошусь въ Неву. Она смѣялась и, право, я не знаю, чѣмъ бы все это кончилось, еслибъ не вошелъ какой-то господинъ. Я взялъ шляпу и отправился, требуя непремѣнно свиданія ныньче вечеромъ, въ маскарадѣ. Вообрази себѣ, прибавилъ небрежно левъ, вынимая записку изъ кучки раздушеныхъ бумажекъ:—вотъ чтó ныньче утромъ я получилъ.

Онъ мнѣ подалъ розовое письмецо, которое я сперва понюхалъ, а потомъ началъ читать:

«Вы были вчера очень забавны. Я должна бы на «васъ сердиться, но вы такъ меня разсмѣшили, что «я прощаю вамъ всѣ ваши преступленія съ примѣр«нымъ великодушіемъ. Пріѣзжайте въ маскарадъ. «Будьте любезны; иначе, объявляю вамъ полное «мщеніе и непримиримую ненависть.»

«P. S. У меня будутъ красные цвѣты подъ ка«пюшономъ. Впрочемъ, я постараюсь васъ помучить, «потому-что вы ужасный злодѣй.»

Я невольно вздохнулъ.

«Эти свѣтскіе люди» подумалъ я, «изъ всего дѣлаютъ игрушку, и играютъ въ любовь, какъ многіе наши литераторы играютъ въ литературу, безъ убѣжденій и призванія».

—Впрочемъ, продолжалъ левъ, оглядываясь кру-

гомъ и наклоняясь ко мнѣ на́ ухо: — дѣло вотъ въ чемъ: ты понимаешь, что я не могу упустить подобнаго случая; но, съ другой стороны, я долженъ быть остороженъ. Мужъ—человѣкъ извѣстный по своей вспыльчивости; онъ имѣлъ ужь много исторій; чего добраго?... Я, разумѣется, его не боюсь; но ты понимаешь, что ссора для женщины—дѣло чрезвычайно непріятное, и вообще... ты понимаешь...

—Да́, понимаю, отвѣчалъ я простодушно:—очень понимаю.

—Ну... ну... такъ вотъ что́: поѣдемъ вмѣстѣ въ маскарадъ.

—Со мной?

—Съ тобой. Ты будешь присматривать за мужемъ и за нами, потому-что неизвѣстно, что́ можетъ случиться. А въ маскарадахъ обыкновенно мужья держатъ ухо востро́.

—Позволь тебѣ замѣтить, что роль, которую ты заставляешь меня играть, не совсѣмъ лестна, и что ходить на чужой счетъ въ маскарадъ не очень занимательно, тѣмъ болѣе, что и на собственный счетъ ночныя гулянья чрезвычайно утомительны.

—Не обижайся, прервалъ левъ:—я тебя прошу какъ стараго пріятеля, тѣмъ болѣе, что нынѣшній вечеръ, какъ я думаю, несовершенно безопасенъ.

—Ну, быть такъ! Однимъ разомъ больше побывать въ маскарадѣ ничего не значитъ. Только кто жь она?

Тутъ левъ нагнулся ко мнѣ ближе и шепнулъ на́ ухо имя, которое я помнилъ и долго буду помнить, потому-что и въ моихъ воспоминаніяхъ оно занимало небольшой уголокъ.

—О львиная скромность! воскликнул я:—о веселый рыцарь нашего века, герой нашего времени!.... Заезжай за мной вечером. Въ двенадцать часовъ я тебя ожидаю.

—Прощай.

—Прощай и спасибо.

—Прощай.

Я надѣлъ шубу и пошелъ домой.

II.

Разскажу вамъ теперь анекдотъ веселый, порожденіе забавное святочной ночи, одинъ изъ тѣхъ тысячи случаевъ, которые пестрятъ маскарадную жизнь. Въ Петербургѣ весело и шумно. Къ намъ явился нашъ хозяинъ, старичокъ-зима, явился простодушно, потирая ладони, кланяясь на обѣ стороны, съ своей вѣчно-юной улыбкой на насмѣшливыхъ устахъ, съ своей удалой поступью подъ льдистой одеждой. И вслѣдъ за жданымъ хозяиномъ, по сторонамъ и кругомъ прилетѣли и примчались толпы рѣзвыхъ, воздушныхъ, безъименныхъ полуамуровъ и полуженщинъ, въ радужныхъ тканяхъ, съ гремушками въ рукахъ.. Милости просимъ залётныя птички, милости просимъ любезные сильфы моды и бала! Загляните-ка къ намъ; не бойтесь нашего сѣвера: есть гдѣ вамъ укрыться и полетать. У насъ залы большія, музыка громкая, свѣтъ ослѣпительный, а красавицы наши... О, сильфы, сильфы! какія у насъ красавицы! сами увидите и вздохнете впервые, и тяжко вздохнете, потому-что вамъ жалко станетъ,

что и вы не простые люди, какъ тѣ грѣшные, которые ѣздятъ на балъ.

Въ нынѣшнемъ году нашъ старичокъ-хозяинъ распорядился въ-особенности отлично. Для затворниковъ онъ затопилъ каминъ, засвѣтилъ лампу, протянулъ кресла, подалъ сигару, чашку чаю и добрую книгу. Другимъ, которые живутъ вдвоемъ, онъ поклонился вѣжливо и, зная, что онъ лишній, тихо притворилъ за ними дверь. Но тѣмъ, которые безъ цѣли и желанія живутъ, какъ левъ мой, въ желтыхъ перчаткахъ, но для свѣтскихъ людей, которые, за недостаткомъ счастія, ищутъ удовольствія, онъ былъ въ нынѣшнемъ году особенно благосклоненъ. Онъ вызвалъ веселую Луизу Майеръ посмѣяться съ партеромъ; онъ пригласилъ своихъ вельможныхъ послушниковъ поглядѣть на Тальони и послушать Пасту; онъ послалъ Лядова оживлять шумные балы, а въ заключеніе, разсыпалъ тысячи масокъ по ночнымъ маскарадамъ, зная, старый проказникъ, что маскарадъ одно изъ тѣхъ невинныхъ увеселеній, гдѣ наиболѣе прокрадывается грѣха.

Ровно въ половинѣ перваго вошелъ ко мнѣ левъ. Онъ одѣтъ былъ прекрасно. Темный коричневый фракъ съ такимъ же бархатнымъ воротникомъ придавалъ довольно-неуклюжему тѣлу какую-то особенную щеголеватость. Шею обвязывалъ длинный черный шарфъ съ пестрыми узорами, небрежно-приколотый двумя булавками съ висячими камешками отъ Стора и Мортимера. Жилетъ темный, вышитый шелкомъ и съ гранатовыми пуговицами. На жилеткѣ цѣпочка, перехваченная жемчугомъ. Сапоги какъ зер-

кало. Шляпа какъ сапоги. Наконецъ, завитые виски и желтыя перчатки довершали его очаровательность.

—Пора! сказалъ онъ.

—Пора.

—Ѣдемъ.

—Ѣдемъ.

Мы отправились.

Пріятель мой недолго оставался одинъ: прекрасное черное домино, съ красными цвѣточками подъ капюшономъ, поспѣшно къ нему подошло и, взявъ его за руку, повлекло за собою въ толпу масокъ и мужчинъ, толкавшихся въ жаркой тѣснотѣ. Масокъ было множество, и всѣ, казалось, пользуясь концомъ зимы, шумѣли и пищали болѣе обыкновеннаго. Одна изъ нихъ, родомъ француженка, званія неизвѣстнаго, соблаговолила и мнѣ подать свою руку.

—Послушай, Серафина, сказалъ я:—видишь ты этого господина въ черномъ парикѣ и съ сердитыми бровями? онъ чрезвычайно богатъ и очень щедръ, хотя по наружности немного и суровъ. Это ничего; надо только расшевелить его, не отставать отъ него ни на шагъ. Увѣрь его сперва, что ты знатная дама, а потомъ скажи, что ты устала и очень проголодалась, и требуй непремѣнно, чтобъ онъ тебя попотчивалъ ужиномъ. Это тебѣ будетъ немудрено.

Серафина мигомъ отправилась за новою побѣдою и обѣщаннымъ ужиномъ. Напрасно сердитый господинъ отнѣкивался отъ ея страстныхъ признаній и влачилъ ее съ ожесточенной физіономіей по всѣмъ заламъ: она, какъ ревнивая жена, не отставала отъ

него ни на шагъ и, вцѣпившись въ его руку, душила его неотвязчивою нѣжностью.

Удаливъ такимъ образомъ ревниваго наблюдателя любовныхъ предпріятій моего пріятеля-льва, я отошелъ къ стѣнкѣ, присѣлъ на лавку и довольно-равнодушно началъ осматривать проходящія мимо меня пары и дѣлать о нихъ различныя заключенія.

Прошло нѣсколько времени; занятіе нравоиспытателя начало уже мнѣ надоѣдать. Вдругъ громкое восклицаніе раздалось надъ моей головой:

— Владиміръ Александрычъ!

— Марѳа Матвѣевна! отвѣчалъ я, узнавъ знакомый голосъ. — Давно ли вы изъ Симбирска?

Передо мною стояла толстая барыня въ черномъ домино, взятомъ на-прокатъ и плотно натянутомъ на дюжей таліи; на головѣ ея посреди лба сіялъ большой брильянтовый фермуаръ. Марѳа Матвѣевна отнюдь не помышляла о маскарадныхъ замысловатостяхъ и, какъ видно было, весьма страдала отъ жары въ узкомъ капотѣ и подъ восковою маской.

— Есть у васъ мелочь? спросила она задыхающимся голосомъ.

Я вынулъ изъ жилета нѣсколько мелкихъ денегъ и почтительно ихъ подалъ.

— Пойдемъ, батюшка, лимонаду выпить. Духота нестерпимая!...

Выпивъ два стакана лимонаду, Марѳа Матвѣевна успокоилась, и мы продолжали разговоръ.

— Давно ли вы здѣсь и по какому случаю? спросилъ я.

— Уфъ, батюшка!... Подожди-ка, сударь ты мой,

все тебѣ разскажу. Вѣдь ты, кажется, третьяго года былъ въ Симбирскѣ?

—Четвертаго года, Мареа Матвѣвна.

—Да-бишь, четвертаго года. Мы, кажется, жили тогда на Московской Улицѣ, или на Вѣнцѣ... на Вѣнцѣ, кажется, или на Московской.

—На Вѣнцѣ, сказалъ я, близь Губернскаго Правленія.

—Точно, батюшка, помню, помню... Покойникъ мой Евтропій Савичъ еще былъ живъ... прибавила Мареа Матвѣевна, вздохнувъ и перекрестившись, совершенно забывъ, что она въ маскѣ. Покойникъ мой—царствіе ему небесное—ужь надо правду сказать, куда былъ скупъ: надъ копейкой, бывало, трясется, а о прихотяхъ и не спрашивай. Въ третьемъ году онъ, отецъ мой и благодѣтель, родимый мой, продолжала, маска легонько всхлипывая:—простудился на гумённикѣ... и черезъ три дня, мой кормилецъ, приказалъ долго жить.

—Жаль! сказалъ я съ приличнымъ видомъ: — жаль Евтропія Савича: хорошій былъ хозяинъ.

—Да, батюшка, что́ до этого касается, то ужь надо правду сказать: мастеръ былъ своего дѣла, ужь не ошибется. У сосѣдей смотришь, ни яровинки, ни ржи—ничего нѣтъ; а у насъ каждый годъ молотить не успѣваютъ.

—Да вѣдь вы очень богаты? сказалъ я, невольно замѣтивъ, что фермуаръ на головѣ Мареы Матвѣевны былъ осыпанъ крупными брильянтами.

—Да-съ, слава Богу, не могу жаловаться. И въ нынѣшнемъ году счастье такое. Вообразите, два на-

слѣдства: дядя и братъ моего мужа скончались. Вы знавали Карпа Савича?

—Слыхалъ-съ; онъ былъ холостой человѣкъ, кажется.

—Холостой, батюшка. Добрый былъ человѣкъ; только надобно признаться, продолжала Марѳа Матвѣевна, нагнувшись къ моему уху и говоря шопотомъ:—только знаете... немножко... былъ... galant!...

—А! замѣтилъ я:—право?... Да по какому случаю вы къ намъ пожаловали въ Петербургъ?

—Да что́, батюшка, прикажете дѣлать? Дѣвка на возрастѣ, замужъ выдавать надо. У насъ, въ губерніи, женихи, ты самъ знаешь, какіе. А у Вареньки, шутка сказать, тысячи три душъ наберется, да еще деньжонки кое-какія есть. Дочь она у меня единственная; одно воспитаніе стоило слишкомъ полтораста тысячъ рублей на ассигнаціи. Надо правду сказать, ничего не пожалѣла; и мадамъ у меня жила, и двѣ мамзели, и учитель-нѣмецъ.

—Какъ? воскликнулъ я: — эта дѣвочка, которую я въ то время видѣлъ.., она была такая маленькая...

— Выросла, батюшка! Посмотри-ка теперь, что́ за красавица, что́ за умница, какая воспитанная! какъ говоритъ по-французски! какъ играетъ на фортепьяно! и за мной, безграмотной старухой, ухаживаетъ и не брезгаетъ, что мать воспитана не по-модному, а такъ, по́ просту, батюшка, по-старинному, на мѣдныя деньги.

—И вы давно здѣсь?

—Недѣли съ три. Хотѣла-было, чтобъ Варенька моя повеселилась немного въ вашемъ Петербургѣ, да и стала въ-тупикъ. Къ знати вашей ѣздить не хочу, чтобъ не насмѣшить людей и чтобъ дочь моя не стыдилась старухи-матери. Съ другими компаніями я также незнакома; рекомендоваться сама не люблю. Впрочемъ, за женихами дѣло не станетъ, какъ узнаютъ, что у Вареньки три тысячи душъ.

—И скоро узнаютъ! сказалъ я:—отъ васъ будетъ зависѣть дочь вашу выдать хоть завтра за любаго нашего князя, или графа...

—Женишокъ-то одинъ ужь, правду сказать, нашелся. Хорошій малый, кажется, только вертлявъ немного. Вы его должны знать: онъ тоже изъ Симбирска.

—А кто онъ? спросилъ я.

—Вотъ онъ! отвѣчала Маѳа Матвѣевна, указывая на молодаго человѣка, разговаривавшаго съ какой-то маской.

—Мой левъ! закричалъ я.

—Нѣтъ, онъ, кажется, Алексѣй, замѣтила Марѳа Матвѣевна.

—Все-равно, всё-равно! Скажите, пожалуйста, ваша дочь здѣсь?

—Разумѣется! Что́ ты думаешь, я съ ума сошла, что ли, что одна поѣду на вечеръ? Говорятъ, надо, дескать, побывать въ маскарадѣ: тамъ всѣ генералы ходятъ въ шляпахъ. Надо посмотрѣть, что̀ это такое — нечего дѣлать, отправилась къ маршанд-де-модъ, заказала капуцинку для дочери по послѣдней модѣ, точь-въ-точь какъ одна извѣстная щеголиха, а себѣ

на прохожих взилаа. Не щеголять же на старости...
Ужин, проклятая, только!

— А позвольте: дочь ваша нрава тихаго, боязливаго?

— Сущій агнецъ, мой батюшка, водой не помутитъ; такая стыдливая и нѣжная, что отъ всякаго слова краснѣетъ.

Я вскочилъ съ своего мѣста и опрометью бросился бѣжать.

—Куда ты, батюшка?...

А ужь я былъ далеко и ускореннымъ шагомъ стремился къ моему другу-льву.

— Маска, съ которой онъ шёлъ, поспѣшно отдернула отъ него руку и быстро скрылась. Левъ остался передо мной.

— Посмотри на меня.

— Смотрю.

— У тебя ничего нѣтъ на совѣсти?

— Ничего.

— А Марѳа Матвѣвна?

Левъ вспыхнулъ.

— А дочь Марѳы Матвѣвны?

— Ты ее знаешь? спросилъ левъ.

— Я другъ дома, отвѣчалъ я со всевозможною важностью.

— Не правда ли, какъ она хороша! какіе темные волосы... т. е. немножко бѣлокурые, и какая талія, и какое воспитаніе... какое мнѣніе! продолжалъ онъ шопотомъ.

— Такъ берегись же, сказалъ я:—она здѣсь.

Левъ пошатнулся отъ удивленія.

—Берегись своихъ маскарадныхъ откровенностей. Она, какъ я думаю, дитя неиспорченное, и здѣшнія рѣчи ее могутъ такъ напугать, что ты всѣ дѣла свои можешь перепортить.

—О! будь покоенъ: я съ графинею совершенно поссорился. Богъ ее знаетъ, что́ съ ней нынче! Видно, смятеніе въ роковую минуту, или страхъ мужа, но она ничего не могла мнѣ отвѣчать и съ какимъ-то страхомъ отъ меня убѣжала.

—Да не ошибся ли ты?

—И, братецъ, за кого ты меня принимаешь? Та же талія, тѣ же бѣлокурые волосы, то-есть, немного темноватые. Впрочемъ, страхъ ея въ подобную минуту весьма естественъ.

—И ты былъ предпріимчивъ...

—Какъ чудовище! Вообрази, я вхожу въ залу— она меня уже ожидаетъ. «Это вы?» говоритъ она— слышишь ли? «это вы», тогда-какъ подъ маской ей надо было сказать: «это ты, гдѣ ты былъ, невѣрный, куда бѣжишь, злодѣй, откуда, извергъ?» или что́-нибудь подобное; совсѣмъ нѣтъ, «это вы!» — «Ага!» подумалъ я, «она въ смущеніи — хорошій знакъ», и я началъ, и началъ, и началъ... Говорю, что супружеская вѣрность—вздоръ, что молва свѣтская — глупость, что надо жить для наслажденія, что женщина можетъ принадлежать кому хочетъ, а не кому прикажутъ...

—О львиное сердце! воскликнулъ я.

—И откуда она узнала? вдругъ у меня спрашиваетъ: «А я слышала, что вы хотите жениться».— «Вотъ глупость! за кого вы меня принимаете?» —

«Ваша невѣста недавно пріѣхала». — «Помилуйте! вы вѣрно слышали о старой прачкѣ, которая за мной бѣгаетъ для своей дочери...» Понимаешь, ка́къ это тонко? Она богата, да что́ въ томъ? «я всѣмъ жертвую для любви моей, для васъ... для тебя...» Графиня въ большомъ смущеніи, окончилъ левъ съ довольнымъ видомъ.

—Послушай, братецъ, сказалъ я:—ты, кажется, за двумя зайцами погнался.

—Ну что́ жь? обоихъ можно поймать.

—Да́; можно тоже и споткнуться и упасть носомъ въ болото.

Левъ поправилъ свой галсухъ и посмотрѣлъ на меня съ видомъ сожалѣнія и покровительства.

Въ эту минуту щегольская маска въ черномъ домино, съ красными цвѣточками подъ капюшономъ, подошла къ нему и слегка присѣла.

—Не можешь ли ты походить со мно́й? Я недавно пріѣхала и никого здѣсь, кромѣ тебя, не знаю.

—Очень радъ, отвѣчалъ левъ, почтительно подавая руку маскѣ и бросивъ на меня косвенный взглядъ и злодѣйскую улыбку.

Я опять остался одинъ и, по обычаю своему, началъ дѣлать наблюденія, а потомъ задремалъ, по случаю поздней ночи. Кругомъ все вертѣлось и пищало, все кипѣло жизнью и бѣсновалось отъ шумной суматохи, а въ душу мою чувство одиночества невольно вкрадывалось незванымъ гостемъ. Обыкновенно озабоченная толпа и свѣтскій шумъ наводятъ грусть и мысль о уединеніи, и, не знаю почему, утраченная тѣнь моей молодости нежданно про-

мелькнула передо мною въ печальномъ туманѣ. Сколько хорошаго чувства, сколько свѣжихъ побужденій, сколько радостей и горя для пустаго вздора, для суетныхъ бездѣлокъ! сколько сердечныхъ, святыхъ впечатлѣній для нарядныхъ куколъ! сколько утраченной поэзіи, Боже мой, для газоваго платья и лайковыхъ перчатокъ!

«И ты» подумалъ я, «и ты, принимающая такъ безтолково безтолковую любовь моего петербургскаго льва, ты тоже нѣкогда значила въ моей жизни, и я пламенѣлъ также предъ тобою, и до-того мечталъ о тебѣ, что ныньче совѣстно о томъ и подумать. Я воображалъ, что ты больше, выше женщины, а ты даже и не женщина, а просто *бабочка*: порхаешь беззаботно, забывъ о вчерашнемъ, не думая о завтрашнемъ. Чтобъ крылья твои сверкали, чтобъ талія твоя сжималась до невозможности — и ты летишь, и вертишься, и несешься, сама не зная куда, и задѣвая на-лету крылышками бѣдныхъ людей, которые думаютъ, что ты женщина, тогда-какъ ты не что иное, какъ бабочка!»

Я много еще надумалъ бы подобнаго вздора, но мои размышленія вдругъ были прерваны цицероновскимъ краснорѣчіемъ моего пріятеля, который возвращался въ мою сторону съ прежней маской и горячо о чемъ-то проповѣдывалъ.

—Напрасно, говорилъ онъ:—вы думаете, что я люблю свѣтскихъ женщинъ. Онѣ сами отъ себя отталкиваютъ.

—Отчего же? спросила маска.

—Оттого, что ихъ разговоры нестерпимы; отто-

го, что онѣ въ принужденной своей добродѣтели утешаются наружностью и выраженіями порока. Вообще, петербургское общество не имѣетъ никакой самостоятельности; все въ немъ дѣло моды и подражанія. Вотъ вамъ примѣръ. Нѣсколько женщинъ умныхъ и прекрасныхъ вздумали какъ-то пошалить несовершенно-приличными словами, но все-таки прикрытыми очарованіемъ ума и красоты. Казалось, посмѣяться и кончить; совсѣмъ нѣтъ. Бо́льшая часть нашихъ дамъ, которыя живутъ для подражательности въ чемъ бы ни было, въ прическѣ, въ вальсѣ, въ разговорахъ, тотчасъ же пустились, наперерывъ одна передъ другой, говорить вслухъ странности и всенародно, безъ зазрѣнія совѣсти, такъ-что иногда въ нашихъ гостиныхъ раздаются изреченія толкучаго рынка — и путешественникъ удивляется невольно принятому въ Европѣ заблужденію, что наши женщины такъ отлично воспитаны. Это нововведеніе, нигдѣ несуществующее. Стыдливость и скромность будутъ всегда лучшимъ украшеніемъ прекраснаго пола... Не хотите ли сѣсть?

—Сядемте.

Они усѣлись, а я съ ними сѣлъ на диванѣ рядомъ и, глядя на потолокъ, началъ вслушиваться въ продолженіе краснорѣчивой рѣчи.

—Любить нашихъ дамъ истинно невозможно. Притворяться — другое дѣло. Я скажу про себя. Быть-можетъ, я и прикидываюсь иногда влюбленнымъ, но это шутка, не болѣе. Зачѣмъ давать настоящія деньги за фальшивую монету? Любовь въ большомъ свѣтѣ—просто комедія.

—Право? сказала маска.

—Дá, продолжалъ левъ нѣжнымъ голосомъ.—Я не понимаю любви въ столицѣ. Въ подобной любви есть всегда чтó-то суетное и порочное. Я понимаю любовь лишь въ деревнѣ, вдали отъ свѣтскихъ сплетней и насмѣшекъ, подъ чистымъ небомъ, потому-что любовь—небо души... Я люблю природу, хотя и свѣтскій человѣкъ; я люблю ручейки, люблю зеленую траву и овечекъ съ пастухомъ, и пастуха съ свирѣлью... Вы, вѣдь, тоже любите деревню?

—Терпѣть не могу! отвѣчала маска.

Левъ остановился въ полномъ удивленіи. Эклога его пропала даромъ. Однако онъ оправился.

—Можетъ-быть, вы провели въ деревнѣ грустныя минуты, и воспоминанія о нихъ для васъ тягостны. Но еслибъ вы, напримѣръ, жили въ деревнѣ съ человѣкомъ, который любилъ бы васъ пламенно, съ вашимъ мужемъ, напримѣръ...

Я замѣтилъ, что, при словѣ, «мужѣ», маска едва могла удержаться отъ громкаго смѣха.

—Повѣрьте, источники истинныхъ наслажденій должны быть непорочны и чисты. Любовь, неосвященная супружествомъ, чѣмъ бы она ни извинялась, всегда будетъ преступна и голосъ совѣсти всегда восторжествуетъ. Теперь хоть и говоритъ романтическая школа, что бракъ—одно только пустое условіе, но это коварный обманъ; не вѣрьте ему. Люди, которые излагаютъ свѣтскимъ женщинамъ подобныя правила, обнаруживаютъ не любовь свою, а холодное презрѣніе.

Маска вскочила съ своего мѣста и, подозвавъ ка-

кого-то праздношатающагося адъютанта, сказала ему, показавъ на моего пріятеля:

—Онъ до того нынче глупъ, что съ нимъ сидѣть невозможно. Пойдемте-ка вмѣстѣ. Авось вы будете немножко поумнѣе.

Услужливый адъютантъ поспѣшно согнулъ дугою руку и тотъ же часъ оба скрылись за дверью.

Я остался одинъ противъ льва, который, узнавъ наконецъ свою ошибку, вытаращилъ глаза до невѣроятія. Насилу могъ я удержаться отъ смѣха. Минуты съ двѣ мы молчали.

—Итакъ мы въ болотѣ? сказалъ я наконецъ.

Левъ улыбнулся и поправилъ галстухъ.

—Каково́, сказалъ онъ: — я отъ нея отдѣлался? Ты, вѣрно, думаешь, что я ее не узналъ, а я поступилъ тутъ дьявольски. Ты вѣдь знаешь петербургскія сплетни: о связи моей непремѣнно бы начали говорить и свадьба моя могла бы разстроиться. Къ тому же, надо же было бы когда-нибудь поссориться. Немного прежде, немного послѣ—не все ли равно?

Только кто жь была первая маска? Онъ не успѣлъ окончить: у дверей показалась Мароа Матвѣевна, а за нею, какъ пришитая къ ея домино, смиренно выступала другая маска, въ капюшонѣ съ красными цвѣточками, которая, какъ можно было судить по движенію ея плечъ, на́-взрыдъ плакала. Мароа Матвѣевна прямо къ намъ подвигалась поступью трагической актрисы, и вдругъ, величаво пріостановившись, грозно обратилась къ моему пріятелю.

—Пожалуй-ка, батюшка, сюда на пару словъ. Это французская мода, что́ ли, обижать хорошихъ

дворянокъ и говорить мерзости молодой дѣвушкѣ, да еще безъ матери?

—Я не понимаю, сказалъ левъ.

—Не понимаешь? Такъ я тебѣ растолкую, коли не понимаешь. Ты, батюшка мой, неучъ, молокососъ. Говори, пожалуй, что это по модѣ: мы, батюшка, люди не модные, и дай Богъ вѣкъ вашихъ модъ не знать. Да еще притворился Богъ-знаетъ какимъ смиреннымъ! а тутъ, да еще безъ матери, началъ говорить такіе страхи, что у честнаго человѣка волосы дыбомъ становятся.

—Да это была шутка.

—Шутка? прошу шутить съ кѣмъ хочешь, съ своею братьею, а не съ нами. Моя дочь дворянка, не такъ воспитана, да и она дура, что слушала твои розсказни. Испугалась на чемъ свѣтъ стоитъ, и пришла ко мнѣ еле-жива, а тебя и пристыдить не съумѣла. Была бы я на ея мѣстѣ, ужь отбоярила бы тебя, голубчика, порядкомъ... Смотри только, чтобъ нога твоя въ передней у меня не бывала. А не то... ужь не прогнѣвайся: велю дворнику какъ мошенника тебя спровадить.

Съ этими словами Марѳа Матвѣевна повелительно указала дочери на дверь и обѣ вышли на лѣстницу, оставивъ насъ снова вдвоемъ.

Мы оба повѣсили немного головы. Левъ началъ слегка напѣвать какой-то беллиньевскій мотивъ и взялъ меня подъ-руку. Мы отправились ходить по заламъ и по галереямъ, гдѣ ужинали.

За продолговатымъ столикомъ сидѣла Серафина съ своею жертвою и усердно кушала изъ-подъ маски.

Высокій господинъ, въ черномъ парикѣ, сердито держалъ въ рукѣ бокалъ съ шампанскимъ и отрывисто отвѣчалъ на нѣжности своей неотвязчивой собесѣдницы:

—Я обязанность свою исполнилъ исправно, сказалъ я льву, указывая на нихъ. Теперь покойной ночи...

—Объ одномъ прошу, отвѣчалъ левъ:—не говори никому о томъ, что нынче случилось.

— Разсказать-то я не разскажу, а только...

—Только что жь?

—Напечатаю.

МЕДВѢДЬ.

(*Графинѣ Ап. Мих. Віельгорской.*)

I.

ЗНАКОМСТВО.

Петергофскій праздникъ кипѣлъ во всемъ пышномъ своемъ разгарѣ. Придворныя линѣйки мелькали по огненнымъ аллеямъ. Освѣщенные фонтаны съ какимъ-то радостнымъ неистовствомъ рвались къ небу и весело распадались влажными искрами и сверкающей водяной пылью. Толпы народа волновались по всѣмъ направленіямъ сада и громкіе хоры военной музыки вторили говору водометовъ, выразительнымъ восклицаніямъ русскаго народа.

Петергофскій праздникъ, исключая его магической обстановки, еще тѣмъ хорошъ, что онъ праздникъ народный, на который приглашается вся Россія. Въ этотъ день сліянія всѣхъ сословій въ единой радости, для всѣхъ отверзты и царскіе сады и царскія палаты. Тутъ всѣ званые гости. Тутъ русскій мужикъ въ кафтанѣ становится рядомъ съ вельможей въ шитомъ мундирѣ и, наглядѣвшись вдоволь, уже поздно возвращается, поглаживая бородку, къ себѣ въ избу, гдѣ долго будетъ ему что̀ разсказывать хозяйкѣ и сосѣдямъ. Тутъ вездѣ пестрѣютъ народные на-

ряды, раздаются восклицанія, и взоръ не можетъ перечесть гуляющихъ. Мастеровой русскій, мастеровой изъ нѣмцевъ, разнощикъ, тамбур-мажоръ съ своей супругой, солдаты, дѣти, щеголи, горничныя, дамы, барышни именитыя и безъименныя, иностранцы съ бородами и безъ бородъ, провинціалы съ толстыми женами и худенькими дочерьми — кого нѣтъ на петергофскомъ праздникѣ! и все это движется, колыхается, волнуется при блескѣ пылающихъ перспективъ, подъ сѣнью ярко-озаренныхъ деревъ.

Наблюдатель не успѣваетъ подслушивать и подглядывать.

Налѣво важничаютъ барыни, называя всѣхъ придворныхъ въ линѣйкахъ по имени какъ можно громче, чтобъ показать свою значительность и принудить толкающіе ихъ локти къ надлежащему почтенію—хитрость, впрочемъ, неуспѣшная. Вправо огрызается подгулявшій мастеровой: «Смѣешь ругаться уродомъ! самъ видно изъ уродовъ! Здѣсь уродовъ нѣтъ—понимаешь? вишь, а люди гуляютъ на лемепаціи». Далѣе слышенъ тоненькій голосокъ: «Не отставайте, не отставайте, ma chère! Вы вѣчно отстаете съ вашими distractions и съ вашими beaux yeux». Институтка восклицаетъ чувствительно: «Ахъ, maman, какъ очаровательно!» а дюжая maman насилу тащится, переваливаясь съ боку на́ бокъ, и ей, кажется, вовсе не до праздника. Молодые франты подглядываютъ подъ шляпки и довольно-громко изъявляютъ свое мнѣніе: «Экая рожа! Вотъ эта порядочная... не дурна... дрянь... Еслибъ у меня была такая тётушка, я называлъ бы ее дядюшкой...»

«Ну что, mon cher?»—«Да ничего, mon cher.»—«Ну, mon cher, такъ пойдемъ подальше». Иногда раздаются пискливые вопли стиснутыхъ дѣтей. Разнощики громко предлагаютъ свой товаръ, а солдаты острятъ по-своему—и громкій русскій смѣхъ привѣтствуетъ удачную приговорку.

Среди шума и давки двѣ дамы сходили по ступенямъ мраморной лѣстницы близь самсонова фонтана. Одна изъ нихъ, по наружности принужденно-чинной и по важности красноватаго носа, очевидно принадлежала къ разряду наставницъ. Другая, стройная дѣвушка, съ прелестной грёзовской головкой, была повидимому ея воспитанница, впрочемъ, воспитанница не боязливая, потому-что, при первомъ на нее взглядѣ, ясно обнаруживалось, что она терпѣла при себѣ гувернантку только для необходимаго приличія. Всѣ проходящіе, въ особенности молодые люди, оглядывались на нее съ любопытствомъ и удовольствіемъ. И точно, она была привлекательна и миловидна. Изъ-подъ соломенной ея шляпки выглядывали большіе темные глаза, осѣненные густыми рѣсницами и, казалось, готовые подернуться тихой задумчивостью, но на устахъ ея постоянно играла дѣтская улыбка, и звонкій, веселый смѣхъ нерѣдко свидѣтельствовалъ, къ удивленію гуляющихъ, о счастливой безопасности ея нрава. Надо сказать, однако, правду, ей, вѣроятно, не было такъ весело, еслибъ она шла только въ сопровожденіи одной своей гувернантки. Къ счастью, въ тѣлохранителяхъ не было недостатка. Три офицера и молодой щеголь во фракѣ усердно защищали ее отъ неучтивыхъ нати-

сковъ, отвѣчая толчками на толчки и смѣхомъ на брань. Военные были добрые ребята, любимые въ полку: корнетъ Саша Хлыстинъ, поручикъ Серёжа Шпоринъ и штабс-ротмистръ Адамъ Адамовичъ Шонингбушъ, нѣмецъ. Статскій былъ не кто иной, какъ самъ князь Мухрабатовъ, тотъ самый, который ѣздилъ за границу и съ того времени почиталъ себя въ-правѣ надоѣдать всѣмъ и каждому незанимательнымъ разсказомъ своихъ путевыхъ впечатлѣній.

Разговоръ, какъ легко себѣ представить, не могъ отличаться связью при стѣсненныхъ обстоятельствахъ; но когда всѣ вышли на гладкое мѣсто и могли раздвинуться шеренгой во всю ширину аллеи, Адамъ Адамовичъ Шонингбушъ поправилъ височкъ и сказалъ довольно-кстати:

—Прекрасная пагота...

Шпоринъ воспользовался его мыслью и продолжалъ:

—Погода отличная...

Хлыстинъ только-что хотѣлъ сказать тоже что-то о погодѣ, чтобъ не отстать отъ товарищей, но толкнулъ въ это время какого-то нѣмца прямо въ жилетъ, такъ-что нѣмецъ закашлялъ и дикимъ голосомъ испустилъ такой полновѣсный Schwernoth, что Хлыстинъ не имѣлъ духа вымолвить готовой рѣчи.

—Нынѣшняя ночь, сказалъ вздохнувшій франтъ: —напоминаетъ мнѣ немного итальянскія ночи. Только что́ за различіе! Вообразите, княжна, воздухъ теплый, такъ-что прелесть... а кругомъ все померанцы.

—Быть не можетъ! возразила княжна.

—Могу васъ увѣрить. А на нихъ все апельсины, такъ рукой и сорвать можно. А у насъ, посмотрите: ёлки, сосны, березы...

Князь погрузился въ меланхолію. Адамъ Адамовичъ не обратилъ вниманія на столь трогательную элегію и снова началъ разговоръ, и тоже очень недурно.

—Какой слафный праздникъ!

—Удивительный праздникъ! подхватилъ Шпоринъ.

Хлыстинъ началъ:

—Праздникъ... и со всего размаху наступилъ на ногу толстой барынѣ, съ дѣтства страдавшей мозолями.

Барыня начала браниться:

—Чтó ты, батюшка, угорѣлъ, чтó ли? Для васъ одного, чтó ли садъ? Мало вамъ мѣста! Неучъ! Мальчишка!... Глаза куда дѣвалъ?...

Князь Мухрабатовъ горько улыбнулся.

—Чтó это за праздникъ? сказалъ онъ: какъ-будто здѣсь умѣютъ веселиться. Такіе ли за границей праздники!

—Гдѣ же? спросила княжна.

Князь Мухрабатовъ немного подумалъ.

—Ну да вотъ, сказалъ онъ, немного запинаясь:— хоть итальянскій карнавалъ; чудо чтó такое! По всѣмъ улицамъ маски; лошади скачутъ съ перьями; Того и гляди, тебя всего мукой закидаютъ — вотъ праздники! Посмотрѣли бы вы на Piace del Popolo, когда на ней много народу... Вы были въ Италіи? спросилъ онъ у Шпорина.

—Не былъ, отвѣчалъ, краснѣя, Шпоринъ:—а получу годовой отпускъ, такъ непремѣнно поѣду.

—Я сбирался прошлаго года, сказалъ Хлыстинъ:—да проигрался и сѣлъ на мель.

—А я не поѣту, сказалъ Шонингбушъ:—у насъ и фъ Курлянтіи карашо.

Княжна улыбнулась; только ее развеселило не живописное описаніе карнавала, котораго она не слушала, княжну разсмѣшила мысль, что каждый изъ ея спутниковъ въ душѣ проклиналъ своихъ товарищей и таилъ на днѣ сердца, для случая, пламенныя рѣчи, тогда-какъ наружный разговоръ тянулся вяло и безцвѣтно. Всѣ они были влюблены въ нее, и самъ князь Мухрабатовъ, утверждавшій всегда, что женщины бываютъ только за границей, признавалъ тайно, что саратовское имѣніе и подмосковная, о которыхъ онъ наслышался, все-таки имѣютъ нѣкоторую прелесть для разочарованнаго человѣка, въ особенности въ чертахъ подобной представительницы. Чтó жь касается до кавалеристовъ, то они были влюблены, такъ-себѣ, просто, безъ дальнихъ замысловъ, потому-что были офицеры и молоды. Безъ цѣли и безъ надежды они волочились, чтобъ убить офицерское время, чрезвычайно затрудняющее ихъ въ часы досуга между ученьемъ и театральными занятіями. Къ тому же, княжна была до того привлекательна и хороша, что воображеніе ихъ иногда дѣйствительно разнѣживалось и головка ея неясно носилась передъ ними въ облакахъ вакштафнаго дыму, или смѣшивалась съ паромъ кипящаго передъ ними пунша. Впрочемъ, были признаки ихъ страсти еще

положительнѣе. Когда играли въ банкъ, Хлыстинъ ставилъ самый большой кушъ на червонную даму, и если она проигрывала, никогда не оскорблялъ ея неприличною бранью. Любимый конь Шпорина, парадёръ, на которомъ онъ ѣздилъ на ординарцы, назывался «княжной», въ честь нѣжныхъ воспоминаній чувствительнаго поручика. Наконецъ Шонингбушъ, всегда трезвый и непоколебимый на офицерскихъ пирушкахъ, никогда не имѣлъ твердости отказаться выпить за здоровье прекрасной княжны, и единственно по этому поводу напивался до того пьянъ, что начиналъ дѣлать неимовѣрныя глупости, вслѣдствіе чего товарищи, зная его слабость, никогда не забывали повторять драгоцѣнный тостъ въ ожиданіи потѣшныхъ отъ того послѣдствій.

Праздникъ былъ въ самомъ разгарѣ. Огонь и вода, какъ-бы примирившись, сверкали повсюду дружно вмѣстѣ. Ночь была точно волшебная. Гуляющіе подходили къ Монплезиру.

Хлыстинъ, въ тайной надеждѣ удалить своихъ соперниковъ, предложилъ отправиться къ самому берегу моря. Предложеніе его было принято княжной съ какой-то странной радостью и, по одному ея знаку, всѣ безусловно устремились къ Петровскому Дворцу.

По мѣрѣ того, какъ они приближались, веселые огни мало-по-малу исчезали и природа будто снова вступала въ права свои. Небо было ясно. Одна лишь черная туча какъ-бы огромнымъ крыломъ покрывала часть небосклона. Влѣво мелькали освѣщенныя яхты, безмолвно-стоящія на якоряхъ, а вправо полный

мѣсяцъ таинственно разсыпàлъ серебряныя искры по лону волнъ, тихо плескавшихъ о каменную стѣну набережной. Кавалеристы, пораженные величіемъ зрѣлища, остановились съ невольнымъ благоговѣніемъ. Франтъ говорилъ о Средиземномъ Морѣ, но княжна его не слушала, княжна не глядѣла на чудную картину. Что жь занимало княжну? У самой балюстрады, сложивъ руки нà-крестъ, съ нахлобученной на глаза шляпой, въ черномъ застегнутомъ платьѣ, стоялъ высокій человѣкъ и, казалось, былъ погруженъ въ раздумье. Одинъ, въ торжественную ночь, гдѣ всѣ знакомые и незнакомые, друзья и нèдруги, готовы обняться въ знакъ общаго веселья, онъ, казалось, чуждался шума и, забытый, одинокій, презрѣнный людьми, или презирающій людей, онъ удалялся отъ блеска, отъ радости, отъ свѣта, чтобъ уединиться въ созерцаніе необъятнаго моря, чтобъ освѣжиться морскою прохладой и тихой таинственностью ночи!

Княжна, романическая, какъ всѣ балованныя дѣти, съ явнымъ любопытствомъ разсматривала незнакомца. Зоркимъ, женскимъ взглядомъ она успѣла окинуть его съ ногъ до головы, замѣтила его небрежно-завязанный галстухъ, мѣшковатый сюртукъ, нехитрую прическу и широкія перчатки. Потомъ она внимательнѣе вглядѣлась въ его неправильное, но выразительное лицо, подмѣтила его темно-неподвижный взоръ и, какъ-бы радуясь долгоожидаемой встрѣчѣ, не спускала съ него глазъ. По странному противорѣчію, то, чтó непремѣнно погубило бы въ ея глазахъ молодаго человѣка въ свѣтской гостиной, урод-

ливый нарядъ и неуклюжая наружность въ настоящую минуту сдѣлала на нее сильное впечатлѣніе, и князь Мухрабатовъ, съ мудрёнымъ косымъ фракомъ, сшитымъ въ Парижѣ, показался ей чрезвычайно жалокъ и смѣшонъ.

Но появленіе княжны и свиты ея имѣло совершенно противное дѣйствіе на незнакомца. Брови его нахмурились съ досадой, какъ-будто незванные посѣтители прервали давно желанное и тайное свиданіе. Онъ нѐхотя, съ сожалѣніемъ началъ удаляться медленными шагами, грустно оборачивался отъ времени до времени, чтобъ бросить послѣдній прощальный взглядъ на чудную картину, которую, изъ странной ревности, не хотѣлъ раздѣлить съ другими равнодушными зрителями.

—Вотъ оригиналъ такъ оригиналъ! сказалъ насмѣшливо Шпоринъ.

—Вы его знаете? спросила княжна.

—Какъ же!... Онъ нашъ пансіонскій. Мы его звали медвѣдемъ. Не правда ли, онъ похожъ на медвѣдя?

Княжна улыбнулась.

—Мнѣ такъ надоѣли львы, сказала она, что мнѣ очень бы хотѣлось познакомиться съ медвѣдемъ.

—Извольте, я постараюсь его къ вамъ притащить. Вы такихъ звѣрей, я думаю, рѣдко видывали.

Шпоринъ бросился къ незнакомцу и, послѣ нѣсколькихъ словъ, между ними завязался споръ. Незнакомецъ пятился назадъ, а Шпоринъ, ухватясь за отворотъ сюртюка, увлекалъ его за собой. Сцена была довольно-комическая и превратилась бы въ на-

стоящую борьбу, еслибъ княжна не рѣшилась положить ей конецъ. Она поспѣшно приблизилась къ спорящимъ и, устремивъ на медвѣдя самую очаровательную улыбку, весело сказала:

—Мы, кажется, сосѣди съ вами. Отчего же вы насъ чуждаетесь?

Споръ мигомъ кончился и ошеломленный медвѣдь стоялъ ни живъ ни мертвъ. Онъ снялъ шляпу; шляпа выпала изъ рукъ. Онъ хотѣлъ отвѣчать и, краснѣя какъ пристыженный школьникъ, не находилъ словъ.

—Я надѣюсь, продолжала шутливо княжна: — что мы теперь познакомимся и что вы перестанете гордиться.

—Я-съ... отвѣчалъ, запинаясь, медвѣдь: — я человѣкъ не свѣтскій... вы меня извините...

Но княжна была ужь далеко и свѣтящееся во мракѣ бѣлое платье ея скоро скрылось за угломъ монплезирскаго дворца.

II.

ДАЧА.

Нельзя сказать, чтобъ жизнь наша лѣтомъ въ окрестностяхъ Петербурга была особо увеселительна. Какая-то странная апатія водворяется по всѣмъ дачамъ, и столичному тщеславію становится скучно и совѣстно подъ сѣнью деревъ и неба. Правда, носятся слухи о какихъ-то небывалыхъ забавахъ; но слухи эти сущая клевета. Въ Павловскомъ говорятъ, что веселятся на островахъ, на островахъ—что веселятся

на петергофской дорогѣ; на петергофской дорогѣ — что веселятся въ Парголовѣ. Круговая порука! Короче: вездѣ скучно и вездѣ скучаютъ. Причина тому очевидна: деньги прожиты; за границу ѣхать нельзя; приближенные разъѣхались; важничать нечѣмъ и незачѣмъ, а къ тому жь, что за помѣщеніе! что за домы! Съ одной стороны заборы, будки, мостовыя, пыль дрожекъ, фабрики, кабаки; съ другой стороны: итальянскіе балконы, полосатые навѣсы, гортензіи розовыя и голубыя, дорожки съ краснымъ песочкомъ, нѣсколько чахоточныхъ деревьевъ и опять кое-гдѣ нѣсколько гортензій—вотъ почти всѣ наши дачи. Тутъ природа въ завиткахъ и виц-мундирѣ; тутъ и цвѣты и балконы, и даже люди—все для декораціи, для удивленія проѣзжающихъ. Въ особенности занимательны новомодные готическіе замки изъ щепокъ, съ башнями, похожими на зубочистки, съ пристройками въ родѣ китайскаго casse-tête. Въ этихъ-то карикатурныхъ пристанищахъ прозябаетъ лѣтомъ, подъ цвѣтными стеклами, петербургскій свѣтскій людъ и на пространствѣ нѣсколькихъ саженъ наслаждается сельскою свободой и величіемъ природы. Жители этихъ коробочекъ очень чопорно одѣты съ самаго утра. У мужчинъ бархатные береты; у дамъ отлетные кружевные чепчики и длинныя кисейныя платья. Всѣ косятся издали другъ на друга, а въ срочное время мѣняются визитами, впродолженіе которыхъ съ рѣдкимъ простодушіемъ жалуются другъ другу на взаимную скуку. Затѣмъ играютъ въ преферансъ, а въ остальное время дня перебираютъ всѣхъ знакомыхъ и незнакомыхъ, зло

словятъ и безславятъ друга и нéдруга, и сплетничаютъ, сплетничаютъ до совершенной усталости, но никогда до пресыщенія.

То-ли-дѣло наша деревенская жизнь!

Земли и зелени, куда ни оглянись—все твое: гуляй-себѣ какъ хочешь, да любуйся картиной: колосья волнуются отъ жаркаго вѣтра; пестрое стадо пасется на лугу; на пригоркѣ раскинулась деревенька; на рѣкѣ рыбакъ закидываетъ неводъ; мальчишки плещутся и ныряютъ подъ бревенчатымъ мостомъ; надъ селомъ бѣлѣетъ церковь и набожныя старушки плетутся по тропинкѣ къ вечернѣ, и вдали раздается звонная пѣснь парней и молодицъ, идущихъ съ помочи, или отдыхающихъ живописными группами на душистомъ сѣнокосѣ...

Но въ деревню ѣхать далеко; но въ деревнѣ жизнь еще скучнѣе: тамъ нè для кого надѣвать кружева и бурнусы, устанавливать цвѣты горками по балкону, наряжаться и наряжать свою конуру. Деревня—глушь, заточеніе, жилище варварское. Человѣкъ, уважающій самого себя, долженъ только жить за границей или ужь по-крайней-мѣрѣ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ.

Правило разумное и глубокомысленное, послѣ котораго мнѣ остается только просить читателя перенестись со мною на петергофскую дорогу. Тамъ, недалеко отъ Стрѣльны, жила лѣтомъ княжна Тигрина съ гувернанткой. Дача ея была приличная. Въ ней было даже чтó-то готическое, чтó, какъ извѣстно, совершенно въ новомъ вкусѣ. Со всѣхъ сторонъ пестрѣли балконы и высокая терраса краси-

валась пирамидами цвѣтовъ и растеній, словомъ, дача была хоть куда. Одно только было въ ней непріятно: въ ней жить не хотѣлось; въ ней было скучно, какъ и вездѣ, и бѣдная княжна скучала съ утра до вечера; какъ всѣ свѣтскія барышни, она не находила удовольствія въ безвинныхъ сельскихъ забавахъ. Раннія гулянья, полдники съ творогомъ, отъискиванье грибовъ и ягодъ, созерцаніе природы, птички, травки, цвѣточки—надоѣли ей до смерти. Ей нуженъ былъ свѣтъ со всѣми его удовольствіями, съ шумной толпой, съ нарядами, съ волненіями тщеславія, съ музыкой и кавалергардами. Лишившись въ юномъ возрастѣ отца и матери, княжна пользовалась въ свѣтѣ почти полной свободой и развязанностью замужней женщины. Хотя она не принимала къ себѣ свѣтскихъ молодыхъ людей, хотя пользовалась обществомъ красноносой гувернантки, но со всѣмъ тѣмъ, въ особенности лѣтомъ, была совершенно независима. Зимою она ѣздила на балы съ старой тёткой, у которой жила и которая брала ее съ радостью, потому-что ей совѣстно было показывать въ свѣтѣ, на собственный счетъ, старое свое лицо; а съ другой стороны, она не имѣла довольно духа и самостоятельности, чтобъ отказаться отъ разсѣянности, среди которой жила и состарѣлась. Тётка, единственная близкая родственница княжны, мало, впрочемъ, о ней заботилась, потому-что, кромѣ себя самой, ничего не любила на свѣтѣ; къ тому же она была постоянно озабочена визитами, пріемомъ гостей и толками о томъ, что́ происходитъ въ чужихъ семействахъ. Не удивительно, если, съ та-

кимъ примѣромъ въ глазахъ, молодая княжна на самомъ разсвѣтѣ жизни отдала свѣту чистоту своихъ первыхъ впечатлѣній... Она только оглянулась вокругъ себя—и мгновенно постигла владычество хорошенькаго личика, и тогда недолго ей было изучить науку мучить и бѣсить мужчинъ, недолго было проникнуть до тайнъ самаго утонченнаго кокетства.

Бѣдная дѣвушка приняла святыню сердца за игрушку. Она растрачивала душу свою по-мелочи, не зная, что ей, напротивъ, надо было бы накоплять всѣ сокровища сердца, чтобъ имѣть наслажденіе разомъ пожертвовать всѣмъ своимъ богатствомъ. Зимой, когда вокругъ нея жужжали бальныя рѣчи и роились кавалеры, она забывалась въ сладкомъ сознаніи своего могущества. Но за-то лѣтомъ она скучала неимовѣрно. И въ-самомъ-дѣлѣ: стукъ экипажей, проѣзжающихъ вѣчно мимо, скрипъ телегъ, пыль, пьяные мужики—вотъ все, что́ съ верху террасы могло забавлять ея озабоченную лѣнь. Иногда запрещенный романъ, пахитосъ заманчивый развлекали ее на-время; но всего этого было мало; желаніе нравиться просило бо́льшей дѣятельности. Болѣе всего тѣшила ее верховая ѣзда, потому-что она находила въ ней что́-то особенно-увлекательное и отважное; да къ тому же она знала, что мужская шляпа ей къ-лицу, а амазонское платье отлично выказывало гибкій и стройный станъ ея. Но и верховой ѣзды было недостаточно; надо было ѣздить съ однимъ берейторомъ, который притомъ былъ самъ глупъ какъ лошадь. Къ счастью княжны, открылось наконецъ ей утѣшительное развлеченіе. Противъ дачи ея, въ небольшомъ

домикѣ съ балкончикомъ, жилъ какой-то молодой человѣкъ. Онъ жилъ боязливо и тихо, не принималъ никогда гостей, никуда не выѣзжалъ, не выставлялъ цвѣтовъ и какъ-будто боялся привлечь на себя чье-нибудь вниманіе. Это-то самое и подстрекнуло любопытство княжны, которая съ высоты своей террасы начала слѣдить за всѣми его дѣйствіями. Онъ былъ одѣтъ какъ-то странно; но платье его было опрятно и доказывало даже нѣкоторую степень богатства. Онъ нанималъ цѣлую дачу, а жилъ только въ одной комнатѣ. Княжна замѣтила, что онъ каждый день уходилъ куда-то передъ закатомъ солнца и потомъ возвращался ужъ довольно-поздно ночью. Ни гроза, ни ненастье не могли его останавливать. Но куда ходилъ онъ и зачѣмъ—вотъ чтó мучило княжну. Она рѣшилась наконецъ идти за нимъ по слѣдамъ, въ видѣ прогулки, и вдругъ, къ великому удивленію гувернантки, ей какъ-то необычайно полюбился старинный одичавшій стрѣленскій паркъ, куда она каждый день начала ходить прогуливаться. Такое пристрастіе къ уединенію въ-самомъ-дѣлѣ было бы совершенно неизъяснимо, еслибъ далеко на взморьѣ не мелькалъ черный образъ лежавшаго на берегу человѣка.

Иногда княжна подходила къ нему довольно-близко; но онъ, лишь-только замѣчалъ ея приближеніе, поспѣшно вскакивалъ и съ признаками явной досады убѣгалъ въ противоположную сторону. Чѣмъ болѣе онъ уклонялся отъ нея, тѣмъ болѣе она его преслѣдовала и упрямилась въ твердомъ намѣреніи побороть дикость страннаго человѣка, надъ которымъ без-

сильны были ея очарованія. Такова природа женщинъ!

Догадливый читатель пойметъ теперь, отчего княжна такъ обрадовалась при видѣ незнакомца у монплезирскаго дворца, и почему, вѣрная своей женской тактикѣ, она не хотѣла обнаружить свою радость, и, бросивъ нѣсколько мѣткихъ словъ, удалилась въ сопровожденіи зимнихъ своихъ поклонниковъ. Дорогой узнала она, съ свойственной ей хитростью, имя своего незнакомца, его состояніе и степень аристократическаго его достоинства. Къ счастью, свѣдѣнія эти были почти удовлетворительны, такъ-что княжнѣ возможно было, не роняя важности сана, слѣдовать тайному своему замыслу.

Петергофскій праздникъ прошелъ. Дачная жизнь тянулась снова однообразно и скучно, а стрѣленскія прогулки долго продолжались безъ успѣха.

Наконецъ они встрѣтились. Медвѣдь шелъ по мостику, перекинутому черезъ засохшій прудъ, и, опустивъ голову, о чемъ-то думалъ. Легкій шорохъ заставилъ его очнуться. Бѣдный дикарь обмеръ: передъ нимъ стояла княжна. Ужасный испугъ изобразился въ чертахъ его. Онъ не зналъ что дѣлать, кланяться ли, бѣжать ли, и стоялъ какъ приговоренный къ смерти.

—Вы, кажется, любите гулять? спросила, улыбаясь, княжна.

—Я-съ?... да... съ...

—Скажите, пожалуйста, что̀ это вы тамъ дѣлаете, на берегу моря?

—Такъ-съ, сижу...

—И это вамъ не наскучиваетъ?

Медвѣдь взглянулъ на княжну съ удивленіемъ.

—Я сижу на берегу моря, отвѣчалъ онъ.

—Что́ жь вы тамъ видите?

—Море, отвѣчалъ онъ:—море...Развѣ этого мало?

—Оригинальная идея! продолжала княжна: — очень оригинальная. Мнѣ говорили о васъ правду, что вы оригиналъ.

—Какъ-съ? обо мнѣ?

—Какъ же. Мнѣ разсказывали такія странности о васъ... что вы не любите людей и въ особенности женщинъ...

—Я-съ... право... нѣтъ.

—Бѣдныя женщины! что́ онѣ вамъ сдѣлали? И вы тоже со всѣми на нихъ нападаете! А право, онѣ не хуже мужчинъ.

—О, конечно!

—Въ нихъ столько преданности...

—Да-съ.

—Столько самоотверженія...

—Да-съ.

—Столько любви ко всему прекрасному...

—Да-съ...

—Такъ зачѣмъ же вы нападаете на женщинъ?

—Помилуйте, я вовсе не нападаю на нихъ.

—Однако вы ихъ чуждаетесь.

—Это ужь такая привычка...

—Признайтесь, вы ихъ боитесь?

—Я-съ... нѣтъ-съ... право.

—Нѣтъ, просто боитесь. Что́ жь вы находите въ нихъ страшнаго?

—Ничего-съ...

—Ну, хотите доказать мнѣ, что вы не боитесь, ихъ?

—Извольте-съ.

—Приходите къ намъ нынче вечеромъ. Вотъ моя гувернантка. Она очень будетъ рада съ вами познакомиться.

Гувернантка безсмысленно поклонилась.

—Вы прійдете?

Медвѣдь поблѣднѣлъ.

—Извольте... сказалъ онъ едва внятно.

—Такъ до свиданія.

—До свиданія.

«Ну!» подумала княжна, возвращаясь на дачу: «къ счастью, что меня никто не подслушалъ, а иначе я никогда бы не одолѣла его упрямства».

А медвѣдь побѣжалъ въ совершенной лихорадкѣ домой. Слуга его, привыкшій видѣть барина всегда смиренникомъ, выпучилъ глаза. Баринъ перешарилъ всѣ свои комоды, перебросалъ по полу панталоны и жилеты, причесывалъ и приглаживалъ волосы, придумывалъ банты на галстухѣ, и притомъ былъ въ полномъ отчаяніи. Прошло полчаса мучительнаго туалета. Медвѣдь взглянулъ въ зеркало и ужаснулся: фракъ его былъ слишкомъ широкъ, панталоны слишкомъ узки, все на немъ сидѣло безобразно и плачевная физіономія его придавала наряду его еще что-то болѣе комическое. Однако дѣлать было нéчего, онъ собрался съ духомъ и отправился къ сосѣдкѣ. Прекрасная княжна, затаившись за кустъ, стоявшій на террасѣ, смотрѣла на идущаго плѣнника и лукаво

улыбалась. Медвѣдь шелъ медленно. Видно было, что онъ весь былъ въ огнѣ. И вотъ онъ ужь у самой дачи, вотъ онъ берется за ручку двери... Но тутъ вся храбрость его исчезла, рѣшимость пропала и, быстро повернувшись, онъ безъ оглядки побѣжалъ домой. Въ двѣ минуты онъ снова очутился въ своей комнатѣ, заперъ поспѣшно дверь свою ключомъ, сбросилъ на́-скоро платье, кинулся въ постель и ужь только въ постели могъ вздохнуть спокойно.

Княжна долго стояла на своей террасѣ. Ей было и смѣшно и досадно. Трусость медвѣдя поразила ее. Впрочемъ, надо сказать правду, такіе медвѣди рѣдки даже и въ обществѣ медвѣдей, о которыхъ да будетъ позволено мнѣ сказать нѣсколько словъ.

III.

ОТРЫВОКЪ ВЪ РОДѢ «НАШИХЪ.»

Въ свѣтскомъ звѣринцѣ, гдѣ раздольно проказничаютъ львицы съ своими львами и львёнками, есть темные уголки, есть скромныя берлоги, куда изрѣдка долетаетъ слухъ о шумныхъ забавахъ свѣта. Тамъ-то, съёжившись и пригорюнясь, лежатъ нахмуренные медвѣди, думаютъ-себѣ грустную думу, или читаютъ, для вящшей скуки, плохіе наши журналы, такъ-какъ настоящіе медвѣди, отъ нечего дѣлать, сосутъ себѣ лапы.

Грустно имъ жить на свѣтѣ, а въ свѣтѣ жить они не хотятъ: не по ихъ медвѣжьей природѣ. «Гдѣ намъ?» говорятъ они: «куда намъ? Мы неуклюжіе, мохнатые, неповоротливые. Мы людей насмѣшимъ. Мы

ни въ галопѣ не съумѣемъ повернуться, ни въ мазуркѣ притопнуть во-время, а о вальсѣ въ два такта и помысла у насъ не бывало!»

Въ петербургѣ такихъ медвѣдей много. Вы ихъ часто встрѣчаете однихъ, или попарно. У нихъ всегда суровый видъ, какъ-будто чѣмъ-то недовольный. Смотрятъ они исподлобья, ходятъ гулять по Невскому Проспекту, говорятъ мало, кланяются еще меньше, и вообще имѣютъ сердитую наружность. Добровольные отверженцы свѣтской жизни, они говорятъ о ней съ какимъ-то насмѣшливымъ и притворнымъ почтеніемъ; но въ особенности о гостиныхъ щеголяхъ относятся они недоброжелательно, какъ-будто негодуя на нихъ за ихъ бальные успѣхи, какъ-будто завидуя ихъ участи. Впрочемъ, они добрые товарищи. Чутьемъ узнаютъ они другъ друга, и въ томъ надо отдать имъ справедливость, что медвѣдь медвѣдю, когда понадобится, подаетъ всегда лапу. Но если, паче чаянія, изъ медвѣжьяго круга перебѣжитъ медвѣжонокъ къ люду свѣтскому, тогда—бѣда! медвѣди обижаются не на шутку, ерошатся, щетинятся, оскорбляютъ измѣнника насмѣшками и наконецъ исключаютъ его изъ своего сонмища.

Занятіе ихъ самое обыкновенное: скучать и глядѣть на большой свѣтъ изъ отверстія своей берлоги. Графиня В. составляетъ предметъ ихъ особаго наблюденія. Они повторяютъ каждый ея веселый отвѣтъ, каждое ея острое слово, и медвѣжьи ихъ лорнеты частёхонько устремляются съ тихимъ смиреніемъ на ея ложу. Обѣдъ въ трактирѣ, вечеръ въ театрѣ — вотъ ихъ главныя увеселенія; а потомъ

трубка, сигарка, пахитосъ, папиросъ, кальянъ, дополняютъ кое-какъ день. Иногда они читаютъ, но рѣдко: незачѣмъ! Иногда они служатъ, но службы не любятъ, потому-что необходительны съ чужими.

Впрочемъ, какъ и прочіе грѣшные молодые люди, они не прочь покутить, и нерѣдко устроиваютъ между собой пирушки, гдѣ застѣнчивость ихъ превращается въ веселый разгулъ холостой жизни. Тутъ всѣ поютъ вмѣстѣ аріи изъ разныхъ оперъ; тутъ отлично представляютъ Брейтинга и разныхъ актёровъ; тутъ пляшутъ по-цыгански и громко перебираютъ всѣхъ петербургскихъ красавицъ.

Но это только мгновенныя вспышки. Медвѣжья жизнь вообще скучна и однообразна; иначе и быть не можетъ. Человѣкъ, который будетъ искать въ Петербургѣ внѣшней общественной жизни, не найдетъ себѣ товарищей, кромѣ шарманокъ и запачканныхъ итальянцевъ съ бюстами Наполеона на головѣ. Останется ему выборъ между жизнью гостиной и жизнью кабинетной. Но первая требуетъ разныхъ дядюшекъ и тётушекъ, много денегъ или много ловкости, докторскую карету, чрезмѣрную учтивость и поклоны кому слѣдуетъ. Вторая предписываетъ строгія занятія, постоянную цѣль и чисто-духовную жизнь, къ которой не каждый способенъ и къ которой мы вовсе не приготовлены своимъ воспитаніемъ; не говорю о любимой нашей сѣверной лѣни...

Вотъ почему у насъ столько людей, которые живутъ такъ-сказать: на рубежѣ между этими двумя образами жизни. Они составляютъ почти особую касту—медвѣдей, и въ виду свѣтской жизни проводятъ

жизнь отдѣльную, скучную и холостую. Медвѣди бываютъ различнаго рода: отъ бѣдности, отъ неудачной физіономіи, отъ чрезмѣрнаго самолюбія, требующаго отъ всѣхъ исключительнаго вниманія, отъ любви къ заграничной жизни, отъ ненависти къ фраку, отъ непривычки быть учтивымъ, отъ образа воспитанія, отъ непріятностей по службѣ, отъ плебейскаго происхожденія, но большею частью отъ равнодушія ко всему житейскому... отъ скуки и лѣни, отъ неодолимой наклонности къ халатной лежачей жизни. Самые жалкіе... самые трогательные, хотѣлъ я сказать, тѣ, которые настоящіе медвѣди по природѣ, которые съ дѣтства дичатся людей, не избалованы ни чьимъ участіемъ и силою обстоятельствъ привыкли уединяться въ самихъ себя. Таковъ герой моего разсказа. Два слова о его біографіи.

Отецъ его имѣлъ, что называется, дворянское имѣніе — 500 заложенныхъ душъ. Жилъ онъ въ деревнѣ, какъ живутъ почти всѣ такіе помѣщики, довольно-грязно. Зимой ѣздилъ на ярмарку въ губернскій городъ, являлся въ губернскомъ мундирѣ къ губернатору, игралъ въ собраніи на бильярдѣ, а потомъ снова возвращался въ тарантасѣ къ своимъ Филькамъ, Стёпкамъ и Ларькамъ, которые съ радостными лицами и изодранными локтями встрѣчали его у крыльца. Первая жена его скончалась родами, не запомню, по невѣжеству, или по неимѣнію доктора, а потому бѣдный Миша лишенъ былъ первыхъ ласкъ, первой улыбки, перваго того необъяснимаго впечатлѣнія, когда душа, не достигнувъ еще до собственнаго сознанія, начинаетъ уже неясно по-

нимать сладость нѣжнаго сочувствія. Миша росъ въ углу барскаго двора на попеченіи дворовой дѣвки. Спустя два года, отецъ его снова задумалъ жениться. Вторая жена его, передъ замужествомъ худенькая и скромная дѣвочка, по принятому въ провинціи обыкновенію презирать всякія шнуровки, почти мгновенно превратилась въ толстую и сварливую барыню. Озабоченная собственною дщерью, она тоже обыкновеннымъ порядкомъ возненавидѣла пасынка, и бѣдный мальчикъ при самомъ началѣ жизни уже частёхонько утиралъ слезы, вынужденныя жестокимъ и несправедливымъ обращеніемъ. Едва наступило ему семь лѣтъ, какъ между супругами начались разсужденія о томъ, что урожаи плохи, а воспитаніе дорого. Затѣмъ положено отдать мальчика въ какой-нибудь дешевый петербургскій пансіонъ. Такъ и сдѣлано.

Починили тарантасъ, напекли пироговъ, отслужили молебенъ и, благословясь, поѣхали въ Петербургъ: тамъ мальчика опредѣлили въ пансіонъ г-на Фурбана, отставнаго парикмахера, принявшагося образовывать русскую молодежь. Тутъ для Миши началась жизнь еще плачевнѣе. Такъ-какъ родители его долго торговались о годовой платѣ за его воспитаніе, кое-что даже и выторговали, то содержатель пансіона оказывалъ ему особое недоброжелательство. Къ тому же онъ былъ малъ и слабъ, и пансіонеры тотчасъ его выбрали предметомъ своихъ преслѣдованій, чтобъ безопаснѣе выказать свою силу и удальство. Колкія насмѣшки, фонари и подзатыльники сыпались на него со всѣхъ сторонъ. Сперва онъ вздумалъ жаловаться и просить защиты; но удары

сдѣлались еще сильнѣе и, кромѣ-того, едва лишь онъ показывался въ кругу товарищей, повсюду раздавался насмѣшливый шопотъ: «Берегитесь, господа, фискалъ идетъ!» Неудивительно, что природная робость его еще болѣе усилилась и придала наружности его что-то особо-неуклюжее и неловкое. Во всѣхъ упражненіяхъ тѣла отставалъ онъ отъ прочихъ до-того, что во время танцкласса не только пансіонеры, но и учители помирали со смѣху, глядя на его тяжелые прыжки. Повинуясь своей судьбѣ, онъ рѣшился молчать и все сносить терпѣливо, безъ участія въ дѣлахъ своего возраста. Онъ заранѣе привыкъ углубляться въ самого себя, и характеръ его принялъ какой-то странный оттѣнокъ задумчивой мечтательности. Въ саду, гдѣ пансіонеры кувыркались и бѣгали, онъ выбиралъ самое уединенное мѣсто, ложился подъ дерево и, тихо очарованный трепетнымъ шопотомъ листьевъ, глядѣлъ съ непонятнымъ чувствомъ на небо. Странныя ли онъ видѣлъ въ немъ видѣнія, чудные ли онъ высматривалъ въ немъ образы, но часто случалось, что пансіонеры давно уже сидѣли на лавкахъ въ классѣ, а онъ, забывшись, все лежалъ еще на любимомъ своемъ мѣстѣ. Когда жъ, опомнившись, онъ являлся въ классъ, его привѣтствовалъ громкій хохотъ, и тутъ же наказаніе слѣдовало за преступленіемъ. Лишеніе обѣда, черный столъ, дурацкій колпакъ и всѣ утонченности дѣтской исправительной полиціи, при грозномъ наставленіи, были возмездіемъ за преступную забывчивость. Ребенокъ безропотно всему повиновался. Но только классы оканчивались и дѣти снова рѣзви-

лись, онъ опять бѣжалъ къ своему дереву, опять прислушивался къ шуму листьевъ и носился жаднымъ взоромъ по воздушному океану. Въ эти минуты онъ былъ счастливъ какимъ-то непонятнымъ счастьемъ; но когда онъ возращался изъ своего мечтательнаго міра, ему было нестерпимо-тяжело. У всѣхъ его товарищей были родители, которые пріѣзжали за ними по праздникамъ; у него никого не было, кто бы оказалъ ему малѣйшее участіе. Такъ прошло его дѣтство.

Наконецъ онъ выросъ и сдѣлался студентомъ. Но студентская жизнь осталась для него въ сторонѣ. Для него не было ни увѣреній восторженной дружбы, ни веселыхъ попоекъ, ни пѣсенъ удалыхъ, ни тайныхъ вздоховъ подъ окномъ пугливой красавицы. Онъ вездѣ чувствовалъ себя лишнимъ и дышалъ свободно только тогда, когда бывалъ одинъ. Студенты прозвали его «медвѣдемъ» и перестали о немъ заботиться.

Окончился курсъ ученія. Медвѣдь вступилъ на поприще жизни. Между-тѣмъ отецъ его и мачиха скончались, оставивъ ему весьма порядочное состояніе, съ помощью котораго онъ могъ бы легко попасть въ большой свѣтъ и даже прослыть за жениха выгоднаго, если не блистательнаго. Къ несчастью, робость и привычка къ одиночеству сдѣлались у него второй природой. Медвѣдь остался медвѣдемъ. Нанялъ онъ себѣ небольшую квартиру на Литейной и жилъ, какъ-бы стыдясь самого себя, какъ-бы совѣстясь обременять людей своимъ присутствіемъ, и самъ былъ готовъ горько надъ собой смѣяться.

Онъ думалъ, наконецъ, что ему какъ-то неприлично слѣдовать законамъ моды, отчего и одѣяніе его сдѣлалось уродливо. На щекахъ его заторчали какіе-то воротнички, давно уничтоженные въ щегольскомъ мірѣ; фракъ его распространился мѣшкомъ, словомъ, все на немъ было какъ-то дико и не по-людски. Быть-можетъ, въ этомъ пренебреженіи и таилась какая-то особая гордость, но онъ не сознавался въ томъ самому себѣ и съ страннымъ упрямствомъ отклонялъ отъ себя всѣ удовольствія своего возраста.

Съ такимъ характеромъ онъ, разумѣется, не искалъ знакомства; но петербургскіе медвѣди, узнавъ о его рѣшительной нелюдимости, сами пригласили его въ свой кругъ съ чувствомъ глубочайшаго уваженія. Нѣкоторые изъ нихъ глядѣли на него даже не безъ зависти—такъ было сильно его призваніе. Отказываться ему не было причины.

Со страхомъ пополамъ посѣщалъ онъ своихъ полудикихъ товарищей, слушалъ, ка́къ говорятъ о графинѣ В., какъ представляютъ Мазаніэло, выпивалъ бокалъ шампанскаго и потомъ убѣгалъ поскорѣе домой, испугавшись своей свѣтскости и жалкой своей фигуры въ кругу такихъ разсѣянныхъ и свѣтскихъ людей.

Съ другой стороны, медвѣдь былъ молодъ и много дикой поэзіи таилось въ душѣ его. Въ особенности лѣтомъ мечтанія толпились роемъ надъ нимъ и мутили его воображеніе; душа его искала высшихъ наслажденій, сердце просило любви, чувство одиночества давило его и становилось нестерпимо. Но тогда

онъ убѣгалъ на берегъ моря, долго вглядывался въ волны—и ему становилось легче, и странныя мысли приходили ему въ голову...

Онъ думалъ тогда, что любить женщину недостойно человѣка, который чувствуетъ въ себѣ бодрость и силу. Какая красота женская, несовершенная и земная, можетъ сравниться, думалъ онъ, глядя на море, съ этой вѣчной, неизмѣнной красотой? Какой шопотъ любви, самый сладкій, можетъ сравиться съ этимъ вѣчнымъ шопотомъ, съ этими неясными стонами и жалобами, съ этимъ замирающимъ говоромъ, тайно наводящимъ на душу такія чудныя думы? Какой порывъ страсти, самой бурной, можетъ сравниться съ ненастной ночью, когда волны вздымаются до неба, утопляя звѣзды въ своихъ брызгахъ, когда громъ и молнія бороздятъ бездонныя пропасти и вся трепетная природа сливается въ мрачную картину ужаса и гнѣва? А потомъ, когда все снова стихнетъ, когда черныя тучи, испуганныя солнцемъ, быстро убѣгутъ за небосклонъ и море разовьется зеркальной равниной, какое глубокое чувство, какое душевное смиреніе можетъ сравниться съ этой глубиной, съ этимъ смиреніемъ? Кто проникъ въ нѣдра чудной стихіи? Кто понялъ ея жизнь, ея силу, душу?... Долго просиживалъ онъ на берегу, вперивъ испытующій взоръ въ прозрачныя воды—и душа его наполнялась какою-то странной, необъятной любовью. И ему чудилось, что между нимъ и моремъ было что-то похожее на таинственное сочувствіе. Въ тихомъ говорѣ волнъ, плескавшихъ у ногъ его, ему слышались неясные звуки, какъ-бы неокончен-

ныя слова, какъ сладострастный отзывъ, что любовь его не пропала даромъ, что если онъ не измѣнитъ ей, его вѣчно, вѣчно будетъ хранить невидимая сила, и эти журчащія слова, эти мѣрные звуки убаюкивали его какъ колыбельная пѣсня, и онъ засыпалъ на берегу, и сонъ его былъ тихъ и спокоенъ, какъ сонъ ребенка.

IV.

Женихи.

Между-тѣмъ князь Мухрабатовъ вернулся изъ-за границы. Несмотря на пристрастіе къ чужимъ краямъ, онъ былъ самый петербургскій молодой человѣкъ. Наружность его была приличная, умъ ограниченный, познанія самыя жалкія и собранныя кое-какъ по трактирамъ европейскихъ городовъ. Къ тому же Мухрабатовъ умѣлъ прекрасно держать себя въ обществѣ: никто небрежнѣе его не разваливался подлѣ записныхъ нашихъ красавицъ; никто не округлялъ съ такой тщательностью длинныхъ ногтей и не растрепывалъ живописнѣе пальцами своей волнистой прически. Съ мужчинами онъ былъ не самой деликатной учтивости. Говорилъ вообще мало и только о заграничной жизни; о Россіи и русскомъ нашемъ бытѣ относился слегка и съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, которое чрезвычайно нравилось петербургскимъ дамамъ, словомъ, Мухрабатовъ былъ препріятный человѣкъ. Не было званаго обѣда, куда бы онъ не долженъ былъ являться съ своими душистыми бакенбардами, съ лайковыми башмаками и щегольскою тростью. Даже полновѣсныя барыни, гроз-

ныя блюстительницы свѣтскаго благочинія, удостоивали его нерѣдко своимъ благосклоннымъ разговоромъ насчетъ всякихъ новостей и современныхъ сплетней. Кто бы не позавидовалъ счастливой судьбѣ моднаго князя? Но наружность бываетъ часто обманчива: въ блистательной жизни его таилась болѣзненная язва, которую онъ старательно скрывалъ отъ любопытныхъ взоровъ. Князь получилъ отъ родителей своихъ множество душъ и еще бо́льшее количество долговъ. Путешествія и рулетка довершили совершенное разореніе, такъ-что когда всѣ молодые люди завидовали его участи, князь нерѣдко сидѣлъ безъ гроша... Понимаете ли: быть безъ гроша и жить въ свѣтѣ—сколько тутъ убійственныхъ и непонятныхъ печалей, разочарованій, обидъ! сколько тутъ неописанной досады, зависти! какая тутъ ежечасная драматическая борьба между нищетой и роскошью! Къ тому же слабый характеръ князя не позволялъ ему разорвать свѣтскія узы, составлявшія все его существованіе. Одно только средство оставалось ему, чтобъ выпутаться изъ нестерпимаго положенія—выгодная женитьба. Но петербургскія барышни сами ищутъ выгодныхъ жениховъ, и первый трепетъ пробуждающихся сердецъ нерѣдко устремляется прямёхонько къ незаложеннымъ вотчинамъ и къ ломбарднымъ билетамъ. Трудно обмануть нѣжную проницательность нашихъ красавицъ, а заботливыхъ родителей обмануть еще труднѣе.

Однако случай помогъ князю. Въ гостиной графини N онъ познакомился съ ея племянницей. По принятому обыкновенію увеличивать приданое дѣву-

шекъ, княжна славилась чрезвычайно-богатой невѣстой... У нея не было ни отца, ни матери. Тётка мало о ней заботилась, имѣя собственныхъ взрослыхъ дѣтей, но, изъ приличія предложила, ей жить въ своемъ домѣ. Хорошенько обдумавъ планъ свой, Мухрабатовъ храбро принялся за плачевную роль вздыхателя. Княжна, хоть и была влюблена въ Шпорина, какъ носились о томъ слухи, принялась, однакожь, кокетничать съ новымъ поклонникомъ, и зима промчалась среди мазурокъ и разговоровъ о духотѣ и погодѣ, перемѣшанныхъ съ легкими намеками о нѣжной страсти и необходимости освятить ее священнымъ союзомъ. Весною графиня, обязанная низойти до самыхъ прозаическихъ разсчетовъ, отправилась въ тамбовское имѣніе смѣнить управляющаго и надбавить оброкъ, а княжна переѣхала жить на дачу. Мухрабатовъ долженъ былъ отложить окончательное объясненіе до возвращенія тётки, а междутѣмъ продолжалъ ѣздить на обѣды по всѣмъ богатымъ дачамъ петербургскихъ окрестностей.

Мы ужь видѣли, что княжнѣ было скучно на дачѣ и что бѣдный медвѣдь былъ обреченъ на жертву ея шаловливой праздности. Самая странность ея отношеній съ такимъ необычайнымъ человѣкомъ и досада на долгое его сопротивленіе, не давали ей покоя; и, сама не зная, не желая знать, чѣмъ все это кончится, она предалась вполнѣ и безсознательно своему преступному намѣренію. Женскія хитрости безчисленны. Мало-по-малу она начала пріучать медвѣдя къ своему присутствію. Частыя встрѣчи, вечернія прогулки, лукавые разговоры, словомъ, всѣ

дѣйствія княжны клонились къ тому, чтобъ внушить полное довѣріе своему сосѣду. Кто бы устоялъ противъ такого искушенія? Мечтательный поклонникъ моря началъ постепенно рѣже-и-рѣже посѣщать свое любимое уединеніе; потомъ онъ началъ привыкать къ княжнѣ, какъ къ лицу отдѣльному, непринадлежащему къ общему сословію женщинъ. Мало-по-малу рѣчь его развязалась и княжна, торжествовавшая съ дѣтскою радостью всякую новую свою побѣду, замѣтила, не безъ изумленія, сколько было глубокаго чувства и неиспорченнаго ума подъ грубой оболочкой нелюдима. По предложенію княжны, медвѣдь началъ сопровождать ее во время прогулокъ ея верхомъ. Сказать правду, онъ былъ плохой ѣздокъ, посадка его была самая смѣшная и нерѣдко возбуждала хохотъ въ встрѣчавшихся кавалеристахъ. Сама княжна внутренно смѣялась ей; но когда они были вдвоемъ, онъ такъ беззаботно игралъ всѣми опасностями, съ такимъ неистовствомъ рвался черезъ рвы и заборы, такъ весело жертвовалъ жизнью по одному мановенію бѣлой ручки, что въ эти минуты онъ былъ прекрасенъ и княжна заглядывалась на него съ тайнымъ удовольствіемъ. Иногда долго скакали они дружно рядомъ, сблизивъ разъяренныхъ коней своихъ, и вѣтеръ игралъ ихъ распустившимися кудрями, дыханіе спиралось и какая-то дикая, хмѣльная радость отражалась въ чертахъ ихъ. Тогда они какъ-будто отдѣлялись отъ земли, какъ-будто быстро неслись по воздуху, забывъ все мірское и предаваясь оба всѣмъ бытіемъ своимъ безотчетному и безъименному удовольствію.

Но чаще всего они ѣхали шагомъ и тихо разговаривали между собою. Медвѣдь разсказывалъ про свое дѣтство, про свою старинную мечтательность, про неисповѣданныя никому впечатлѣнія, и княжна слушала его съ участіемъ; и чѣмъ болѣе онъ говорилъ, тѣмъ краснорѣчивѣе и выразительнѣе становились слова его. Часы быстро летѣли, а они и не думали о нихъ... Любовь уже вкрадывалась небесной гостьей въ ихъ дружескія бесѣды.

Однажды они ѣздили по петергофскому парку. Вечерѣло. Погода была тихая и ясная. Княжна, утомленная быстрою ѣздой, соскочила съ лошади и отдала ее берейтору. Спутникъ послѣдовалъ ея примѣру и оба они отправились по тропинкѣ къ уединенной скамьѣ, осѣненной густыми березами, невдалекѣ отъ журчащаго фонтана.

Они сѣли.

—Итакъ, вы были влюблены въ море? спросила княжна.

—Не знаю, былъ ли я влюбленъ, но я находилъ у моря отраду, которой никогда не находилъ между людьми.

—Даже и теперь?

—О, теперь другое дѣло! Вы меня примирили и съ жизнью и съ самимъ собой. Только скажите мнѣ, къ чему вы все это дѣлаете? Вамъ вѣдь должно-быть скучно со мной. Я человѣкъ неуклюжій, необразованный. Я часто стыжусь самого себя... А вы .. вы такъ благосклонно говорите со мной... Чѣмъ заслужилъ я это?

—Вы слишкомъ скромны, отвѣчала она.

—Нѣтъ, продолжалъ онъ съ чувствомъ:—я вѣрую, что у каждаго человѣка должна быть своя прекрасная минута; вѣрую, что вы ниспосланы небомъ осѣнить свѣтлымъ лучомъ мое темное одиночество. Кроткая душа ваша сжалилась надъ сиротской моею жизнью и теперь, благодаря вамъ, я счастливъ, силенъ, гордъ судьбой своей...

Глаза молодаго человѣка засверкали.

—Вотъ видите ли, здѣсь, подъ этимъ чистымъ небомъ, подъ этими деревьями, душа расширяется... сердце наполняется радостью... О! какое было бы блаженство, еслибъ вы...

Онъ не посмѣлъ кончить.

Княжна задумалась. Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

—Какъ же вы это любили море? спросила она снова шопотомъ.

—Я и самъ не знаю. Мнѣ, видите ли, надо было хоть къ чему-нибудь привязаться. И днемъ и ночью я о томъ только думалъ... Впрочемъ, я отдавалъ себѣ справедливость, я зналъ, что быть любимымъ женщиной было для меня невозможно.

—Отчего же? съ живостью спросила княжна.

—Оттого, что я себя знаю. Сознаніе моего ничтожества убиваетъ меня.

—Напрасно...

—Не говорите этого!

—Вы несправедливы къ себѣ.

—Я не избалованъ жизнью.

—Терпѣніе все одолѣваетъ.

—Сомнѣніе мучительно.

—Вы думаете?...

—Думаю. А вы?...

—Не знаю.

—Право?

—Да. . . . .

. . . .

Я всегда удивлялся, ка̀къ гладко и краснорѣчиво обясняются влюбленные въ повѣстяхъ и комедіяхъ. Слова и чувства ихъ такъ и сыплются градомъ и самыя страстныя признанія такъ тщательно отдѣланы и округлены, что любо читать.

На дѣлѣ бываетъ иначе. Сомнѣніе и неизвѣстность вселяютъ страхъ въ самаго храбраго человѣка. Смертная блѣдность покрываетъ чело; судорожная дрожь объемлетъ всѣ члены; слова прилипаютъ къ устамъ и, какъ-бы объятыя пламенемъ, съ трудомъ вылетаютъ неровно одно за другимъ.

Долго продолжался безсвязный разговоръ. Оба чувствовали, что наступила пора объясниться, но ни онъ, ни она не смѣли приступить къ объясненію. Свѣтское притворство давило ихъ; они оба не знали, какъ сбросить его тяготѣющее бремя, а, кажется, было нетрудно. Какъ почти всегда случается, одно мгновеніе забывчиваго чувства окончило ихъ взаимное мученіе.

—Осень наступаетъ, сказалъ печально молодой человѣкъ. — Вы переѣдете въ городъ, а тамъ гдѣ будетъ вамъ вспомнить обо мнѣ!...

—Знаете ли? отвѣчала она: — вы должны бросить свою дикость; вы должны быть въ свѣтѣ, чтобъ со мною видѣться, если вы только желаете меня ви-

дѣть. Не правда ли, вы это сдѣлаете... изъ любви ко мнѣ?

—О! изъ любви къ вамъ все, все... Но только, ради Бога... скажите.,. дайте мнѣ надѣяться, что вамъ не будетъ непріятно мое присутствіе...

—О, напротивъ, я буду такъ рада!

—Такъ вы неравнодушны къ судьбѣ моей...

—Не-уже-ли вы въ томъ сомнѣваетесь?

Онъ взглянулъ на нее съ такимъ необъятнымъ выраженіемъ блаженства и рѣшительности, что она невольно вздрогнула и тихо протянула ему руку. Нѣжное пожатіе замѣнило излишнія клятвы. Взоры ихъ какъ-будто слились и передали другъ другу завѣтную тайну души. Свѣтская дѣвушка не понимала, что́ съ ней дѣлалось. Какое-то неизвѣстное, высокое чувство облегчало ея взволнованное сердце, на устахъ ея сіяла улыбка, а на глазахъ навернулись слезы. Тихо склонила она свою головку на грудь своего избраннаго, руки ихъ снова встрѣтились и, полные тихаго восторга, долго сидѣли они въ нѣмомъ упоеніи, и березы таинственно наклонялись надъ ними, и фонтанъ тихо и мѣрно журчалъ подлѣ нихъ...

Минута святаго блаженства! минута радостнаго и скорбнаго воспоминанія! зачѣмъ вызывать тебя со дна души, затаившей тебя съ любовью? И какъ выразить твое свѣтлое явленіе, когда въ тебѣ то и прекрасно, что́ невыразимо? И къ чему?...

Годы проходятъ, жизнь убѣгаетъ, все измѣняется и гибнетъ, а свѣтлая точка все горитъ и теплится на нашемъ небосклонѣ. Лучезарный путеводитель

нашего мрачнаго пути, она напоминаетъ намъ минутное примиреніе неба съ землей и, оживленные лучомъ ея, мы съ большимъ смиреніемъ несемъ тяжелую ношу жизни... Всѣхъ она озаряетъ однажды; всѣмъ она равно свѣтитъ отрадой... И ты задумаешься, мой читатель, надъ этой страницей, и вы вздохнете, моя читательница, прочитавъ эти строки, и вамъ станетъ и весело и грустно, потому-что вы, можетъ-быть, уже все утратили на свѣтѣ, но, вѣрно, свято храните еще въ памяти своего сердца ваше первое признаніе, вашу первую любовь.

V.

БАЛЪ.

Около этого времени странный слухъ распространился по дачамъ петергофской дороги. Въ среду, говорили, будетъ балъ. Быть не можетъ! Точно балъ. Князь Щетининъ отдѣлалъ свою дачу и желаетъ показать ее во всѣмъ блескѣ. Князь Щетининъ умѣетъ жить. Балъ, вѣрно будетъ славный. По всѣмъ дачамъ пошла суматоха. Нарочные и записочки съ поспѣшностью отправлены къ m-me Chevalier. Дневной балъ, балъ безъ свѣчей—вѣдь это прелесть, въ особенности для бѣлолицыхъ! Правда, смуглыя барышни за три дня до бала слегли въ постель для заблаговременнаго извиненія; но за-то какое торжество для первыхъ! Наряды придуманы и обдуманы: лиловыя и вер-де-помовыя платья; на головѣ настоящіе цвѣты; въ рукахъ букеты — прелесть! Какой славный человѣкъ этотъ князь Щетининъ!

Историческая точность требуетъ отъ меня признанія, что и княжна призадумалась немного о своемъ бальномъ нарядѣ. Сообразуясь съ новымъ состояніемъ души своей, она рѣшила, что всего приличнѣе для нея было надѣть бѣлое платье, а го́лову убрать полевыми цвѣточками. Принявъ такое твердое намѣреніе, она снова погрузилась въ идеальный міръ мечтательности.

Ей было та́къ странно и та̀къ хорошо съ-тѣхъ-поръ, какъ жизнь ея удвоилась. Привычная скука превратилась въ тихую задумчивость; всегдашнее безпокойство души, безсознательно чего-то ожидающей, исчезло. Она поняла, чего она ожидала; она сознала свое бытіе: она любила...

Да́! она точно любила. Передъ ней повсюду мелькалъ образъ ея сосѣда, правда, не совершенно въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ въ-самомъ дѣлѣ, но перевоспитаннаго любовью и привычкою къ общежитію, и притомъ всегда страстнаго, преданнаго, готоваго по одному знаку ея пожертвовать ей всѣмъ своимъ существованіемъ. Были минуты, въ которыя она даже гордилась своимъ выборомъ. Обозрѣвая въ умѣ безцвѣтную шеренгу свѣтскихъ кавалеровъ, она съ тайной радостью почувствовала все превосходство надъ ними своего избраннаго. И потомъ думала она: «Онъ хорошій дворянинъ; правда, не князь и не графъ, но для счастья титула не надо... Притомъ же онъ можетъ выслужиться. Сперва его пожалуютъ въ камер-юнкеры, потомъ въ камергеры, а тамъ... кто знаетъ? съ его познаніями, съ его умомъ онъ можетъ сдѣлаться государственнымъ человѣ-

комъ—и тогда онъ получитъ ленты и титулы и вѣчно будетъ помнить и чувствовать, что всѣмъ этимъ обязанъ мнѣ».

А онъ... онъ ни о чемъ не думалъ, ничего не желалъ. Видѣть княжну, слышать ея голосъ—вотъ чѣмъ ограничивалось все его честолюбіе. И когда рука ея касалась его руки, когда нѣжный взоръ участія встрѣчался съ его взоромъ, сердце его наполнялось такимъ свѣтлымъ чувствомъ, что все кругомъ его исчезало. Онъ какъ-бы переходилъ въ одно сознаніе неописаннаго блаженства. Правда, они не всегда могли свободно предаваться порыву взаимнаго чувства: неизбѣжная гувернантка, бездушный свидѣтель ихъ свиданій, часто препятствовала откровенному изліянію всѣхъ завѣтныхъ мыслей, но зато какое наслажденіе въ самой таинственности ихъ отношеній! Поспѣшное пожатіе руки, нѣжное слово, наскоро сказанное, записочка, тайно-врученная — какое новое наслажденіе, сколько радостей и страха! сколько мучительныхъ волненій и неописанныхъ восторговъ! сколько высокаго вздора, передъ которымъ все дѣльное—ничто!

Были для нихъ минуты истиннаго счастія, въ особенности, когда они ѣздили верхомъ и свободнѣе могли говорить между собою. Тогда онъ высказывался весь, и она любовалась его восторженною рѣчью, думая про-себя: «Какъ жаль, что такой человѣкъ останется неизвѣстнымъ свѣту! Еслибъ придать ему немного ловкости, онъ перещеголялъ бы навѣрно и Сашу и Серёжу, и всѣ петербургскія львицы были бы непремѣнно отъ него въ восхищеніи!»

Тогда княжна рѣшилась довершить свою побѣду и перевоспитать дикаря для общества, тайно назначая себя наградой за стараніе своего ученика. Балъ у князя Щетинина былъ назначенъ первымъ шагомъ на новомъ пути. Напрасно бѣдный медвѣдь отмаливался и отклонялся отъ страшнаго испытанія: княжна вручила ему роковое приглашеніе—надо было повиноваться.

Наступилъ день бала.

Князь Щетининъ былъ дѣйствительно мастеръ жить. Громады цвѣтовъ живописно возвышались по разнымъ сторонамъ роскошной дачи. Лядовъ прибылъ съ своимъ оркестромъ изъ Петербурга. Со всѣхъ концовъ примчались самые лучшіе танцоры: и Г., и Л., и М., и Т. Въ восемь часовъ начали пріѣзжать дамы. Пріѣхала графиня В. — кумиръ медвѣжьяго міра, краса всѣхъ баловъ, рѣзвая бабочка нашего сѣвернаго неба; пріѣхали гельсингфорскія сестры — алмазъ и перлъ Финляндіи; пріѣхала прекрасная княгиня, любимая дочь Москвы; пріѣхали всѣ наши красавицы, и Марья Васильевна, и Анна Григорьевна, и всѣ наши львицы, исправляющія должность красавицъ, съ буклями, лорнетами и мужьями, помышляющими о своей партіи.

Балъ былъ точно прекрасный. Высокія зеркальныя двери соединяли бальную залу съ садомъ. Повсюду благоуханія, повсюду цвѣты и красавицы и упоительный оркестръ какъ-бы въ согласіи съ гармоніей цѣлаго.

Когда княжна вошла въ залу, на нее повѣяло ароматнымъ благоуханіемъ свѣтской праздничной жиз-

ни. Затаившееся чувство свѣтскаго волненія снова пробудилось въ ней во всей силѣ; она привѣтно улыбнулась бросившимся къ ней на встрѣчу офицерамъ и франтамъ, едва успѣвая отвѣчать на вопросы, и приглашенія и восклицанія.

—Княжна! Ахъ, княжна!.. Какой сюрпризъ! какое благополучіе! Какъ давно мы не имѣли счастья васъ видѣть! Первый вальсъ. — А мнѣ второй вальсъ. — А мнѣ мазурку.—Ахъ, княжна! Мы не думали васъ здѣсь встрѣтить. Здѣсь настоящій праздникъ.—Княжна... Мнѣ кадриль, хоть осьмую—не можете?... Ну, хоть extra-tour въ вальсѣ.

И всѣ эти офицеры были такъ ловко затянуты въ своихъ мундирахъ, а франты такъ тщательно придумали свой дачный костюмъ; булавочки ихъ такъ ярко сверкали; фраки ихъ были такого отчаяннаго покроя; галстухи переливались такими фантастическими цвѣтами, что любо было глядѣть.

И вдругъ княжна оглянулась...

Въ углу, съёжившись у стѣнки, смиренно стоялъ медвѣдь. Широкій черный фракъ его, казалось, былъ шитъ по мѣркѣ какихъ-то креселъ; широкія перчатки превращали руки его въ безобразныя медвѣжьи лапы и, къ довершенію злополучія, бѣлый накрахмаленный галстухъ, съ бантикомъ въ видѣ мотылька, неумолимо душилъ его за горло, обнаруживая на затылкѣ огромную стальную пряжку.

Княжна вспыхнула и поспѣшно отвернулась. Ей было досадно и стыдно.

Князь Мухрабатовъ не отставалъ отъ нея ни на шагъ.

—Знаете, княжна, говорилъ онъ, въ Гастейнѣ скучно, въ Франценсбруннѣ скучно, въ Ганау скучно; но этакой скуки, какъ здѣсь, я еще не видывалъ. Никакого согласія въ обществѣ, никакого единства! Здѣсь люди живутъ, какъ-будто у нихъ у всѣхъ голова болитъ. Вы танцуете со мной мазурку?

—Извольте, сказала княжна.

—Скажите, пожалуйста, что́ это за рожа тамъ, въ углу? Я ее гдѣ-то видѣлъ...

Княжна покраснѣла.

—Вообразите, я было-принялъ эту фигуру за офиціанта, подошелъ-было и сказалъ: «Прикажи, братецъ, моей каретѣ, чтобъ домой ѣхала». Онъ вытаращилъ на меня глаза, да такъ взглянулъ, какъ-будто бы проглотить меня хотѣлъ — сердитый должно быть.

Въ это время устроивалась французская кадриль и одна блистательная пара оставалась безъ vis-à-vis. Хозяинъ дома, ревностно наблюдавшій за успѣшнымъ ходомъ своего праздника, пошелъ отъискивать недостающей пары; но всѣ танцующіе были уже обезпечены. Въ уголку лишь печально сидѣла перезрѣвшая дѣва, у которой уже съ незапамятныхъ временъ на балѣ всегда болѣла нога, да за ней смирно стоялъ медвѣдь. Въ одно мгновеніе ока, хозяинъ схватилъ ихъ обоихъ за руки, толкнулъ противъ ожидающей пары и, сказавъ нѣсколько учтивыхъ словъ, ушелъ не слушая отказовъ и извиненій. Нѣчего было дѣлать, медвѣдь съ безсмысленнымъ взоромъ началъ оглядываться. Зрѣлая дѣва привѣтливо ему улыба-

лась. Ему хотѣлось ее задушить. Оркестръ заигралъ прелестную кадриль.

«Да что жь въ-самомъ-дѣлѣ» подумалъ медвѣдь: «чѣмъ же я ихъ всѣхъ хуже? и не-уже-ли такъ трудно кривляться, какъ они кривляются, вертѣться, какъ они вертятся? И къ тому же она этого хочетъ... Да будетъ ея воля!»

—Намъ начинать, сказала отцвѣтшая красавица.

Увы! медвѣдь пустился съ отчаянной рѣшительностью попрыгивать и притопывать съ такими странными ужимками, съ такимъ совершеннымъ незнаніемъ такта и фигуръ кадрили, что дама его, хоть столько лѣтъ нетанцовавшая, приняла видъ обиженной, а въ кругу танцующихъ раздался невольный смѣхъ и шопотъ:

—Посмотрите, ради Бога, что́ это? кто это такой? Да это умереть со смѣху надо! Вотъ, взгляните на руки: какъ можно этакихъ людей пускать? Ни на что́ не похоже!—Взгляните, что́ за прыжокъ... И еще... еще... Вотъ онъ потерялся совсѣмъ и балансируетъ съ кавалеромъ сосѣдней пары.

Громкій хохотъ началъ постепенно распространяться по всѣмъ концамъ залы, такъ-что, при концѣ кадрили, только и слышны были со всѣхъ сторонъ замѣчанія, остроты и насмѣшки надъ новымъ кавалеромъ. Бѣдный медвѣдь отеръ себѣ лобъ платкомъ и взглянулъ на княжну, она поспѣшно и сурово отъ него отвернулась.

—Скажите, пожалуйста, спросилъ у нея хозяинъ:—зачѣмъ вы желали приглашенія для такого страннаго танцора?

—Извините, отвѣчала княжна:—онъ мой сосѣдъ по дачѣ, и просилъ меня убѣдительно доставить ему честь быть у васъ въ домѣ. Я никакъ не ожидала...

—И, помилуйте... я всегда очень радъ.

Началась мазурка. Княжна танцовала съ Мухрабатовымъ и была очень любезна. Балъ долго еще продолжался; но княжна до конца не оставалась: она кликнула гувернантку и уѣхала. О чемъ она думала въ каретѣ—не знаю, только на другой день она была блѣдна и задумчива. Послѣ обѣда она выѣхала верхомъ, но съ однимъ только берейторомъ. Ей было досадно и скучно. Отъ досады начала она хлыстать свою лошадь. Лошадь, непривыкшая къ такому обращенію, закусила поводья и понеслась какъ вихорь. Княжна вскрикнула, схватилась съ ужасомъ за гриву, и готова уже была упасть; опасность была неминуема; еще шагъ, еще минута—и почти вѣрная смерть, но по дорогѣ бѣжалъ молодой человѣкъ и грудью бросился на встрѣчу скачущей лошади. Удивленная лошадь мгновенно остановилась... Княжна узнала медвѣдя и протянула ему руку.

—Вы мой избавитель! сказала она:—вы мнѣ жизнь спасли.

—Не испугались ли вы? спросилъ заботливо медвѣдь.

—Вы сами жизнью жертвовали, продолжала княжна.

—Какое счастье, продолжалъ медвѣдь, что я тутъ случился!

—Какъ вы меня любите! продолжала задумчиво княжна.

—Вы мнѣ позволили васъ любить.

—Да́... да́... только... знаете ли... пожалуйста, не танцуйте никогда французскихъ кадрилей!...

VI.

ПРОСТАЯ ИСТОРІЯ.

«Слышали вы?»—«Нѣтъ; а что́ такое? разскажите, пожалуйста. На дачѣ такъ скучно». «Помилуйте, да объ этомъ вездѣ толкуютъ. Просто ни на что́ не похоже. Что ни говори, а все-таки, однакожь, княжна племянница извѣстной графини...»—«Ахъ, разскажите! Ну такъ что́ жь?»—«Вообразите, проводитъ время Богъ-знаетъ съ какимъ-то человѣкомъ, публично ѣздитъ съ нимъ верхомъ и представила его на балъ къ Щетинину».—«Ахъ, ma chère, да онъ уродъ!» — «Уродъ-то уродъ, а всё-таки человѣкъ опасный. Не служитъ, не ищетъ ни у кого покровительства. Жидъ, вѣрно, какой-нибудь, плутъ, чего добраго, фальшивый игрокъ, шпіонъ, членъ какого-нибудь тайнаго общества, что-нибудь такое. Бѣдная тётка! почтенная графиня! какое будетъ для нея мученіе, какой ударъ для ея аристократической важности! Впрочемъ, и то правда, по дѣломъ ей: она до-того преисполнена гордостью, что смѣшно и досадно ее слушать. И съ какой стати ей важничать?.. И чѣмъ она лучше васъ или меня?... Пресумасбродная старуха, пренепріятная женщина! Каковы нынѣшнія дѣвушки...»

Вотъ слухи и толки, которые начали носиться и переноситься по цвѣтистымъ балаганамъ петергоф-

ской дороги. «Да это шутка!» говорили самые доброжелательныя. «Что́ за шутка?» возражали завистливыя: «такъ не шутятъ дѣвушки! Молодые люди смѣялись. Старухи пожимали плечами, забывъ про свою молодость; словомъ, благодаря княжнѣ, для молодыхъ тунеядцевъ, обреченныхъ на лѣтнюю ссылку, наконецъ открылся предметъ для разговора, такъ-что послѣ обыкновенныхъ разсужденій о погодѣ, только и слышны были что коментаріи и пересуды на-счетъ старой тётки, примѣрно-глупой гувернантки, безразсудной дѣвушки и хитраго молодаго человѣка. Но этого мало. Съ петергофской дороги эти слухи съ быстротой молніи облетѣли острова, помчались по желѣзной дорогѣ въ Царское Село, въ Павловскъ, и странная связь княжны съ некрещенымъ жидомъ, осужденнымъ за воровство, сдѣлались предметомъ всѣхъ разговоровъ.

Сама княжна ничего не знала о томъ. Жертва собственной шалости, она не могла отдать себѣ точнаго отчета въ своихъ чувствахъ. Въ страсти, ею внушенной, было столько неограниченности, столько нехвастливой силы и притомъ столько необузданной дикости, что ей часто становилось то совѣстно, то страшно, то тяжко на́ сердцѣ, то весело въ душѣ. Она тоже любила, но какъ-бы стыдясь и людей и самой себя; его же любовь была безъ границъ. Онъ не только готовъ былъ отдать для нея всю жизнь свою, но даже старательно принялся переработывать свою природу. По одному слову княжны, онъ вдругъ преобразовался въ щеголя, нарядился по послѣдней модѣ, сдѣлалъ нѣсколько визитовъ, былъ даже на

двухъ балахъ, гдѣ, впрочемъ, ужь не танцовалъ—и никто не понялъ, чего это ему стоило. Несмотря на всѣ старанія, онъ былъ жалокъ и смѣшонъ въ своемъ новомъ видѣ; свѣтскіе молодые люди преслѣдовали его своими насмѣшками, и бѣдная княжна чуждалась своего поклонника при людяхъ, тогда-какъ въ часы уединенія она была такъ горда и счастлива его любовью. Но чтó дѣлать? свѣтъ требуетъ наружности, а наружность медвѣдя въ гостиной была самая плачевная. Къ довершенію несчастія, онъ это чувствовалъ, и сердце его обливалось кровью, когда онъ замѣчалъ, что княжна любезничала и шутила съ модными франтами и старательно избѣгала его страстныхъ, измученныхъ взоровъ. Правда, будучи снова вдвоемъ, они снова были счастливы; но минуты счастія были только для него безъ тумана. Со стороны княжны уже прокрадывалось какое-то тяготѣющее чувство недовѣрія и искренности. Княжна упоминала о приличіяхъ, о препятствіяхъ, объ обстоятельствахъ, о которыхъ у него и помысла не было. Для него она была единственная цѣль, единственная мысль, цѣлая вселенная. Такъ прошелъ мѣсяцъ. Смотря по событіямъ дня, княжна была то весела, та печальна, то надѣялась, то раскаявалась; но болѣе всего мучила ее неизвѣстность: чѣмъ кончится ея романическая исторія. Кончилась она весьма просто.

Графиня возвратилась.

Какъ вóроны, слетѣлись къ ней со всѣхъ сторонъ знакомыя и родственницы, и каждая съ видомъ участія начала разсказывать ей по-свóему странную повѣсть знакомства ея племянницы. Графиня выслу-

шала все съ улыбкой, сказала, что она все знаетъ изъ писемъ племянницы (которая ей не писала ни строки), что все это вздоръ, нестоящій вниманія, выдумала цѣлую исторію, которой, какъ водится, никто не повѣрилъ, изъявила въ довольно-обидныхъ словахъ свою признательность, оставалась долго вдвоемъ съ княземъ Мухрабатовымъ и послала нарочнаго за княжной.

Извѣстіе о пріѣздѣ графини поразило легкомысленную дѣвушку. Она вдругъ постигла всѣ неисчислимыя послѣдствія своей неосторожности, неминуемыя препятствія къ дальнѣйшимъ свиданіямъ, новое, гораздо-худшее одиночество своего обожателя, и наконецъ собственное огорченіе, потому-что въ виду опасности и преградъ любовь ея разгорѣлась сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Любовь, какъ всѣ болѣзни, не можетъ оставаться въ одинакой степени: если она не уменьшается, то растетъ; а въ эту минуту любовь княжны дошла до сильнѣйшаго своего пароксизма. Къ чести свѣтской дѣвушки надобно сказать, что она готова была рѣшительно изъявить тёткѣ намѣреніе свое пожертвовать жизнью единственному человѣку, который былъ достоинъ любви ея. Да́, она была готова сдѣлаться его женою, уѣхать съ нимъ куда-нибудь на край Россіи, на-вѣкъ проститься съ свѣтомъ и жить лишь жизнью сердца. Она ко всему приготовилась—къ упрекамъ, запрещеніямъ, брани, крику, самому неистовому гнѣву старой тётки. Одна цѣль, одно существо преисполняло бытіе ея: возможность освятить свою любовь. Съ такимъ благимъ намѣреніемъ сѣла она, по приказанію тётки, немедля

въ присланную карету и отправилась въ Петербургъ; но, по мѣрѣ того, какъ она приближалась къ заставѣ, рѣшительность ея начинала колебаться, и петербургская жизнь снова завлекала ее въ свои сѣти, такъ-что у заставы она уже стала страшиться твердаго сопротивленія и угрозъ, а проѣзжая по Невскому Проспекту и глядя на пестрыя вывѣски, ужь думала, какъ будетъ смѣшно и противно всякому приличію, если она, краса всѣхъ мазурокъ и всѣхъ баловъ, погубитъ на-вѣкъ молодость свою для неуклюжаго медвѣдя.

Противъ ожиданія, графиня приняла ее милостиво и весьма благосклонно. Старуха, опытная въ жизни, хорошо знала, къ чему ведутъ препятствія въ дѣлахъ любви и потому удовольствовалась только лукавыми совѣтами и разспросами.

—Другъ мой, сказала она, до меня дошли пресмѣшные слухи о твоемъ романѣ. Забавная должна быть исторія! Ты мнѣ когда-нибудь все разскажешь; а вообрази, здѣсь, шутка, говорятъ, что ты влюбилась въ какого-то лакея.

—Лакея? воскликнула княжна.

—Разумѣется; и даже говорятъ: не только онъ Богъ знаетъ кто такой, но и наружность его самая лакейская.

Княжна вспомнила про наружность своего медвѣдя и покраснѣла.

—Шалость твоя, мой ангелъ, неосторожна, продолжала графиня:—потому-что о ней вездѣ говорятъ; а женщина должна дорожить своей репутаціей. Даже графиня Попкина слышала про твою исторію и очень

на тебя сердится, потому-что такія унизительныя приключенія чрезвычайно обидны для людей нашего круга.

—Какое кому до меня дѣло? сказала вспыльчиво княжна:—я совершенно равнодушна къ общему мнѣнію.

—Напрасно, напрасно, милая! Если не хочешь быть въ свѣтѣ, ступай въ монастырь и живи какъ знаешь; а если останешься въ свѣтѣ, то и дѣлай какъ всѣ. Ты должна помнить, притомъ, какъ подобныя предисловія будутъ непріятны для твоего будущаго мужа.

Княжна взглянула на тётку, какъ пристыженный школьникъ, а потомъ покачала рѣшительно головой и отвѣчала вполголоса:

—Я не хочу замужъ.

Графиня засмѣялась.

—Милая моя, не говори вздора. Ты должна выйдти замужъ какъ можно скорѣе, чтобъ загладить исторію. по милости которой, еслибъ у тебя не было состоянія, ты должна бы вѣкъ оставаться старой дѣвушкой.

Княжна вздрогнула.

—Къ счастью, продолжала, улыбнувшись, графиня: —у меня готовъ для тебя прекрасный женихъ. Положеніе его въ свѣтѣ такое, какого нельзя лучше требовать. Не забывай, что ты княжна, недурна собой и что опекуны твои честные люди, что́ не всегда случается.

—А онъ? спросила съ безпокойствомъ княжна.

—Кто онъ?

—Онъ.., тотъ, который такъ меня любитъ... Вы не знаете что̀ онъ за человѣкъ.

Графиня захохотала.

—Милая, они всегда удивительные люди и страстно насъ любятъ, потому-что мы глядимъ на ихъ любовь сквозь собственное самолюбіе. Я увѣрена, что твой рыцарь—образецъ всего прекраснаго. Пожалуй, въ душѣ думай о немъ что̀ хочешь, только передъ свѣтомъ ты должна соблюдать приличіе. Не-уже-ли въ тебѣ нѣтъ благородной крови? Не-уже-ли мы не чувствуемъ, что унизительный выборъ помрачитъ не только твою честь, но и честь нашего дома.

—Но какъ же, тётушка, выйдти мнѣ замужъ за человѣка, котораго я не буду любить?

—Знаешь ли, моя милая, я совсѣмъ не полагала, чтобъ ты была еще такой ребенокъ. Любовь, безъ сомнѣнія, дѣло очень пріятное; но долго ли она продолжается и каково будетъ потомъ прожить всю жизнь съ человѣкомъ, котораго ты будешь стыдиться? Нѣтъ, въ супружествѣ надо искать положительныхъ преимуществъ, и если не блистательнаго, то по-крайней-мѣрѣ почетнаго мѣста въ свѣтѣ. Какъ ни притворяйся, ты любишь свѣтъ, ты родилась для свѣта, и всякая другая жизнь будетъ для тебя нестерпима.

Увы! княжна была дѣйствительно племянница своей тётки; она понимала языкъ ея; она не посмѣла даже прекословить ей и послушно поникла головою, когда графиня грозно объявила, что она сама положитъ конецъ неприличнымъ сношеніямъ ея съ недостойнымъ человѣкомъ. Странно было положеніе княжны: съ одной стороны, она лелѣяла съ любовью

образъ бѣднаго друга въ глубинѣ души своей; съ другой, она вспоминала его наружность, его неловкость, его плебейское имя и, болѣе чѣмъ когда-нибудь, ей становилось совѣстно самой себя; словомъ, въ княжнѣ было какъ-будто два существа: одно—невинное, простое и любящее, другое—блистательное, но положительное, остроумное, но испорченное сухой логикой свѣта. Долго боролись оба начала въ душѣ ея. Наконецъ, какъ почти всегда случается, порочное начало одолѣло. Княжна убѣдила сама себя, что она покоряется волѣ тётки и силѣ препятствій, но въ самомъ-дѣлѣ она ужаснулась безтитульнаго имени, тамбовскихъ родственниковъ, уродливой походки и дикости своего медвѣдя, и наконецъ язвительныхъ свѣтскихъ насмѣшекъ. Слезы показались на глазахъ ея, а неумолимая тётушка съ адскимъ хладнокровіемъ поочередно выхлестывала всѣ лучшія ея очарованія и прозаическими чертами изображала ей супружество какъ довольно-скучную и неизбѣжную необходимость.

Бесѣда продолжалась долго. Мало-по-малу начали вкрадываться въ разговоръ имена различныхъ жениховъ, между прочими, Шпорина и Мухрабатова. Первый былъ представленъ какъ незначительный мальчикъ, а второй—какъ образецъ свѣтскаго совершенства и самый завидный супругъ. Затѣмъ разговоръ сталъ еще живѣе. Представлена веселая будущность, жизнь за границей, удовольствія Парижа, баденскія воды и зимы въ Италіи...

Когда разговоръ кончился, бѣдная княжна долго плакала и не могла заснуть цѣлую ночь.

На другой день графиня сидѣла у себя въ щегольскомъ кабинетѣ, украшенномъ японскими вазами и саксонскимъ фарфоромъ. Передъ ней развалився на креслахъ князь Мухрабатовъ, и оба очень мило смѣялись.

—Вы моя благодѣльница, говорилъ князь:—еще на Комскомъ Озерѣ я чувствовалъ къ вамъ что-то особенное, какъ-будто предчувствіе. Итакъ я могу надѣяться...

—Дѣвочка себѣ на умѣ, отвѣчала графиня:—съ ней нелегко было сладить, тѣмъ болѣе, что она совершеннолѣтняя и сама отъ себя зависитъ. Однако я была поразительно-хороша въ своей роли. Все кончилось благополучно. Могу васъ поздравить съ старой тёткой.

—Прошу оказывать милости почтительному племяннику, вымолвилъ князь, цалуя изсохшую руку, несовсѣмъ безъ удовольствія ему протянутую..

—Дѣло слажено, продолжала тетка:—у васъ будетъ прекрасная жена; какая добрая и скромная!...

—Какая обворожительная!

—Какая простодушная и неизбалованная!

—Не любитъ свѣта.

—Занимается хозяйствомъ.

—Какъ воспитана!

—Какъ любитъ занятія!

—Прелестная дѣвушка!

—Настоящій ангелъ!

Старуха и князь взглянули другъ на друга и чуть-чуть снова не разсмѣялись отъ принужденныхъ своихъ похвалъ; однако оба сохранили приличный видъ,

—Итакъ племянница ваша ни къ кому не имѣетъ склонности? спросилъ князь.

—Ни къ кому.

—А господинъ Шпоринъ?

—О! бальное ребячество, больше ничего.

—Я слышалъ еще о какомъ-то странномъ человѣкѣ... не помню имени.

—О, что̀ касается до этого, будьте спокойны! Не-уже-ли вы думаете, что между нимъ и вами можетъ быть какое-нибудь соперничество?

—Отчего же нѣтъ?

—Взгляните на себя.

Князь поклонился.

—Правду сказать, я его мало боялся... Однако, вы знаете, любовь ревнива.

—Можете быть совершенно спокойны.

—Когда жь свадьба?

—Когда угодно. Надо сшить приданое, устроить дѣла съ опекунами. Вамъ извѣстно состояніе моей племянницы?

—Полторы тысячи душъ, опрометчиво сказалъ князь и закусилъ губу.

—Совсѣмъ нѣтъ; всего только 800 душъ. Вы забыли, что у племянницы моей маленькая сестра.

—Ахъ! я не зналъ, сказалъ съ смущеніемъ франтъ:—что у нея есть сестра.

—Какъ же; она только еще такая маленькая...

—Маленькая? Право, совсѣмъ не зналъ.

—Впрочемъ, 800 отличныхъ душъ въ хорошей губерніи.

—Незаложенныхъ? грубо спросилъ князь.

—И, помилуйте! у кого же теперь имѣніе не заложено?... разумѣется, заложенныя. Только опекуны уплачиваютъ проценты акуратно.

—А что́ дѣлаетъ княжна? спросилъ заботливо щеголь.

—Нездорова что-то. Вы понимаете, смущеніе... такая минута... Однако, если хотите, я пошлю за нею.

—Нѣтъ, не безпокойте ея; я заѣду черезъ два часа, а теперь я долженъ отправиться домой. Нынче ѣдетъ въ Лондонъ курьеръ, такъ хотѣлъ заѣхать ко мнѣ за письмами.

—По-крайней-мѣрѣ, отдайте мнѣ справедливость, сказала графиня:—что я прекрасно исполнила ваше порученіе.

—О, восхитительно! отвѣчалъ князь съ пріятной улыбкой и снова поцаловалъ руку графини.

Потомъ онъ очень ловко поклонился, перевернулся на одной ногѣ и вышелъ на лѣстницу. Но тутъ пріятная его улыбка исчезла, брови нахмурились; онъ съ досадой покачалъ головой и произнесъ довольно-странныя для столь образованнаго франта слова:

«Чортъ бы побралъ старуху!»

VII.

МЕДВѢДЬ ВЪ ГОСТЯХЪ.

Кто долго не жилъ въ душевномъ одиночествѣ, кто не терялъ надежды на высокую отраду полнаго сочувствія, тотъ не пойметъ тихаго восторга, осѣняющаго душу, когда вдругъ, въ минуту самаго отчаяннаго

сомнѣнія, неожиданно достигается цѣль тайныхъ помысловъ и упованій. Жизнь вдругъ преобразовывается: Душа утопаетъ въ сознаніи своего блаженства. Всегда тяготѣющія надъ нею мелочи жизни вдругъ исчезаютъ. Одно чувство наполняетъ сердце; одна звѣзда горитъ на небѣ. И все такъ радостно кажется на свѣтѣ, и дышется такъ свободно, и живется такъ хорошо!...

Два мѣсяца промчались для медвѣдя стрѣлой.

Онъ былъ такъ счастливъ, что и не подумалъ даже о томъ, чтобъ упрочить свое счастіе. Не подозрѣвая возможности обмана, онъ не требовалъ ни увѣреній, ни клятвъ. Княжна любила его; онъ любилъ княжну—чего же ему больше? Даже въ обществахъ, гдѣ съ ней встрѣчался, онъ не осмѣливался обижать ее подозрѣніемъ въ вѣтрености или легкомысліи, а горевалъ только о своемъ ничтожествѣ и съ глубокимъ смиреніемъ завидовалъ развязности нашихъ щеголей; но въ ней онъ не сомнѣвался. Не соединена ли она съ нимъ священнымъ союзомъ признанія? не его ли она на-вѣки? Судя обо всѣхъ по себѣ, онъ думалъ, бѣдный безумецъ! что такой союзъ ненарушимъ и святъ навсегда.

И вдругъ княжна куда-то поспѣшно уѣхала. Мимо оконъ его проскакала карета ея, въ четыре лошади въ рядъ. Точно, это была она сама; она махнула ему даже своимъ кружевнымъ платочкомъ. Но къ чему такой поспѣшный отъѣздъ и какъ не предупредить его объ отъѣздѣ? какъ не условиться для свиданія? Прошелъ день—нѣтъ извѣстія; другой, третій—княжны нѣтъ какъ нѣтъ. Хоть бы записочку присла-

ла... На четвертый день онъ получилъ точно записочку, но не отъ княжны и притомъ страннаго для него содержанія.

«Графиня N. покорнѣйше васъ проситъ пожаловать къ ней завтрашній день въ восемь часовъ послѣ обѣда».

«Чтó это значитъ? подумалъ онъ: «Какая графиня, и какое ей до меня дѣло? И кáкъ я стану говорить съ ней? Я не привыкъ къ этимъ знатнымъ барынямъ».

Долго думалъ онъ и колебался. Наконецъ надежда узнать чтó-нибудь о княжнѣ заставила его рѣшиться.

На другой день съ утра онъ отправился въ Петербургъ. На этотъ разъ костюмъ его былъ удачнѣе: Бѣлый галстухъ съ бантикомъ былъ давно преданъ сожженію; но и въ настоящемъ его нарядѣ все-таки казалось, что онъ надѣлъ чужое платье, или былъ ходячей вывѣской искусства моднаго портнаго.

Пообѣдавъ въ трактирѣ, съ тайнымъ волненіемъ въ душѣ, началъ онъ прохаживаться по петербургскимъ улицамъ, въ ожиданіи назначеннаго часа для свиданія съ графиней.

Въ этотъ самый день петербургскіе медвѣди какъ-то раскутились.

Двое статскихъ служащихъ, двое неслужащихъ, двое военныхъ и молодой человѣкъ, имѣющій обязанность увеселять компанію, собрались послѣ сытнаго обѣда на квартирѣ одного изъ медвѣдей. Комнаты были въ первомъ этажѣ, такъ-что отворенныя окна дозволяли переговариваться съ проходящими.

Медвѣди, какъ видно, пообѣдали порядкомъ. Раскраснѣвшіяся лица, снятые фраки и мундиры свидѣтельствовали о томъ, что шампанскаго не жалѣли. Одинъ изъ собесѣдниковъ усердно игралъ на маленькихъ клавикордахъ что-то похожее на вальсъ, другой насвистывалъ речитативъ изъ «Роберта», прочіе курили сигары, а весельчакъ плясалъ по-цыгански, устроивъ на себѣ фантастическій костюмъ изъ выворочениыхъ фраковъ и носовыхъ платковъ.

«Князь идетъ!» закричалъ кто-то.

Всѣ бросились къ окну.

—Князь, осчастливьте, зайдите, къ намъ!

—Ваше сіятельство, генералъ, не побрезгайте нами, бѣдными сиротами. Не для себя прошу. Сами посудите: шесть человѣкъ дѣтей, седьмая фатера.

—Вамъ, можетъ-быть, впрочемъ, князь, княгиня не позволяетъ знаться съ нами?

—Вы на балъ, можетъ-быть, ѣдете, князь, нынче, такъ некогда?

—Вы во дворецъ, князь, званы?

—Вы мазурку съ фрейлиной танцуете?

—Будьте милостивы. Зайдите отдохнуть.

—Вы, я чаю, на балахъ ножки истанцовали? Устать изволили?... Зайдите, сіятельный.

Надо знать, что съ-тѣхъ-поръ, какъ бѣдный нашъ медвѣдь былъ на балѣ и очевидно сдѣлался обожателемъ княжны, прочіе медвѣди прозвали его «княземъ». Мы ужь видѣли, съ какой досадой принималось ими всякое отступленіе отъ обѣтовъ ихъ безъименнаго ордена.

Оглушенный крикомъ, новый гость вошелъ къ

своимъ знакомымъ. Всѣ бросились къ нему на встрѣчу съ насмѣшливымъ почтеніемъ. Одинъ кланялся ему въ-поясъ, другой просилъ его покровительства для полученія чина, третій просилъ защиты отъ незаслуженыхъ преслѣдованій, четвертый просилъ представить его графинѣ В., пятый просилъ позволенія поцаловать ручку, а весельчакъ началъ притопывать передъ нимъ мазурку и наконецъ перекувырнулся, къ общему удовольствію.

—Господа! перестаньте шутить! жалобно сказалъ бѣдный молодой человѣкъ.

—Ахъ! смѣемъ ли мы шутить?

—Помилуйте, какъ это можно! подхватилъ весельчакъ, сжимая ротикъ.

—Ахъ, да какъ вы, князь, одѣты! Господа, чувствуете, чтó за запахъ? Князь напомаженъ, честное слово, напомаженъ. Помада цитронная, кажется, князь? Вѣдь это самая модная—не правда ли?

—Ахъ, князь! позвольте понюхать.

—Господа, прошу замѣтить, у князя желтыя перчатки; онъ другихъ не носитъ.

—Жилетъ кашмировый, господа... панталоны трикó, первѣйшаго сорта.

—Ахъ, князь! позвольте полюбоваться. Какой вы, князь, щеголь!

Мнимый князь, озадаченный со всѣхъ сторонъ, и безъ того страдавшій отъ своего наряда, представлялъ въ эту минуту самую жалкую фигуру. Онъ ужь терялъ терпѣніе и началъ забывать привычную робость, какъ-вдругъ въ окнахъ показалась красная фигура и густой басъ произнесъ съ громкимъ смѣхомъ:

—Чтó вы тутъ, повѣсы, дѣлаете?

—А, Өедя! ступай сюда. Мы жжёнку сдѣлаемъ. Войди, Өедя.

Өедя вошелъ. Ему было лѣтъ подъ-сорокъ. Густые бакенбарды оттѣняли его пухлыя щеки, и исполинскій ростъ придавалъ его наружности чтó-то монументальное.

—Вотъ было пито безъ хитрости! сказалъ онъ, вступая шагомъ дон-жуанова командора. Здорово ребята.

—Здравствуй, Өедя. Ну, чтó новенькаго?

—Свадьба! отвѣчалъ Өедя.

—Кто?... Кто?...

—Вы знаете князя Мухрабатова?

—А! франта заморскаго.

—Дрянь ужасная!

—Фанфаронъ!

—Оселъ!

—Женится...

—На комъ же?

—На княжнѣ... Тигриной.

—Какъ?... Чтó?... Возможно ли?... Быть не можетъ!

—Такъ васъ надули, князь! просто провели. Васъ разжаловали безъ выслуги. Вотъ тебѣ и свѣтъ!... Вотъ и балы!... Ай-да княжна!

Громкій хохотъ, хлопанье, крикъ, насмѣшки громомъ разразились со всѣхъ сторонъ. «Стаканъ воды! кричалъ одинъ: съ княземъ дурно».—«Простыню подайте!» кричалъ другой: князь желаетъ оплакивать потерю своей любезной.«—Гей, гей... У! У! У!...»

Бѣдный князь не отвѣчалъ ни слова. Ошеломленный, блѣдный, едва живой онъ вышелъ на улицу. Медленно шелъ онъ, опустивъ голову, и долго, какъ-будто сквозь сонъ, слышались ему въ слѣдъ неумолимый хохотъ, неистовое пѣніе и пронзительный свистъ.

Долго блуждалъ онъ, какъ живой мертвецъ, среди петербургскихъ улицъ. Въ головѣ его не было ни одной мысли, въ душѣ ни одного чувства.

Ему казалось, что какая-то сокровенная струна его жизни вдругъ порвалась. Въ душѣ его не было ни гнѣва, ни досады, ни отчаянія. Онъ былъ убитъ и шелъ безъ цѣли. Какой-то темный инстинктъ привелъ его къ самому дому графини.

—Кого вамъ надобно? грубо спросилъ швейцаръ. Какъ ваша фамилія?

Медвѣдь назвалъ себя по имени.

Швейцаръ поспѣшно сдѣлалъ на караулъ своей булавой и началъ извиняться.

—Извините-съ. Я не узналъ. Графиня васъ однихъ приказала просить.

Медвѣдь посмотрѣлъ на него безсмысленно и пошелъ далѣе до щегольской передней.

Дежурный камердинеръ провелъ его до двери кабинета, приподнялъ шелковую занавѣсь и громко произнесъ его имя. Графиня была одна и сидѣла у камина.

«Что̀ это за старуха?» подумалъ медвѣдь.

«Какая жалкая фигура! подумала старуха.

Медвѣдь поклонился неловко и не говоря ни слова.

—Извините, сказала графиня съ учтивой улыб-

кой:—что, не имѣя чести васъ знать, я васъ побезпокоила.

Медвѣдь смотрѣлъ на нее и не отвѣчалъ ни слова.

«Не-уже-ли» подумала графиня: «племянница моя могла влюбиться въ такого урода? Да онъ въ комнату войдти не умѣетъ!»

Она снова улыбнулась.

—Садитесь, пожалуйста. Вы знаете, мы, старые люди, имѣемъ право говорить откровенно, и я увѣрена, что вы не будете на меня сердиться.

Ни слова.

«Да онъ просто дуракъ!» подумала снова графиня. «Не-уже-ли племянница моя не могла найдти ничего получше?»

—Да садитесь же.

Медвѣдь сѣлъ.

—Вы, конечно, знаете, о чемъ я желала съ вами говорить.

Ни слова.

—Я желала говорить вамъ о племянницѣ моей, княжнѣ...

Медвѣдь вскочилъ со стула.

—Княжна вамъ племянница?

—Какъ, вы развѣ этого не знали?

Ни слова.

—Помилуйте, да гдѣ же вы живете?

—На петергофской дорогѣ.

—Я вижу, сказала она, что вы не хотите меня понять, слѣдовательно я должна объясниться прямо. Племянница моя сирота. Я ея ближайшая родственница и обязана наблюдать за нею—не такъ ли?

—Да-съ.

—Она мнѣ разсказала, что нынѣшнимъ лѣтомъ она часто имѣла удовольствіе васъ видѣть и что вашъ прекрасный характеръ внушилъ въ ней къ вамъ особое довѣріе и дружбу.

Ни слова.

—Она призналась мнѣ даже... что преслѣдованія ваши ее тронули, и что она... изъ деликатности... чтобъ не привести васъ въ отчаяніе, позволила вамъ догадываться, что-будто она несовсѣмъ-равнодушна къ вашей любви.

Медвѣдь слушалъ съ удивленіемъ. Графиня продолжала:

—Вы понимаете, что это ребячество, шалость непростительная. Она искренно въ ней раскаявается. Но я увѣрена, что вы честный человѣкъ и не употребите во зло минуты легкомыслія. Вы меня понимаете?

—Нѣтъ.

—Какъ нѣтъ? Я говорю ясно; я требую, чтобъ вы безусловно отказались отъ несбыточнаго вашего намѣренія...

—Какого намѣренія?

—Заставить племянницу мою выйдти за васъ замужъ.

—Кто?... я?...

—Не старались ли вы склонить ее на это?

—Нѣтъ.

—Какъ нѣтъ?...

—Нѣтъ-съ.

—Послушайте! сказала величаво графиня:—я не

привыкла, чтобъ со мной шутили. И такъ-какъ вы не понимаете учтиваго обхожденія, я буду говорить иначе. Какъ могли вы, если у васъ не было тайнаго замысла, не будучи знакомы со мной, вкрасться въ домъ мой?

—Я?... воскликнулъ съ изумленіемъ медвѣдь.

—Съ какого права старались вы взволновать неопытное воображеніе неопытной дѣвушки, безъ согласія ея родственниковъ, не справившись, не помолвлена ли она ужь за другаго?

—Я?... закричалъ медвѣдь.

—Я не дѣлаю никакихъ заключеній. Но сознайтесь сами, благороденъ ли вашъ поступокъ, тѣмъ болѣе, что вамъ не могло быть неизвѣстно, что племянница моя богата, и не только я, но каждый, судя по вашимъ дѣйствіямъ, можетъ подумать, что вы противъ воли родныхъ желали воспользоваться слабостью молодой дѣвушки, чтобъ потомъ поправить свое состояніе.

Тутъ графиня остановилась и испугалась, взглянувъ на своего собеседника. Онъ былъ блѣденъ, какъ смерть, трясся всѣмъ тѣломъ, а глаза его метали искры.

—Графиня! сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ:— благодарите Бога, что вы женщина, иначе я убилъ бы васъ на мѣстѣ.

Графиня съ ужасомъ отодвинула кресла.

«Ахъ, Боже мой! подумала она, «да онъ дикій звѣрь!»

Прошло нѣсколько минутъ тягостнаго молчанія. Медвѣдь мало-по-малу началъ приходить въ себя.

— Я не знаю вашихъ свѣтскихъ подлостей, сказалъ онъ грустно, а потому извините меня, что я васъ не понялъ. Будьте покойны. Что было, то умерло. Я не стану жаловаться; къ-чему? Я чувствую... что я лишній. Одно мнѣ больно: мало меня княжна знаетъ. Впрочемъ, самъ я виноватъ. Извините меня, графиня, я человѣкъ несвѣтскій, необразованный — и я могъ повѣрить?.. Нѣтъ, я ошибся. Вы говорите, что это все было шутка. Извините меня, я не понимаю шутокъ... не привыкъ... ей-Богу не привыкъ. Я человѣкъ несвѣтскій, неуклюжій, необразованный. Я долженъ былъ знать, что такъ все кончится.

Убійственная тоска замѣнила бѣшенство. Передъ графиней стоялъ снова смиренный дикарь. Онъ неловко поклонился и вышелъ.

Графиня смотрѣла на него съ удивленіемъ и долго сидѣла въ невольномъ раздумьи.

Черезъ полчаса принесли ей письмо. Она поспѣшно его распечатала и вдругъ судорожная досада обезобразила черты ея... Письмо, неистово скомканное въ аристократической рукѣ, полетѣло стремглавъ въ каминъ.

Оно было слѣдующаго содержанія:

«Пожалѣйте, почтенная графиня, о несчастной «моей участи. Я узналъ навѣрное, что сердце ва«шей племянницы болѣе несвободно, и самъ не знаю, «какъ перенесъ я такой ударъ. Вы понимаете, что «правила мои не позволяютъ мнѣ быть причиной не«счастія княжны, и потому я не колеблюсь пожерт«вовать собственнымъ благополучіемъ и отказы-

«ваюсь совершенно отъ счастія быть ея супругомъ.
«Я увѣренъ, что вы одобрите мой поступокъ, по-
«жалѣете обо мнѣ и сохраните мнѣ дружбу вашу.—
«Завтра я ѣду въ Москву.

«Съ чувствомъ истинной преданности честь имѣю
«быть

«вашъ покорный слуга
«Князь Аполлонъ Мухрабатовъ.»

III.

РАСКАЯНІЕ.

Грустно свѣтскому человѣку, когда, устремивъ все, что оставалось у него святаго и неприкосновеннаго чувства къ недостойному предмету, онъ вдругъ видитъ, что и этотъ осадокъ души его пропалъ даромъ и невозвратно, и что для него уже нѣтъ больше сердечной святыни, а остались лишь визиты, гулянья, театры и воксалы.

Но каково человѣку, выброшенному изъ общества, человѣку, привыкщему жить лишь внутренней жизнью, когда единственный кумиръ, которому онъ молился съ нѣмою любовью, вдругъ рушится и развалится передъ нимъ въ прахъ?

Бѣдный медвѣдь всю ночь проходилъ безъ цѣли... Наконецъ поутру возвратился онъ на свою дачу, но безъ шляпы, въ лихорадкѣ, почти сумасшедшій.

Дома вручили ему слѣдующую записку:

«Мой бѣдный другъ! Какъ объявить вамъ ужас-
«ное извѣстіе... какъ сказать вамъ, что со мною
«случилось? Соберите всѣ силы вашей души... Я

«невѣста князя Мухрабатова. Какъ я на это рѣши-
«лась—сама того не знаю. Тётушка приказывала. Не
«помню, чтó она говорила. Я долго плакала... Я
«такъ несчастлива! Я, право, любила васъ... Я лю-
«блю еще васъ. Но свѣтъ, люди... тётушка... столь-
«ко препятствій нашему счастью! Чтó дѣлать, мой
«бѣдный другъ! мы всѣ рабы обстоятельствъ. Про-
«стите меня и сохраните въ душѣ вашей хоть не-
«много привязанности ко мнѣ.

«P. S. Я надѣюсь, что никто не знаетъ о нашихъ
«сношеніяхъ и не имѣю надобности просить васъ,
«чтобъ они остались вѣчно тайной.»

Итакъ, вотъ чтó было возмездіемъ за чистое, глубокое чувство, которому не было границъ! Первая сплетня, первое слово—и все воздушное зданіе мигомъ исчезло...

Особенно въ припискѣ было столько разсчетливаго самолюбія, что сердце бѣднаго молодаго человѣка вздрогнуло.

Онъ схватилъ перо и написалъ три слова:

«Богъ васъ проститъ!»

Когда онъ отправилъ свой отвѣтъ, ему стало еще тяжелѣе. Ему казалось, что гора давила грудь его. Глаза его потемнѣли, кровь бунтовала и била въ голову. Ему хотѣлось умереть... Цѣлый свѣтъ показался ему какой-то пропастью.

Такъ прошло нѣсколько дней.

Тогда мало-по-малу началъ онъ съ мрачнымъ удовольствіемъ припоминать всѣ обстоятельства знакомства своего съ княжной, и вдругъ вспомнилъ онъ о прежной своей счастливой любви, о томъ без-

печномъ времени, когда онъ прислушивался къ плескамъ моря и тихо засыпалъ подъ ихъ говоръ. И этой вѣчной любви онъ могъ измѣнить для шаткой любви свѣтской дѣвушки! Искреннее, горькое раскаяніе возмутило его совѣсть. Онъ бросился къ тому любимому мѣсту, гдѣ такъ долго сиживалъ подъ вліяніемъ отрадныхъ видѣній.

День былъ, какъ прежде, прекрасный. Море, попрежнему раскинувшись до краевъ неба, тихо плескалось о берегъ. Все такъ же мѣрно журчали волны; ничто не измѣнилось. Но—увы! для него въ говорѣ волнъ не было болѣе смысла. Обуреваемый земной страстью, онъ не могъ болѣе проникнуть спокойной думой въ вѣчную рѣчь вѣчной стихіи. А море, какъ горделивая красавица, расточающая по сторонамъ ласковыя слова въ виду разъ измѣнившаго любовника, сверкало золотистой влагой, шептало мимо его томныя обѣщанія и съ тихимъ презрѣніемъ убѣгало отъ него, не касаясь ногъ его. Исчезла таинственная связь, исчезли чудныя видѣнья; теперь онъ гражданинъ другаго міра, теперь онъ пріемышъ другой стихіи, стихіи свѣтской, которая уже не выпуститъ своей добычи! Ему ли понять теперь море? Гдѣ жь ему снова найдти ту чистую непорочность, то дѣтское спокойствіе, безъ которыхъ все въ природѣ безъ смысла и языка? Какъ заснуть ему снова безмятежнымъ сномъ, когда досада, любовь, ревность, всѣ адскія мученія страсти терзаютъ его душу?

Бѣдный молодой человѣкъ закрылъ лицо руками и заплакалъ. Онъ понялъ все, что утратилъ и дол-

го плакалъ неутѣшно, а море, вѣчно прекрасное, вѣчно неизмѣнное, всё плескало да плескало о берегъ, не внемля жалобнымъ стонамъ сокрушеннаго сердца...

Прошло два года. Княжна была замужемъ за какимъ-то генераломъ. Всѣ въ большомъ свѣтѣ утверждали, что никто лучше ея не умѣетъ одѣваться: и въ-самомъ-дѣлѣ, отъ нея вѣяло какой-то щеголеватостью, составляющей какъ-бы шестое чувство женщинъ. Не богатство тканей, не драгоцѣнность предметовъ составляли очарованіе ея нарядовъ, а особая ловкость, съ которой все было на нее надѣто.

Впрочемъ, княжна была мила и разговорчива, и гостиная ея тётушки всегда оживлялась, когда она въ ней присутствовала, облокотившись на мягкихъ креслахъ, въ кругу раздушеныхъ и распомаженныхъ поклонниковъ. Вообще она была любезна и любила всѣмъ нравиться, съ нѣкоторыми даже кокетничала, и съ ней невозможно было скучать—такъ она была безпечна и весела.

Иногда только, когда она забывалась, глаза ея неподвижно вперялись куда-то безъ цѣли, и готовая на устахъ улыбка останавливалась. Но то была только минутно-набѣгавшая тѣнь. Она поспѣшно отряхивала пышные свои локоны, добрасывала свой взоръ, доканчивала улыбку и снова беззаботно предавалась всѣмъ занимательнымъ мелочамъ свѣтской жизни и болтовни.

Князь Мухрабатовъ женился въ Москвѣ на купчихѣ, и уѣхалъ за границу.

Шпоринъ и Хлыстинъ остались вѣрными винов-

ницѣ ихъ прежней страсти, бывали у нея въ пріемные дни, гуляли съ ней на гуляньяхъ и входили въ ея ложу въ театрѣ, во время антрактовъ.

Оба были произведены уже въ слѣдующіе чины.

А медвѣдь? Куда дѣвался онъ? что́ сдѣлалось съ нимъ?... Не знаю, право... И какое до этого дѣло — умеръ ли онъ, или уѣхалъ въ деревню и сдѣлался помѣщикомъ, или остался прозябать въ углу какого-нибудь петербургскаго закоулка — не все ли это равно?

НЕОКОНЧЕННЫЯ ПОВѢСТИ.

Быть такъ! спасибо и за то.
Баратынскій.

Кто знаетъ Ивана Ивановича или, лучше, кто не знаетъ Ивана Ивановича? Его, вѣрно, всѣ видѣли и привыкли видѣть и, вѣроятно, никому не пришло въ голову спросить кто онъ такой. Такихъ людей много. Какое кому дѣло до человѣка безъ связей и безъ денегъ? Въ обществахъ Иванъ Ивановичъ, разумѣется, не бываетъ, но на Невскомъ Проспектѣ онъ гуляетъ акуратно отъ двухъ до четырехъ часовъ, какая бы ни была погода. Въ театрѣ и въ концертахъ онъ также лицо неизбѣжное, отчего онъ и пользуется въ мнѣніи многихъ не весьма лестною извѣстностью, хотя въ-самомъ-дѣлѣ онъ только страстный любитель музыки. Даже нѣкоторые молодые люди утверждаютъ рѣшительно, что онъ игрокъ и притомъ самый опасный шулеръ, выжидающій добычи, тогда-какъ бѣдный мой Иванъ Ивановичъ отъроду не бралъ и *картъ* въ руки. Иванъ Ивановичъ одѣтъ всегда литераторомъ, то есть, очень дурно, гуляетъ въ енотовой шубѣ, носитъ широкіе черные фраки и длинные бѣлые жилеты, и, какъ видно, мало заботится о своемъ наружномъ украшеніи. Вообще, онъ слыветъ человѣкомъ опаснымъ, потому-что, хотя ничего не имѣетъ, но ничего не ищетъ и не проситъ. Тѣ же, которые знаютъ его коротко, лю-

бить его отъ души, потому-что онъ въ-самомъ-дѣлѣ просто добрый человѣкъ.

Я съ нимъ иногда встрѣчаюсь и люблю слушать рѣзкія его сужденія о произведеніяхъ нашей литературы. Сужденій этихъ я не повторю здѣсь, чтобъ никого не обидѣть, но въ нихъ, какъ отгадать не трудно, мало утѣшительнаго. Вообще, разговоры наши касаются до жалкаго состоянія у насъ искусства, которое не вкоренилось еще въ жизнь народную, не составляетъ необходимой потребности, а бо́льшею частью служитъ для изворотовъ жалкимъ барышникамъ; тогда-какъ истинное дарованіе, изнывая подъ бременемъ ненасытнаго самолюбія, иногда погибаетъ въ тѣни, или спивается съ круга.

Иванъ Ивановичъ судитъ вообще рѣзко и рѣшительно; со всѣмъ тѣмъ невозможно назвать его положительнымъ человѣкомъ; напротивъ, когда нѣтъ свидѣтелей и разговоръ касается до чувства, Иванъ Ивановичъ изумляетъ меня тонкимъ разложеніемъ малѣйшихъ сердечныхъ оттѣнковъ, и тогда этотъ человѣкъ, повидимому бездушный, совершенно перебразовывается: рѣчь его становится свободнѣе, душа какъ-будто выглядываетъ изъ сверкающихъ глазъ, и нетрудно догадаться тогда , глядя на него, что подъ этой безчувственной корой бьется сердце, способное къ самымъ глубокимъ впечатлѣніямъ. Но что́ заставило это сердце сжаться и съёжиться подъ личиной равнодушія? что́ заставило бѣднаго холостяка вести такую однообразную жизнь и пренебрегать глупыми о немъ толками?—вотъ что́ хотѣлось мнѣ узнать.

Недавно обѣдали мы вмѣстѣ у madame Joseph. Madame Joseph отлично кормитъ своихъ пріятелей. Послѣ обѣда мы оба закурили сигарки и, развалившись на диванѣ, начали разговаривать о томъ, какъ молодость утрачивается безвозвратно, оставляя намъ лишь одно раскаяніе, что мы не умѣли ею воспользоваться.

—Эта пѣсня давно поется, сказалъ Иванъ Ивановичъ:—и никто отъ нея не поумнѣлъ. И я, какъ всѣ...

—Кстати, прервалъ я:—мнѣ давно хотѣлось разспросить васъ о вашемъ быломъ. Знаете ли, теперь, пока мы куримъ, разскажите-ка мнѣ повѣсть вашей жизни.

Иванъ Ивановичъ немного призадумался.

—Жизнь моя, отвѣчалъ онъ печально:—не можетъ назваться повѣстью, а развѣ собраніемъ отдѣльныхъ неоконченныхъ повѣстей.

—Какъ неоконченныхъ?..

—Именно неоконченныхъ. Не знаю, много ли людей могутъ похвалиться тѣмъ, что свѣтлые случаи ихъ жизни достигли всего своего блеска и потомъ уже мало-по-малу начали скрываться въ туманѣ, бросая еще изрѣдка яркіе отблески? Со мною было иначе. Романы мои только заманивали мое сердце и потомъ вдругъ прерывались при самой завязкѣ.

Отчего же такъ? спросилъ я.

Отчего? Сэмъ не знаю; отъ случая, отъ игры обстоятельствъ. То свѣтское приличіе, то нежданная разлука, то собственная оплошность, то смерть все уничтожающая отдаляли меня на-вѣкъ отъ свѣт-

лой цѣли моихъ желаній. Иногда одно слово могло бы мнѣ дать блаженство, но́ слово это, уже готовое на устахъ, не выговаривалось, и осѣняющее уже меня счастіе отлетало на-вѣки. Иногда самые ничтожные случаи, забытый визитъ, короткая поѣздка, минутная простуда, вздорный поклонъ, пустой разговоръ, взглядъ одинъ, отдаляли жизнь мою навсегда отъ радостно-принятаго направленія. Вы скажете, что я самъ въ томъ виноватъ. Можетъ-быть; но зато и жестоко былъ наказанъ, потому-что каждая порванная струна моего сердца болѣзненно отдавалась въ цѣломъ существѣ моемъ; словомъ, оно, можетъ-быть, глупо, только и грустно тоже. Всѣ повѣсти мои остались безъ конца.

—Какъ, не-ужели ничего отъ нихъ не сохранилось?

—Сохранилось какое-то странное чувство, неопредѣленное сознаніе утраченнаго счастія, сознаніе горестное, но и сладкое въ то же время, похожее на воспоминаніе о шутливомъ и веселомъ другѣ надъ его могилой.

—Не понимаю, сказалъ я вполголоса, хотя, по странному сочувствію съ моимъ собесѣдникомъ, какая-то невольная тоска начала сжимать мое сердце:— не понимаю, Иванъ Иванычъ.

—Какъ не понимаете? Припомните вашу молодость, тогда не трудно вамъ будетъ понять.

—Всего будетъ лучше, Иванъ Иванычъ, если вы разскажете мнѣ повѣсть... нѣтъ, я хотѣлъ сказать, начало какой-нибудь повѣсти изъ вашей жизни.

—Извольте... Только съ чего начать?

—Начните сначала.

—Ну, такъ я начну съ моей студентской жизни.

Я немного поморщился. Иванъ Ивановичъ улыбнулся.

Вамъ надоѣли студентскія исторіи, замѣтилъ онъ. Будьте покойны: я не намѣренъ обременять васъ описаніемъ нѣмецкаго студенчества, а только, по желанію вашему, разверну передъ вами первую страницу теперь уже оконченной книги моего сердца.

Я учился въ Гейдельбергѣ. Въ одномъ домѣ со мной жили еще двое русскихъ молодыхъ людей, два брата изъ Харькова. Мы жили дружно, сидѣли рядомъ на лекціяхъ и проклинали вмѣстѣ картофельный супъ и черствыя котлеты, которыми казнилъ насъ каждый день ничѣмъ неумолимый трактирщикъ. Старшаго брата звали Ѳедоромъ. Онъ былъ большой оригиналъ. Игралъ цѣлый день на скрипкѣ, терпѣть не могъ надѣвать калошъ и три раза въ недѣлю акуратно бѣгалъ на почту узнавать, нѣтъ ли для него писемъ, хотя писемъ, сказать правду, онъ не получалъ никогда. Такая ужь у него была привычка. Впрочемъ, онъ былъ малый тихій и смирный. Братъ его, Викторъ, имѣлъ мало съ нимъ сходства. Шумъ и разгулье были его стихіей. Помучить ли толстаго ремесленника, ошикать ли профессора, разбить ли гдѣ окна, прокричать ли виватъ, затѣять ли пирушку, рубиться ли, напиться ли, танцовать ли въ клубѣ—Викторъ вездѣ былъ первый; всегда готовъ, всегда веселъ. Бывало, голосъ его раздается во всю площадь и старые студенты весело на него поглядывали, шушукая между собой: «экой неугомонный!» И молодыя дѣвушки привѣтно ему улыбались, не-

вольно вздыхая о томъ, что онъ чаще посѣщаетъ холостыя пирушки, чѣмъ ихъ безгрѣшное общество. Впрочемъ, оба брата были свойства благороднаго, не только добрые малые, но добрые люди, и я ихъ полюбилъ искренно, тѣмъ болѣе, что они были русскіе и что они, какъ и я, на самомъ разсвѣтѣ жизни были отчуждены отъ всего имъ близкаго.

Мы жили въ смежныхъ комнатахъ. Какъ теперь помню, однажды сидѣлъ я дома нездоровый и разстроенный. Мнѣ было грустно. На дворѣ была осень. Небо было сѣрое, вѣтеръ вылъ печально и мелкій дождикъ стучалъ въ окна. За дверью сосѣдъ мой, Ѳедоръ, немилосердно игралъ на скрипкѣ какія-то варіаціи Майзедера. Никогда не забуду я особенно четвертой варіаціи, которая, несмотря на всѣ усилія и старанія, все выходила какъ-то весьма неудачно. Надобно вамъ знать, что варіаціи эти я терпѣливо слушалъ каждый день по нѣсколько часовъ, и увѣренъ, что во всю жизнь свою я не принесъ дружбѣ бо̀льшей жертвы; но на этотъ разъ хандра до того мной овладѣла, что терпѣніе мое рушилось.

—Ѳедя, закричалъ я:—ты вѣрно забылъ, что нынче почтовой день.

—Въ-самомъ-дѣлѣ, сказалъ Ѳедя: — какъ это я забылъ? Почта вѣрно ужь пришла.

Скрипка мигомъ уложилась въ футляръ и вотъ мой Ѳедя въ лайковыхъ сапожкахъ, которыми онъ, между-прочимъ, очень щеголялъ, быстро бросился изъ комнаты и пошелъ-себѣ попрыгивать подъ дождемъ по грязи гейдельбергскихъ улицъ.

Я остался одинъ, въ печальной задумчивости. Мнѣ

было грустно, какъ бываетъ грустно въ двадцать лѣтъ, когда сомнѣніе начинаетъ колебать надежду. Я не зналъ, чего ожидать мнѣ въ жизни, и начиналъ бояться ужь того, что не доживу до свѣтлой отрады понятой любви. Тяжело въ молодые годы испытать одиночество въ то время, когда всякая привязанность такъ чиста, такъ возвышенна и священна. Послѣ не то ужь: душа какъ-бы старѣется вмѣстѣ съ тѣломъ и чистый родникъ нашихъ чувствъ тускнетъ мало-помалу отъ грязнаго прикосновенія жизни.

Черезъ полчаса дверь съ шумомъ распахнулась и Ѳедоръ вошелъ ко мнѣ торжественно, съ сіяющимъ лицомъ. Напрасно старался онъ скрыть восторгъ свой подъ личиной важнаго равнодушія: я разгадалъ его мигомъ.

—Ты получилъ письмо, сказалъ я.

Ѳедоръ не могъ удержать невольной улыбки и съ значительнымъ видомъ человѣка, озабоченнаго обширной корреспонденціей, показалъ мнѣ тоненькій пакетецъ съ женскимъ почеркомъ на адресѣ.

—Отъ кого это?

—Отъ сестры, должно быть.

«Счастливый человѣкъ» подумалъ я: «у него сестра». Ѳедя медленно распечаталъ письмо и началъ читать. Я глядѣлъ на него и чистосердечно ему завидовалъ.

—Который ей годъ? спросилъ я снова.

—Кому?

—Да сестрѣ твоей.

—Семнадцать лѣтъ. Не мѣшай только, пожалуйста, братецъ, ты вѣдь видишь, что я занятъ.

—А что́, она хороша собой?

—Ну, хороша. Какое тебѣ дѣло? Надоѣлъ съ вопросами!

—Глаза у нея черные?

—Черные, только отвяжись.

Семнадцать лѣтъ и черные глаза. Какой молодой человѣкъ устоитъ противъ такой очаровательной мысли? Я не вытерпѣлъ.

—Ѳедя, что́ она пишетъ?

—Ну, такъ слушай же, отвѣчалъ онъ съ притворной досадой, потому-что въ-самомъ-дѣлѣ ему очень хотѣлось похвастать передъ мною своей перепиской.

Ѳедя началъ читать письмо. Оно было наполнено прелестнымъ вздоромъ. Въ немъ выражались всѣ полудѣтскія впечатлѣнія молодой беззаботной дѣвушки. Она была на какомъ-то балѣ, кажется, въ Москвѣ въ Дворянскомъ Собраніи. Ей было такъ весело, какъ она еще и не запомнитъ. Платье было на ней розовое и очень къ-лицу, да и цвѣты на платьѣ были такіе, что лучше ни на комъ не было. На всѣ танцы безъ исключенія была она ангажирована, а мазурку танцовала она съ превеселымъ кавалергардомъ. Сказать правду, она тутъ немного похитрила. Ее ужь заранѣе приглашалъ богатый помѣщикъ Хохлинъ. Только Хохлинъ этотъ такой дерзкій, лицо у него такое гадкое, что она его обманула и сказала ему, что она ужь прежде дала слово другому. Разумѣется, такимъ образомъ поступать не слѣдуетъ, и совѣсть ее немножко мучила; только виновата ли она, что у Хохлина наружность такая противная? Затѣмъ слѣдовало подробное описаніе московскихъ удовольствій, мо-

сковскихъ франтовъ, оригиналовъ и красавицъ. Черезъ нѣсколько недѣль она снова уѣзжала съ отцомъ въ Харьковъ, но до того времени много еще предстояло веселья.

Все это на меня сильно подѣйствовало.

Представьте на убогомъ чердакѣ двухъ молодыхъ людей, наклоненныхъ надъ столикомъ и съ жадностью читающихъ всѣ мелочныя подробности радужной свѣтской жизни.

Странная мысль зашалила у меня въ головѣ.

—Ты будешь отвѣчать? спросилъ я.

—Разумѣется, буду, сегодня же.

—Знаешь что́, Ѳедя, поклонись сестрѣ отъ меня.

Ѳедя вытаращилъ глаза.

—Что ты врешь, братецъ, съ какой стати?

—А съ той стати, что я твой товарищъ, что мнѣ скучно, что она улыбнется отъ моего поклона, а мнѣ это будетъ пріятно. Скажи ей, что не ты одинъ скучаешь на чужбинѣ, а что у тебя есть пріятель, который скучаетъ съ тобой вмѣстѣ, даже когда ты не играешь варіацій Майзедера. Скажи ей, что твой товарищъ читалъ ея письмо и отъ души желаетъ ей еще долго, долго тѣшиться и розовымъ платьемъ и мазуркой съ веселымъ кавалергардомъ.

Ѳедя былъ добрый малый. Онъ меня понялъ и принялся писать, громко смѣясь надъ своей малостью. Отвѣтъ отправленъ.

Съ-тѣхъ-поръ, я вамъ долженъ признаться въ своей глупости, семнадцати-лѣтняя дѣвушка съ черными глазами, въ розовомъ бальномъ платьѣ, неотлучно

рисовалась въ моемъ воображеніи. Я вглядывался въ нее очами души, и тихо ею любовался и говорилъ ей невыговариваемыя рѣчи. Если вы были молоды, вы меня поймете, и поймете тоже, съ какимъ ребяческимъ волненіемъ и страхомъ я ожидалъ моего сосѣда, когда, по принятому обыкновенію, онъ бѣгалъ на почту узнавать нѣтъ ли для него письма.

Между-тѣмъ студенческая жизнь шла своимъ чередомъ. Я сдѣлался вѣрнымъ спутникомъ Виктора и съ чувствомъ братской дружбы всюду слѣдилъ за его проказами. Только мало-по-малу я замѣтилъ въ немъ странную перемѣну. Необузданная его веселость становилась какъ-то принужденна. Онъ все еще билъ стекла и пилъ съ товарищами, но ужь безъ прежняго разгульнаго вдохновенія. За-то каждый вечеръ водилъ онъ насъ къ одному сѣренькому домику съ зелеными ставнями. Тамъ, притаившись у забора, когда все безмолвствовало вокругъ и добрые нѣмцы спали нѣмецкимъ безмятежнымъ сномъ, мы начинали пѣть страстныя серенады и только дрожащій огонёкъ или легкій шорохъ спущенной занавѣски обнаруживалъ нескромно, что наше пѣніе не пропадало даромъ. Викторъ былъ влюбленъ. Это не трудно было отгадать, потому-что онъ пѣлъ съ большимъ выраженіемъ. Въ сѣренькомъ домикѣ жила бѣлокуренькая дѣвушка, съ большими голубыми глазами, дочь небогатаго помѣщика. Какъ-то встрѣтились они на академическомъ балѣ. Знакомство ихъ было самое нероманическое. Онъ трепетно пригласилъ ее на англійскую кадриль. Она, краснѣя, согласилась. Онъ говорилъ мало и несвязно. Она едва

отвѣчала. Оба танцовали очень неловко и оба не спали цѣлую ночь. Такова первая любовь. Скоро сдѣлался я наперсникомъ Виктора и, напѣвая серенады подъ окнами его Беллы, совѣтовалъ ему познакомиться съ ея отцомъ. Онъ долго колебался и не смѣлъ рѣшиться на столь отважный подвигъ; наконецъ въ одинъ воскресный день, трепетно натянулъ бѣлыя перчатки и въ черномъ парадномъ фракѣ утромъ ровно въ двѣнадцать часовъ отправился съ церемоннымъ визитомъ къ доброму толстяку, родителю своей возлюбленной. Тамъ приняли его ласково и накормили весьма плохимъ обѣдомъ. Викторъ прибѣжалъ домой въ полномъ восторгѣ, и не прошло мѣсяца, какъ онъ исчезъ ужь изъ нашего буйнаго круга, а сидя смиренно подлѣ голубоокой своей красавицы, намазывалъ тонкіе бутерброды и наигрывалъ съ большимъ чувствомъ на дребезжачихъ клавикордахъ послѣднюю мысль Вебера Въ другое время я бы неумолимо надъ нимъ посмѣялся, но такъ-какъ я самъ не чувствовалъ себя совершенно безгрѣшнымъ, въ особенности передъ нимъ, то началъ чистосердечно принимать участіе въ его страсти, и долго засиживались мы до полуночи, толкуя о совершенствахъ его Беллы и о будущихъ замыслахъ и надеждахъ. Главное препятствіе его счастью будетъ отецъ его, ставящій богатство выше всего; но чего не одолѣетъ сильная страсть и твердая воля? Белла бѣдна, правда, но зачѣмъ богатство, когда есть счастье, и что̀ значатъ деньги, и какъ жертвовать свѣтлымъ упоеніемъ любви для мелочныхъ условій жизни? Впрочемъ, я думаю, вы эти дѣтскія разсужденія знаете наизусть.

— Увы! сказалъ я: — Иванъ Иванычъ, теперь у насъ и дѣти такъ не разсуждаютъ.

Иванъ Ивановичъ продолжалъ:

Наконецъ вижу я однажды изъ окна, что Ѳедоръ бѣжитъ по площади и издали машетъ мнѣ письмомъ. Сердце мое вздрогнуло, какъ-будто предъ какимъ-нибудь важнымъ событіемъ. Письмо мигомъ распечатано. Я точно какъ-бы ожидалъ рѣшенія своей судьбы. Молодая дѣвушка бранила своего брата за то, что онъ показалъ ея необдуманное маранье и грозилась не писать болѣе; однакожь второе письмо было длиннѣе перваго и слогъ письма былъ изъисканнѣе и почеркъ красивѣе. За поклонъ мой она была благодарна, жалѣла о нашей скукѣ и о томъ, что ея не было съ нами, чтобъ развеселить наше одиночество. Меня благодарила она еще за дружбу къ ея братьямъ и желала очень со мной познакомиться, надѣясь, что мы встрѣтимся пріятелями. На-дняхъ уѣзжала она снова въ Харьковъ. Въ Москвѣ ей было очень весело, только подъ-конецъ ей надоѣдалъ Хохлинъ, который, какъ она слышала, человѣкъ скупой, злой и гадкой, несмотря ужь на то, что дуренъ какъ смертный грѣхъ. Въ заключеніе она снова мнѣ кланялась и просила не оставлять ея любимыхъ братьевъ. Вы можете себѣ представить съ какимъ жаромъ, съ какою радостью я отвѣчалъ ей, что порученіе ея свято будетъ исполнено и что, въ минутахъ безотчетной скорби, мысль о ея участіи будетъ моимъ лучшимъ утѣшеніемъ. Слѣдствіемъ этого было, что между братомъ и сестрой вдругъ завязалась жаркая переписка, и Ѳедоръ мой уже не робкимъ голо-

сомъ ходилъ просить у почтмейстера сомнительнаго письма, а, горделиво поднявъ голову, являлся ужь съ положительнымъ требованіемъ. Каждый почтовый день приходилъ онъ ко мнѣ съ драгоцѣнной добычей и, въ счастливомъ расположеніи духа, безпощадно пилилъ свою скрипку нѣсколько часовъ сряду. Такимъ образомъ между мной и неизвѣстной мнѣ дѣвушкой установилось постепенно какое-то странное, безъименное отношеніе. Въ каждомъ письмѣ брата ея къ ней я высказывалъ ей часть своей души, а она, въ отвѣтахъ, то, какъ развивающаяся женщина, давала волю своему нѣжному воображенію, то, какъ балованное дитя, мучила меня шутками, колко издѣваясь надъ моей восторженной рѣчью. Иногда мы спорили, даже ссорились, будучи различныхъ мнѣній, но тогда я просилъ прощенія, и меня прощали, признавая, что я правъ. Ѳедоръ смѣялся надъ нашей шалостью, не подозрѣвая, что эта шалость сдѣлалась заботою моей жизни. Тщетно увѣряла она меня, что я воображаю ее лучше чѣмъ она въ-самомъ-дѣлѣ, что, при свиданіи съ ней, я буду непріятно разочарованъ—сердце мое привыкло о ней думать. Не знаю, можно ли назвать любовью то, что́ я чувствовалъ, знаю только, что въ душѣ моей не было болѣе пусто; помню только то, что я терпѣливо слушалъ восторженныя бредни Виктора и понималъ его безсмыслицу.

Викторъ тайно мнѣ признался, что онъ любимъ. Не знаю, какъ они объяснились; кажется даже, что они не объяснялись вовсе, а такъ поняли другъ друга. Вы знаете, въ молодые годы не нужно красно-

рѣчи: одно слово, одинъ взглядъ, одно пожатіе руки, одно невольное движеніе—и тайна сердца обнаружена безъ опасенія и страха, а съ однимъ лишь свѣтлымъ сознаніемъ долго-ожиданнаго блаженства. Я радовался счастью Виктора, а самъ съ трепетомъ ожидалъ каждаго почтоваго дня.

Однажды Ѳедоръ прибѣжалъ ко мнѣ съ радостнымъ извѣстіемъ. Сестра его объявляла намъ, что она отправляется съ больной тёткой за границу и скоро надѣется обнять своихъ братьевъ. Тутъ, по обыкновенію, была и для меня приписка, на этотъ разъ только болѣе церемонная, чѣмъ прежнія, такъ-какъ она предвѣщала скорое свиданіе; но и въ этомъ холодномъ тонѣ была для меня какая-то новая особая прелесть. Сношенія наши переставали быть шалостью. Знакомство давно желанное должно было скоро осуществиться. Я былъ счастливъ до безумія. Я только и думалъ, какъ бы хорошенько ее встрѣтить. Она любитъ танцовать—мы устроимъ балъ наславу, такой балъ, какого въ Гейдельбергѣ еще не бывало. Надо было позаботиться о ея квартирѣ. Тётка женщина больная—для нея мы отведемъ комнату, откуда неслышно будетъ студентскаго шума. Племянница ея, вѣрно, любитъ цвѣты—мы всю ея комнату украсимъ цвѣтами, а когда она будетъ засыпать ночью, мы такъ согласно и такъ тихо будемъ пѣть наши серенады подъ ея окномъ, что, вѣрно, она и вздохнетъ и улыбнется засыпая... Много наготовилъ я въ головѣ и славныхъ праздниковъ и страстныхъ стиховъ для ея пріема. Только дни уходили, и опять за ними другіе дни... и не было бо-

дѣе слуха о вожделѣнномъ пріѣздѣ. Я все-еще надѣялся, потому-что письма прекратились, но надежда моя скоро рушилась.

Однажды Викторъ вошелъ ко мнѣ блѣдный и разстроенный. Губы его дрожали. Онъ сѣлъ молча на кожаный мой диванъ и такъ странно взглянулъ на меня, что я ужаснулся.

— Не больна ли Белла? спросилъ я.

—Нѣтъ, здорова.

—Не уѣхала ли?

—Слава Богу. Все попрежнему.

—Такъ отчего же ты такъ разстроенъ?

—Такъ... ничего... непріятность.

—Какая же?... Если можно, я помогу тебѣ.

—Ты не можешь тутъ помочь. Я завтра ѣду въ Харьковъ.

—Въ Харьковъ? Зачѣмъ?...

—Спасти сестру.

—Сестру спасти... отъ кого?... отъ чего?.. И я поѣду съ тобой... Скажи только что̀ случилось. Вѣдь она должна была пріѣхать сюда съ тёткой.

—Тётка умерла.

—А сестра твоя?

—Выходитъ замужъ.

—Противъ воли?

—На́, читай, сказалъ Викторъ и, бросивъ мнѣ измятое письмо, побѣжалъ прощаться съ Беллой и провести съ ней послѣдній вечеръ.

«Братья мои (писала бѣдная дѣвушка) помогите мнѣ. Спасите меня. Въ васъ единственная моя надежда. Мнѣ рано еще умирать. Мнѣ жить еще хочется.

Я отъ жизни надѣялась такъ много хорошаго—и все такъ рано должно погибнуть! Я не переживу своего несчастія. Батюшка выдаетъ меня замужъ за Хохлина и слушать не хочетъ отказа. Я плакала у ногъ его, я просила его не губить дочери—онъ посмѣялся только надо мной. «Хохлинъ богатъ» говоритъ онъ: «поживете вмѣстѣ, привыкнешь, слюбится».—«Батюшка, да я ненавижу его, да онъ дурной человѣкъ. Я чувствую, онъ убьетъ меня». Батюшка разгнѣвался. «Твое дѣло» закричалъ онъ, «слушаться. Я далъ слово, а двухъ словъ у меня нѣтъ. Сегодня же сговоръ». Братья! меня помолвили, силою помолвили... Я умоляла Хохлина отказаться отъ меня и онъ только-что смѣется. Брильянты мнѣ какіе-то прислалъ. Онъ вѣрить не хочетъ, что я его ненавижу. Чтó жь мнѣ дѣлать? Кого просить? Ктó заступится за меня?... Я погибла, погибла, если вы не умолите батюшку. Если вы меня любили, если вы меня любите, не дайте погибнуть вашей сестрѣ.»

Какъ всѣ люди рѣшительные, Викторъ не думалъ долго: на другой день онъ ѣхалъ въ Харьковъ. Напрасно Ѳедоръ и я собирались ѣхать съ нимъ вмѣстѣ. «Оставайтесь съ Беллой, говорилъ онъ. А на меня положитесь: не выдамъ сестры; я одинъ слажу съ этимъ человѣкомъ. Или я убью его, или онъ меня убьетъ, а ужь сестра моя не будетъ за нимъ.»

Со всѣмъ тѣмъ видно было, что онъ старался скрыть неодолимую тоску. Хотя онъ и былъ твердо намѣренъ возвратиться, но все-таки ему невыразимо-больно было разстаться съ избранной своей невѣстой. Рано утромъ мы проводили его до первой станціи.

Повозка наша промчалась мимо знакомаго намъ домика Ставни были затворены. Казалось, что какая-то мертвая тишина въ немъ водворилась. Викторъ все глядѣлъ на него пристально, пока онъ не скрылся изъ глазъ. Тогда замѣтилъ я, что Викторъ плакалъ. На станціи мы разстались.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Ни отъ Виктора, ни отъ сестры его не было извѣстія. Бѣдный мой Ѳедоръ акуратно бѣгалъ три раза въ недѣлю на почту, справляться нѣтъ ли для него писемъ, и всякій разъ тихо возвращался домой, опустивъ голову и съ пустыми руками. Грустно брался онъ тогда за свою скрипку и начиналъ твердить четвертую варіацію Майзедера, но ужь не съ прежнимъ стараніемъ и рвеніемъ, а какъ-то вяло и расѣянно И я ужь не сердился болѣе на него за его несчастную страсть къ музыкѣ, а терпѣливо прислушивался къ дикимъ звукамъ его скрипки, которые какъ-то странно согласовались съ разстроеннымъ положеніемъ души моей. Белла долго грустила и уѣхала съ отцомъ въ деревню.

Жизнь моя становилась несносна. И разгулье и ученье—все мнѣ опротивѣло. Наконецъ я получилъ отъ родителей приказаніе возвратиться въ Петербургъ. Жаль мнѣ только было разстаться съ Ѳедоромъ, жаль даже его скрипки, въ которой было для меня что́-то родное, а ему такъ еще было тягостнѣе разставаться со мною.

Въ Петербургѣ, я вамъ долженъ признаться чистосердечно, я совершенно разсѣялся. Столичная жизнь закидала меня тревожными заботами. Все было для меня ново: и роскошь домовъ, и любезность

дамъ, и заманчивость театровъ, и вся свѣтская жизнь, посвященная лишь на удовольствіе настоящей минуты. Я, какъ слѣдуетъ, вступилъ сперва въ службу, потомъ одѣлся щеголемъ и началъ любезничать. Я былъ молодъ, хотѣлъ нравиться, имѣлъ состояніе, и потому меня ласково принимали и я очень тому радовался, не понимая, что съ каждымъ успѣхомъ въ большомъ свѣтѣ я терялъ немного своей душевной чистоты и непорочности.

Однажды, на какомъ-то балѣ, гдѣ я танцовалъ съ изступленіемъ щеголя, начинающаго прославляться, меня поразилъ вопросъ одного изъ моихъ новыхъ пріятелей.

—Вы, кажется, учились въ Гейдельбергѣ?

—Дá.

—Скажите, пожалуйста, не былъ ли у васъ тамъ товарищъ какой-то Викторъ?

—Разумѣется, былъ. Гдѣ онъ теперь?

—Да онъ въ Петербургѣ.

—Здѣсь?

—Онъ живетъ у меня въ домѣ, тамъ, на самомъ верху. Онъ часто про васъ спрашиваетъ. Жалкая исторія. Вообразите, его какъ-то дорóгою опрокинули съ повозкою въ озеро. Бѣднякъ простудился и теперь лежитъ у меня въ злой чахоткѣ. Оно для меня непріятно потому, что я не люблю покойниковъ. Вы сдѣлаете доброе дѣло, если его навѣстите.

На другой день утромъ я вскарабкался по узенькой черной лѣстницѣ до квартиры Виктора. Я нашелъ его въ маленькой комнатѣ съ однимъ окномъ, безъ занавѣски. Онъ лежалъ на бѣдной кровати и

тяжело дышалъ. Сестра милосердія подавала ему лекарство. Бѣдный Викторъ! я не узналъ его. Гдѣ прежняя буйная отвага? Глаза его ввалились и сдѣлались мутны. Лицо было страшно-блѣдно и искажено. Смерть вѣяла ужь надъ нимъ и касалась его своими холодными крыльями. При моемъ появленіи, что́-то похожее на улыбку промелькнуло на его устахъ. Онъ меня узналъ и судорожно пожалъ мнѣ руку.

—Бѣдная сестра! сказалъ онъ съ усиліемъ.

—Тебѣ кланяется братъ твой Ѳедоръ, проговорилъ я горестно.

—Ты видѣлъ Беллу?

—Все хорошо по прежнему. Все ждетъ тебя. Выздоравливай только скорѣе.

Больной перекрестился.

—Теперь все кончено, прошепталъ онъ.

—Не извольте говорить: докторъ запретилъ, сказала сестра милосердія.

Онъ взглянулъ на нее съ покорностью и снова пожалъ мнѣ руку.

Долго, долго сидѣлъ я у изголовья его, и съ какимъ-то мрачнымъ любопытствомъ глядѣлъ на тяжкую борьбу сильной природы съ неумолимымъ недугомъ. Наконецъ мнѣ стало страшно. Я убѣжалъ домой, прося, что если съ нимъ будетъ хуже, за мной бы тотчасъ прислали. Ночью меня разбудили. Я на́-скоро одѣлся и отправился къ нему. На лѣстницѣ мнѣ встрѣтился священникъ съ дарами, который уже выходилъ отъ умирающаго.

—Ну что̀? спросилъ я трепетно.

—Отходитъ...

Никогда не забуду этой картины: въ комнатѣ было почти совершенно темно. Викторъ сидѣлъ на креслахъ, скрестивъ руки свои на столъ, на которомъ положена была подушка. Голова его качалась какъ маятникъ сверху внизъ и тяжелое дыханіе вытѣснялось стонами изъ груди его За нимъ нѣсколько человѣкъ, какъ черные образы, стояли въ тѣни. Въ комнатѣ все безмолвствовало и только слышно было страшное хрипѣнье умирающаго. И вдругъ стало оно еще крѣпче, еще страшнѣе. Послѣдняя вспышка жизни потрясла всѣ члены страдальца; потомъ онъ началъ мало-по-малу успокоиваться, промежутки между стонами сдѣлались продолжительнѣе, стоны начали утихать, утихать и голова осталась неподвижна на подушкѣ. Все было кончено. Мы стали на колѣни и начали молиться . . . .

. . . .

Черезъ три дня мы похоронили Виктора на отдаленномъ кладбищѣ, и такъ окончилась внезапно поэтическая повѣсть его молодости.

Смерть его сильно на меня подѣйствовала: я сдѣлался вдругъ равнодушенъ ко всему, что̀ прежде мнѣ казалось такъ заманчиво. Я понялъ всю суетность жизни и долго не могъ постигнуть, ка́къ можно чего-нибудь надѣяться или желать на землѣ. И въ-самомъ-дѣлѣ, къ чему ведутъ всѣ эти напрасныя мученія, которыми затрудняемъ свой путь, когда мы сами безъ воли и безъ силы увлекаемся всесокрушающимъ потокомъ? Я сталъ глядѣть на все съ холоднымъ отвращеніемъ. На всѣхъ лицахъ веселыхъ и болтливыхъ

я высматривалъ лишь отпечатокъ смерти. Красавицъ, которыя мнѣ очаровательно улыбались, я воображалъ безобразными остовами, и вся земля казалась мнѣ огромной могилой. Такъ проходили дни мои. А ночью, когда мучила меня безсонница, мнѣ казалось, что умирающій товарищъ сидитъ у моей кровати, скрестивъ руки на столъ и медленно качаетъ головой; глаза его мутно на меня устремлялись и въ тускломъ ихъ взорѣ выражалась какая-то безсильная жалоба, какой-то неясный упрекъ, живо напоминавшій мнѣ о жалкой участи сестры его.

Такое положеніе становилось нестерпимо; я рѣшился разсѣяться во что́ бы ни стало и просилъ откомандировки. Мнѣ предложили ѣхать въ Одессу и я съ радостью принялъ предложеніе. Дорога была черезъ Харьковъ.

Я на́-скоро снарядился въ путь, какъ-будто предвидя, что мое присутствіе могло кому-нибудь быть нужно. Я думаю, никогда женихъ, трепетно ожидаемый, не спѣшитъ такъ къ своей невѣстѣ, какъ я спѣшилъ тогда въ Харьковъ, самъ не зная почему. Я не зналъ, увижу ли я тамъ кого, узнаю ли что́ близкое къ сердцу, а такъ, скакалъ-себѣ сломя голову. Я пріѣхалъ послѣ обѣда. Улицы были уже освѣщены, а передъ однимъ домомъ горѣли даже плошки. Насилу дотащился я до́ гостинницы — такъ я былъ утомленъ и разбитъ доро́гой. Вы знаете, что́ такое русская ѣзда на перекладной телегѣ. Я бросился на трактирный диванъ и заснулъ, какъ спятъ послѣ шести безсонныхъ сутокъ. Усталость до того даже мною одолѣла, что я не успѣлъ ничего спросить у

трактирнаго слуги, а упалъ какъ мертвый. Я проснулся на другой день ужь въ полдень и съ удивленіемъ замѣтилъ, что ктó-то сидѣлъ у меня въ ногахъ, ожидая моего пробужденія. Протираю глаза— Ѳедоръ.

Вы помните Ѳедора, который все ходилъ на почту и такъ усердно игралъ на скрипкѣ. Онъ былъ въ траурѣ и сидѣлъ повѣся голову.

Мы обнялись какъ братья.

—Я пріѣхалъ, сказалъ онъ едва внятно:—я пріѣхалъ звать тебя на балъ.

—На балъ? меня... куда?...

—На свадебный балъ, продолжалъ онъ. Вчера была свадьба моей сестры. Чтó жь дѣлать? Я самъ только-что пріѣхалъ. Правда, сестра умаливала, чтобъ не было этого бала, да свекоръ и вся родня взбудоражились. «Свадьба, говорятъ, такъ и пиръ горой». Въ городѣ же сейчасъ узнали, что пріѣхалъ петербургскій кавалеръ и меня послали тебя пригласить.

—Хорошо, сказалъ я, отправляйся къ сестрѣ твоей и пригласи ее отъ меня на мазурку. Такъ-какъ я петербургскій кавалеръ и человѣкъ свѣтскій, то я непремѣнно хочу для перваго моего дебюта въ Харьковѣ танцовать съ царицей бала.

—Ты видѣлъ смерть брата? спросилъ печально Ѳедоръ.

—О братѣ твоемъ жалѣть нѐчего: онъ умеръ. Ступай теперь къ сестрѣ съ моимъ порученіемъ.

Ѳедоръ отправился, а я началъ готовиться къ балу съ неодолимымъ смущеніемъ. Наконецъ я долженъ

былъ увидѣть то воздушное и таинственное существо, которое имѣло такое странное значеніе и въ моей жизни. Я припомнилъ всѣ малѣйшія подробности нашей странной переписки, сперва веселое ребячество ея бальныхъ впечатлѣній, потомъ легкіе оттѣнки первой сердечной задумчивости и вдругъ пронзительный крикъ отчаянія. Не видавъ еще ее, я до того породнился съ ея чувствами, что одна мысль о ней сжимала мое сердце и мнѣ стало такъ грустно, что я началъ готовиться на ея брачный пиръ, какъ на похороны.

Ровно въ девять часовъ, одѣвшись въ черное съ ногъ до головы, я отправился. Вся улица была уставлена экипажами. Домъ новобрачныхъ сверкалъ изъ оконъ ослѣпительнымъ свѣтомъ. Издали слышенъ ужь былъ громъ оркестра. У подъѣзда толпился народъ.

Я вошелъ и при самомъ входѣ мнѣ встрѣтилось чинное шествіе польскаго. Въ первой парѣ шелъ толстый генералъ и велъ молодую за руку. Сердце мое ее разомъ узнало, я едва не вскрикнулъ. Вообразите себѣ самое разительное сходство съ Викторомъ и то самое болѣзненное предсмертное выраженіе лица, которое произвело на меня столь сильно впечатлѣніе наканунѣ его кончины. Какъ-то странно смѣшались въ головѣ моей черты бѣднаго товарища съ чертами молодой красавицы; мнѣ становилось душно, голова моя кружилась, я стоялъ какъ опьянѣлый, а польскій все тянулся передо мной, какъ-будто тѣни попарно, на которыя я смотрѣлъ какъ во снѣ.

Она также меня узнала. Я это понялъ съ перваго

взгляда ея. Но сколько было въ этомъ взглядѣ! и прошедшая радость, и настоящее горе, и сожалѣніе объ обманутыхъ надеждахъ, и покорность неумолимой судьбѣ. Когда польскій кончился, Өедоръ подвелъ меня къ ней и назвалъ меня по имени.

Она грустно улыбнулась и сказала мнѣ:

—Мы съ вами ужь знакомы.

Я отвѣчалъ:

— Я вамъ родня, по дружбѣ къ братьямъ.

—Вы пріѣхали вчера? спросила она послѣ короткаго молчанія.

—Вчера, часовъ въ семь.

Она вздохнула и посмотрѣла на меня такъ, что я чуть-чуть съ ума не сошелъ.

—Вчера въ семь часовъ, сказала она:—меня одѣвали къ вѣнцу.

Я отошелъ въ уголъ и печально началъ любоваться ею. Въ-самомъ-дѣлѣ она была прекрасна, но какой-то болѣзненной красотой. Въ черныхъ глазахъ ея отражался огонь лихорадки. Лицо ея было матовой бѣлизны, а на головѣ ея брильянтовая діадема сверкала какъ мученическій вѣнецъ. Прошелъ часъ времени. Не помню, кто со мной говорилъ и говорилъ ли я съ кѣмъ. Заиграли мазурку. Я снова къ ней подошелъ, придвинулъ два стула и мы сѣли. Разговоръ нашъ былъ сперва несвязенъ, но мало-по-малу онъ оживился. Я заговорилъ ей о странной нашей перепискѣ, извинялся въ моей смѣлости, разсказалъ ей, какъ мы ожидали ея пріѣзда и съ какой жадностью мы читали описаніе баловъ, гдѣ она танцовала съ веселымъ кавалергардомъ. Она отвѣчала мнѣ полу-

шутливо, полупечально, вспоминала все, писанное по моему приказанію, и призналась, что она часто обо мнѣ думала и что я совершенно таковъ, какъ она полагала. Тогда просила она меня разсказать о нашей студенческой жизни и рѣчь наша невольно коснулась покойнаго брата ея.

—Вы знаете, сказала она: — я причиною его смерти.

—Нѣтъ, отвѣчалъ я:—такъ судьба хотѣла. Во всемъ есть воля Провидѣнія. Смерть не есть несчастіе, напротивъ, смерть конецъ несчастью. Повѣрьте, что мнѣ тяжелѣе нынче на сердцѣ, посреди нынѣшняго блеска и веселья, чѣмъ въ тотъ мрачный вечеръ, гдѣ бѣдный мой товарищъ умиралъ на чердакѣ.

Она еще болѣе поблѣднѣла, губы ея задрожали.

—Ради Бога, сказала она шопотомъ:—не говорите этого, иначе, я не выдержу моей пытки.

Ѳедоръ, сидѣвшій рядомъ со мной съ другой стороны, закрылъ лицо руками и, спрятавшись ко мнѣ за спину, заплакалъ какъ ребенокъ.

Мазурка продолжалась. Кавалеры притопывали, дамы, въ розовыхъ и голубыхъ платьяхъ, скользили по паркету. Балъ былъ оживленъ и великолѣпенъ. Многіе играли въ вистъ, другіе смѣялись и громко шутили надъ молодыми.

Вдругъ она вскочила съ своего стула, быстро отряхнувъ пышные свои локоны.

—Знаетс ли, сказала она, почти съ безумнымъ выраженіемъ:—забудемъ настоящее, будемъ же хоть разъ еще молоды вмѣстѣ. Вообразите, что вы моло-

дой человѣкъ, я—молодая дѣвушка. Я вамъ нравлюсь, вы мнѣ нравитесь. У насъ нѣтъ ни заботъ, ни горя. Мы встрѣтились на балѣ, котораго оба давно ожидали. Мы вмѣстѣ танцуемъ. Пойдемте же, намъ начинать.

И, съ отчаяньемъ въ глазахъ, она умчала меня въ кругъ танцующихъ и долго мы танцовали вмѣстѣ, почти до упаду въ неизъяснимомъ изступленіи. Она была хороша какой-то ужасающей красотой. Волосы ея распустились по плечамъ; румянецъ заигралъ на щекахъ, глаза засверкали, грудь сильно взволновалась. Видно было, что она все хотѣла забыть, все соединить въ одну упоительную минуту въ послѣднемъ прощаньи съ прежней жизнью. И вдругъ мужъ ея, озабоченный свадебнымъ ужиномъ, махнулъ музыкантамъ, чтобъ они перестали. Тогда она оборотилась ко мнѣ и лицо ея снова помертвѣло.

—Теперь... сказала она:—все кончено. Не забывайте меня. Вы, надѣюсь, нынче ѣдете.

—Сейчасъ же, отвѣчалъ я:—сейчасъ.

Она вздохнула и протянула мнѣ руку, а потомъ сказала еще:

—Когда не будетъ меня на свѣтѣ, помолитесь обо мнѣ.

Изъ рукъ ея выпалъ букетъ. Я схватилъ уже увядающіе цвѣты—вѣрное напоминаніе ея увядающей жизни, и бросился опрометью домой. Нельзя выразить то, что я тогда чувствовалъ. Я не былъ влюбленъ, и любилъ, однакожъ, самой отчаянной, самой безотрадной любовью. Сожалѣніе, досада, ревность, тоска жгли кровь мою. Я не хотѣлъ, я не могъ ос-

таряться болѣе въ Харьковѣ. Возвратившись въ лихорадкѣ домой, я разбудилъ человѣка, послалъ тотчасъ за лошадьми и черезъ часъ я скакалъ по большой дорогѣ, желая какъ-бы ускакать отъ самого себя.

И съ-тѣхъ-поръ я не видалъ ея ни одного раза, а черезъ годъ съ небольшимъ получилъ письмо отъ Ѳедора съ черной печатью. Сестры его ужь не было на свѣтѣ. Она тихо угасла и приказала отослать ко мнѣ ея послѣдній предсмертный поклонъ.

Вы видите, продолжалъ печально мой собесѣдникъ, что эта повѣсть сама-по-себѣ ничто—ребяческая переписка, минутное свиданіе и нѣсколько изсохшихъ цвѣтовъ. Стóитъ ли говорить о томъ. Романъ, едва начатый, оканчивается на первой страницѣ. Но для меня въ немъ много смысла. Въ немъ первая моя неоконченная повѣсть, повѣсть моей молодости, которая долго носила меня по идеальному міру и привела наконецъ къ безотрадной существенности. Впрочемъ, и послѣ были еще вспышки поэзіи въ моей жизни, но онѣ не превращались въ свѣтила, а, угасая одна за другой, только дразнили меня своимъ минутнымъ блескомъ. Дà, точно со мною было еще нѣсколько случаевъ, за которые сердце мое, жадное любить, зацѣплялось съ радостью... но, видно, суждено было иначе. И вотъ чтó досадно: въ каждомъ изъ нихъ было бы довольно счастья на всю мою жизнь. Но счастье, готовое уже осѣнить меня, отлетало далече и послѣ узнавалъ я, но слишкомъ поздно, чего я могъ надѣяться и чтó я утратилъ невозвратно. Выслушайте еще одну исторію...

—Нѣтъ, Иванъ Иванычъ , въ другой разъ, а

ныньче извините, ныньче Рубини даетъ концертъ и я опоздать не намѣренъ. Впрочемъ, то, что́ вы говорите, меня не удивляетъ. Всякая повѣсть человѣческаго сердца бо́льшею частью не что́ иное, какъ повѣсть неоконченная. Пойдемте-ка вмѣстѣ въ концертъ, тамъ мы найдемъ, можетъ-быть, счастливую развязку вѣчной повѣсти вѣчно-недовольной жизни.

—Гдѣ же? спросилъ Иванъ Ивановичъ.

—Въ чистомъ, въ высокомъ наслажденіи, въ святой любви къ искусству.

Iß was gar ist,
Trink was klar ist,
Rede was wahr ist.
Dr. Martin Luther.

ТРИ ЖЕНИХА.

(*Посвящено княгинѣ Мещерской*).

Пять копеекъ!... Никто больше?
(*Продажа съ публичнаго торга.*)

I.

Представьте себѣ три комнатки поэтически-нечистыя. Въ первой: тулупъ, деньщикъ, сальныя свѣчи, сапоги со шпорами, мундштукъ, сѣдло и всякая дрянь; во второй комнаткѣ замѣтна нѣкоторая претензія на гостиную: канапе между окнами, московскіе виды, столъ подъ красное дерево, столъ ломберный, соломенные стулья, а на окнахъ трубки и карты; въ третьей комнатѣ: столъ съ книгами, столикъ съ щетками и зеркаломъ, и кровать, надъ которою виситъ ружье и патронташъ.

Вы въ комнатѣ армейскаго офицера, не у такого, впрочемъ, классическаго пѣхотинца, который закричалъ бы: «человѣкъ! подай je suis» или «s'il vous plait», требуя водки, или «дай мнѣ въ зубы!» требуя трубку. Это бывало встарину. Нынче армейскій офицеръ совсѣмъ не тотъ. Армейскій офицеръ нынче воспитывается въ Университетскомъ Пансіонѣ, понимаетъ по-французски, очень любитъ отечественную литературу, въ доказательство чего получаетъ «Библіотеку для Чтенія» и бранитъ «Мос-

ковскаго Наблюдателя». Армейскій офицеръ ненавидитъ всѣхъ петербургскихъ, въ особенности фрачныхъ, щедро надѣляя ихъ разными эпитетами. Армейскій офицеръ мало танцуетъ, потому-что онъ разочарованъ. . Онъ поминутно говоритъ: «нашъ братъ армейскій; мы армейщина, солдаты; мы не гвардейцы, гдѣ намъ! какъ намъ! куда намъ!» и т. п. Узкія тальи, высокіе галстухи, топанье въ мазуркѣ и любовные стишки давно ужь въ отставкѣ. Армейское щегольство замѣнилось армейскимъ разочарованіемъ и россійскою словесностью.

Въ третьей комнатѣ, тамъ, гдѣ столъ съ книгами и кровать, лежитъ на кровати здоровый, румяный, толстощекій офицеръ и, задумавшись, куритъ трубку. У него сплинъ.

Вотъ вы ужь разсердились, строгая моя читательница, потому-что герой моего разсказа, слава Богу, здоровъ. Вы ожидали какого-нибудь дон-Жуана блѣднаго, длинноусаго, мрачнаго и чернаго. Но скажите, виноватъ ли онъ, бѣдный, что лютая судьба надѣлила его здоровьемъ; что, кромѣ флюсовъ, онъ не знаетъ рѣшительно никакихъ недуговъ—разумѣется, недуговъ тѣлесныхъ. Но мучатъ моего офицера два недуга нравственные, два камня лежатъ на его груди, два чувства терзаютъ его душу: любовь и ревность!...

Взгляните на него: онъ куритъ; вотъ онъ затянулся, и густое облако дыма поднялось изъ-подъ его усовъ и онъ вперилъ въ него свои сѣрые глаза. Но отчего онъ такъ странно, такъ восторженно глядитъ на облако? Вы, княгиня, поняли. Въ дымномъ облакѣ, сквозь прозрачную, таинственную пелену дыма

мелькаетъ передъ нимъ чудный образъ дѣвушки съ обнаженными плечами, съ розою на челѣ, съ улыбкой на устахъ. И офицеръ мой вздохнулъ, и вздохнувъ, затянулся еще разъ, и новое облако прогнало милое видѣніе, и въ новомъ облакѣ появилась ненавистная фигура петербургскаго франта съ лорнетомъ, въ желтыхъ перчаткахъ, съ тростью въ рукѣ, и франтъ мой кривляется направо и налѣво и говоритъ комплименты на французскомъ языкѣ.

Офицеръ плюнулъ, разсердился и бросилъ трубку, и длинными шагами началъ расхаживать по комнатѣ.

Въ дверяхъ послышался знакомый голосъ.

—Здравствуй, mon cher.

—А! bonjour, отвѣчалъ офицеръ вошедшему товарищу.

Они пожали другъ у друга руки.

—Ну, братъ Алексѣй Иванычъ, угадалъ ты рапортоваться больнымъ. А мы-такъ, горемычные, были не учены. Ну, ужь чортъ знаетъ чтó это такое полковникъ: только-что не дерется. Тарасенко подъ арестъ, Федулова подъ арестъ, Менцова подъ арестъ; насъ всѣхъ распекъ такъ, что, право, братецъ, совѣстно было все слушать. Чортъ знаетъ, чтò это такое: и то не такъ, и то не этакъ...

—Гм. гм. пробормоталъ Алексѣй Ивановичъ.

—Старый мужъ, грозный мужъ!
Не страшусь ничего.—

—Знаешь что? продолжалъ разскащикъ:—говорятъ, что нашъ полковникъ врѣзался въ Елену Петровну...

Алексѣй Ивановичъ вспыхнулъ.

—Началъ ферлакурить , приволакиваться—анъ не тутъ-то было. Даромъ что полковникъ и весь въ кавалеріяхъ, а Елена Петровна знать его не хочетъ, въ грошъ, братецъ, не ставитъ. Говорятъ, что Еленѣ Петровнѣ шибко нравится франтикъ изъ Петербурга... какъ бишь его?

—Леоновъ,сказалъ офицеръ дрожащимъ голосомъ.

—Да́. Ну какъ, напримѣръ, кажется тебѣ этотъ Леоновъ? Петербургская штука! Мизерный такой! Чай стакана пунша не вынесетъ, а все по-французски: bonjour, да je vous remercie.

Ротмистръ Фридрихъ Грибенгаузенъ, родомъ нѣмецъ, вошелъ въ комнату.—Здорофъ репята, промолвилъ онъ начальническимъ тономъ, а потомъ захохоталъ какъ быкъ.

—Ну што, досталось на орѣхи? Ну, Алексѣй Ивановичъ, тайте пульсъ пощупать — а?... У васъ опасная полѣзнь. Это исфѣстна febris pritvorialis... Ага, эге, Алексѣй Ивановичъ!... Ой, ой, ой... Да тутъ есть еще маленькій симпто́мъ... Тути черненки глазенки свѣлали маленьку батарею пифъ, пафъ, пуфъ! Алексѣй Инановичъ польно раненъ, ой, ой, ой!

Ротмистръ Грибенгаузенъ большой шутникъ, отличный служака, но прежде всего—нѣмецъ.

Голосъ ротмистра Геренкампфа послышался за дверями:

—Я не виноватъ, я не виноватъ! лошадь молодая, непривычная; я за лошадей отвѣчать не могу.

—Ой, ой, ой, armer Gerenkampff! закричалъ Грибенгаузенъ:—полковникъ сдѣлалъ тебѣ на ученьи маленькій declaration.

—Я не виноватъ, господа, посудите сами: лошадь горячая; я за всѣхъ лошадей отвѣчать не могу. Болванъ рекрутъ затянулъ поводья. Я за всѣхъ рекрутовъ отвѣчать не могу.

За дверью послышался опять шумъ, раздались разгульныя восклицанія и давыдовскіе стихи на-распѣвъ:

Гдѣ друзья минувшихъ дней,
Гдѣ товарищи младые?

Три офицера, съ фуражками на затылкахъ, съ раскраснѣвшимися лицами, вбѣжали въ комнату.

—Что, чай объ ученьи? Полноте, господа, бросьте это! Полковникъ въ такомъ уморѣ, что мы съ отчаянія немножко выпили. Зравствуйте, господа

«Предсѣдатели бесѣдъ
Собутыльники лихіе!»

—Ой, ой, ой! сказалъ ротмистръ Грибенгаузенъ, щелкнувъ по воротнику:—раненько готофъ...

—Чаю, чаю! Семенъ, да, слышь, съ ромомъ. Что, господа, не срѣзаться ли? Я сдѣлаю пять золотыхъ. —Болванъ рекрутъ. Я за горячихъ лошадей отвѣчать не могу.—Táма пикъ пойтетъ двѣнадцать съ пульдиной и двѣ копейки мазу.—Господа! въ воскресенье въ собраньи будетъ балъ. Езерскіе пріѣхали изъ деревни. Вице-губернаторъ послалъ нарочнаго къ Любскимъ и къ Праховымъ. Говорятъ, что и онѣ будутъ, и Лизанька, и Сонечка, и Параша.—Елена Петровна тоже будетъ... хлопъ, хлопъ, хлопъ,—Дама съ угломъ—хлопъ, хлопъ, убита!—Ахъ, бѣдная Дашенька!—Лошадь неѣзженая, рекрутъ болванъ; я

за рекрутовъ отвѣчать не могу.—Гдѣ друзья минувшихъ дней? Господа...

За здоровье Елены Петровны—ура!

II.

Въ губернскомъ городѣ *** ныньче балъ въ Дворянскомъ Собраніи. Это легко замѣтить по необыкновенному движенію улицъ. Возки поминутно смѣняются у дверей нѣмецкаго магазина и модной мадамы. Служанки, съ платками на головахъ, бѣгаютъ по галантерейнымъ лавкамъ гостинаго двора, упорно торгуя розовые башмаки, лайковыя перчатки и тому подобныя бальныя необходимости; губернскіе франты цѣлое утро страдаютъ подъ щипцами вольнопрактикующаго фершела.

Наконецъ двѣ плошки и присутствіе квартальнаго у подъѣзда возвѣщаютъ жителямъ города, что ожидаютъ только посѣтителей дворянскаго достоинства, съ платой одного рубля ассигнаціями съ персоны за входъ. Тутъ между барынями начинаются разныя жеманства. Ни одна не хочетъ пріѣхать на балъ первая. Казачки и лакеи скалкиваются у подъѣзда съ порученіемъ узнать о числѣ пріѣхавшихъ. Разряженныя дамы сидятъ важно и чинно, каждая у себя, пока не возвѣстятъ имъ наконецъ, что въ передней бальной залы уже лежатъ три салопа и двѣ пары калошъ. Тогда все подымается, двигается, и фаланга барынь наводняетъ разомъ залу. Матушки, въ матерчатыхъ платьяхъ, съ ридикюлями въ рукахъ, переваливаются съ боку на бокъ и здороваются между

собою. Дочери, съ гирляндами на головахъ, скромно идутъ за ними, потупивъ глаза на чисто-вымытый полъ, за неимѣніемъ паркета. Ватага чиновниковъ, въ новыхъ вицмундирахъ, съ пряжками за безпорочную службу въ петлицѣ, важно толкуетъ о всякой всячинѣ. Губернаторъ съ важностью расхаживаетъ, нюхая табакъ, и гордо отвѣчаетъ на почтительные поклоны. Начинаются танцы.

Девять часовъ пробило. Въ городѣ *** зала Дворянскаго Собранія горѣла яркимъ огнемъ. Раздушеные офицеры шаркали во французской кадрили; передъ ними барышни балансировали, махая локтями.

Авдотья Ивановна Плясунова, вдова бывшаго губернскаго прокурора, очутилась какъ-то подлѣ Варвары Өедоровны Горигевской, супруги одного извѣстнаго помѣщика. Между ними завязался разговоръ:

—Ну, матушка, ужь балъ! нéчего сказать, гадко поглядѣть! Чтó это такое? дѣвушки сидятъ на стульяхъ, а кавалеры лежатъ у нихъ на плечахъ. Нѣтъ, въ наше время такъ не бывало. Вотъ какъ покойный Николай Иванычъ — царство ему небесное!—на мнѣ сватался, онъ былъ тогда ужь въ чинѣ титулярнаго, а какъ, бывало, подойдетъ къ ручкѣ, такъ весь, голубчикъ, покраснѣетъ.

—Правда, Авдотья Петровна : — вѣкъ теперь сталъ не таковъ: или мы поглупѣли, или свѣтъ уже сталъ черезчуръ уменъ. И чтó за наряды нынче стали носить!

—Неприличные, Варвара Өедоровна. Ну, хоть, напримѣръ, эта барыня въ блондахъ—кто это такая?

—А, а! это жена полиціймейстера. Вишь какія блонды! видно, недорого достались. А за нею предсѣдательша Уголовной Палаты. Посмотрите-ка, Варвара Ѳедоровна, хитрость какая: на старый чепчикъ наколола она новые цвѣты, вотъ и думаетъ, что мы такъ и повѣримъ, что чепчикъ у нея новый. Небось, не обманетъ: видали мы его!

—Ну, матушка, а офицеръ-отъ кто?

—А? красавчикъ-то? Это Курскій—повѣса, матушка. Дверей моихъ не знаетъ, а я и бабушку и матушку его знавала. Молодые люди, вы знаете, насъ, старухъ, теперь въ грошъ не ставятъ; волочатся, влюбляются. Вотъ хоть этотъ Курскій: влюбленъ въ Елену Петровну. Повѣса, матушка!

Курскій вошелъ развязно. Байроновскимъ взоромъ окинулъ онъ все собраніе и остолбенѣлъ отъ ненавистнаго зрѣлища: во второй французской кадрили стояла задумчиво Елена Петровна, а молодой Леоновъ нашептывалъ ей что-то на́ ухо.

Что́бъ ни говорили гонители французскаго языка, французскій языкъ удивительное изобрѣтеніе для бала и для любви. Скажите, можно ли сравнить его дипломатическую увертливость съ нашимъ православнымъ простодушіемъ, съ нашей тяжелой, безкорыстной прямотой? Да здравствуетъ французскій языкъ! Какъ змѣя, увивается онъ тонкими намеками около робкой мысли, непримѣтно вкрадывается въ душу и обворожительною отравою сильно волнуетъ неопытное воображеніе. Не правда ли, княгиня, да здравствуетъ французскій языкъ?

Со всей восторженностью молодой и пылкой стра-

сти Леоновъ описывалъ молодой дѣвушкѣ ничтожность петербургскаго быта, его суеты и обманы, его спѣсь и причуды; но яркими, плѣнительными красками раскрашивалъ онъ ей обворожительную картину семейнаго счастья, деревенскую жизнь, уютную, безмятежную, съ камелькомъ, съ откровеннымъ разговоромъ, съ добрыми людьми. Молодой человѣкъ говорилъ хорошо. Онъ чувствовалъ свои слова. Пламенное его воображеніе завлекло его далеко. Душа его съ презрѣніемъ отряхивала пыль свѣтскихъ условій; она вырывалась изъ цѣпей существенности и, въ какомъ-то забытьи, утопала въ поэтическомъ восторгѣ.

Елена Петровна, потупивъ глаза на полъ, небрежно перебирала ленту своего пояса. Сердце ея сильно билось и румянецъ смущеннаго удовольствія игралъ на щекахъ ея. Она сравнивала своего кавалера съ прочими молодыми людьми и мысленно любовалась его превосходствомъ. Разговоръ былъ прерванъ.

Толстобрюхая фигура полковника съ Анной на шеѣ, съ усами и бакенбардами какъ щетина, гремя шпорами и саблей, приблизилась къ молодымъ людямъ. Сухо поклонился полковникъ Леонову и сталъ неподвиженъ, какъ статуя, подлѣ Елены Петровны, не говоря никому ни слова, а отъ времени до времени приглаживая ладонью свои щетинистые бакенбарды.

Странный человѣкъ этотъ полковникъ! Жизнь его—вѣчная апатія и вѣчное молчаніе. Никогда никто не слыхалъ отъ него самаго обыкновеннаго при-

вѣтствія, самаго ничтожнаго вопроса. Служба завладѣла всѣми его способностями. На службѣ и на ученьи сосредоточивается вся его дѣятельность, вся жизнь его. На ученьи голосъ его мѣняется, лицо его разгарается, и всѣ чувства его невольно вырываются техническими восклицаніями. Но только-что ученье кончилось, мой полковникъ принимаетъ опять свою молчаливую важность, свой суровый, полковничій видъ.

Когда онъ приближался къ Еленѣ Петровнѣ, съ другой стороны подошелъ къ ней Алексѣй Ивановичъ и началъ съ ней разговоръ, косо поглядывая на Леонова.

—Здравствуйте, Елена Петровна.

—А, здравствуйте Алексѣй Иванычъ! Чтó жь вы не танцуете?

—Гдѣ нашему брату, армейскому, танцовать! мы вѣдь не петербургскіе, а просто солдаты: мы танцовать не мастера.

—И вы никогда не танцовали, Алексѣй Иванычъ?

—Нѣтъ-съ, я прежде танцовалъ. Но чтó въ этомъ? обманъ, суета, какое-то вертѣніе души и ногъ. Есть возрастъ, когда очарованіе танцевъ насъ плѣняетъ; но это время проходитъ.... скоро проходитъ.

—Право?

—Ужасно во всемъ разочароваться. Вы знаете стихи Пушкина.

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ мои мечты!

—Молодецъ Пушкинъ! Впрочемъ, и Бенедиктовъ недуренъ: въ немъ замѣтно большое дарованіе. Вы любите стихи-съ?

—Люблю-съ.

—А танцовать вы тоже любите-съ?

—Люблю-съ.

—Ну, такъ и быть, прійдется солдату тряхнуть стариной. Согласны вы танцовать со мной мазурку? Я знаю, что съ простымъ армейскимъ офицеромъ танцовать скучно, ну, да такъ и быть, вы будете великодушны.

Елена Петровна покраснѣла по-уши.

—Извините, Алексѣй Иванычъ, я ужь обѣщала, я приглашена....

Курскій закусилъ себѣ губы. Полковникъ промычалъ что-то про-себя, потеръ бакенбарды и поплелея играть въ вистъ съ однимъ майоромъ и двумя помѣщиками.

III.

Русское дворянство, какъ вамъ извѣстно, можетъ выбирать между тремя родами жизни: жизнь въ мундирѣ, жизнь въ сюртукѣ, жизнь въ халатѣ. Первая въ Петербургѣ, вторая въ Москвѣ, третья въ провинціи.

Жизнь въ провинціи дѣйствительно на-распашку, въ ней какая-то особая выпуклость. Тѣ мелочи, которыя теряются въ столицѣ, въ провинціи рѣзко выказываются наружу. Всѣ недостатки нескромно выглядываютъ. Ихъ нельзя закутать модною шалью, заглушить бальною музыкою, усыпить обѣдомъ или театромъ. Въ провинціи все на-лицо;

оттого такъ много страннаго, такъ много смѣшнаго бываетъ въ нашемъ губернскомъ быту.

Но напрасно вы думаете, что въ провинціи бываютъ однѣ только смѣшныя карикатуры — сохрани васъ Богъ отъ такого заблужденія! Много есть прекрасныхъ семействъ, много есть превосходныхъ картинъ, передъ которыми вы остановитесь съ умиленіемъ.

Жаль, напримѣръ, что вы не знаете Петра Михайловича Бояринова — вотъ вамъ истинно-почтенный человѣкъ; вотъ вамъ истинно-русскій помѣщикъ, радушный, гостепріимный, русскій въ полномъ смыслѣ слова. Онъ постигъ, что въ быту нашего народа и нашего частнаго существованія должна быть какая-то патріархальность, основа нашего государственнаго и семейнаго счастья. Безъ дальновидныхъ замысловъ, безъ напраснаго тщеславія, онъ смиренно осмотрѣлся вокругъ себя и нашелъ занятія на всю жизнь. Изъ самаго прозаическаго и обыкновеннаго дѣйствія провинціальнаго быта, т. е. женитьбы и пребыванія въ деревнѣ, онъ умѣлъ сдѣлать что-то возвышенное и поэтическое. Онъ сдѣлался истинною главою своего семейства; онъ сдѣлался истиннымъ помѣщикомъ своихъ крестьянъ, правосуднымъ и человѣколюбивымъ. Цѣль его достигнута: семейство его прекрасно, крестьяне благотворятъ его, сосѣди только называютъ его дурнымъ практикомъ, пожимаютъ плечами, но любятъ его душевно, а по воскресеньямъ пріѣзжаютъ къ нему обѣдать съ женами и дочерьми.

Тридцать лѣтъ промчались незамѣтно. Петръ Ми-

хайловичъ видѣлъ вокругъ себя цвѣтущую семью; двѣ дочери вышли замужъ; старшій сынъ служилъ въ Петербургѣ; другіе оканчивали свое воспитаніе дома, подъ руководствомъ отца, который самъ присутствовалъ при всѣхъ урокахъ. Старикъ почти совершенно потерялъ уже зрѣніе. Волосы его сдѣлались бѣлы, но духъ его еще не унылъ, но мысль его еще свѣтла; онъ отдастъ послѣднихъ сыновей на службу — и тогда путь его будетъ оконченъ; онъ сложитъ руки и поникнетъ головою.

Главная страсть Петра Михайловича — музыка. По цѣлымъ часамъ съ восторгомъ слушаетъ онъ ученые аккорды безсмертнаго Бетховена. Тогда склоняетъ онъ свою сѣдую голову на дрожащую руку и сидитъ неподвиженъ, молчаливъ, прекрасенъ... Высокія думы налетаютъ на чело его. Онъ весь переносится въ страну какой-то душевной гармоніи священной и необъятной.

Жаль, княгиня, что вы не знаете Петра Михайловича. Я показалъ бы вамъ этотъ скромный intérieur, гдѣ душѣ такъ хорошо; я показалъ бы вамъ моего старика среди прекрасныхъ дочерей, которыя внимаютъ съ любовью словамъ его. Подалѣе сидитъ за работой вѣрная сотрудница его, та, которую онъ воспиталъ, которую онъ возвысилъ до себя и назвалъ своею женою. За нею два сына играютъ въ шахматы; другіе рѣзвятся въ углу.

Два, три человѣка искреннихъ пріятелей раздѣляютъ бесѣду, а въ дверяхъ старая нянька Акулина, съ повязаннымъ на головѣ платкомъ, суетится около самовара.

Я ужь говорилъ вамъ, что двѣ дочери Петра Михайловича были замужемъ. Третья, Елена Петровна, о которой я затѣялъ свою повѣсть, упросила отца переѣхать на нѣсколько времени въ губернскій городъ ***, гдѣ она вскорѣ плѣнила толстаго, безмолвнаго полковника, мечтательнаго Курскаго, и пріѣхавшаго по дѣламъ службы молодаго чиновника Леонова.

Чтó сказать вамъ о Еленѣ Петровнѣ? Елена Петровна, въ полномъ смыслѣ слова, барышня, а я право, княгиня, не знаю чтó можно сказать рѣзкаго о барышняхъ. Возьмите любую русскую повѣсть и прочтите на третьей страницѣ портретъ героини: онъ чрезвычайно похожъ на Елену Петровну. Другими словами: она обладала высшею женскою добродѣтелью, т. е. прекраснымъ лицомъ, обворожительною тальею и французскимъ языкомъ безъ примѣси нижегородскаго; остальное подразумѣвается: кротость, добронравіе, благотворительность и тому подобное. Въ портретѣ дѣвушки есть всегда что-то вялое и отрицательное; можетъ-быть, это оттого, что въ ея дѣйствіяхъ не можетъ быть ничего рѣшительнаго, ничего самостоятельнаго. Какъ бы то ни было, а Елена Петровна съ ея прекраснымъ лицомъ, съ ея незнаніемъ свѣта и приличій, была такъ обворожительна, хороша, что она свела бы съ ума самаго опытнаго сердечнаго анатомиста. Вотъ письмо, писанное ею къ одной деревенской пріятельницѣ:

«Ты у меня спрашиваешь, Sophie, про здѣшнее житье-бытье и требуешь отъ меня откровенности:

Ахъ, зачѣмъ нѣтъ тебя со мною! кáкъ много высказала бы я тебѣ того, чтó на бумагѣ какъ-то совѣстно написать. Помнишь ли, Sophie, кáкъ, бывало, осенью мы ходили по большой липовой аллеѣ? Листья хрустѣли подъ нашими ногами, а мы съ тобою мечтали о будущемъ. Ты помнишь: во всѣхъ нашихъ мечтахъ, во всѣхъ нашихъ разговорахъ появлялось какое-то идеальное существо, которое мы ожидали и угадывали. Мы изображали его въ видѣ молодаго человѣка съ прекрасною наружностью и пламенными рѣчами—отголосками пламенной души. Вообрази же себѣ, Sophie, что я его видѣла, что я встрѣтила такъ, какъ я его ожидала: высокаго, блѣднаго, черноволосаго. Онъ здѣсь теперь. Онъ бываетъ у насъ каждый день. Его зовутъ Леоновъ—не правда ли, какое прекрасное имя? Когда я его увидѣла въ первый разъ въ кабинетѣ папеньки, я такъ смутилась и покраснѣла, что не знаю, право, отвѣчала ли я на его поклонъ. Тогда онъ подошелъ ко мнѣ и дрожащимъ голосомъ тихо сталъ со мною говорить. Ахъ, еслибъ ты слышала его голосъ! Съ-тѣхъ-поръ онъ бываетъ у насъ каждый день. Онъ разсказывалъ мнѣ свои душевныя печали, свои никѣмъ непонятныя страданія. Онъ бѣдный молодой человѣкъ и служитъ въ Петербургѣ. Ему тяжко жить одному, безпріютному, въ толпѣ служащихъ чиновниковъ, которые не могутъ понять его. Я и сама не очень поняла, Sophie, слова его; но онъ говорилъ такъ жалостливо, онъ такъ выразительно глядѣлъ на меня, что я чуть-чуть не заплакала. Папенька его очень любитъ и, сказать ли тебѣ правду, Sophie? мнѣ кажется, что

Леоновъ будетъ принадлежать къ нашему семейству. Впрочемъ, не скрою отъ тебя, что у меня есть еще два жениха: первый, Курскій, о которомъ ты, вѣрно, слыхала много отъ Elise и Barbe; онъ былъ бы недуренъ собой, еслибъ не кривлялся; второй—здѣшній полковникъ; о немъ я тебѣ ничего сказать не могу, потому-что я до-сихъ-поръ отъ него ни одного слова не слыхала; онъ очень толстъ.

«Вотъ тебѣ, Sophie, откровенное письмо. Теперь я въ-правѣ требовать отъ тебя того же. Напиши мнѣ, что́ дѣлаетъ вашъ молодой сосѣдъ, часто ли онъ ходитъ гулять съ вами по рощѣ, и о чемъ разсуждаетъ онъ съ тобой?»

Нѣсколько времени прошло.

Петръ Михайловичъ сидѣлъ на своихъ волтеровскихъ креслахъ, улыбался значительно и о чемъ-то крѣпко помышлялъ.

Помолчавъ немного, онъ взялъ Елену Петровну за руку.

—Дочь моя, началъ онъ говорить; — выслушай меня. Я старъ, слѣпъ и, какъ видишь, никуда не гожусь. Нашему семейству нужна подпора. Мнѣ нуженъ сынъ, тебѣ нуженъ мужъ.

Елена Петровна стояла какъ на огнѣ.

—Ты знаешь мои правила. Я тебѣ ни совѣтовать, ни отсовѣтывать ничего не буду. Бракъ дѣло священное. Я ни во что́ не стану вмѣшиваться, выбирай кого хочешь. У тебя три жениха: здѣшній полковникъ—хорошій человѣкъ, заслуженый, богатый, честный, хотя неразговорчивъ въ обществѣ.

—Алексѣй Ивановичъ Курскій—добрый молодой

офицеръ, съ небольшимъ состоянiемъ. О немъ говорятъ также съ похвалою.

—Наконецъ, молодой Леоновъ, котораго мы всѣ полюбили какъ роднаго. У него три-четыре тысячи дохода ежегоднаго—это, я знаю, немного; въ Петербургѣ съ этимъ жить нельзя. Ну такъ что жь? а я на что? Онъ можетъ выйдти въ отставку. Ты будешь со мною, и я умру на вашихъ рукахъ—согласна ты выйдти за Леонова?

—Согласна, тихо отвѣчала Елена Петровна.

Леоновъ, стоявшiй съ невыразимымъ волненiемъ за дверью, вбѣжалъ въ комнату и бросился на шею будущаго тестя.

—Дѣти, дѣти! говорилъ старикъ со слезами на глазахъ:—вотъ вамъ мое благословенiе.

IV.

Куда, подумаешь, мудреное житье чиновника особыхъ порученiй! Сидитъ онъ спокойно въ своей комнатѣ, въ халатѣ, въ туфляхъ, съ трубкой въ рукахъ. Кажется, чего ему болѣе желать? Вдругъ торжественно вбѣгаетъ слуга и подаетъ чиновнику казенный пакетъ съ завѣтною надписью № 3378. Что это такое? Порученiе, откомандировка! Прощай, мой Петербургъ, средоточiе всѣхъ любовныхъ помышленiй и невиннаго честолюбiя! Прощайте, лакированные паркеты моей канцелярiи! Прощай, театръ и закулисныя тайны! Прощай, гостинница Фениксъ! Чиновникъ откомандированъ; пакетъ, подъ № 3378 выгоняетъ его изъ столицы. Онъ уѣзжаетъ, бѣдный, какъ говорится по дѣламъ службы.

Теперь, ваше сіятельство, позвольте мнѣ представить вамъ моего Леонова. Онъ право чудный малый, но—увы! онъ принадлежитъ къ третьему разряду свѣтскихъ петербургскихъ молодыхъ людей. Они раздѣляются на три разряда: на тѣхъ, которые получаютъ въ годъ по 12,000, по 6000 и по 3000 руб. Эти трехтысячные самые жалкіе. Они на ниточкѣ привязаны къ большому свѣту и, если у нихъ нѣтъ ни связей, ни родства, чтобъ немножко ихъ поддержать, то ниточка обрывается и они падаютъ въ чиновническую пучину. Къ несчастью, Леоновъ былъ изъ послѣднихъ. Дряхлая мать его акуратно ему высылала изъ своей орловской деревеньки по тысячѣ рублей въ треть, и добрая старушка, восхищаясь такою щедростью, отнюдь не полагала какимъ тяжелымъ испытаніямъ она подвергала своего возлюбленнаго сына. Будь Леоновъ просто бѣденъ, участь его была бы легче: для него не было бы искушеній, его не ужасало бы каждый день это безобразное сочетаніе нищеты съ роскошью—непремѣнная принадлежность столичной жизни. Леоновъ былъ хорошо образованъ; онъ былъ хорошъ собою; онъ былъ хорошаго происхожденія; онъ имѣлъ все, чтобъ нравиться. Онъ нравиться не могъ. Вездѣ, гдѣ онъ ни былъ—въ гостиной, на службѣ, на гуляньи, онъ проходилъ незамѣченный никѣмъ. Эти три тысячи его убивали.

Надобно объяснить, что онъ одаренъ былъ отъ природы этимъ аристократическимъ чувствомъ, которое отвергаетъ всякую посредственность. Онъ не могъ постигнуть, напримѣръ, что можно полюбить

женщину въ черномъ фартукѣ, которая сама смотритъ за кухнею и ѣздитъ въ третій ярусъ Александринскаго Театра. Для него женщина была существо до того высокое, до того идеальное, что онъ не могъ глядѣть на нее глазами существенности. Невольно окружалъ онъ ее всею поэзіею молодости и страшился для нея прикосновенія міра матеріальнаго, какъ ревностный ботаникъ страшится сѣвернаго воздуха для рѣдкаго, въ теплицѣ взлелѣяннаго имъ, нѣжнаго растенія. Съ такимъ образомъ мыслей Леоновъ увидѣлъ, съ перваго взгляда, что большой свѣтъ для него недоступенъ. Онъ столько былъ гордъ, что не могъ вынесть безчисленныхъ униженій, чрезъ которыя могъ бы достигнуть до высшаго круга петербурскаго общества. И каково человѣку съ душой, признайтесь, княгиня, пріѣхать на раутъ на извощикѣ, въ енотовой шубѣ, въ калошахъ и съ замерзшими щеками! Каково вынести насмѣшливые поклоны нашихъ молодыхъ франтовъ, которые откажутъ ему даже въ правѣ вмѣшаться въ ихъ безсмысленный разговоръ, ему, у котораго душа кипитъ и жаждетъ горячихъ впечатлѣній! Не имѣвъ доступа къ высшему кругу, Леоновъ не хотѣлъ довольствоваться второстепеннымъ. Убійственный разсчетъ замѣнилъ поэзію его мечтаній. Онъ убѣдился въ горькой истинѣ, что для бѣднаго губернскаго секретаря нѣтъ поэзіи на свѣтѣ.

Онъ жилъ на Гороховой Улицѣ, въ третьемъ этажѣ, на дворѣ, одинъ-одинёхонекъ, никѣмъ нелюбимый, никѣмъ незамѣченный. Поутру рано надѣвалъ онъ свой вицъ-мундиръ и отправлялся въ департа-

ментъ. Начальникъ отдѣленія кланялся ему сухо, директоръ — никогда. Изъ всѣхъ очарованій жизни Леонову оставалась одна служба и знакомство его сослуживцевъ.

Къ счастью его, онъ былъ откомандированъ въ *** губернію. Тогда вдругъ для его жизни открылась новая эра, эра чувства и мысли. Онъ познакомился съ Петромъ Михайловичемъ. Добрый старикъ не спросилъ сколько у него дохода, не справлялся, знакомъ ли онъ съ важными петербургскими барынями, а нашелъ въ немъ пріятную бесѣду, познанія, умъ свѣтлый и молодой. Онъ полюбилъ его какъ сына. Мы ужь видѣли, ка́къ мечты Леонова вдругъ осуществились. Души его не доставало на такое счастье. Такой восторгъ, впрочемъ, столько великъ, столько святъ, что мнѣ и на умъ не приходитъ вамъ его описывать.

V.

Есть власть величественная, передъ которою ничтожны всѣ суеты большаго свѣта, передъ которой страсти утихаютъ и люди уравниваются. Эта власть великая — смерть. Она равнодушно господствуетъ надъ свѣтомъ, надъ горемъ и радостью людей. Все это такъ мало, такъ ничтожно передъ ея неограниченною силой . . . .

. . . .

. . . .

Спустя нѣсколько времени послѣ помолвки дочери, Петръ Михайловичъ вдругъ началъ угасать.

Смерть его была, какъ жизнь, тихая и праведная. Жена его не пережила такого удара; Елена Петровна сдѣлалась сиротою. Разумѣется, что свадьба была отложена.

У Елены Петровны была тётка, которая взяла ее къ себѣ и увезла съ собой въ Петербургъ на цѣлый годъ.

Разставаніе ея съ Леоновымъ было самое трогательное. Откомандировка его не была еще окончена. Они разстались.

Не знаю, право, чему въ Петербургѣ научили Елену Петровну, что́ ей разсказали и объяснили; знаю только, что она нашла въ нашей столицѣ цѣлую кучу кузинъ и тётокъ; знаю, что она стала разбирать всѣ мундиры по полка́мъ, стала разсуждать о театрѣ и очень мило выучилась смотрѣть въ двойной лорнетъ.

Недавно возвратилась она въ извѣстный намъ губернскій городъ, гдѣ до-сихъ-поръ говорятъ еще о ея свадьбѣ.

Свадьбу праздновали у Спаса. Невѣста была въ бѣломъ атласномъ платьѣ и въ большомъ блондовомъ вуалѣ, къ великой зависти всѣхъ губернскихъ красавицъ. Женихъ, въ новыхъ полковничьихъ эполетахъ, стоялъ подлѣ нея и величественно потиралъ ладонью свои щетинистыя бакенбарды.

Не правда ли, княгиня, что у женщинъ бываютъ такія странности, которыхъ ничѣмъ объяснить нельзя?

Не нужно, кажется, объяснять, что Леоновъ получилъ отъ Елены Петровны формальный отказъ. Теперь онъ служитъ опять въ Петербургѣ и пред-

ставленъ къ Станиславу 4-й степени. Курсій разочарованъ болѣе, нежели когда-нибудь и, говорятъ, съ горя написалъ такіе чувствительные стихи, что онъ и самъ ихъ не понялъ. Впрочемъ, онъ ими непремѣнно намѣренъ обогатить нашу литературу.

ДВА СТУДЕНТА.

(Посвящено Карамзиным.)

Vivat academia!
Студентская пѣсня.

I.

«Уф... уф... уф! Экая тяжелая вата!... Экая несносная шаль. Нѣтъ мочи держать! Уф!... Куда счастлива эта Марихенъ! У нея только баринъ да барыня, и то еще худенькіе, и простуды не боятся... А вотъ у меня, моя совѣтница, кажется, вѣдь толста порядкомъ и, слава Богу, здорова, а все холода боится. И салопъ у нея, и два платочка, и шаль изъ козьяго пуха, да шесть дочерей, шесть здоровыхъ mamselles. Прошу покорно держать всѣ эти платки да салопы! Силъ никакихъ не станетъ. Уф!... уф!... Лотхенъ, слышала ты, что аптекарша Гроссенкопфъ согнала Юльхенъ со двора?»—«Будто! а за что?» — «Ну такъ... Ты понимаешь?...» — «Нѣтъ».—«Ей, видишь, показалось, что г. Гроссенкопфъ... Вотъ аптекарша ее и выгнала».—«Ахъ, какъ можно, фуй!» Лотхенъ улыбнулась съ видомъ грозной добродѣтели. «Уф!... уф!... Второй часъ... А завтра у насъ обѣдаетъ пасторъ и кирхшпильсрихтеръ. Едва-едва успѣю изготовить офи-

грицъ да телятины къ обѣду, да печки вытопить, да бѣлье приготовить, да комнаты вымести, да за водой сбѣгать, да господъ своихъ одѣть. Право, пора бы кочиться этому балу».

Итакъ нынче балъ.

И подлинно, вездѣ замѣтна какая-то торжественность. У крыльца стоитъ фантастическій рыдванъ на полозьяхъ и большія пошевныя сани въ одну лошадку. Надъ прямою лѣстницей, выкрашенной коричневой краской, виситъ нѣчто склеенное изъ бумаги и стекла, дающее темное понятіе о фигурѣ фонаря, а еще темнѣйшее о его употребленіи. Въ передней разставлена съ симетрическою акуратностью цѣлая шеренга калошъ, большихъ и малыхъ. На мѣстахъ почетныхъ стоятъ, какъ водится въ образованномъ свѣтѣ, калоши людей значительныхъ; прочія скромно укрываются въ уголкахъ. Надъ калошами же отъ времени до времени раздаются шопотомъ усталые упреки служанокъ, обремененныхъ тяжестью салоповъ своихъ мадамъ. Сколько ихъ тутъ: Амальхенъ, Каролинхенъ, Марихенъ, Лотхенъ, die dicke, die schwarze и т. п. Онѣ не то, чтобъ нѣмки, и не то, чтобы чухонки, всѣ разряжены въ каленкоровые кафтаны на заячьемъ мѣху, и съ платками на головахъ. Все это освѣщается двумя сальными огарками, и то оттого, что нынче балъ.

Но не пора ли отпереть двери въ бальную залу и поискать кого-нибудь для повѣсти? Вы ужь поняли, что все это чепуховатое предисловіе клонилось только тому, чтобъ какъ-нибудь позамысловатѣе сказать вамъ, какъ въ одинъ зимній вечеръ, въ комнатѣ, на-

званной клубомъ, жители нѣмецкаго городка важно собрались для бала.

Съѣхались и помѣщики изъ окрестности и должностные чиновники, нѣмецкіе студенты и молодые корнеты, прилетѣвшіе изъ полка обнять стараго отца, поплясать съ кузинами и набраться воспоминаній на цѣлый годъ.

Итакъ балъ хоть куда.

Много странныхъ лицъ, много дѣвушекъ въ красныхъ башмакахъ. Много старомодной рухляди и фраковъ съ произвольнымъ покроемъ. Но всѣмъ весело, а улыбка удовольствія украшаетъ самое безнадежное лицо, самую антифешёнэбльную фигуру. Комната четвероугольная, небольшая, освѣщенная четырьмя лампами, въ углу гудятъ на скрипкахъ булочникъ съ своимъ подмастерьемъ. На канапе важно сидитъ, подъ уединеннымъ зеркальцемъ, толстая совѣтница въ чепчикѣ съ огненными лентами, а въ рукахъ у нея огромный бархатный ридикюль, хранящій два яблока подъ стальнымъ замкомъ. Рядомъ съ нею сидитъ еще нѣсколько старушекъ, весьма просто одѣтыхъ.

Царицею была почтмейстерша, недавно вышедшая замужъ, одѣтая въ платье и въ чепчикъ нарочно выписанные изъ столицы. Блонды роскошно увиваются около лица ея и плечъ, а счастливый почтмейстеръ, сидя за гривеннымъ вистомъ въ сосѣдней комнатѣ, уже сдѣлалъ два ренонса, хотя, вѣроятно, вспоминаетъ онъ не о письмахъ.

Много розовыхъ платьевъ, и красныхъ, и голубыхъ; много бѣлокурыхъ кудрей, много германскихъ

глазокъ. Но вотъ мелькнула передо мной дѣвушка съ свѣтлой улыбкой, и взоръ жадно за нею бѣжитъ. Простое бѣлое платье, безъ модныхъ вычуръ, обхватываетъ станъ ея. Волосы темно-бѣлокурые небрежно падаютъ на снѣжныя плеча, а глаза ея, глаза темно-сапфирные, большіе, огненные, съ младенческой простотой устремляются на стройнаго высокаго студента. Съ почтительнымъ вниманіемъ слушаетъ студентъ ея простые разсказы о покойномъ батюшкѣ, бывшемъ тридцать лѣтъ учителемъ въ училищѣ, о проповѣдяхъ пастора, о маленькомъ хозяйствѣ; слова ея просты, непринужденны, нежеманны. Дома она счастлива. На балѣ ей весело. Студентъ страстно упивается ея рѣчами, ея дыханіемъ, ея взоромъ—и молодое сердце сильно бьется въ молодой груди.

Но танецъ оканчивается. Уѣздные франты окружаютъ дочь покойнаго учителя и, шаркнувъ передъ нею, приглашаютъ на будущій *франсезъ*.

Нечего дѣлать, студентъ отошелъ, прислонился къ стѣнкѣ и задумчиво сталъ перебирать танцующихъ; но ни блонды почтмейстерши, ни здоровыя прелести дочерей совѣтницы не могли остановить его вниманія. Какой-то неодолимый магнитъ устремилъ его взоры на бѣлое платье, на темные локоны. Воображеніе его разгоралось. Какое-то торжественное чувство вдругъ обняло душу его. Ему показалось, что все кругомъ исчезло, что все сокрушилось вокругъ него, и что на обломкахъ цѣлаго этого міра, сквозь прозрачную пелену улыбалось ему очаровательное видѣніе, и что оно вливало въ него го-

рячее упованіе, и что оно осѣняло его небесною благодатью.

Ударъ по плечу прервалъ его молчаніе. «Hör' mal, lieber Kerl, ist das deine Poussade??» *.

Подлѣ него стоялъ другой студентъ, съ огромными бакенбардами, красноватымъ лицомъ и веселою улыбкой. Дружески потрепалъ онъ товарища по плечу и повторилъ свой нескромный вопросъ: «Poussirst du dich bei Emilie?...»

Студентская проза, какъ холодная вода, плеснула на разгоряченнаго мечтателя. Онъ отрицательно улыбнулся, схватилъ свою фуражку и пошелъ домой.

А Эмилія стояла въ уголкѣ и, краснѣя, слушала отъ подругъ похвальную перестрѣлку въ честь вышедшаго кавалера.

Ach, liebichen, liebichen! Was für ein schöner Russe, und wie tanzt er elegant! . . . . . .

. . . .

Но третій часъ. Продажные въ уголку бутерброты всѣ уже расхищены и поднесены услужливыми танцорами запыхавшимся дамамъ. Совѣтница встала съ своего мѣста и, вынувъ изъ ридикюля два клубен-маркта **, заплатила буфетчику за 32 бутерброта, скушанные дочками. Служанки начали надѣвать салопы и натягивать теплые башмаки на своихъ барынь. Калоши разъѣхались въ разныя стороны и повезли своихъ владѣльцевъ по домамъ.

И Эмилія, окутавъ свое личико большимъ плат-

* Студентское выраженіе, означающее волокитство.
** Кожаная монета.

комъ, пошла за матушкой по улицѣ задумчиво и тихо. И все было пусто уже въ нѣмецкомъ городкѣ. Только Эмиліи показалось, что на перекресткѣ и вдоль домовъ мелькала высокая тѣнь въ студентскомъ плащѣ.

II.

Чтó можетъ быть очаровательно-глупѣе тихой жизни нѣмецкаго городка? Нѣтъ въ немъ высоконарной политики, нѣтъ золотыхъ тросточекъ, нѣтъ низкой зависти, нѣтъ модныхъ романсовъ, нѣтъ плоскихъ рукавовъ и разговоровъ, нѣтъ мужей извѣстныхъ по женамъ, нѣтъ записныхъ красавицъ, нѣтъ концертныхъ билетовъ, нѣтъ бенефисовъ, нѣтъ несносныхъ друзей, убійственныхъ обѣдовъ, душныхъ раутовъ и дурныхъ актёровъ. Въ нѣмецкомъ городкѣ все первобытно и патріархально. Кто въ немъ родится, тотъ въ немъ и умретъ. А между рожденіемъ и смертью женится только на сосѣдкѣ.

Въ нѣмецкомъ городкѣ бываетъ только три рода необыкновенныхъ происшествій: крестины съ конфектами и люнелемъ, свадьбы съ ужиномъ и шампанскимъ, похороны съ перчатками и лимономъ. Европейскія тревоги до него не касаются; развѣ иногда аптекарь или судья прочтутъ берлинскую газету и надѣлятъ знакомыхъ политическимъ запасомъ. Но за-то разсмотрите хорошенько правила нѣмецкихъ горожанъ. Каждый изъ нихъ понялъ свое значеніе и заботится только о томъ, кáкъ бы выполнить его точнѣе и добросовѣстнѣе. Каждый твердо увѣренъ, что

хотя онъ приноситъ пользу гомеопатическую, но что онъ все-таки полезнѣе многихъ абонентовъ всѣхъ европейскихъ журналовъ. Каждый знаетъ, что много есть людей, готовыхъ сдѣлать крышу на зданіе, но что мало такихъ, которые согласятся приносить по кирпичику для сооруженія его. Нѣмецъ знаетъ это хорошо—и гордо куритъ свою трубку въ своемъ уголкѣ. Нѣмецъ знаетъ, что жена его вѣрна, знаетъ, что дѣти его ходятъ въ церковь, знаетъ, что онъ не бралъ взятокъ, что онъ не притѣснялъ бѣдныхъ, что совѣсть его чиста. Нѣмецъ все это знаетъ—и гордо куритъ трубку въ своемъ уголкѣ.

Такъ недальновидно и честно прожилъ свой вѣкъ отецъ Эмиліи. Не заглядывая въ чужія дѣла, съ педантическою акуратностью всю жизнь просидѣлъ онъ на маленькой каѳедрѣ, передъ толпою ребятишекъ. Тридцать лѣтъ сряду склонялъ онъ rosa и спрягалъ amo, и ни разу это занятіе ему не наскучило, хотя онъ и былъ глубокимъ филологомъ. Однажды каѳедра его осталась пуста. Опечаленныя дѣти съ плачемъ разошлись по домамъ. Они догадались, что добрый ихъ учитель умеръ.

Послѣ него осталась вдова, вдова неутѣшная, которая понимала жизнь одинаково съ мужемъ. Для нея тѣсный домикъ былъ вселеннею; въ немъ сосредоточивались всѣ ея занятія, всѣ заботы, вся любовь, вся жизнь ея. Когда учитель, усталый отъ шума ребятишекъ, приходилъ къ себѣ домой, его встрѣчали улыбка хозяйки, поцалуй дочери, набитая трубка, любимое кушанье и старый халатъ. Сколько было мелочныхъ удовольствій и истиннаго

счастья! сколько душевнаго удовольствія и высокихъ мыслей было въ хатѣ бѣднаго латиниста!

Несмотря на скудное свое состояніе, онъ почиталъ себя совершенно счастливымъ и часто благословлялъ Провидѣніе за мирную свою жизнь, за ненаглядную свою дочь. Лучшимъ его отдохновеніемъ было воспитаніе Эмиліи. Съ гордостью слѣдилъ онъ за порывами души юной и благородной и направлялъ ихъ къ цѣли высокой. Онъ не говорилъ ей о возможности порока, о грязи нашего существованія, объ обманахъ свѣта, о холодномъ сомнѣніи, объ отчаяніи и бурныхъ страстяхъ. Съ такимъ незнаніемъ жизни, съ такой невинностью мыслей Эмилія была конфирмована. Чистая, непорочная, предстала она передъ алтаремъ и, глядя на нее, старый учитель заплакалъ въ первый разъ въ своей жизни. Но недолго оставалось ему радоваться: каѳедра опустѣла; онъ умеръ спокойно, оставивъ по себѣ память добраго человѣка.

Смерть его была сильнымъ потрясеніемъ для младенческой души бѣдной дѣвушки. Не стало ея наставника, не стало друга и товарища ея игръ. Все въ домѣ опустѣло и сдѣлалось мрачно. Вдова забыла свое хозяйство и неподвижно сидѣла по цѣлымъ часамъ, не вставая съ своего мѣста.

Что́ можетъ быть грустнѣе комнаты умершаго человѣка? Всѣ принадлежности его живо говорятъ о немъ, и какъ-будто ждутъ еще кого-то. Въ уголку уныло стоитъ недокуренная трубка; тамъ открытая книга, тамъ недоконченное письмо; а кругомъ всего вѣетъ еще что-то таинственное, какъ-будто духъ по-

койника, захотѣвшаго въ послѣдній разъ проститься съ своею земною обителью.

Промчался годъ. Эмилія сняла плёрезы и черное платье. Вдова учителя не забыла, что на ней лежала еще важная обязанность—устройство будущей судьбы ея дочери; она не забыла, что̀ говорилъ ей умирающій мужъ на смертномъ одрѣ, и съ материнскимъ попеченіемъ разсматривала уѣздныхъ щеголей и студентовъ, которые стали увиваться около Эмиліи.

Болѣе всѣхъ нравился старушкѣ дальній ихъ родственникъ, Эдуардъ, бывшій ученикъ покойнаго мужа ея и посвятившій себя медицинѣ, которой онъ обучался въ *** университетѣ. На праздники пріѣзжалъ онъ къ родителямъ своимъ, жившимъ въ одномъ городкѣ съ Эмиліею. Но, будучи застѣнчивъ, трудолюбивъ и неловокъ въ обществѣ, не посѣщалъ онъ никакихъ собраній, и вотъ почему мы не видали его на балѣ, которымъ я началъ свою повѣсть.

Но за-то на этомъ балѣ много было удалыхъ студентовъ, привлеченныхъ магнитомъ бала, пріѣхавшихъ съ твердымъ намѣреніемъ плясать до упада и веселиться до-нельзя. Весело разбѣжались они по домамъ; одинъ только русскій студентъ возвратился задумчивъ и смущенъ.

Онъ понялъ въ этотъ вечеръ, что въ одномъ существѣ можетъ соединиться простота душевная съ умомъ образованнымъ, скромность невинности съ обворожительной красотой. Все, что̀ онъ слышалъ, было такъ исполнено неподдѣльнымъ чувствомъ и такъ непринужденно, такъ просто. И совсѣмъ тѣмъ она была такъ хороша, такъ неиспорчена прикосно-

веніемъ столичнымъ, такъ чужда причудъ большаго свѣта, что бѣдный студентъ побѣжалъ въ горячкѣ домой.

III.

Онъ жилъ съ Эдуардомъ.

Опершись локтемъ на столъ, молодой человѣкъ внимательно читалъ толстую, лежавшую передъ нимъ книгу, тускло освѣщенную дрожащимъ отблескомъ догорающей свѣчки. На лицѣ его было начертано, что онъ постигалъ все величіе своей науки. Глаза его горѣли, а на устахъ его изображалась улыбка душевнаго удовольствія.

Какъ Эмилія, онъ родился въ маленькомъ городкѣ и провелъ свое ребячество безъ заморскихъ гувернёровъ. Съ утра бѣжалъ онъ съ тетрадкою подъ-мышкой въ училище, гдѣ отецъ Эмиліи внушалъ ему правила латинской грамматики и строгой добродѣтели.

Онъ былъ живымъ идеаломъ, разительнымъ отпечаткомъ германскаго юноши: мечтательный, глубокомысленный, трудолюбивый, застѣнчивый, съ чистыми и свѣтлыми надеждами. Въ неиспорченной душѣ его младенческія чувства сливались съ глубокими мыслями, съ умомъ испытующимъ. Приготовленіе къ докторскому экзамену постоянно приковывало его къ строгимъ занятіямъ; но среди этихъ занятій нерѣдко мелькалъ передъ нимъ дѣвственный образъ Эмиліи, какъ вѣнецъ его трудовъ и желаній. Съ нею хотѣлъ онъ пройдти безмятежный путь жизни; въ ней нашелъ онъ свой идеалъ, свое созвуч-

ное сердце, свою сестрину душу. Впрочемъ, не порывы сокрушительной страсти терзали грудь его: любовь его была чиста; немучительна, немногорѣчива; она глубоко впала въ грудь молодаго человѣка, но впала какъ искра съ неба, а не какъ пламень земнаго чувства.

Таковъ былъ Эдуардъ.

Свѣчка его догорала. Онъ закрылъ книгу и увидѣлъ стоящаго передъ нимъ товарища. «Ну, что, Викторъ?» спросилъ онъ весело, «съ кѣмъ поплясалъ, въ кого влюбился? Каковы наши дамы?» Викторъ не отвѣчалъ ни слова. Голова его горѣла, сердце сильно билось и что-то странное оживляло глаза его. Долго ходилъ онъ по комнатѣ, отрывисто отвѣчая на вопросы товарища.

Эдуардъ покачалъ головою, улыбнулся значительно, легъ на постель и заснулъ, какъ засыпаютъ всѣ студенты послѣ пятнадцати часовъ труда.

Викторъ долго ходилъ по комнатѣ, наконецъ схватилъ перо и сталъ писать.

«Къ тебѣ, въ Петербургъ, въ столицу моды, роскоши и чванства, къ тебѣ, мой свѣтскій другъ, хочу набросить нѣсколько строкъ. Я знаю тебя: ты прочтешь ихъ съ участіемъ; ты даже поймешь ихъ, потому-что и твой духъ, можетъ-быть, метался въ золотой твоей клѣткѣ, потому-что и ты понималъ когда-то, что есть жизнь безъ Невскаго Проспекта, безъ Дворянскаго Собранія, безъ маскарадовъ и танцовальныхъ вечеровъ. Рожденные оба въ кругу аристократическомъ, мы пошли разными путями. Ты натянулъ на шею модный галстухъ, ты сжалъ сердце

свое въ шелковый жилетъ и пошелъ, не спрашивая у судьбы, зачѣмъ она того хотѣла, по паркетамъ и по коврамъ. Тебя жизнь не обременяла догадками. Ты все принялъ безусловно и надѣлъ на себя охотно цѣпь, потому-что цѣпь изъ золота и по послѣдней модѣ. Блаженъ ты, другъ мой, потому-что нѣтъ для тебя недоступной цѣли. Ты не испыталъ этой жажды души, ничѣмъ недовольной и все алчущей чего-то. Тебя не проучалъ немилосердый опытъ, немилосердое разочарованіе.

«Рано понялъ я, что въ свѣтскомъ быту нѣтъ жизни для меня. Однозвучныя слова, однообразныя лица скоро мнѣ прислушались и пригляделись. Я бѣжалъ отъ свѣта, гдѣ чувство—одна шутка, а золото—кумиръ. Жадно требовалъ я отъ науки той полноты мыслей, той самостоятельности бытія, которыя показываютъ человѣку все его достоинство и все его величіе. Но и тутъ, какъ въ свѣтѣ, вездѣ ограниченность, скудость въ опредѣлительныхъ понятіяхъ, и тутъ то же самое однозвучіе и однообразіе. Я искалъ искры божества, выраженной словами, а нашелъ хвастовство педантовъ или извороты книгопродавцевъ.

«И въ дружбѣ не нашелъ я того полнаго, чистаго чувства, котораго я требовалъ отъ нея. Часто сходился я съ людьми, съ душой благородной, съ свѣтлымъ умомъ—и что же? Ничтожныя причины разводили насъ на-вѣки; и хотя пламень былъ, можетъ, и одинакій, но алтари были различные. Я убѣдился тогда, что человѣкъ—существо эгоистическое, отдѣльное, цѣлое; что онъ никогда не сольетъ своей

полной мысли съ мыслью другаго человѣка, и что онъ останется вѣчно недоволенъ и вѣчно одинъ.

«Одну эпоху жизни я исключаю изъ этого общаго приговора. Это — эпоха любви, когда пламень двухъ сердецъ ярко разгарается на одномъ алтарѣ. Тогда лишь только небо нисходитъ въ душу страдальца, тогда жизнь кажется не такъ загадочной и не такъ темной, тогда грудь расширяется и мысль свѣтлѣетъ, и душа торжествуетъ надъ вселенной.

«Но и тутъ, мой другъ, сколько глупыхъ приличій, сколько ничтожныхъ условій смѣшано съ лучшимъ даромъ Провидѣнія! Вообрази себѣ, что̀ бъ сказалъ отецъ мой, когда бъ онъ узналъ, что сынъ его хочетъ жениться на дочери школьнаго учителя, сынъ такого важнаго человѣка, которому родня сестра министра и племянница фельдмаршала! А спроситъ ли, что̀ волнуетъ мою грудь, что̀ такъ сильно обворожило мое сердце? Люди требуютъ во всемъ общаго итога; чувство у нихъ, какъ счетъ аптекаря, выражается рублями и копейками. Нѣтъ копеекъ — нѣтъ чувства; нѣтъ связей — нѣтъ вамъ счастья. Понимаешь лы ты, какое это мученье видѣть передъ собою счастье цѣлой жизни, облеченное въ форму очаровательную, и хладнокровно жертвовать всѣмъ для какой-то пустой мысли, безъ всякой пользы, безъ вознагражденія, такъ, просто, потому-что иначе было бы неприлично?

«Вотъ, съ какой душевной борьбой пишу я къ тебѣ, и не прошу твоего совѣта, потому-что совѣтъ твой я знаю напередъ, потому-что другаго ты дать не можешь, можетъ-быть, и не долженъ. Но мнѣ на-

до передать часть души своей кому-нибудь. Эдуардъ, товарищъ мой, спитъ спокойно подлѣ меня, тогдакакъ кровь бунтуетъ въ головѣ моей. Добрый нѣмецъ не пойметъ буйнаго пыла страстей. Для тебя жизнь сосредоточилась въ шарканьѣ большаго свѣта; для него—въ экзаменѣ, въ медицинѣ. Но въ свѣтѣ страсти, хотя прикрытыя бархатомъ и шелкомъ, все-таки иногда проглядываютъ... и ты поймешь, изъ дружбы ко мнѣ, все смятеніе моего духа, все неограниченное, отчаянное безпокойство души моей. Прощай!»

IV.

Въ небольшой, скромно-выбѣленной комнаткѣ, на канапе прародительской формы, сидитъ маленькая старушка съ очками на носу, съ чулками въ рукахъ. Надъ старушкой виситъ портретъ покойнаго мужа ея, въ рамкѣ, украшенной изсохшими цвѣтами. Старушка заговорила. «Чтожь ты, Эмилія со свѣчи не снимаешь? Эмилія покраснѣла и схватилась за щипцы. Эмилія дома. На ней черный фартукъ, волосы убраны просто. Эмилія хороша—я это говорилъ вамъ ужь прежде; впрочемъ, иначе я и не принимался бы писать, но Эмилія задумчива. Свѣчки догорали. Старушка два раза у нея спрашивала о здоровьѣ. Сидѣвшій съ ними пасторъ два раза ужь заговаривалъ съ нею о новомъ органѣ, а Эмилія ничего не замѣчала.

Пасторъ обратился къ старушкѣ.

—Наконецъ Богъ благословилъ наши старанія: органъ нашъ привезенъ. Въ воскресенье въ первый

разъ прихожане будутъ пѣть съ органомъ; прекрасный органъ; повѣрите ли гофратъ Гейнфусъ говоритъ, что такого органа не легко найдти и въ Вѣнѣ. Я надѣюсь, что вы и дочь ваша прійдете раздѣлить нашу общую радость.

—Прійдемъ, любезный пасторъ, непремѣнно прійдемъ. А кто будетъ играть у васъ на органѣ?

—Для перваго раза у насъ будетъ играть нашъ молодой другъ, Эдуардъ. Вы знаете Эдуарда?

—О! знаю, знаю: онъ учился у покойнаго моего мужа. Онъ славный молодой человѣкъ, прекрасный студентъ.

—Anno 1821, почтенная моя госпожа, и я былъ студентомъ. Славное время! Въ пять лѣтъ напроказилъ я на всю жизнь.

—Да, любезный пасторъ, продолжала, вздыхая, старушка:—студенты теперь не то, что̀ были. Бывало, только скажутъ студентъ—и все зашевелится; бывало, я сижу за работою у окна, и будто вяжу свой чулокъ, а сама поглядываю украдкой на улицу. И вотъ мой Фердинандъ, съ длинными локонами, съ маленькой шапочкой, съ мечомъ на бедрѣ, съ палицей въ рукахъ, покажется на широкихъ камняхъ нашей узкой мостовой. Ка̀къ хорошъ былъ мой Фердинандъ! Бывало, смотришь на него—и страшно и любо.

—Гм, гм! почтенная госпожа, повѣрите ли, что я, скромный пасторъ, котораго суеты міра не могли бы теперь расшевелить, я рубился сорокъ семь разъ, да, кромѣ того, стрѣлялся однажды за дочь моего профессора теологіи.

—Охъ, ужь эти поединки! Какъ ненавидѣла я ихъ! Разъ шла какъ-то я по улицѣ. На встрѣчу мнѣ попалось человѣкъ двадцать студентовъ. Студенты не посторонились. Вдругъ слышу я за собой громовый голосъ: dumme Junge. Фердинандъ дрался со всѣми.

Старушка вздохнула глубоко, пасторъ улыбнулся значительно, а Эмилія начала молча приготовлять чай и намазывать кружевной бутербродъ.

Германскія жены говорятъ вообще мало, и за это имъ спасибо. Вообще нѣтъ ничего ненавистнѣе условнаго и пошлаго разговора въ устахъ женщины. Что жь касается до женскаго остроумія, это настоящая бѣда. Назначеніе женщины быть утѣшеніемъ на землѣ, а остроумное утѣшеніе хуже оплеухи. Къ-счастью, Эмилія была рождена въ такомъ кругу, гдѣ не надо прикрывать скудости чувствъ блескомъ выраженій; она молчала и глубоко таила на сердцѣ свою душевную святыню. Съ-тѣхъ-поръ, какъ пламенныя рѣчи взволновали ея воображеніе, съ-тѣхъ-поръ, какъ страсть пылкаго студента коснулась въ сердцѣ ея струны, дотоль нетронутой, жизнь ея измѣнилась совершенно. Послѣ бала, которымъ началось знакомство ея съ Викторомъ и которымъ началъ я свою повѣсть, было много еще баловъ, и она вездѣ была съ Викторомъ, и Викторъ былъ всегда подлѣ нея; днемъ онъ мелькалъ передъ ея окнами, блѣдный и задумчивый; ночью, среди общаго безмолвія, вдругъ раздавались подъ окнами Эмиліи звуки гитары, и страстная пѣснь сливалась съ звучными аккордами. Въ минуту упоенія Викторъ высказалъ ей свою любовь, и съ-тѣхъ-поръ что-то стран-

ное, что-то демонское вкралось въ ея душу; покой бѣжалъ очей ея; какое-то болѣзненное мученіе овладѣло ея жизнью. Прекрасныя черты студента, его свѣтская ловкость, умъ образованный и пылкій, а болѣе всего краснорѣчіе истинной страсти непреодолимымъ магнитомъ привлекли къ нему всѣ помышленія дочери покойнаго учителя. Каждый день собиралась она открыться во всемъ матери и не могла собраться съ духомъ. Одинъ Эдуардъ угадалъ ея тайну и никому о томъ не говорилъ ни слова. Безропотно, безъ упрека отказался онъ отъ своей любимой мечты. Онъ видѣлъ для Эмиліи богатую и счастливую будущность и, не думая о себѣ, радовался счастью двухъ любимыхъ имъ существъ.

Въ слѣдующее воскресенье вдова учителя торжественно принарядилась и, взявъ Эмилію подъ-руку, отправилась въ церковь. У самыхъ дверей стоялъ, прислонившись, Викторъ. Эмилія подняла глаза; взоры ихъ встрѣтились; огонь пробѣжалъ по жиламъ бѣдной дѣвушки; она едва могла дойдти до своей скамейки. Глаза ея не видѣли лежавшей передъ нею книги; уста не повторяли псалмовъ. Обѣдня кончилась. Хоръ прихожанъ умолкъ. Одинъ органъ мощно звучалъ подъ сводами церкви, и вдругъ звуки взволновались: они, казалось, то сталкивались, то преслѣдовали другъ друга и, какъ бунтующія страсти, боролись между собою. Эмилія слушала съ невыразимымъ волненіемъ, и вдругъ бурные порывы утихли и выражающіе звуки слились въ общій торжественный гимнъ, въ благодарственный возгласъ Всевышнему.

Эдуардъ игралъ фугу Себастіана Баха.

Прійдя домой, Эмилія слегла въ свою постель, и бѣдная старушка долго сидѣла у ея изголовья.

V.

Лихой народъ *** студенты! Взгляните на нихъ: шапки на-бокъ, галстухи долой; они шумно толпятся вокругъ кипящей чаши—то́ любимый ихъ напитокъ, то́ завѣтный крамбамбули, яркимъ пламенемъ ликующій посреди своихъ усердныхъ друзей. Привѣтствую тебя, академическое разгулье! Трубки дымятся; фуксы * приносятъ стаканы и пуншъ льется кипящей влагой. На столѣ рапиры. Рапиры зашевелились и мѣрно ударяютъ по столу. Запѣли студенты:

Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus.

Пойте, пойте, пока вы молоды, ликуйте, веселитесь!

Post jucundam juventutem,
Post molestam senectutem
Nos habebit humus.

Все будетъ данью земли. Пойте, студенты!

Вотъ ужь шесть недѣль, какъ гостятъ студенты въ городкѣ, и ныньче у нихъ прощальный пиръ, Abschiedskommers. Кто ѣдетъ домой, кто ѣдетъ въ университетъ. Пора на лекцію и за перо. Всѣ товарищи собрались и шмоллируютъ (пьютъ братство) вв послѣдній разъ. Гуляютъ студенты. Вотъ ужь

---

* Студенты перваго семестра.

начались пуншевыя дуэли. Противники бодро схватывають стаканы; секунданты мѣрять и командують. Стаканы осушаются и тотъ, кто прежде выпилъ до дна, провозглашенъ побѣдителемъ. Вездѣ шумъ и хохотъ. Здѣсь фуксовъ качають на простыняхъ; тамъ брандеровъ * гонять сквозь пылающую солому. Вотъ весельчакъ, съ рапирой въ рукѣ, вскарабкался на пирамиду стульевъ и столовъ и провозгласилъ себя принцемъ von Thoren, и вотъ усердная толпа сбѣжалась вокругъ своего повелителя и поетъ ему съ подобострастіемъ:

Euer Gnaden aufzuwarten
Mit Wein von allen Arten.

Кипятъ мои студенты; кипитъ крамбамбули завѣтный. Шумно и весело.

Эдуардъ и Викторъ отошли непримѣтно отъ толпы. Между ними завязался жаркій разговоръ.

—Когда жь твоя свадьба? спросилъ Эдуардъ.

—Никогда, отвѣчалъ съ смущеніемъ Викторъ.

Глаза Эдуарда заблистали. Онъ оттолкнулъ руку своего товарища.

—Итакъ, слова твои — ложь, поступки твои — обманъ? Ты завлекаешь бѣдную дѣвушку въ пропасть, которой она не видитъ, потому-что ты украсилъ ее цвѣтами. Какъ воръ, ты присвоиваешь себѣ чувства, которыя должны бы принадлежать другому. Знаешь ли, какъ называютъ твое легкомысліе?... Но слушай: теперь гóре тебѣ, если ты хоть на шагъ подойдешь къ Эмиліи: я буду ея защитникомъ, я буду

* Студенты втораго семестра.

вѣрной ея тѣнью и охраню ее отъ лукавыхъ нападковъ.

—А по какому праву, Эдуардъ?

—А ты по какому праву сдѣлалъ для себя игрушкой первую въ мірѣ святыню, невинное сердце беззащитной дѣвушки? Поведеніе твое низко.

—Стой! закричалъ Викторъ:—это обида нестерпимая.

Студенты сбѣжались; противники обмѣнялись вызовами и, какъ ни въ чемъ не бывало, пирушка пошла опять своимъ чередомъ: разгульно, весело и пьяно.

VI.

Вообразите себѣ огромную комнату, уставленную вдоль стѣнъ красивыми шкапами, наполненными книгами: большія съ одной стороны, маленькія съ другой. Видно, что хозяинъ любитъ акуратность и порядокъ. Переплеты всѣ на одинъ манеръ, а, для симетріи, тамъ, гдѣ не хватило книгъ, поставлены деревянныя спинки въ сафьянѣ. Посреди комнаты стоятъ три длинные стола, обтянутые зеленымъ сукномъ, съ чернильницами и прочими принадлежностями. У камина низенькія кресла и сафьянное канапе въ родѣ какой-то готической буквы. Надъ этимъ кабинетомъ вѣетъ геній Гамбса, великаго, безсмертнаго Гамбса.

У окна стоятъ ломаныя аристократическія кресла, съ пружинами и съ разными премудростями, которыхъ не въ силахъ я описать; сверхъ-того, въ комнатѣ еще замѣтно нѣсколько чинно-расположенныхъ

бумагъ, а чиновникъ ожидаетъ въ передней для доклада.

На этихъ ломаныхъ креслахъ растянутъ высокій старикъ, въ бархатномъ халатѣ; онъ то важно изволитъ играть съ собачонкой, то нюхаетъ табакъ изъ золотаго сундучка. На лицѣ его, кромѣ старости, написано еще что-то странное, ровно ничего незначущее.

Въ эту минуту вошелъ Викторъ, наканунѣ пріѣхавшій изъ университета. Почтительно приблизился онъ къ отцу и поцаловалъ у него руку.

—Что́ это у васъ на щекѣ? сердито спросилъ старикъ.

У Виктора была щека разрублена клинкомъ Эдуарда. Едва успѣлъ онъ залечить свою рану, какъ отецъ его вытребовалъ въ Петербургъ.

—Повѣсы, мальчишки, буяны! продолжалъ отецъ:—дрянь! Гувернёры даромъ только деньги берутъ: нѣтъ присмотра никакого, а порядка не спрашивай! Дѣти, мальчишки! Нѣтъ, братъ, полно гулять. Я въ твои лѣта былъ ужь гвардіи поручикъ, а ты что?—дрянь, мальчишка!

Викторъ былъ какъ на огнѣ.

Благородный поступокъ Эдуарда, несмотря на ихъ поединокъ, сильно подѣйствовалъ на него. Долго обдумывалъ онъ свои отношенія къ Эмиліи, которыя Эдуардъ, разгорячась въ первый разъ въ своей жизни, ему такъ откровенно обнаружилъ. Къ-тому же страсть, какъ пламень, жгла грудь его, помрачала разсудокъ его. Ему казалось, что она слилась съ его жизнью, что онъ обязанъ былъ жертвовать всѣмъ

для достиженія своей цѣли и что ему надо было, во что̀ бы ни стало, объясниться съ отцомъ.

—Папенька, прошепталъ онъ: — выслушайте меня.

—А? проворчалъ, оборачиваясь, старикъ.

—Папенька, выслушайте меня. Мнѣ двадцать лѣтъ; я самъ ужь въ такомъ возрастѣ, что могу мыслить и чувствовать самъ-собою. Что̀ бы вы сказали, еслибъ я просилъ у васъ права располагать своею будущностью?...

—Ну-съ.

—Я не рожденъ для вашего столичнаго быта; для меня мирная, уединенная жизнь, въ кругу семейномъ, была всегда цѣлью всѣхъ моихъ желаній. Меня не мучатъ ни честолюбіе, ни свѣтскія приманки...

—Чего же вы хотите?

—Я хочу, папенька, жить далеко отъ шума городскаго, вмѣстѣ съ той, которую я избралъ сопутницей моей жизни.

—А кто это ваша Дульцинея?

—Она дочь покойнаго... честнаго, хорошаго учителя.

Старикъ забылъ свое негодованіе и, схватившись за бока, четверть часа хохоталъ такъ сильно, какъ ему никогда еще не случалось. Испуганная собачонка залаяла, а Викторъ, краснѣя отъ гнѣва и отъ стыда, стоялъ какъ пораженный громомъ.

Старикъ успокоился и принялъ опять суровый видъ.

—Ахъ ты ребенокъ!... Вотъ чему тебя научи-

ли! Постой-ка, братъ, я тебѣ дурь эту выбью изъ головы. Вотъ-те на́, что́ выдумалъ! А все это оттого, что за вами нѣтъ присмотра, и порядка нѣтъ никакаго. Вздумалъ бы я разсуждать такъ съ покойнымъ батюшкой—а? Извольте ждать меня; мы сейчасъ поѣдемъ вмѣстѣ. Да пришлите мнѣ камердинера.

Начался туалетъ старика. Пригладивъ свои сѣдины, обрилъ онъ морщиноватую бороду и натянулъ черный фракъ. Одѣвшись такимъ франтомъ, вышелъ онъ въ переднюю, приказалъ сыну садиться съ нимъ въ карету, а чиновнику ласково сказалъ, потрепавъ его по плечу: «гм, гм! извини, любезный, что не могъ тебя принять. Гм. гм... мнѣ эти комитеты... гм... гм... братецъ, комитеты все время отнимаютъ... гм, гм!..»

Карета остановилась предъ пышнымъ домомъ важнаго вельможи и старикъ, взбираясь на роскошно-убранную лѣстницу, дѣлалъ сыну отеческое наставленіе.

«Тутъ говорить глупостей ненадо; будь скроменъ и робокъ; опускай какъ можно чаще глаза въ землю и отвѣчай только на вопросы, а самъ не говори ничего. Ты причисленъ къ *** Иностранныхъ Дѣлъ, и на-дняхъ отправишься въ чужіе краи сверхкомплектнымъ чиновникомъ при *** посольствѣ.»

VII.

Итакъ прощайте студентскіе годы, золотыя мечты; прощайте шумныя пѣсни и ночныя серенады подъ окнами Эмиліи! Нѣтъ ужь кипящаго стакана,

нѣтъ богатырскихъ рапиръ, нѣтъ свѣжести душевной, нѣтъ даже болѣе буйныхъ страстей: потокъ времени все унесъ и поглотилъ. Викторъ простился съ своимъ послѣднимъ очарованіемъ, съ очарованіемъ чужихъ краевъ.

Для молодаго человѣка, въ особенности для жителя сѣвера, мысль о чужбинѣ имѣетъ что-то магическое. Она неясно улыбается ему въ розовомъ туманѣ: то вдругъ предъ нимъ предстанетъ Римъ съ своими куполами, съ кардиналами и Тибромъ; то Венеція прекрасная развернется передъ нимъ, въ тихую лунную ночь, съ своими гондолами, съ мраморными дворцами, съ цѣлымъ міромъ таинственности и поэзіи, и ему кажется тогда, что въ дали онъ слышитъ звуки баркаролы, отрадной какъ сбывчивая надежда. Человѣкъ играетъ воображеніемъ какъ игрушкой: ему все хочется представить себѣ лучше, все выше существенности. Викторъ узналъ, что поэзія не существуетъ въ предметахъ, что видъ Рима, что гондолы Венеціи не навѣваютъ святаго восторга, когда душа устала, а умъ недоволенъ собой. Тщетно Викторъ рвался, негодовалъ и хотѣлъ противиться своей модной судьбѣ: невидимая желѣзная рука тащила его за собою въ міръ визитныхъ карточекъ и поддѣльныхъ цвѣтовъ. На чужбинѣ, какъ въ Петербургѣ, онъ видѣлъ всѣ желанія свои обманутыми; вездѣ нашелъ онъ тотъ же холодный разсчетъ, тѣ же убійственныя приличія, которыя назначили его быть вѣчнымъ секретаремъ посольства. Для него все сдѣлалось отрицательнымъ; онъ самъ постепенно сталъ принимать тѣ мнѣнія, которыя убили душу

его. Все его существованіе приняло какой-то сѣроватый оттѣнокъ, гдѣ никогда никакая яркая краска, никакой лучъ солнца не проглядывалъ. Скука, скука глупая, лѣнивая, усталая повсюду слѣдила за нимъ.

Тщетно разъѣзжалъ онъ по минеральнымъ водамъ: для такихъ болѣзней нѣтъ средствъ, нѣтъ даже названій, и путешествія ему наскучили. Какъ всѣ мечтатели, онъ хотѣлъ пройдти Швейцарію пѣшкомъ; но съ перваго дня онъ ужасно усталъ и сѣлъ опять въ свою коляску. Съ каждымъ днемъ чувства его притуплялись и приходили въ какую-то нравственную окаменѣлость. Къ женщинамъ онъ сдѣлался равнодушенъ. Польза казалась ему мечтой, жизнь и смерть—ничѣмъ.

Викторъ судилъ объ операхъ, щеголялъ своими тросточками, имѣлъ двухъ собакъ, славнаго повара и танцовщицу.

Въ чужихъ краяхъ онъ разъѣзжалъ въ своей коляскѣ, почему былъ прозванъ графомъ и получилъ два иностранные креста.

Гдѣ онъ ни останавливался, о немъ вездѣ говорили, что онъ любезный молодой человѣкъ и что удивительно, какъ русскіе легко могутъ выучиться иностраннымъ языкамъ, тогда-какъ нѣмцы и англичане, какъ бы ни старались они, всегда останутся нѣмцы нѣмцами, а англичане англичанами.

И Эдуардъ, съ своей стороны, тоже путешествовалъ, но съ цѣлью возвышенной, съ жаждой познаній, вѣчной его сопутницей. Пѣшкомъ прошелъ онъ всю Европу, останавливаясь во всѣхъ университе-

тахъ, бесѣдуя со всѣми учеными. Онъ возвратился на родину съ обильной жатвой воспоминанія и съ ящикомъ хирургическихъ инструментовъ — драгоцѣннымъ залогомъ памяти одного знаменитаго хирурга.

VIII.

Однажды жители извѣстнаго намъ городка, сидя съ чулками и съ трубками у оконъ, въ прекрасный лѣтній вечеръ увидѣли большую дорожную коляску въ шесть лошадей. Въ коляскѣ лежалъ, развалившись, сухощавый молодой человѣкъ, въ бархатномъ дорожномъ сюртукѣ и въ какомъ-то экзотическомъ картузѣ. Остановившись на ночлегѣ, онъ два раза заставилъ повторить себѣ имя городка, и съ примѣтнымъ смущеніемъ началъ разспрашивать о вдовѣ уѣзднаго учителя.

—Она около Мартина, отвѣчалъ трактирщикъ:—была неочень здорова: ходила въ церковь да простудилась.

—А дочь ея? спрашивалъ Викторъ.

—Такъ точно, продолжалъ глухой трактирщикъ:—она простудилась и три дня, кромѣ ромашки, ничего не брала въ ротъ.

—А дочь?..

—Я, ваша милость, всегда говорю своимъ дѣтямъ, что ромашка прекрасное средство противъ всѣхъ болѣзней, и всегда держу у себя маленькую провизію ромашки дома.

—А дочь, а Эмилія? повторялъ Викторъ.

—А дочь?.. дочь,.., да она слава Богу здорова;

только сынъ ея недавно что-то кашлялъ, такъ она, кажется, дала ему выпить ромашки.

—Какъ, сынъ Эмиліи? А кто же ея мужъ?

Мужъ Эмиліи былъ уже въ объятіяхъ Виктора.

Увидѣвъ его изъ окна, онъ поспѣшилъ на почтовой дворъ, чтобъ обнять стараго товарища.

—Эдуардъ!... закричалъ проѣзжій.

—Дá, братецъ, Эдуардъ. Ты видишь передъ собой уѣзднаго доктора, хирурга и акушера и притомъ женатаго на Эмиліи, на той самой Эмиліи, за которую мы когда-то крѣпко порубились. Была досада, было и чудное время. Помнишь ли наши коммерши, наши пѣсни? Но ступай ко мнѣ потолковать о старинѣ да выпьемъ-ка въ честь нашей академіи и нашей молодости бутылку стараго рейнвейна.

Подъ сѣнью трехъ липъ смиренно стоитъ низенькій домикъ, выкрашенный сѣрою краской, съ зелеными ставнями. Около домика маленькій дворъ, усыпанный пескомъ, а съ другой стороны небольшой садъ, наполненный цвѣтами, передъ широкимъ балкономъ, обтянутымъ холстомъ. На балконѣ сидѣла старушка съ ребёнкомъ на рýкахъ, а подлѣ нихъ Эмилія. Вдругъ послышался голосъ ея мужа; она бросилась къ нему на встрѣчу—и остановилась передъ Викторомъ.

—Узнаёшь ли ты гостя? спросилъ Эдуардъ.

Въ тихой, однообразной жизни Эмиліи знакомство ея съ Викторомъ было огненною точкой. Долго, долго помнила она русскаго студента, который такъ искусно умѣлъ приноровливать рѣчи свои къ ея понятіямъ и такъ часто невидимо носился передъ нею,

страстный и умоляющій, въ часы безсонницы и грусти непонятной. Неожиданное событіе вдругъ все измѣнило. Старушка-мать отчаянно занемогла. Эмилія забыла свои земныя помышленія и завлекательные планы. Всѣ ея занятія мысли, надежды сосредоточились въ страждущей матери. Въ то самое время возвратился изъ-за границы Эдуардъ съ блистательными аттестатами. Съ радостью взялся онъ раздѣлять попеченія и труды Эмиліи. Оба вмѣстѣ, съ горячимъ чувствомъ вѣры и покорности къ Провидѣнію, сидѣли у кровати страждущей старушки, и души ихъ сливались въ одномъ общемъ желаніи. Тогда Эмилія начала понимать, что любовь истинная основана на общемъ страданіи и на общей молитвѣ. Она начала понимать, что любовь истинная — чувство спокойное, высокое, торжественное, отголосокъ неба на землѣ, и что эта любовь только можетъ быть залогомъ истиннаго блаженства. Благодаря искусству Эдуарда, старушка выздоровѣла. Эмилія видѣла въ молодомъ докторѣ спасителя своей матери. Привязанность ея къ нему каждый день болѣе и болѣе возрастала. Они были обвѣнчаны.

При появленіи Виктора Эмилія смутилась, но, взглянувъ на мужа, на мать и на сына, она уже увидѣла въ немъ только товарища Эдуарда и дружелюбно его привѣтствовала, какъ стараго знакомаго.

—Жена, сказалъ Эдуардъ: — принеси намъ бутылку гогеймера; а ты, товарищъ, ступай ко мнѣ въ кабинетъ. Ты видишь — все постарому: все тѣ же разбросанныя книги, кости и инструменты. Вотъ мой плащъ въ углу, вотъ мой Stammkopf (завѣтная

трубка), вотъ моя студентская фуражка. Ты видишь: вся старина моя со мной; но, признаюсь тебѣ, какъ тогда хорошо ни было, а теперь лучше.

Рейнвейнъ принесенъ. Стаканы полны.

—За здоровье академической жизни! сказалъ Эдуардъ.

—И супружескаго счастія, прибавилъ Викторъ.

Старые студенты обнялись и осушили стаканы до дна.

—И такъ, продолжалъ докторъ:—ты теперь богатый человѣкъ и много у тебя друзей, знакомствъ и занятій, по среди этого шума вспомни иногда, что есть въ нѣмецкомъ городкѣ бѣдный докторъ, который всегда тебя встрѣтитъ въ своемъ уголкѣ съ чувствомъ истинной дружбы. Въ тебѣ было много безразсуднаго, но и много хорошаго; голова пылкая, сердце доброе. Я часто жалѣлъ о тебѣ, но любилъ тебя всегда, даже когда и ссорился.»

—Да, продолжала Эмилія: — не забывайте насъ въ вашей столицѣ. Мы часто о васъ съ мужемъ вспоминаемъ въ зимніе вечера, грѣясь у камина.

Бесѣда летѣла весело и откровенно. Викторъ ожилъ старою жизнью и старою молодостью. Всѣ воспоминанія старины являлись поочередно одно за другимъ; ни одинъ профессоръ, ни одна дѣвушка не были заботы; буйные анекдоты, смѣшные и трогательные разсказы быстро летѣли другъ за другомъ. Наговорившись до-сыта, товарищи разстались.

Картина семейнаго счастія долго оставалась въ глазахъ Виктора. Тихая, уединенная жизнь, скромный домикъ, всѣ безроскошныя удовольствія жизни,

прекрасная, любимая хозяйка, спокойствіе душевное и полезныя занятія... Викторъ все это видѣлъ, все это понялъ и поскакалъ въ Петербургъ, гдѣ ожидало его богатое наслѣдство покойнаго отца.

НЕЧИСТАЯ СИЛА.

Не запомню я въ какой губерніи... да не къ чему и помнить, въ большомъ селеніи, чтó лежитъ на большой дорогѣ, жилъ былъ мужичокъ именемъ Тарасъ, по прозванью слабая голова. Тарасомъ былъ онъ названъ при святомъ крещеніи, а слабой головой прозвали его товарищи отъ страннаго его нрава. Бывало, кто ни встрѣтится, тотъ ему и кумъ и сватъ; куда ни позовутъ, туда и идетъ. Въ церковь позовутъ, идетъ во храмъ Божій; въ кабакъ ли зазываютъ, и отъ кабака не прочь. Чтó ни говорятъ ему, тому и вѣритъ, словно своего ума-разума нѣтъ, чтобъ разсудить, чтó ладно, а чтó нѣтъ. А парень былъ онъ не глупый и весь, кажись, хоть куда. Силой и дородствомъ Богъ его не обидѣлъ, зачастую хмѣльнымъ не зашибался, подати вносилъ въ срокъ и крестьянскую свою повинность исправлялъ какъ слѣдуетъ. Достатокъ былъ у него, слава Богу, какъ желать только можно: три, или четыре лошадки, коровы двѣ и съ телятами, а о прочей живности и говорить нечего. Земли тоже вдоволь — не занимать стать: на святой Руси есть гдѣ разгуляться. Утварью всякой изба полнёхонька; а изба-то, ужь можно сказать не то, чтобы черная какая или соломой крытая, изба новёшенькая, вся крытая тёсомъ, купленнымъ съ барокъ; наличники съ рѣзьбой, а ставни расписныя съ красными цвѣтами, такъ-что и из-

дали глядѣть весело. А на дворѣ и сарай, и амбары, и хлѣва; кругомъ заборъ и дубовыя ворота—все въ исправности, все въ порядкѣ... Кажись, жить бы только да благословлять Господа, что милуетъ... Иной разъ и Тарасу любо, и Тарасу по́-сердцу; а въ другой разъ скажетъ ему недобрый человѣкъ глупое слово—и взбѣленится Тарасъ, начнетъ чепуху городить... Всего ему мало, все не въ прокъ... все будто чего-то хочется. А спросишь чего?—самъ не знаетъ... Иной подумаетъ, что онъ бобылемъ маялся безъ отца и матери, безъ рода и племени—такъ нѣтъ, и тутъ Божіе благословеніе. Отецъ, правда, померъ, ну да мать жива, набожная старушка, тихая, не причудливая, не бранчивая, хлопочетъ себѣ въ уголку, не то чтобъ въ тягость, а еще по хозяйству помогаетъ, иной разъ и въ амбаръ сходитъ и пирогъ испечетъ и скотинку накормитъ. А хозяйка-то, хозяйка у Тараса! народъ со стороны только дивуется да завидуетъ: кровь съ молокомъ, румяная, плотная, здоровая, работаетъ цѣлый день, не складываетъ рукъ и дурнаго слова, родясь, не говорила. Со свѣчей поискать бы другую, такъ и тутъ не найдешь. Съ свекровью живетъ она душой въ душу, а вѣдь это, я слыхалъ, рѣдкость на селеніи, не знаю какъ въ городахъ. И дѣти есть у Тараса: сынокъ пяти годовъ, а дѣвочкѣ никакъ третій годокъ пошелъ.

Тарасъ, какъ сказано, мужикъ хоть куда, въ полѣ молодецъ, за троихъ дѣло исправитъ, коли есть только охота. И дома даже на все мастеръ: и плотникъ при случаѣ, и сапоги сошьетъ не хуже любаго сапожника. А какъ изба-то у него лучшая на селѣ,

такъ нерѣдко къ нему и проѣзжіе заворачиваютъ, поотдохнуть маленько, лошадей покормить, а иной разъ и переночевать. Оттого и перепадаетъ у Тараса рубль лишній, а онъ и задумаетъ отложить его на черный день, да выходитъ все иначе. На селѣ много охотниковъ погулять на чужой счетъ; знаютъ, что у Тараса голова слабая. «Угости, братъ», говорятъ, «что это за деньги — дрянь, и беречь не стоитъ. Чортъ ли тебѣ въ копейкахъ. Сотню отложить бы можно, а на пятакахъ далеко не уѣдешь. Лучше ужь уважить православныхъ». А Тарасъ и радъ, и не думаетъ, что изъ копеекъ-то дѣлаются рубли, а изъ рублей и сотни. Возьмутъ ширамыжники Тараса подъ-руки, да и поведутъ въ питейный... А въ питейномъ такія онъ слышалъ рѣчи, что ужасъ беретъ. Пьяному море по колѣно. Все ни по чемъ, Бога не боится, власти не признаетъ, всѣмъ недоволенъ, на все готовъ, было бы только что̀ пропить. Слушаетъ Тарасъ страшные разсказы. Токой-то удалый парень своровалъ и разжился—вотъ какой-де молодецъ! Другой зарѣзалъ на большой дорогѣ, потомъ въ городъ переѣхалъ и лавку открылъ. Есть же людямъ счастье! Сперва Тарасъ вздумалъ-было бѣжать вонъ, а тамъ мало-по-малу и свыкся съ грѣховодниками, и самъ началъ помышлять недоброе. «Эка, говоритъ, доля моя горемычная: чѣмъ свѣтъ вставай, запрягай кобылку, ступай въ поле; не то̀, чтобы даромъ кроху дали—выспаться некогда; души отвести не дадутъ: батракомъ майся вѣкъ вѣчный да и только. А вотъ живутъ же люди. все у нихъ по бархату: стоитъ захотѣть только. За нихъ

и землю пашутъ, и хлѣбъ молотятъ и булки пекутъ, а они ѣдятъ-себѣ да похваливаютъ. И вина вдоволь... не то чтобъ пѣнникъ простой, вино пьютъ заморское, виноградное. А чѣмъ они лучше? Деньги есть—вотъ въ чемъ сила... Такъ что же... Съ деньгами я буду человѣкъ... такой же... А то нищій, нищимъ живешь, и подумать нельзя, чтобы каждый день гулять съ пріятелями. Видно, ужь судьба моя горемычная! Ну что мнѣ прока, что изба у меня хорошая и тесомъ крытая? Какъ ни говори, все-таки изба; а вотъ въ городѣ такъ я видѣлъ домы каменные, желѣзомъ крытые. Нёбось мнѣ этакого дома и въ цѣлый вѣкъ не нажить. Тулупъ-то на мнѣ есть, да и другой, новый, сукномъ покрытый лежитъ въ сундукѣ. А вотъ недавно видѣлъ я на проѣзжемъ купцѣ шубу, такъ ужь не моей чета: вся лисья... Послѣ и на новый тулупъ глядѣть не хотѣлось. Стыдно стало... Ну что бы мнѣ такую шубку достать?»

Тарасъ! Тарасъ! слабая голова, не слушайся нечистой силы: не доведетъ она тебя до добра. Вздоромъ ты, братъ, промышляешь. Поразсуди да подумай: сколько на селѣ есть такихъ хозяевъ, у которыхъ ни избы нѣтъ хорошей, ни скота твоего, ни хлѣба, что́ у тебя подъ ключомъ, а живутъ-таки себѣ и не гнѣвятъ Бога жалобой! Будешь и ты богаче, и домъ будетъ у тебя каменный, и шуба хоть изъ соболей, пожалуй, а все ты будешь недоволенъ. Домъ малъ будетъ—давай палаты; будутъ палаты—давай городъ. Все тебѣ будетъ мало. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. А того ты не знаешь, что богатство не для того, какъ ты думаешь, чтобъ въ ка-

бакѣ пьянствовать или сиднемъ сидѣть да мухъ ловить. И богатой тоже пахать долженъ, только посвоему: кто мечемъ противъ врага бусурмана; кто головой, и перомъ на службѣ царской; кто въ лавкѣ, на базарѣ, на пристани, на фабрикѣ, чтобъ было каждому православному чѣмъ и одѣть себя и сытымъ остаться. Трудъ заповѣданъ человѣку Богомъ. Забылъ ты, что́ сказано въ Святомъ Писаніи: *Въ потѣ лица своего снѣси хлѣбъ твой.* Отъ мала до велика каждый трудиться долженъ. Этимъ и свѣтъ стоитъ. А тебѣ-то, Тарасъ, и трудъ не тяжелый; есть съ кѣмъ отдохнуть и слово перемолвить: Богъ благословилъ тебя и хозяйствомъ и семействомъ. Мать-старушка въ тебѣ только и душу видитъ, и вскормила тебя, и наградила и глазъ съ тебя не спущаетъ. Хозяйка твоя примѣрная, можно сказать, ребята соскучиться не дадутъ. Или ты понять не хочешь, что лучшаго тебѣ, въ званіи твоемъ, и желать нельзя. Иной въ городѣ и съ каменнымъ домомъ, а бѣднѣе тебя, потому-что терпитъ, по-своему, недостатокъ, а у тебя, слава Бо́гу, еще во всемъ излишекъ. Берегись, Тарасъ, нечистой силы: погубитъ она тебя.

Но Тарасъ — слабая голова. Пасмуренъ сталъ; ходитъ-себѣ ходенёмъ. Свѣтъ постылъ... Нищій да и только: и того нѣтъ, и другаго бы надобно. А о томъ, что́ есть, ни полъ-слова, и въ поминѣ нѣтъ, и спасибо не скажетъ. Точно ужь быть такъ должно. Одно только лѣзетъ ему въ голову, какъ бы разбогатѣть ему и съ друзьями-широмыжниками гулять безъ отдыха. Вотъ и задумалъ онъ мало-по-малу

всякое нечестивое, а нечистая сила нашептывала ему: «брось совѣсть, не бойся грѣха. Послушай меня... будешь самъ бариномъ... Послушай меня!»

И послушалъ Тарасъ, и вотъ какъ было дѣло.

Однажды въ весеннее время, вечерня ужь отошла. Тарасъ сидѣлъ-себѣ въ избѣ облокотившись на подоконникѣ и закручинился. Хозяйка его спозаранку отправилась верстъ за 18 въ село, откуда была взята, къ роднымъ, и дѣтей съ собой повела. Былъ тамъ храмовой праздникъ. Ушла сутокъ на трое, хоть скрѣпя сердце, какъ-бы чуя, что не передъ добромъ. Хозяйство передала она тещѣ и отправилась благословяся. Нельзя же родныхъ не навѣстить и не утѣшить. Никакъ седьмой годъ не видались.

Отправилась хозяйка. Старушка хлопочетъ-себѣ, суетится, да потихоньку шепчетъ молитву. Сказать надобно правду: Тарасъ былъ сынъ почтительный, старуху почиталъ и уважалъ, и заповѣдь Божью помнилъ. Она бы и могла родительскимъ приказомъ удержать его отъ непохвальныхъ дѣлъ... да года-то ея подошли такіе, да и любила-то она единственное свое дѣтище слишкомъ ужь больно, такъ-что на иное глядѣла она сквозь пальцы, а другаго не видала вовсе.

Сидитъ Тарасъ на лавкѣ и крѣпко осердчалъ. Дома нѣтъ гроша: все ушло на угощеніе; все пропито веселымъ народомъ.

«Эхъ! (думаетъ Тарасъ) доля моя горькая. Терпи себѣ нужду. Вотъ только-что разгулялся, а тутъ и казны не хватило. Нѣтъ ужь была не была... не даромъ научили меня пріятели какъ разбогатѣть мож-

но... Возьму грѣхъ на душу, а ужь этакъ маяться не буду...»

И не вѣсть чтó передумалъ Тарасъ—страшно вымолвить. Думалъ-себѣ до самой ночи... какъ вдругъ кто-то брякнулъ въ ворота.

«Эва! никакъ звѣрь на ловца бѣжитъ», подумалъ Тарасъ да и вышелъ за ворота поглядѣть.

Видитъ—у воротъ стоитъ кибитка парой, а изъ кибитки вылѣзаетъ дюжій ржевскій купчина, который уже не одинъ разъ ночевалъ у него на перепутьѣ, по дорогѣ на ярмарку.

—Никакъ, Вавила Андреичъ? спросилъ Тарасъ.

—Небось узналъ старый знакомый, отвѣчалъ, смѣясь, пріѣзжій:—Вавила Андреичъ и есть... Весь налицо... Видишь, ужь не проѣду мимо, не обижу стараго пріятеля... Такъ прямо къ тебѣ и заворачиваю... Да что ты глаза-то вытаращилъ? Гостей на порогѣ не оставляютъ. Можно въ свѣтелку?

—Можно...

—Съ нашимъ удовольствіемъ... Знатное дѣло, кости маленько порасправить и чайку напиться. Дорогой растрясло-таки порядкомъ. Ну, все ли тебя Богъ милуетъ?

—Постарому.

—Хорошее дѣло. Хозяйка дома?...

—Нѣтъ. Къ роднымъ ушла.

—Сожалительно. Просимъ поклонъ отдать отъ насъ.

Старушка, завидѣвъ гостя, бросилась къ самовару, раздула уголья, развела кипятокъ, а потомъ на-

крыла столъ скатертью, приготовила чай и, поклонившись, просила кушать на здоровье.

Гость снялъ шапку, перекрестился передъ образами и началъ распоясываться. Изъ-за пазухи вынулъ онъ толстый бумажникъ и положилъ подлѣ шапки на столъ.

У Тараса глаза разгорѣлись. Бумажникъ такъ и тянетъ къ себѣ. Вотъ такъ бы и схватилъ его... а нечистая сила шепчетъ на ухо: «не пропусти случая... вотъ оно и богатство передъ тобой; стоитъ только руку протянуть».

Купецъ принялся попивать чаекъ и прикрякивать.

—Что жь Тарасъ, не хочешь ты выпить со мною парочку?...

—Нѣтъ, спасибо.

—Э, братъ, полно... Знатный чаекъ... Такого чая и на ярмаркѣ не во всякой харчевнѣ найдешь.

—Вы съ ярмарки? спросилъ Тарасъ.

—Съ ярмарки, братъ. Вчера только и дѣла порѣшили и расчеты покончили.

—Ладно, что ли?...

—Да ужь что̀ говорить неправду... Грѣхъ по напрасну на душу брать... Знатно покончили... то есть ненадобно лучше... Вишь какъ его раздуло, продолжалъ, смѣясь, купецъ и показалъ на бумажникъ.

—Тысяча будетъ...

—Вотъ плевое дѣло... Да изъ этой дряни я и рукъ бы марать не сталъ... Подымай выше. Хочешь подарю?...

Тарасъ поблѣднѣлъ.

—Ненадобно.

—Вотъ ужь и ненадобно!.. Ужь взялъ бы. Полно притворяться... Вѣдь братъ, деньга великое—дѣло. Съ деньгой все достать можно... что только затѣялъ—всего будетъ вдоволь... Да что это съ тобой? Нездоровъ, что ли? Угорѣлъ видно.

—Угорѣлъ.

—Выпей чего-нибудь...Ну да полно тарабарить... Дорожному человѣку пора и отдохнуть маленько... Ты гдѣ спишь?

Въ сѣняхъ...

—А старуха твоя?

—Матушка спитъ въ чуланѣ, за перегородкой.

—Такъ на полатяхъ можно будетъ, примѣромъ сказать, хоть бы и мнѣ расположиться?

—Просимъ покорно.

—Съ нашимъ удовольствіемъ. Мѣсто знатное, тепленькое... Какъ разъ выправишь суставчики.

Веселый гость взлѣзъ на полати, подложилъ себѣ подъ голову бумажникъ и шубу, а потомъ, помолившись, пожелалъ хозяевамъ доброй ночи и растянулся на войлокѣ. Старушка, прибравъ посуду къ мѣсту, помолилась тоже Богу, а потомъ, кряхтя и кашляя, съ молитвою уложилась на свою скамью.

Тарасъ выбѣжалъ въ сѣни, а изъ сѣней на порядокъ, и долго бѣгалъ по порядку, словно пьяный какой. На дворѣ была ночь. Звѣздочки весело играли на небѣ. Вѣтерокъ качалъ рябины. На селѣ все спало мертвымъ сномъ. Все было спокойно въ Божьемъ мірѣ. Въ душѣ Тараса только не было покоя: на Тараса находила кровавая хмѣль, Тараса терзала нечистая сила.

«Что жъ?» говорила она ему на-ухо: «смѣется онъ надъ тобою, что подаритъ. Да ты и самъ взять можешь. Руки у тебя на что? Взялъ, отнялъ, шею свернулъ, ножомъ пырнулъ — да и вся недолга... Ну и запряталъ куда-нибудь. Человѣкъ проѣзжій... Пріѣхалъ ночью — никто и не видалъ его: кто станетъ отыскивать? А тамъ забралъ денежки да только и знай, что щи хлѣбать, да пирогами закусывать, да съ друзьями гулять. Жену одѣнешь въ парчу, старухѣ подаришь бархатный полушубокъ... Ребятишки и въ будни будутъ ходить у тебя въ красныхъ сапогахъ... А самъ — баринъ — баринъ да и только».

Часа два бѣгалъ Тарасъ по селу. И хочется и колется... Грѣхъ тяжкій, да ужь семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ... Согрѣшу разъ, говоритъ, такъ и быть, а тамъ ужь стану хорошимъ человѣкомъ.

Вдругъ онъ рѣшился и побѣжалъ домой.

А покамѣстъ купцу не спалось съ дороги на теплой лежанкѣ. Зѣвалъ онъ себѣ, зѣвалъ, поворачивался, потягивался — не спится да и только... Старуха начала кашлять.

— Эй, тетка? спросилъ купецъ.

— Что, родимый?

— Никакъ больно истопили съ вечера.

— Топили родимый... Тѣсто готовили къ завтраму. Видно, паритъ слишкомъ?

— Не то бѣда: паръ костей не ломитъ, да вотъ съ дороги не спится, хоть тресни. Ужь не черезчуръ ли горячо въ самомъ дѣлѣ?

— Да что, родимый, спросила старуха, не хочешь

ли на мое мѣстечко? Посвѣжѣе будетъ .. А мнѣ на старость такъ лишнее тепло не помѣшаетъ.

—И то дѣло, сказалъ купецъ

И взявъ шубу и бумажникъ, ощупью пробрался на мѣсто старухи, а старуха взлѣзла на полати. Потомъ оба немного помаялись и благополучно себѣ заснули.

Вотъ вполночь ворота скрипнули. Идетъ Тарасъ, блѣдный и весь трясется... Вотъ остановился онъ въ сѣняхъ и чего-то ищетъ. Шаритъ въ углу... шаритъ... наконецъ нашелъ... У Тараса въ рукѣ топоръ... Идетъ къ дверямъ... Берегись Тарасъ! Еще шагъ—будешь убійца... Тарасъ остановился... Вспомнилъ жену, дѣтей... какъ станетъ онъ глядѣть на нихъ?... Стыдно стало... вздумалъ назадъ бѣжать, а нечистая сила шепчетъ: «Эва трусъ какой! На словахъ только храбриться умѣешь, а прійдетъ дѣло—и на попятный. Дрянь а не человѣкъ». Тарасъ подошелъ къ двери. Ну дѣло рѣшено. Въ покоѣ зги Божьей не видно. Никто не пошевелился. Слышно, спятъ. Тарасъ взлѣзъ на прилавокъ и прямо къ полатямъ... Вотъ наткнулся на человѣка... Берегись Тарасъ!... а нечистая сила шепчетъ себѣ: «Ну не плошай теперь... Покажи себя. Полно таскаться нищимъ. Будешь богатъ и народъ станетъ тебѣ завидовать, да въ-поясъ кланяться». Одурѣлъ Тарасъ, схватилъ топоръ обѣими руками да и размахнулся со всѣхъ силъ. Слышитъ, подъ нимъ застонало, захрипѣло, и умолкло. Топоръ вошелъ во что-то мягкое и остановился въ доскѣ. Горячая струя крови брызнула прямо въ лицо. Да Тарасу не до этого... Онъ ищетъ бумажника... ищетъ... щупаетъ... Странное, диковинное

дѣло!... Подъ пальцами не чувствуетъ онъ ни суконнаго кафтана, ни шубы, подъ пальцами чувствуетъ онъ кумачный сарафанъ. Это что́ такое? Нѣтъ! Быть не можетъ. Вдругъ возопилъ онъ страшнымъ голосомъ, но такимъ ужаснымъ и пронзительнымъ, что на другомъ концѣ селенія, вѣрно, было слышно.

Купецъ вскочилъ въ чуланѣ и спрашиваетъ съ просонья:

—Что случилось?

Нѣтъ отвѣта.

Купецъ выбѣжалъ въ сѣни, отыскалъ лучину, высѣкъ огня и снова бѣжитъ въ покои.

Вотъ что́ онъ увидѣлъ:

На полатяхъ лежала мертвая старуха съ разрубленнымъ черепомъ; передъ ней блѣдный, какъ полотно, стоялъ на колѣняхъ Тарасъ, съ руками закинутыми за затылокъ, съ вытаращенными глазами и разинутымъ ртомъ. Ни одинъ членъ его не двигался, словно окаменѣлъ совсѣмъ... Страшно было взглянуть на него.

Купецъ выбѣжалъ на дворъ, началъ стучать въ избы, скликать народъ. Разбудили сотскаго. Собрались крестьяне старый и малый, и крестьяне вошли въ избу. Смотрятъ: Тарасъ все стоитъ на томъ же мѣстѣ. Руки закинуты за затылокъ; глаза неподвижны; ротъ разинутъ. Всплеснули руками православные при неслыханномъ злодѣйствѣ, а Тарасъ все стоитъ и руки не подвинулъ и глазо́мъ не повелъ и рта не покривилъ. Стоитъ — словно вкопанный, словно самъ мертвый. И такъ стоялъ онъ, пока

не наѣхалъ судъ, не надѣли на него кандалы и не отвели душегубца въ тюрьму.

Черезъ три дня съ небольшимъ, хозяйка Тараса, отгостивъ у родныхъ, возвращалась домой. На рукахъ несла она малаго ребенка, а старшаго вела за руку. Вотъ подходитъ она къ избѣи, хочетъ войдти... Эва притча какая! ворота заперты, ставни заколочены, ни души живой въ цѣломъ домѣ. Она къ сосѣдкѣ— сосѣдка отворачивается и крестится; она къ другой— другая тоже. Идутъ мужики мимо нея, шепчатъ что-то, и не слушаютъ ее, словно никогда и не видали. И вотъ идетъ она къ священнику. «Надоумьте, батюшка, что это безъ меня случилось?» И священникъ сказалъ ей страшную истину: «Ступай, говоритъ, въ церковь Христову: Богъ подкрѣпитъ тебя». И пошла она, горемычная, къ святому алтарю, повалилась передъ святой иконой и залилась горючими слезами. Жаль было ей не мужа-преступника, ни себя безталанной, потому-что вѣкъ ея коротокъ и дѣло ея рѣшеное, идти за каторжникомъ въ ссылку, не оставлять же его въ бѣдѣ—жаль было бѣдныхъ сиротъ, которымъ вѣчно оставаться безъ ласки и призрѣнія. Дѣти они убійцы!

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

3 2044 010 093 961

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
BOOK DUE
FEB 1 0 1990

WIDENER
SEP 1 0 1993
BOOK DUE

